

Алексей Ефимов Олег Верещагин
Шаг за грань

Хрустальное яблоко – 2

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег Верещагин

Алексей Ефимов

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3001535
«Шаг за грань»: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-53977-2

Аннотация

Исчезла Медленная Зона – и перед человечеством открылись просторы Вселенной. Казалось бы, нужно только радоваться предстоящим встречам с «братьями по разуму». Но Император Василий VI не скрывает своей озабоченности этими перспективами: «Не только нам откроется Вселенная. Мы тоже откроемся для Вселенной... Любой корабль любой расы отныне сможет достичь Земли – и никто не поручится, что намерения гостей окажутся добрыми... Мы пока что ничего не знаем о том, огромном мире – но мы должны быть готовы ко всему, даже к вторжению... Времени осталось очень мало – и поэтому я, как и мой коллега, Император Англо-Саксонской Империи, Его Величество Эдуард VII, объявляем на Земле военное положение...»

Увы, правитель Русской Империи оказался прав – и земляне вынуждены вести войну на выживание...

Олег Верещагин, Алексей Ефимов Шаг за грань

1. Распахнутая дверь *Двадцать девятый год Промежутка*

Десятилетний Борька Рокотов, сердито всхлипывая, рассматривал в зеркало ванной свою губу. Оттопыренная, она и без этого казалась втрое больше, чем обычно. Хотя – какой там «казалась», она такой и была, а изнутри ее «украшала» черная рана.

Губу Борьке разбил его лучший друг Витька Галюшин буквально двадцать минут назад. Начиналось все вполне обычно. Встретившись после школы, мальчишки, как договаривались, отправились на Волгу – проверить первый раз поставленные этой весной раchy вентеря. Там они вздули двух пиратов с противоположного берега, которые тоже решили проверить вентеря, только чужие – пираты бесславно бежали, оставив ликующим победителям в качестве трофеев одно весло, две пары кедров и удочку. Борька и Витька решили немедленно, что агрессоры были на год («не, на два...», «да не, ты помнишь, здоровые такие, я прям до носа еле допрыгнул – на три!..») старше, и отпраздновали победу костром и прыжками вокруг него с дикими воплями, от которых лягушки в затоне массово попадали в воду в обмороке. Потом оказалось вдобавок, что раков попалось немерено.

И вот тут все и произошло. Витька немедленно заявил, что самый большой рак у него. Он, Борька, вежливо указал, что – нет, фиг, вот самый большой – клешни как раздвинутые пальцы на руке – и он в *Борькином* вентере. И честно предъявил рака. Тогда Витька мерзко засмеялся и безосновательно ответил, что это только так кажется потому, что у Борьки руки маленькие, как у девчонки.

Борька въехал лучшему другу в ухо...

...Раскрытые вентеря упали с обрыва, и раки обрели свободу, положив конец спору о своей величине. Кроме того, утонули сами вентеря. Друзья заметили это уже позже, так как в тот момент они, окончательно потеряв человеческий вид, с урчанием, визгом и прочими малочеловеческими звуками катались вокруг костерка, терзая друг друга совершенно беспощадно и собирая на одежду весеннюю траву, грязь и пепел. Расцепились они только когда вкатились в костерок.

Оба являли собой жалкое зрелище – перепачканные, режущие от ярости в два ручья каждый, встрепанные. Но Борьке повезло меньше – Витька успел заехать ему головой в подбородок – видимо, случайно – и вот...

...Набрав в рот жидкость для полоскания, мальчишка тихо заныл и, поспешно плюнув в раковину, стал яростно полоскать рот водой, приплясывая на месте от жжения. Потом опять исследовал рану и вздохнул. Да уж. И это еще никто не видел – он пробрался домой

через огород, таясь за свежей зеленью... Одежду засунул в стирку в надежде: мама решит, что «это уже давно тут лежит», переоделся, пригладился более-менее... но вот губа...

Борька опять всхлипнул и поклялся, что больше никогда Витьке словечка не скажет, раз он такой гад, предатель, да еще и по лицу головой бьет. Все. Дружба кончена. Навечно.

От этой мысли мальчишке стало совсем плохо, и он поплелся к себе в комнату – точнее, в комнату, которую делил с двумя младшими братьями. В голову лезли мысли, что драку вообще-то начал он сам, воспоминания, как ошалело моргал Витька, когда уселся на землю от удара в ухо, раздумья о том, что ухо у Витьки распухло, как вареник, и гудит, наверное...

А все равно сам виноват!!!

Усевшись на ковер, мальчишка включил телевизор. Новенький, стерео. Низачем включил, просто надеясь наткнуться на какую-нибудь передачу, которая его развеселит – ничего из любимых Борькой программ (типа документалок про освоение Солнечной, мультиков серий «Витязи» и «Серый конь мой» или концертных программ по старым песням) в это время еще не шло.

А включив – вздрогнул от неожиданно и властно вторгшихся в комнату звуков гимна «О, Россия!» и поднял голову. На фоне развевающегося государственного флага с гербом Империи сидел в кожаном кресле с высокой спинкой и смотрел прямо на Борьку...

...Борька ошалело уставился в экран. Личное обращение Императора к согражданам было чем-то неслыханным – ведь Император не политик из прошлого, ему нет нужды поднимать свою популярность дешевыми обещаниями. *К нему* мог прийти любой. *Он* приходил к людям редко... Да и оторвать все русское население Земли и других планет Солнечной системы от их важных и интересных дел – это не фунт изюму. Вне всяких сомнений, предстояло услышать нечто... нечто экс-тра-ор-ди-нар-но-е. Необычное, на взрослом языке.

И Борька не ошибся.

Всем знакомое по стерео помещение отнюдь не поражало роскошью, напротив, это был самый обычный кабинет человека, который работает всерьез и много – и лишь многочисленные терминалы спецсвязи давали понять, какова власть обитателя этого кабинета.

Сам Его Величество Василий тоже не слишком походил на Императора – невысокий, подтянутый мужчина, с узким, почти лисьим лицом и коротко подстриженными светлыми волосами. Он был одет в гвардейский офицерский мундир без знаков различия. Трудно было поверить, что еще в бытность наследником престола этот человек заслужил репутацию одного из лучших пилотов Солнечной системы, а позднее стал автором нескольких блестящих работ по гиперфизике. Все знали, что космос был страстью Его Величества – за десять лет его правления население внеземных колоний, и до того немаленькое, увеличилось вдвое, а внеземная промышленность – едва ли не вчетверо. Сам Его Величество еще в двадцать лет прославился полетом через хромосферу Солнца на им же сконструированном корабле – подвиг, не удававшийся доселе никому и принесший уникальные научные результаты, – а позднее руководил не менее уникальной «глубокой» экспедицией в атмосферу Юпитера, которая поглотила не одного отличного пилота-исследователя.

Солнечная система была велика – и неизученного в ней должно было хватить еще на тысячелетия, – но ни один мир в ней, кроме Земли, не был изначально пригоден для жизни, и это совсем не нравилось Борьке – в свои девять лет он прямо-таки бредил далекими планетами, по которым можно ходить без скафандра. Ждать, когда полностью сработает на Марсе и крупнейших спутниках планет-гигантов проект «Атмосфера»? Долго... скучно... Но тут уж ничего не поделаешь – межзвездные полеты невозможны. Хотя гипердвигатель был создан более полувека назад, его нельзя было использовать – мощности реакторов не хватало, чтобы совершить прыжок, и после нескольких катастроф исследования в этой области закрыли. А три посланных в Дальний Космос «медленные» экспедиции на кораблях с работающими на межзвездном водороде термоядерными двигателями Буссарда так и не

вернулись и быстро перестали даже выходить на связь... Поначалу казалось, что постепенное развитие земной техники решит эту проблему, но уже через несколько лет ученые развели руками – они уперлись в потолок, обусловленный самими физическими законами. Альтернативой гиперприводу мог стать только квантовый двигатель, но вот его-то никак не получалось создать.

– Господа, – начал Его Величество, и его голос зазвенел торжеством. – Друзья. Братья мои и сестры... – Борька вдруг изумленно понял, что Его Величество... ой, нет... не может быть... *волнуется* ! Мальчик подобрался и аж наклонился к экрану в готовности ловить каждое слово. «Вы только скажите, – мелькнула горячая мысль, – а уж мы... мы...» – На данный момент у нас есть все основания утверждать, что проблема, беспокоившая человечество последние полвека – проблема недостижимости звезд, – на самом деле коренится вовсе не в бессилии земной науки, как мы, увы, уже привыкли считать. Все вы знаете, что задача перехода в гиперкосмос нами давно решена, вопрос лишь в энергии, которую наши реакторы не в состоянии обеспечить. Человечество оказалось заперто в Солнечной системе. Мы не могли исследовать Галактику непосредственно, но тем усерднее вели астрономические наблюдения. И недавно наши ученые – профессор Белозерцев из Петербургского института гиперфизики и профессор Джон Кауфман из Эдинбургского астрофизического института – совершили поразительное открытие. На самом деле многие физические законы, которые мы привыкли считать чем-то вечным, вовсе не являются неизменными. По некоторым, до сих пор еще неизвестным причинам вся центральная часть нашей Галактики оказалась погружена в зону, в которой не действуют гиперприводы – и, следовательно, невозможны межзвездные полеты. Но, как нам удалось установить, эта зона медленно – конечно же, по астрономическим меркам, – но неотвратимо *сжимается* . И от имени всей Империи я заявляю – уже в ближайшее время – ближайшее время по меркам человека, его жизни, а не меркам Вселенной – настанет момент, когда звезды во всем их манящем величии станут близки нам! По самым последним расчетам, нам осталось ждать не больше года. Нам же с вами предстоит достойно ответить на вызов, который бросит нам Вселенная, и сильно расширить пределы нашего обиталища – в сравнении с теми, к которым мы привыкли и которые так уютно обжили...

Его Величество сделал паузу, и Борька с трудом перевел дух – как оказалось, он все это время не дышал. Просто забыл – неудивительно, когда вот так, вдруг, сбываются твои самые смелые мечты. И это что... это вот так... *просто* ?!

– Я сказал «вызов»? – продолжил речь Император. – Что ж, я не ошибся. Это будет величайший вызов за всю историю человечества. Не только нам откроется Вселенная. Мы *тоже* откроемся для Вселенной. Вековая загадка чужого разума наконец решена – *за все время существования Земли никто не прилетал на нее – просто потому, что не мог*. Но отныне покров Медленной Зоны не будет защищать нас. Любой корабль любой расы отныне сможет достичь Земли – и никто не поручится, что намерения гостей окажутся добрыми. Там, – Император показал рукой вверх, – нас ждет невиданно огромный мир, в котором миллионы цивилизаций развивались тысячи лет. Мы – не более чем дети, которые вышли на порог родительского дома, не более чем юные моряки, которые готовятся впервые выйти из уютной гавани в море, где безумствуют грозные шторма. Мы пока что ничего не знаем о том огромном мире – но мы должны быть готовы ко всему, даже к вторжению, направленному на то, чтобы уничтожить нас. Времени осталось очень мало – и поэтому я, как и мой коллега, Император Англо-Саксонской Империи, Его Величество Эдуард VII, объявляем на Земле военное положение. Отныне все силы двух наших Империй будут направлены на производство гипердвигателей и на оснащение ими наших кораблей. Кроме того, во имя обороны Земли нам предстоит решить огромную по масштабам задачу – создать военный флот, который сможет обеспечить защиту нашей Родины от врагов, потенциал которых мы пока даже не в силах представить. Наши армии, которые за долгое время мира превратились в воспитательные центры для юношей, должны вернуть себе былую мощь. Наша промышленность должна обеспечить их новым и самым современным оружием, а наши

ученые должны начать разработку еще более совершенного оружия, а также вернуться к разработке оружия, изготовление которого ранее было признано нецелесообразным. Наши биологи и медики должны быть готовы к встрече с самыми фантастическими формами жизни, многие из которых наверняка окажутся смертельно опасными. Наши ксенологи должны выйти из тени и превратить свою доселе абстрактную науку в нечто такое, что позволит нам установить контакт даже с самыми невероятными существами. Наши дипломаты должны стряхнуть пыль со своих навыков и быть готовыми к переговорам, от которых, возможно, будет зависеть судьба наших Империй. Для человечества настала пора выйти в Большой Космос – и я призываю всех и каждого поддержать этот прорыв. Нам нужны рабочие на звездолетные верфи, нужны моряки для новых кораблей и солдаты для нашей новой армии. Нужны врачи и ученые, исследователи и экспериментаторы. Нужны те, кто не побоится покинуть Землю и сделать своим домом новые миры. Нет, я не оговорился, товарищи, – вопрос о колонизации подходящих планет уже решен. Человечество не может вечно оставаться в Солнечной системе, мы должны выйти в Большой Космос – и пойти дальше не в хрупких скорлупках звездолетов, а на прочной базе населенных планет, ставших новым домом Человечества. Возможно, наш путь не будет легок и нас встретят те, кто не желает нам добра. Что ж: мы будем готовы и к этому. Нам есть что вспомнить. Мы подняли наши Империи из руин, из праха рухнувшей цивилизации. И вот теперь – мы поднимем их к звездам.

Император отчетливо перевел дух, несколько секунд молчал. Потом неожиданно широко улыбнулся и сказал, разведя руками:

– Вот. Я поздравляю всех. Есть с чем, честное слово.

– МаааАААА!!! ПаааАААА!!! – истошно завопил Борька (все это время он буквально смотрел в рот Его Величеству и только кивал снова и снова, сам того не замечая), вскакивая и опрометью бросаясь к выходу из комнаты. Зацепился за стул, с шумом полетел на пол, яростно пнул стул в сторону, как живого врага, опять вскочил, вылетел в дверь и ссыпался по лестнице с грохотом землетрясения, не переставая вопить.

Сразу внизу он попал в руки вбежавшего с улицы отца. Смеющийся, покрасневшийся мужчина подбросил старшего сына к потолку и, с размаху посадив себе на плечи, вышел на крыльцо. Следом почти выбежала мама, несшая на руках таращившего глаза маленького Тошку; трехлетняя Ладка спешила позади сама, в восторге от поднявшейся суматохи.

Средний из братьев – Вовка – взобравшись на забор, что-то верещал наружу, наверное – приятелям. Дед Семен – Борька обалдел, качаясь на плечах отца, – с уханьем, гиканьем и свистом плясал посреди двора вприсядку. Смеющаяся баба Дина махнула рукой дочери:

– Наших зови всех! Скорей зови, отца унимать!

– Молчи... баба! – почти не сбивая дыхания, рявкнул дед. – Я... с детства... мечтал! Эх, старый я! – и, подскочив, сел в воздухе на «шпагат». – Старый, пропали мои мечты пропадом! Ух-хаААА!!!

Борька прислушался. И понял, что поселок полнится гулом – слитным, катящимся, ликующим. Гул – шум голосов, шаги, смех, выкрики – наваливался отовсюду-отовсюду. Мальчик никогда не слышал такого. И вскрикнул удивленно, когда руки отца вдруг сжали его под бока и взметнули еще выше – так, что он увидел сразу все улицы, заполнявшиеся кипением народа.

– Запомни, сынок! – крикнул отец. – Этот день! Запомни!

И Борька закричал – звонко и громко – первое, что пришло ему в голову:

– УррррррРРРРАААА!!!

– ...раааААААА!!! – отозвались улицы – словно ждали лишь этого детского крика, восторженного, как сама искренность, и звонкого, как веселый водопад.

* * *

Со дня сотворения мира

легенды слагались веками,
но не было дерзостней мифа,
чем миф о крылатом Икаре...
Мы медленно всходим по трапу.
Мы смотрим на землю влюбленно.
Нас ждут голубые пространства
прекрасного Млечного лона.
И вот чуть приметною вехой,
укутанная облаками,
плывет колыбель человечества,
покачивая материками.
Старенькая,
обжитая,
с повернутой набок осью...
В ее позывных – ожиданье,
в ее позывных – беспокойство:
А вдруг мы закружимся в млечности,
молниями испепеленные?!
...Гордись, колыбель человечества:
мы выросли из пеленок!¹

2. Кто стучится в дверь ко мне? Второй год Экспансии Предупреждение

Дэм-Торсад, столица Империи Сторкад, будто заклеил меня. Он во мне, хотя я постоянно пытаюсь стереть его гнилостный след в моей памяти. Он воздвигнут в воспоминаниях – кошмарах, на самом деле – и я не могу остановить его тлетворное влияние на разум. Пятьдесят долгих лет я всеми силами старался освободить себя от мучительных образов этого жестокого и озлобленного общества. Я могу вырваться из давящих стен города, но яркие воспоминания остаются. В памяти он выглядит не процветающим мегаполисом, а огромным памятником... Памятником людям, чей инертный разум настолько придавлен традициями и привычками, что их жизнь подобна той, какую вели их предки тысячи лет назад.

Я не мог не заметить, что в обществе их глубоко укоренилась несправедливость. Знать подавляет обычных людей, которые, в свою очередь, растаптывают рабов. Талант ничего не значит, о людях судят исключительно по социальному статусу. Воспитываются и одобряются подсиживание и клеветничество. Знатные старики глубоко завидуют усердной молодежи и испытывают извращенное удовольствие, раздавив кого-нибудь из них своим влиянием. Простолюдины же благоговейно смотрят на знать, страстно желают ее положения и власти, но связаны традициями крепче железных кандалов.

Понятие прогресса чуждо сторкам. Кажется, что эта громадная Империя построена лишь стечением обстоятельств и удачей. Но как только ты узнаешь больше об их замысловатой системе, появляется ощущение, что они – словно большой могучий зверь, небрежно продирающийся вперед и растаптывающий любое препятствие. Этот зверь – не тупое здоровенное травоядное. Это хищник. Хищник с жестоким умом и без какого-либо намека на сочувствие. Их успех не в стремительных действиях, он достигается неторопливым и четким планированием, что может занять десятилетия. Но сторки

¹ Авторы книги приносят извинения автору стихов, который им неизвестен.

умеют ждать.

Попадая в безупречно сплетенную знатью паутину, знай – это больше чем попасться самому, сюда же могут попасть твои дети и дети твоих детей. Выбраться не проблема. Проблема выбраться живым.

За проведенное в Дэм-Торсаде время я стал ненавидеть и презирать сторков. Их общество слишком во многом радикально отличается от нашего. Но я научился никогда не недооценивать их. Путь сторков беспощадно действенный, и я даже сейчас, после победоносной для нас войны, против воли восхищаюсь всеми их достижениями за века.

Из автобиографии Яромира Лещинского, первого посла Русской Империи в Империи Сторкад (3–5 гг. Экспансии)

Братья по разуму

Капитан Рэн кен ло Илвэри был в растерянности.

И пусть она выражалась всего лишь в слегка приподнятых плечах, украшенных неброскими контрэполетами повседневного мундира, а лицо капитана, обращенное к панорамному иллюминатору ходового мостика, оставалось обычным лицом сторка хорошего Рода – спокойным и чуточку надменным, – несмотря на все это, капитан Рэн кен ло Илвэри был в растерянности.

Он понимал, что эту растерянность видят все. Понимал, что надо сказать офицерам хоть что-то, после чего мир обретет привычные опоры и очертания хотя бы вчерне. Но это понимание затмевалось, парализовывалось мыслью о происходящем перед его глазами. Более того, он мог бы поклясться, что подчиненные, видящие его растерянность, сейчас о ней не думают совершенно – все их существо заполнено тем же изумлением и неверием, что и у него, капитана. Реальным оставался лишь голос штурмана, читавшего все новые и новые координаты. Но – *эти координаты!!!*

Рэн кен ло Илвэри даже в детстве не интересовался проблемой Медленной Зоны. Он просто знал, что такая зона есть, он выучил о ней достаточно, чтобы пройти проверки и испытания... но скажите на милость, кто станет всерьез рассуждать о весе тени? Какой смысл – хотя бы теоретический, хотя бы самый отвлеченный! – в этих рассуждениях? В Космосе – огромном и невообразимо сложном – да! – есть граница, за которую невозможно проникнуть. Изгибы ее довольно прихотливы, но они рассчитаны, записаны в каталоги и – совершенно безопасны. Лишь астрономы изучают лежащие в Медленной Зоне звезды. Оттуда не приходит никакая информация (если не считать легенд – например, о каком-то смешном беспилотном аппарате, якобы найденном дайрисами и содержавшем подробные сведения о какой-то планете вокруг какого-то солнца и запущенном какими-то аборигенами этой неведомой планеты...). Когда – очень давно – сторки выбрались в космос и наткнулись на границу Медленной Зоны – было много попыток проникнуть туда. С кораблями не происходило ничего страшного, их просто «вышибало» из гипера, как выразился кто-то. Потом был период, когда на почве этого феномена расцвели буйным цветом различные теории. А еще потом Медленная Зона стала просто такой же данностью, как многие другие неразрешимые загадки Космоса.

Ну... конечно, не *совсем* такой. Мало кто из мальчишек не мечтал о том, как он найдет способ, и Сторкаду откроются новые звезды, вот же они, видны в телескопы! Об этом мечтали даже дети из Низших Родов. Но это были всего лишь детские мечты...

...Капитан вздрогнул. Штурман смотрел на него растерян. Он перестал говорить, очевидно, отчаявшись перечислить все те цифры, что мелькали на экране.

– Я поставил автоматическую проверку гиперполя, – пояснил он. – Я не понимаю... Такое ощущение... – Он замолчал, судя по всему, сам не веря тому, что хотел сказать.

– Да при чем тут ощущения?! – нетерпеливо, высоким от волнения голосом сказал кто-то из младших офицеров. Капитан не оборвал его. – Все же ясно! Я читал об этом, о такой теоретической возможности, ее предсказывали, только в сроках расходились, и никто не

называл близких к нашему времени – Медленная Зона начала *откатываться!*

Рэн кен ло Илвэри смерил офицера взглядом. Потом повернулся к иллюминатору.

– Похоже, вы правы, – сказал он.

И тут же мостик наполнили голоса – говорили все офицеры, говорили, забыв о всегдашней сдержанности. Капитан не обрывал их. Мысль снова работала четко, хотя где-то на заднем плане разума полыхало лесным пожаром изумление и неверие – открываются Недоступные Звезды?! И он – он! – обнаружил это первым! Но это же, это же, это же...

Его рейдер был загружен рабами с Арк-Сейора, которых ждали на Арк-Федане. Но любой капитан флота имел право на свободные действия в условиях форс-мажора, а сложившаяся ситуация подходила под форс-мажор по всем параметрам. И нужно было быть древесным слизнем, чтобы – даже не имея на то прав! – не попытаться «пощупать языком» новое.

Движением руки капитан подозвал карго-офицера:

– Освободите половину трюмов, на ваше усмотрение.

Карго-офицер отсалютовал и быстро вышел, на ходу отдавая приказы в диск коммуникатора. «Освободить трюмы» в данном случае значило просто выбросить рабов в открытый космос, однако сейчас капитану было не до сантиментов, возможная добыча могла стоить во много раз дороже. Склонившись к штурману, Рэн кен ло Илвэри негромко приказал:

– Вон та звездочка, – и просто ткнул в экран. – Давайте курс. Попробуем на легких крыльях... – и, выпрямившись, прочел курс громко, вслух.

На мостике установилась тишина, в которой металлическим звоном прозвучали последние слова командира:

– Сила с нами, мужи Сторкада!

– Сила с нами! – отозвался слаженный хор. И на этот раз в нем не было и тени дежурной слаженности – только откровенный энтузиазм, только рев стаи накья'тт, пикирующих за добычей.

Обычные школьники

– Вставай, друже, рассвет занялся, и схватка ждет нас!

Вообще-то, когда у тебя над ухом с утра пораньше орут такое, а открыв глаза, ты видишь на экране окольчуженного витязя с воинственно торчащей бородой – может и крыша подломиться. Но Генка, приоткрыв один глаз, дотянулся до пульта, и экран выключился.

Однако вставать и правда было пора. Пружинисто потянувшись и достав противоположные стенки пальцами рук и ног, Генка улыбнулся в потолок, разглядывая крест светящихся панелей, и со вздохом закинул ладони под голову. Повысив голос, запросил:

– Метеорология, как обстановка?

– В комплексе без изменений, – отозвался мелодичный голос справочного. – Снаружи утро, минус тридцать градусов по Цельсию, ветрено. Ожидается пылевая буря.

Было 7.00, а значит, завтрак ждал на столе. Интересно, пришел ли отец, подумал Генка и, встав прыжком, потянулся снова, потом резко нагнулся за гантелями. Судя по шуму, отец был в душе. А мама, наверное, все еще спала. Где Машка, и спрашивать не стоило, она ни за что не встанет раньше половины восьмого, если только ее не разбудит мама, да и тогда Машка ухитрится прятаться в кровати, словно суслик в норе. В результате, она всегда просыпает, а потом мчит на занятия, как солнечный призрак. Такой же красивый, неуловимый и опасный в своей стремительности.

За большим окном ронял листву осенний лес. Красивый такой, с вьющейся между ясеней тропкой и алыми кустами терновника, с голубым небом между крон... Жаль, что голография. Нет на Луне-11 лесов, если не считать здорового парка. Но он под куполом, а это немного не то. Нет, там воздух, ветер, «солнце» – все, как настоящее.

Но «как» настоящее – это все-таки не настоящее.

Генка очень любил свою планету. Нет, это правда было так – и красные пески-барханы, и черные скалы, и фиолетовое небо с ослепительным кружком класса F2, Зрачком. И бури любил, и все вообще. Он полюбил Луну-11 сразу, как только прилетел сюда, первой верной и глубокой любовью...

...но этот пейзаж не менял почти никогда.

Луну-11 открыли два года назад, сразу после того, как рухнула Зона – и почти тут же, в числе первых, на нее прилетели Никишovy. На Луне оказались гигантские залежи минерала лопарита – сырьё для добычи тантала и ниобия, поэтому на планете была (и есть, и будет) нужда в инженерах, а Никишovy и были инженеры, только он – проходческих машин, а она – глубинной разведки.

Короче говоря, Луна-11 – не какое-нибудь там захолустье. Тут два грузовых и пассажирский космопорты, которые никогда не пустуют. Но туристов не бывает. Луна – не планета. Десять процентов кислорода в атмосфере, высокая радиоактивность, ужасающие ветры и почти ноль фауны-флоры.

Поэтому весь родной город Генки – Красный Порт – лежал под землей, выставив на поверхность лишь терминалы портов да парк под мощным защитным куполом. Луна-11 была немногим меньше Земли, но город – Город, как его еще называли – тут был только один, и жил он, подчиненный добыче лопарита. Подземные шахты и коридоры по площади были уже больше самого Красного Порта, и хватит их еще на века, точных цифр Генка не помнил, хотя они это учили.

Нельзя было сказать, что у колонистов легкая жизнь. Если мерить жалованьем – оно было просто огромным, так как шло сразу по дюжине статей от нескольких ведомств. Но бесплатных товаров и услуг, которые недавно начали появляться в метрополии, тут не было. Техническое обслуживание, впрочем, на уровне, это признавали все. Генка вспомнил, как в прошлом году на Надежде тамошние пацаны кулаки сгрызли от зависти, когда узнали, что на Одиннадцатой в каждой квартире полный набор бытовых автоматов. Зато на Надежде нет вспышек радиации и такой тяжелой работы у взрослых. Отец Генки после шестичасовой смены спал полсуток, и еще часов шесть к нему лучше было не подходить... Ну и развлечений на Одиннадцатой было поменьше, чем на планетных колониях, что уж говорить о метрополии... Было даже искусственное море. А вот домашнего зверька не заведешь – не выжить ему в бронированных коридорах с оптимальной температурой, влажностью и искусственным (пусть и совсем солнечным по научному спектру) светом. Поэтому вот кому на самом деле завидовал Генка, так это мальчишкам, у которых жили собаки, кошки, лошади, коровы, да кто угодно, хоть хомяк на жердочке!!! Генка и на хомяка согласился бы.

И все-таки он хотел работать тем же и там же, где и отец. В будущем году мальчишка собирался лететь учиться на Землю. Вообще ему нравилось многое – история очень нравилась, и нравилось пилотировать самолеты, а иногда хотелось стать воздушным десантником. Но всякий раз, когда школьники посещали шахты, все эти желания разом отступали...

Никишов-старший работал на «мыши» – горном проходчике. Тот и правда походил на большеголовую, короткотелую мышь с большим длинным хвостом. «Глаз» – блистер кабины оператора. «Рот» всегда открыт, «верхняя челюсть» его – плазмотрон, короткобойный, но мощный, он выжигает лопарит, превращая его в расплав вместе с породой, и эта масса течет в «нижнюю челюсть» – хобот, по которому расплав подается в составленный из автономных вагонеток «хвост». «Мышь» ползет себе на двух парах гусениц, бесконечно и неспешно выжигая перед собой туннель. Едва заполняется охлаждаемая автоматически подающимся жидким азотом вагонетка, как она тут же отцепляется и едет на завод, который тут же, в шахте. Там параллелепипеды расплава вновь идут в печи, и уже готовые слитки металла загружаются в очередной балкер в одном из грузовых портов. И – вперед, к звездам! Почти все мальчишки хотели работать именно на проходчиках, но на практике меньше чем у половины получается выдержать хотя бы треть взрослой смены – тяжело. «Мышь» управляется мускулопультами, ты сидишь в тяжелом скафандре голый и почти ничем не

можешь шевелить, кроме рук, а жара от плазмотрона такая, что печет даже сквозь блистер и скафандр. У Генки получалось – он был не то чтобы сильный, но выносливый, это признавали все. Недаром в пионерских походах он всегда ходил разведчиком и мало кто мог его «перепрыгнуть» на теннисном корте.

Квартира Никишовых – большая, пять комнат – располагалась на втором жилом ярусе, 17-я линия, № 85. А в этой квартире одна из комнат находилась в полном распоряжении мальчишки со всем барахлом – от мощного компьютера «региона» до древних, еще бумажных, книжек Александра Афанасьева, которые Генка чохом купил в букинистическом на Земле.

Середина мая второго года Экспансии – даже на календарь смотреть не нужно. Сегодня в школе Генке нужно было читать доклад о Третьей Мировой. Он неожиданно вспомнил об этом именно сейчас и понял, почему такое хорошее настроение. Генка неделю готовился к этому докладу, на который сам напросился, – готовился тщательно, даже можно сказать – любовно. Диск с докладом лежал на столе.

Именно поэтому Генка настроил побудку на упоминание о схватке.

* * *

17-я линия в этот час принадлежала спешащим на рейсовик школьникам. Улицы на Одиннадцатой были почти настоящие – если не поднимать голову к потолку и не обращать внимания на одинаковый в любое время суток свет.

Почти около двери Генку поджидали Алька Хотько и Богдан Равиков. Если Алька была одета почти так же, как сам Генка (в смысле – сапоги, джинсы, тонкая ветровка, только на девчонке – защитная пионерская, а на мальчишке оранжевая, в цвет комбинезона проходчиков, галстуки), то Богдан оказался в своем репертуаре. Затылок и виски выбриты, волосы надо лбом торчат семью прядями, зафиксированными лаками всех цветов радуги; брюки – одна штанина джинсовая, вторая – из металлизированного вельвета – обрезаны выше колен, наколенники – белый и черный – украшены шипами; на груди майки – герб Империи, только Хадарнави копьем поражает не демона, а недоуменного сома... Даже сапоги не как у людей – носы сверху обрезаны, и торчащие пальцы покрашены по ногтям черным лаком. Маечку его Генка раньше не видел и не мог сказать, что она ему понравилась – Генка не любил шуток над символикой. В такие минуты он искренне жалел, что на Одиннадцатой нет обязательной школьной формы. И еще временами удивлялся, что этот придурок – его лучший друг...

Хотя нет – придурком Богдан не был. Еще в прошлом году он отхватил бронзу в Императорских Юношеских по классу «малый реактивный», а в начале этого получил Премию Цесаревича за разработку маячной системы посадки авиатранспорта. Ну, нравилось парню выставлять себя то ли придурком, то ли просто асоциалом из старых времен. «Свобода – так на всю катушку!» – как иногда говорил Богдан.

Алька тут же начала с подъемом рассказывать о том, как позавчера они с девчонками проверяли снаряжение для вылазки к одному горному кряжу на предмет находки там артефактов Рейнджеров. Это у нее пунтик. Ну что Рейнджерам делать на такой планетке, как Одиннадцатая? Но энтузиазм заражает – Генка слушал, кивал, мычал, а когда Богдан начал за Алькиной спиной корчить утрированно-вдохновенные рожи, не выдержал:

– Кончай!

Алька обернулась, немедленно все поняла и, вспыхнув, сказала:

– Свиныя! – и ускорила шаги, оторвавшись от мальчишек.

Богдан не смутился. Его вообще трудно было смутить, он сам предпочитал делать это. Как, к примеру, два месяца назад, когда он изложил на социологии свою теорию окружающего мира. По его мнению, все вокруг – большой эксперимент, поставленный Мировым Разумом, и эксперимент этот близок к завершению, о чем свидетельствует константа убывания энтропии, каковая энтропия является неотъемлемой частью процесса

развития цивилизации: как она сойдет на нет – тут всем и Армагеддон. Виктор Борисович, социолог, выслушал Богдана в полном спокойствии, поставил ему за семинар «пять» и вежливо попросил более не читать на ночь Шопенгауэра, а если уже свербит – взять «Комментарии» англосакса Озрика Генти.

– Чего ты заводишь ее? – толкнул Генка Богдана под ребра.

Тот пожал плечами и вместо ответа объявил:

– А вон и транспорт.

Внутренний транспорт в Красном Порту – открытые автоматические электровозы, идущие по заданным маршрутам. Один такой стоял на углу 17-й и 18-й линий, и с него уже махали ребята и девчонки, одноклассники друзей. Алька, по-прежнему не оглядываясь на мальчишек, запрыгнула на платформу первой и под села к своим пионеркам.

Отвечая на приветственные тычки, мальчишки пробрались на свободные места – и Богдан тут же воткнулся взглядом в установленный на носу платформы экран. Генка вытянул ноги в проход и бросил ворвавшейся на уже двинувшуюся платформу Машке:

– Проснулась?

– Мама велела тебе передать, чтобы ты не задерживался сегодня в школе, – заявила младшая сестричка, села наискосок и достала из рюкзака каталог одежды.

Платформа набрала скорость и выскочила на транспортный ярус, по которому потоком неслись вагонетки. Полосы для городского транспорта были почти пусты. Генка устроился удобней и благожелательно осмотрелся. Ребята вокруг менялись разной ерундой вроде дисков с новыми фильмами и минералов для коллекций – этим на Одиннадцатой увлекались даже девчонки. По рукам ходили несколько номеров «Пионера», «Костра», «Вестника Русской Империи» и местной газеты «Вокруг порта».

Все, как обычно.

Платформа вылетела на верхний ярус, и Генка заметил, как сидящая справа девчонка с рюкзаком на коленях вздрогнула и привстала, безусловно выдав себя, как приезжую – даже если бы Генка не вспомнил, что не видел ее раньше.

Ну, это в самом деле было жутковато. Керамлит невидим, а несущие арки тоннеля – очень тонкие, поэтому по первому разу всем кажется, что платформа с разгону выперлась на поверхность. Слева и справа ветер срывал с верхушек барханов, отливавших червонным золотом, вихри красного песка. Чуть подальше видна была около черных скал машина ремонтников – там гектар за гектаром серебристо поблескивали солнечные батареи, питавшие все поселение энергией. В здешних местах это был самый дешевый и выгодный способ. Над скалами поднималась угловатая громада корабля – медленно, она казалась вообще неподвижной, от решеток лидаров до острых копий пламени из реверс-моторов.

– Балкер «Слон» уходит на Землю, – сказал Генка, чуть нагнувшись через проход к девчонке. – За горами, там – грузовой космодром.

– А? Да, спасибо... – Девчонка бледненько улыбнулась, потом вздохнула и как-то очень мило наклонила голову вбок. – Я перепугалась.

– А все пугаются первый раз. – Генка улыбнулся как можно шире и мужественней. – А ты новенькая, это точно. Как тебя на Одиннадцатую занесло?

– Не меня, а папку, – пояснила она, но тут же поправилась, очевидно, опасаясь обидеть старожилу: – Но мне тут нравится!

– Неужели?! – изумился Генка, и новенькая рассмеялась. – А кто у тебя отец?

– Новый начальник портовой полиции, – гордо сказала она и наконец представилась: – Я Уля... Ульяна Устинова.

Все три космопорта Луны охранялись своим полицейским подразделением – оно и больше, и не такое бездельное, как городская полиция, в его ведении и посты лидарного предупреждения, и противокосмическая оборона, и таможня... Короче, начальник портовой полиции – фигура, даже если и у него половина функций – фикция. Например, та же ПКО – от кого обороняться? Или таможня – ну скажите на милость, откуда в космосе контрабандисты? Космос-то открылся, а вот мечты и надежды встретить в нем

высокоразвитый технический разум, похоже, так и остаются мечтами и надеждами...

– Никишов, Генка, – кивнул Генка, а больше ни о чем они поговорить просто не успели – платформа подкатила, снижая ход, к мраморной арке, на которой золотом было высечено:

Нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество.

А. С. Макаренко

* * *

Как очень часто бывает на нервном подъеме, Генка плохо запомнил, как делал доклад. Знал, что было тихо и все смотрели на него. Наверное, одноклассники и отворачивались, и двигались, но Генка этого не заметил, ему все запомнилось именно так – повернутые к нему знакомые лица и неожиданно незнакомо построжавшие глаза.

У него все было рассчитано по минутам, однако он не следил за временем – тема подхватила и несла его сама. Такое же восторженное состояние мальчишка испытывал и когда готовился к докладу, читал выбранную литературу. Люди страшной и святой эпохи, о которой он говорил, представлялись ему кем-то вроде витязей из эпоса. Всего-то – мир со всеми его людьми, с космосом, с журналами и выходными, с фильмами и песнями, с Землей и звездами – вот этот хороший, добрый, веселый мир есть только потому, что они тогда умирали, голодали, сражались и оставались непоколебимы, как... нет, не как скалы, куда скалам – как настоящие люди!

Генка опомнился, только когда закончил доклад.

– Вы все знаете эти слова, и я вполне могу отнести их к людям, о которых сейчас рассказывал... «Им страшно только забвение. Помните. Пожалуйста – помните», – и, нажав на кнопку стерео, отошел к «окну», где под легким ветром покачивались волны трав в степном море.

По классу пронесся шепоток, и даже учитель истории Игорь Алексеевич Могилев сделал шаг вперед от стены, возле которой стоял все это время. У Генки и правда получилось удачно – он голографировал кусочек старой хроники, и сейчас вышедший из боя «витязь» РА, неся в руке шлем, в замедленном темпе шел сквозь падающий снег из глубины «окна» – в класс. Все подались вперед и застыли, не сводя глаз с приближающегося человека. Свет в классе погас, и Алхунов запел (Генка долго искал именно эту древнюю запись)...

От героев
былых времен
Не осталось
порой имен...
Те, что приняли смертный бой,
Стали просто землей и травой...

«Витязь» шагнул с экрана в класс – под песню. И, остановившись, посмотрел вокруг, вытирая лицо рукавом грязного бушлата. Потом – улыбнулся, неумело и светло...

...Этот взгляд —
словно высший суд
Для ребят,
что сейчас растут.
И мальчишкам нельзя
Ни предать, ни обмануть,
Ни с пути

...Кончилась запись. Свет зажегся. Девчонки прятали сырые глаза. Мальчишки смотрели упрямо, набыченно. Генка стоял около «окна», которое вновь опустело, заложив руки за спину, и не нашел ничего умнее, как сказать:

– Это все.

– Ну что же, Гена, – Игорь Алексеевич подошел к своему столу, помолчал. – Это очень хорошо. Я с удовольствием поставлю тебе «отлично».

– Да, меньше за это сошествие ангела не поставишь, – сказал Богдан. – Весьма трогательно.

...Прежде чем мальчишек растащили, Генка разбил Богдану бровь, и сам обзавелся рассеченной губой...

* * *

Сразу после школы – несмотря на просьбу матери – Генка домой не пошел. Настроение было пакостным, он отвязался от сочувствующих приятелей, устав выслушивать негодующие речи и обещания в адрес куда-то девшегося прямо из медпункта Богдана.

Мальчишка забрался, петляя по улицам-линиям, в портовый район, в кафе «Красные Пески» – половина стен в заведении была прозрачной и выходила на поле космодрома. Кафе это облюбовали охотники, и тут же находилось представительство компании «Бобров и сын». Дело в том, что среди бедной фауны Луны-11 имела такая хищная тварь, как визгун – опасная и хитрая, но с отличным мехом. Человек двадцать на Луне профессионально занимались добычей визгуна, поэтому кафе внутри было украшено снимками пустыни, оружием, шкурами, около шлюза постоянно торчали два-три пескохода, а в самом помещении так же постоянно сидели минимум трое охотников, причем их громоздкое снаряжение было свалено по углам вперемешку с оружием и пустыми бутылками. Охотники старательно поддерживали мнение о себе как об отчаянных ребятах – впрочем, достаточно оправданное. Тут же можно было встретить и немногочисленных туристов – как правило, офицеров космofлота или таких же охотников-любителей-экстремалов.

Вот сюда Генка и пришел. Только что вошедший охотник с болтающейся на груди маской махнул ему рукой:

– А, Генок! Привет, Генок, как дела?

Мальчишка улыбнулся, молча кивнул. Этого парня пионеры два месяца назад спасли от верной смерти – его пескоход ухнул в расщелину, сам водитель выбрался чудом и полз к городу со сломанной ногой. Ползти ему оставалось еще километров сорок, когда Генка и Богдан на него наткнулись.

Усевшись за столик спиной к залу, Генка хмуро уставился на поле космодрома. Злость на Богдана не исчезла, даже меньше не стала, и мальчишка решил, что обязательно сцепится с другом... – бывшим другом, черт!.. – снова. Совсем оскотинел, гаденыш!!! И дело было даже не в том, что он там буркнул о докладе. Дело – в *теме* доклада.

«Решено, – подумал Генка. – Допиваю сок – и отправляюсь к нему домой. Драться он не откажется, не трус же он, в конце концов. А мне станет легче».

– Садится, – сказал кто-то неподалеку, и в кафе произошло легкое движение.

Генка обернулся – все дружно смотрели в противоположное окно. Генка увидел высоко в небе точку – она пульсировала и быстро росла, все отчетливей делясь на четыре огненных креста. Стал слышен свистящий гул.

Генка сверился с часами и удивился. Никакого корабля по времени не должно было быть. Экстренный рейс?.. Послышался вибрирующий писк – сработали звуковые глушители,

² Стихи Евгения Аграновича.

зато начали трястись все незакрепленные предметы. Мальчишка ощутил неприятное – словно кто-то быстро забегал под кожей. Он встал, сделал несколько шагов к окну и не удержался от вопроса:

– Кто это?

Бородатый охотник, уже стоявший там, ответил:

– Грузовик. Час назад запросил экстренную... О, смотри.

Четыре колонны призрачного пламени отвесно спустились сверху. Они ширились, укорачивались, и на них, словно приседая, неспешно опускался большой серебристый корабль, неуклюжий, какими кажутся большинство космических кораблей на поверхности атмосферных планет. Вибрация сделалась невыносимой – корабли такого класса для посадок не предназначались. Около махины держались четыре автоматических буксировщика.

– Да вы гляньте, туда батальон строем войдет! – ахнул кто-то.

Генка не сразу понял, о чем это, но потом увидел... Да – насчет батальона – это, пожалуй, еще и преуменьшение... Половина флаинг-моторов была выдрана – не только внешние дюзы, но и сам безектор, кораблю словно вывернули нутро. Там серебристый металл почернел, от корабля то и дело отрывались и падали вниз какие-то куски. Генка заворуженно смотрел на посадку. До такой степени изуверенные корабли он до сих пор видел только в стерео, в фантастических лентах о звездных войнах.

Изумлен был не только мальчишка. Кто-то позади спросил потрясенно:

– Да что с ним такое случилось-то?

– Факел сорвался, – предположил еще кто-то неуверенно.

Ему ответили презрительно:

– Когда факел срывается, от корабля только атомы остаются, салага.

– Столкновение, похоже...

– Да с кем – такое?! Взрыв какой-то...

Грузовик окончательно опустился, словно очень усталый человек наконец-то добрался до стула и сел. В кафе включились экраны – показывали вблизи корабль, машины, мчащиеся к нему. Генка с интересом посмотрел бы, что там будет происходить, но его тронули за плечо.

Мальчишка обернулся.

Рядом стоял Богдан.

Контакт

Женщина на снимке улыбалась, стоя под большим деревом – раскидистым, с корой в мощных трещинах. Капитан Рэн кен ло Илвэри неожиданно узнал дуб и невольно хмыкнул от удивления.

– Красивая женщина, – оценил старший помощник. – Доктор, что скажешь по их поводу?

– Фактически они идентичны нам, – корабельный медик, изучавший какие-то блестящие предметы – тоже из трофеев, – отвлекся от своего занятия. – Конечно, отличия есть, но они минимальны. Так что даже общие дети у нас могут быть – если когда-нибудь нанесешь визит на их планету, то вполне можешь взять эту женщину себе.

За столом прокатился короткий смех. Настроение у всех было возбужденным. Не успели хотя бы «с краю прихватить каши», как гласила древняя пословица, шалея от открывшихся перед ними новых горизонтов – и буквально на рейдер вынесло большой неизвестный корабль. Команда чужака не ожидала атаки – похоже, вообще не подозревала, что такое *возможно* – и до последнего момента вместо того, чтобы звать на помощь или хотя бы сообщить о происходящем своим, бомбардировала сторков восторженными (по тону голосов было слышно) приветствиями и какими-то вопросами. Правда, капитан не мог не признаться самому себе – когда его рейдер выпустил абордажные катера и чужаки поняли, что это всерьез, они дали хороший отпор. Их корабль уходил на полной тяге, и рейдер смог

остановить его, лишь почти безнадежно изувечив. Когда абордажные группы вломились, наконец, на борт, их встретили всем, чем только можно – и даже тем, чем нельзя. Оружия у экипажа почти не было, но сторки потеряли пятерых убитыми, а из всей вражеской команды – двадцати трех невероятно, до ступора похожих на них существ – никого схватить живым не удалось. Трюмы корабля были заполнены слитками металла – кстати, очень дорогого, тантал был редок на Сторкаде, он шел в медицину, а главное – на производство реакторов космических кораблей. Но груз знаний о чужом мире – от звездных карт до личных мелочей команды – был в миллион раз ценней.

Сейчас рейдер и его жертва дрейфовали в космосе, сцепленные штурмовыми галереями. Внешне оба корабля казались мертвыми, но на деле внутри шла напряженная непрерывная работа.

– Раса крепкая, но глупая и доверчивая, – задумчиво сказал Рэн кен ло Илвэри, и офицеры, замолчав, повернули головы к капитану. – Что они похожи на нас – с этим пусть разбираются ученые. В конце концов, мыюри тоже на нас похожи... – При упоминании старых врагов многие нахмурились. Сравнение получилось неудачным – ЧЕМ кончилась война с мыюри, на Сторкаде знали все и забывать не собирались. – Как там с анализом уровня развития?

Офицер, к которому был обращен вопрос, кивнул:

– Судя по тому, что мы успели изучить, – эта раса только-только выбралась в космос. Они освоили крохотный кусочек пространства. Технически сильно отстают от нас, хотя корабль сам по себе неожиданно хорош, есть множество вещей, которые просто драгоценные камни на фоне даже наших достижений. Если мне будет позволено добавить... – офицер замялся, и Рэн кен ло Илвэри кивнул. – У меня странное ощущение... В этой расе есть что-то неправильное... нет, не так. Непривычное, необычное. Я не могу понять, что это, но оно есть – сквозит во всем, начиная от их корабля и кончая тем, как они дрались...

– Когда сможете сформулировать свои подозрения более точно, – с легкой насмешкой сказал капитан, – тогда мы вернемся к этому разговору. Пока же... – Он встал. – Пока я принял решение, – вытянувшийся из его руки зеленый луч пошел по новой карте, развернувшейся на экране. – Мы используем их корабль и захваченные записи, а также наше удачное сходство для того, чтобы высадиться вот сюда, – на карте вспыхнула точка. – Если я что-то успел понять – это планета-рудник. Я приказываю подготовить десантную группу – думаю, трехсот человек хватит. С их наивностью и явной неискушенностью в делах войны мы легко слошим сопротивление, разграбим рудник, вывезем все ценное, включая рабов, и вернемся на Сторкад втройне победителями. Разработкой деталей операции я займусь сам.

Одобрительный шум был ответом на короткую речь капитана. Лишь офицер, так скомканно сделавший доклад-прогноз, молчал. Не от обиды – нет, он не находил ничего обидного в словах командира, скорее соглашался с ними. Но сейчас он рассматривал доставшийся ему в качестве трофея пистолет врага – пороховой, древний, с вытертым воронением. Длинный плоский ствол пистолета был украшен какими-то буквами – пока что письменность новых будущих рабов не была расшифрована, и офицер просто задумчиво проводил по надписи пальцами, пытаясь разобраться с тем, что его беспокоит, и злясь сам на себя за эту неуравновешенность...

...На стволе старого, как история Земли, «ТТ», сделанного еще в 30-е годы XX века от Р. Х., который офицер-сторк забрал у старшего механика захваченного рудовоза после того, как успел выстрелить раньше, упав за тело застреленного стармехом десантника, было выгравировано – видимо, намного позже, в годы Серых Войн:

Я УМРУ – НО И ТЫ, ГАД, ПОГИБНЕШЬ!

Беда и жизнь

Домой мальчишки возвращались пешком, хотя это было далеко. Но они не спешили и забрались аж на коммуникационный уровень, потому что там было меньше людей, а те, что были, – занимались делами и по сторонам не смотрели.

– Ген, ты меня прости, – говорил Богдан негромко. В ответвлениях коридора мягко мерцали указатели, слышался шум работающих проходчиков. – Понимаешь, у меня... у нас горе. Мне бы просто сказать, а меня зло какое-то взяло, ну, я и – как идиот...

– Что случилось-то? – спросил Генка хмуро.

Богдан тоскливо вздохнул:

– Да понимаешь, Ждан погиб. – Он неожиданно споткнулся и всхлипнул.

– Как погиб? – холодея, спросил Генка. Ждан, старший брат Богдана, служил в полиции на Земле.

– Как, как... – хрипло сказал Богдан. – Так и не бывает даже... Сволочи какие-то... банда, как в истории твоей любимой... Напали на поселок на Курильской косе, с моря. Жданка там еще с двумя ребятами, стажерами, что-то делал, я не понял, что... А больше никого. Даже мужчин почти не было, все в море на ловле... А эти... с баркаса с моторного высадились и по поселку... Стрельба, крики... Ну, Ждан и эти двое стажеров, они... бой приняли, в общем. Они, а с ними мужики, какие были, пацаны постарше – оружие похватали, бандитов почти всех и положили, какие остались – сдались. А Ждана... убило. Вот так... – Он вытер глаза рукой.

– Какая банда? – Генка никак не мог взять в толк. – Разве такое бывает?!

– Ну вот... выходит, бывает, – ответил Богдан. – Сказали – даже место нашли, где у них база была, где-то на островах, которые от Японских остались... Дикари совсем, а с винтовками автоматическими, с пулеметом...

Генка не знал, что сказать. Он осторожно положил руку на плечи Богдану – показалось, что тот собирается по-настоящему заплакать. Но это, конечно, была чушь. Богдан дернул плечом и, посопев, зло сказал:

– Ладно, там посмотрим, что дальше... Простишь? – требовательно спросил он.

– Конечно, – кивнул Генка. – Только больше не надо так, Богдан. Ждан... он же видишь, он и сам, как... – и не договорил, не нашел слов.

А Богдан только наклонил разноцветную голову, и какое-то время мальчишки шли молча.

Потом Генка спросил:

– Ты на той неделе собираешься в поход? Или...

– Пойду, – ответил Богдан. – Слушай, давай в наше кафе зайдем, что ли...

«Наше кафе» – это было кафе-автомат на углу 17-й и 18-й линий, около остановки.

Мальчишки вскочили на только-только отошедшую от остановки платформу, идущую в нужном направлении. Группа инженеров, возвращавшихся со смены, распевала старую песню – впрочем, тут она звучала скорей в ироническом ключе:

Гонят партию в землю глухую,
В самоцветный проклятый рудник...

Генка думал о случившемся. Не верилось, что такое вообще могло произойти. Банда... Нет, конечно, бывает разное. Но *такое*?!

Он вспомнил Ждана. Тот был старше Богдана на шесть лет, служил уже два с лишним года и прилетал в отпуск – в форме; конечно, не такой, как армейская, но все равно в форме – веселый, возбужденный от встречи с родными...

Генка закрыл глаза. Он пытался представить себе, как это было. Но в голову лезли только кадры из фильмов – пусть и документальных, но фильмов. А Ждан был не из фильма. Он был настоящий, а теперь его – нет.

Это были тяжелые мысли. Потому что смерть, хоть и далекая, была настоящей смертью

в бою. У Богдана был брат. А теперь его нет.

* * *

К удивлению Генки, в кафе сидели за столиком и жрали пирожные Алька и... Ульяна. Алька заметила мальчишек первой и громко сказала:

– Ну, вот и они. И рожи целые. А ты беспокоилась чего-то там...

– Привет... – удивленно сказал Генка, присаживаясь к столу. – А ты как здесь? – вопрос был обращен к Ульяне.

Она снова – как тогда на платформе – наклонила голову к плечу и спокойно ответила:

– Я думала, что вы будете драться. И я с Алькой решила вас подождать тут.

«Ты им не говорил?» – взглядом спросил Генка.

Усевшийся рядом Богдан ответил:

«Нет».

– Ульяна Устинова, – представил Генка новенькую, доставая из окошка вазочки с мороженым. – А это – Богдан, его внешний вид куда хуже внутреннего содержания.

– Очень приятно, – двусмысленно, но в то же время церемонно сказала Ульяна, и Богдан передал ей вазочку:

– Мне тоже. Ты ведь дочь нового начальника полиции космопорта?

– Так ты ее знаешь? – удивился Генка.

– Видел мельком и в школе, а главное, в новостях... Мило с твоей стороны, что ты тут нас подождала с Алькой.

– Вы все пионеры? – неожиданно поинтересовалась Ульяна.

Алька кивнула и повела вокруг ложечкой, как скипетром:

– Все, даже этот раскрашенный псих. Тут без этого можно было бы умереть со скуки. А ты – пионерка?

– Конечно, – гордо ответила Ульяна. – Старший пионер. У вас небольшие отряды, наверное?

– Отряд, – уточнил Генка. – Он смешанный, называется «Кроты»... Мы тут весело живем – кстати, у нас парк здоровенный, с целую страну размером, но это не самое интересное. Алька насчет скуки не права, вообще-то. Вот ты чем занимаешься?

– Я? – Ульяна задумалась. – Ну... Флюктуационной психологией, но это для себя, такие специалисты нечасто нужны... А так – коррекционной хирургией. А как пионер – следопыт и инструктор служебного собаководства.

– Ого! – вырвалось у Альки. – Но собак у нас нет, только в парке волки.

– Кстати, а почему весь город не в парке? – любопытствовала Ульяна. – Это ж лучше...

Мальчишки переглянулись, и Генка пояснил:

– Понимаешь, наверху бывают вспышки радиации. Растениям там или животным даже – им ничего, а людям тяжело бывает... А, ну так вот, я – оператор проходческих машин и радиооптик, а как пионер – следопыт тоже, как ты, и водитель пескоходов. Богдан – техник наземных служб и лингвист, плюс пионерские – водитель, как я, и взрывотехник. Алька – геолог и археолог, и еще фельдшер и связист. Ну и развлекаемся, как можем. Профессии у нас в основном «домашние», конечно... Но мы и еще немало чего умеем.

– А театр у вас есть? – поинтересовалась новенькая.

– А как же, – ответил Генка гордо. – И театр, и станции по интересам.

– Которые, правда, влачат довольно жалкое существование, – добавил Богдан. Подумал и уточнил: – Ну, кроме геологической.

– Почему? Я очень историю люблю, – возразил Генка.

– Так там вся станция на тебе и держится...

– Военную историю, конечно? – Ульяна с интересом посмотрела на мальчика.

– Да почему? Не только, – Генка пожал плечами. – Даже не столько, наверное, хотя это

и странно звучит. Меня больше интересует, как получилось все то, чем мы живем, из всего того, что было... ну, в двадцать первом веке. Из бардака, короче.

– Кое-кто говорит, – вдруг добавила Ульяна, уже не сводя с мальчишки глаз, – что из бардака получилась тюрьма.

– Это о так называемой «внутренней свободе»? – презрительно уточнил Генка. – Да знаю, читал. Ерунда полная. Как раз эта «свобода» чуть мир не угробила, потому что она без умения себя контролировать и подчиняться правилам ведет к вседозволенности, которую опять-таки каждый считает «свободой», для личного пользования, правда. Анархия.

– А по-моему, не было тогда никакой анархии, – возразила Ульяна. – Анархия, если научный термин брать, а не бытовое понимание, скорее сейчас. Почти все тогдашние государства были настоящими диктатурами. Отец полгода назад писал большую работу, а я материалы читала. Интересно очень. И страшно. Например, полицейским можно было застрелить человека за отказ выйти из машины. Или забрать ребенка из дома просто так, потому что кому-то что-то показалось.

– Ну, я про бытовое понимание анархии, – слегка смутился Генка. – В душах и в умах. А полицейский произвол как раз и шел от попыток навести порядок при непонимании, что начинать-то надо с воспитания людей – а для этого сами правители должны быть сверхлюдьми! Читала, наверное, – умение грабить людей называлось «умением делать деньги» и было почетным. «Адвокат» профессия была – защищать преступников, причем только богатых преступников. А искусство? Микроволновка для психики – сходил на выставку и испек мозги... И при этом толпа народу кричала: «Запрещать – значит нарушать права человека!»

Только после этой горячей тирады они обратили внимание на то, что Богдан и Алька наблюдают за ними с преувеличенным вниманием и робостью. Ульяна смущенно вздохнула, а Богдан, выставив перед собой ладони, подобострастно сказал:

– Продолжай, продолжайте! Это просто радость сердцу – вас вот так слушать и слушать. Набираться мудрости в осознании собственного приземленного ничтожества...

– Ой, мне казалось, что ты тоже любишь историю, – покаянно сказала Ульяна Альке.

Та вздохнула и засмеялась:

– Археологию. Все, что нельзя выкопать из земли, меня интересует лишь в обязательном порядке.

* * *

В квартире Никишовых было тихо. Отец все еще спал, сестра куда-то умелась, мама – на работе. Генка тоже решил не задерживаться, хотя отец, конечно, проснувшись и никого не обнаружив, за обедом начнет бухтеть, что его все бросили, – есть у него такая манера. Мама всякий раз говорит, что это атавизм – желание мужика видеть себя в семье толстой осью вращения. Генка в таких случаях всегда выступал за отца, Машка – за маму, и получалось равенство и равновесие...

Вообще-то надо было готовить уроки. Тем более, что задали немного. Но у Генки лежала недочитанная книжка по радиооптике, да еще оказалось, что пришла почта, а с нею – письмо от Келли О'Мейры, с которым Генка познакомился на Надежде. К письму были приложены снимки, которые Генка не успел скопировать себе тогда. Бросив в угол рюкзак, мальчишка присел к столу и начал просматривать присланное, забыв обо всем остальном и представляя отдых на Надежде – как было здорово! Келли сообщал, что этим летом полетит в международный лагерь на Землю, и звал с собой. Генка задумался. Отпуск у родителей предполагался в начале осени – и Никишovy вроде бы всей семьей собирались на Землю. Может быть, удастся уговорить родителей ездить там с Машкой, а самому – в лагерь? В конце концов, последнее лето свободное, через год кончится школа – и все, считай, началась взрослая жизнь...

А ведь и правда – последнее лето. Генка вздохнул. Похоже, как говорится, кончается

детство.

Подняв голову, он оглядел свою комнату и повел плечами. Ну и пусть. Но наступающее-то лето – точно его! А дальше и заглядывать нечего, потому что ясно одно: будет интересно. Иначе просто не бывает, любая жизнь интересна, главное – выбирать самому! И знать, что та же самая жизнь не даст – просто *не даст!* – выбрать неправильно.

Вот это – здорово.

Смерть

Еще несколько лет назад планета была одна.

Нет, правда. Генка хорошо знал и любил историю, но ему постоянно приходилось себе напоминать, что все события, которые восхищали и завораживали его, происходили на *одной* планете.

Да что там – на одной планете, чаще всего просто – на какой-то части этой планеты! И нередко – крохотной. Даже первые две мировые войны Мировыми на самом деле вовсе не были. А вот, скажем, вся знаменитая и легендарная эпопея короля Артура крутилась на части острова Британия. Небольшого острова.

Колумб плыл почти три месяца, преодолевая расстояние, которое Генка с друзьями проходили в пионерском походе. Ну – ладно, в большом походе. Но это – подростки. А у взрослых сейчас были другие подвиги и путешествия, именно поэтому на Одиннадцатой имелся парк размером с целую старинную страну. На таком клочке «земной Земли» могло произойти столько всего, что историкам хватило бы материала на века. А тут это просто парк. Место отдыха.

Иногда, если честно, это было немного обидно...

...Солнце Одиннадцатой в целом вполне нормальная звезда – ярче и горячее настоящего Солнца, но расположено дальше от планеты. Если бы не редкая ядовитая атмосфера, на Одиннадцатой вполне можно было бы комфортно жить и на поверхности. Но атмосфера для человека непригодна, а почти полностью отсутствующий озоновый слой пропускает на поверхность столько ультрафиолета, что лучше не рисковать.

Купол над парком, расположенным в долине между гор, ультрафиолет пропускает в нужных дозах, если только не случится особо жесткой вспышки, о чем всех оповещают заранее. При разбивке парка его создатели словно бы выдернули с Земли кусочек России – с лесами, реками и береговыми рощами, озерами в ивовых зарослях... Немногочисленные строения – гостиницы, молодежный центр, базы – просто теряются на природе, и земные (и не только земные) животные чувствуют себя тут здорово. Люди их не трогают никогда, сюда просто запрещено приносить оружие, а несколько лесников следят за тем, чтобы не слетел с катушек никто из зверей. Двоюродный брат Альки, кстати, был как раз лесником.

По самому парку можно было передвигаться пешком, верхом и... все. Правда, выходов довольно много, и ребята, ехавшие на урок истории на природу, сошли с платформы недалеко от лифта, ведущего к Черному озеру.

Озеро было мертвым. Вообще воду город для своих немалых нужд брал из подземных озер в пещерах. Там хоть раз в жизни был на экскурсии каждый – в местах поразительной холодной красоты, где малейший лучик света рождает сотни огней в кристаллах льда. На поверхности Луны воды нет. Ну – не то чтобы вот совсем нет – нет в привычных человеку количествах, и если воду из подземных озер по какой-то причине выбрасывает наверх – пески мгновенно ее поглощают.

Воду для озер и речушек парка тоже брали оттуда. На специальной станции ее обрабатывали, добавляли кое-что, и получалась обыкновенная речная вода, с водорослями и рыбой. И только Черное озеро было не такое. Его проектировал кто-то из поклонников вечных книг Толкиена и создал копию Келед Зарам, как с иллюстраций. Получилось красиво. Словно в рамке из черных диабазовых скал лежит не очень глубокое и абсолютно прозрачное озеро. И именно потому, что оно абсолютно прозрачное, – оно кажется

абсолютно *не* прозрачным, черным и непроницаемым. Никакой живности в озере тоже специально нет – черная ледяная вода...

Еще по пути к лифту все заспорили насчет того, сколько действительно важных изобретений и открытий было утеряно из-за Безвременья. В спор втянули и Игоря Алексеевича. Генке сегодня спорить не хотелось, он нацепил на ухо проигрыватель и включил старую, им самим обработанную запись – и слушал, прикрыв глаза, чеканные строки, которые и были *историей* куда больше, на его взгляд, чем все потерянные изобретения...

...Когда истевон, и сорб, и летт не разнились меж собой,
в низовьях Эльбы, большой реки, царил один Закон:
«Любой имеет право на суд, и право на хлеб – любой!
Да будет конунг мечом племен, и тинг – защитой племен!»
И снова правит этот закон, и держит нам стол и кров...

Генка задержал дыхание от привычно подступившего восторга в ожидании этих обрекающих, холодных слов, в которых – сила великого, правого, могучего Добра... вот!

...прижат сапогом язык лгунов, и подать их тяжела.
Как кости кривые, что плохо легли, двадцать гнили веков
военачальники нашей страны смахнули со стола!..³

«Вот что важно, – подумал он. – А не изобретения. Вот что есть история...»

Об этом же он думал, когда они шумной кучкой шли к лифту. Богдан, конечно, хватил через край, когда сказал, что историческая станция держится только на Генке, но тот и правда стоял у самых ее истоков. Еще год назад этой станции вообще не было – были несколько человек, как и Генка, интересовавшихся историей. И в один прекрасный день, выписав оборудование, фильмы, наглядные пособия с Земли, они отпочковались от школьного театра. Этой весной, не так давно – тоже вместе с театром, – станция удивила всех (Генка шутил, что в первую очередь самих себя) постановкой ко Дню единства нации⁴.

Сегодня на станции ожидалось серьезное пополнение – трое младшеклассников решили связать свою судьбу с изучением родной истории. Генка как раз подумал об этом, когда они все подходили к большому лифту – и его двери открылись навстречу. Кто-то приехал сверху...

...Люди, вышедшие из лифта, удивили ребят. Все сразу изумленно замолчали, рассматривая десяток солдат – явных солдат тяжелой пехоты, не понимая, как и зачем они попали на Луну-11 и почему едут сверху. Солдаты, вышедшие из лифта, тоже смотрели на ребят – это чувствовалось, хотя лица у всех были закрыты масками из матового материала.

«Кто это такие?» – неожиданно подумал Генка.

Мысль его самого удивила, а через миг он понял, что удивляться незачем – и правда, *кто это такие?* Это не были солдаты тяжелой пехоты. Ни русские, ни англосаксы. Похожи – да. Но форма доспехов, форма шлемов, наконец, оружие в руках не оставляли сомнений, что это... *кто?!* На рукавах и шлемах золотом отблескивали эмблемы – крылатая пантера... или не пантера?

Кто-то удивленно охнул. Солдаты задвигались, поднимая стволы. Ребята и девчонки чуть подались назад – ничего не понимая, а точнее – не понимая своего понимания, потому

³ Авторы книги приносят извинения автору стихов, который им неизвестен.

⁴ 17 марта. В этот день на десятом году Безвременья был установлен контакт между Советом РА в Великом Новгороде и Казачьим Кругом в Предкавказье. Тем самым заложено начало нового объединения.

что такие вещи так не происходят даже в стерео. Стоявший впереди-справа солдат поднял одной рукой матовое забрало, и на этот раз удивленно выдохнули, охнули, вскрикнули сразу несколько человек, а Генка подумал медленно:

«Да ну... чушь...»

На школьников смотрело совершенно человеческое лицо – бледноватое, узкое, с большими, внимательными зелеными глазами, высоким лбом... Волос не было видно за козырьком.

– Здравссь... – сказал кто-то. Кто-то, все еще думавший, что это тяжелые пехотинцы.

А еще кто-то – из девчонок – произнес тихо:

– Люди, это же инопланетяне.

– Хватит чушь городить, – ответили ей.

Зеленоглазый obeжал всех взглядом, остановился на стоящем впереди учителе – Игорь Алексеевич молчал, видимо, тоже был растерян. Чуть наклонил голову и произнес – снова раздалось на этот раз уже совершенно дружное «оаххх»:

– Нужна ваша сдача. Вы захвачены.

Его голос был гортанным, произнесенные слишком тщательно слова отдавали акцентом, похожим на акцент германца или скандинава.

– Это школьный класс, – учитель отвечал на удивление спокойно. – Это дети, я их учитель. Я понятно говорю?

– Понимаю, – ответил... кто?! – Не... существенно, – с этим словом он не справился. – Вы есть пленная собственность Сто'кадт. Вы идете с моими людьми.

Он что-то скомандовал – быстро, резко. От общего строя отделились двое солдат, взяли оружие (что это за штуки-то?) поперек груди и легко потеснили землян к стене. Остальные быстро пошли, почти побежали по коридору вслед за своим командиром.

– Что происходит? – спросил кто-то высоким голосом, нехорошим таким.

Игорь Алексеевич спокойно ответил:

– Сейчас разберемся... – и обратился к оставшимся охранникам: – Я не очень понимаю, кто вы и что вам нужно. Но я хотел бы начать урок. Мы можем подняться наверх?

«Он что, с ума сошел? – подумал Генка. – Это же самые настоящие ВРАГИ – как бандосы в Серых Войнах, они всех нас тут положат и даже не чихнут...»

Бросил взгляд вправо – Ульяна стояла там, рядом с Алькой. Девчонки были бледны, в глазах – непонимание. Стоявший слева Радька Юргин шепнул:

– Ген, у меня в сумке пистолет. Прикрой меня, я доберусь... положу этих гадов на хрен.

Генка машинально сдвинулся, закрывая его. Между тем один из солдат что-то коротко сказал своему товарищу, и тот ответил на очень плохом русском:

– Верх нет. Раб дурак? Урок, урок. Дурак.

– Я вынужден буду настаивать на продолжении наших занятий... – Игорь Алексеевич сделал шаг вперед – спокойно говоря все это, даже улыбаясь. – Вы не понимаете всей сложности учебного процесса...

– Ты назад! – инопланетянин (глупости, это какие-то люди, так думать легче и проще...) упер ствол оружия в грудь человека.

В тот же момент Игорь Алексеевич сделал резкое движение снизу вверх скрещенными кистями, отбивая оружие от себя в потолок, и с силой ударил – точнее, просто толкнул – солдата на его товарища. Последний шаг позволил учителю занять выгодное место и совпал с рокотом взрыва, прокатившимся по коридору, – а потом тишина так и не вернулась, потому что сразу из нескольких мест послышалась пальба. Под потолком мигнул и зажегся экран всеобщего оповещения, но работал только несколько секунд и показал перестрелку в аппаратной между двумя дежурными и полудюжиной солдат – таких же, как эти, в коридоре у лифта. Впрочем, этого никто не видел – в коридоре бушевала куча мала, сбитых с ног сторков лупили чем попало и, если бы не броня – от них мало что осталось бы...

Вакханалию мщения прервал лишь голос Игоря Алексеевича:

– Берендяев, Сайгин! Возьмите их оружие – запереть пленных... а, черт, вон в том

помещении, запереться самим, сидеть и не шуметь!

– Есть, Игорь Алексеевич!

– Новенькая! Извини... С тобой пойдет Машуков, его отец на космодроме работает...

Коля, отведи новенькую на пост ПКО, пусть все объяснит отцу.

– Есть, Игорь Алексеевич!

– Скорее идите! Ребята, у кого есть пистолеты?

– У меня!

– У меня!

– У меня есть!

– И у меня!

– Так, хорошо... Никишов, Гена, ты будешь за старшего.

– Есть, Игорь Алексеевич... Игорь Алексеевич, что происходит?!

– Не знаю, Гена, ребята, – я не знаю! Скорее всего это и есть долгожданный *контакт* ... – Учитель проверил свой пистолет, не стал его убирать. – Я доберусь до ближайшей рубки связи. Вы – уходите на коммуникационный ярус вон через тот колодец. Никишов, не рассыпайтесь. Пробирайтесь в школу, запритесь там в убежище. С собой берите всех, кого встретите. Все, идите, скорее!

Учитель попятился, потом повернулся и заспешил по коридору, держа пистолет в полуготовности. Класс едва не побежал за ним – за взрослым, который знал, что делать.

Генка передохнул и запретил – наглухо запретил – себе думать о маме, папе, о Машке.

– Все слышали, кто старший? – отрывисто спросил он.

Ответом было молчание – напряженное, но не истеричное.

– Что Игорь Алексеевич сказал – тоже слышали? Тогда за мной, скорее!

Их подхлестнул еще один взрыв где-то наверху...

...Из коридора, где располагались младшие классы, выводили ребят.

Аварийный выход на коммуникационный ярус был в коридорчике за поворотом к младшим классам – там и сидели, тяжело дыша и совершенно не понимая, что делать, запыхавшиеся, перепачканные смазкой, мокрые мальчишки и девчонки. Странные, как две капли воды похожие на людей *чужаки* успели в школу раньше них – то ли случайно, то ли у них был план? И теперь в пяти шагах от ребят их младших товарищей – а у некоторых братьев и сестер – вели по коридору.

Кое-кто из младших ревел, но большинство просто цеплялись друг за друга и за воспитательниц. Девчонки смотрели со страхом, мальчишки – кто в пол, кто – волчком, исподлобья – на идущих рядом чужих солдат. У некоторых пацанов были разбиты лица, двоим помогали идти. Вокруг воспитательниц держались не только те, кому было очень страшно, – каждую из женщин беспомощным, трогательным и решительным кольцом окружали по десятку восьми-десятилетних мальчишек, державшихся как охрана.

Чужаки не осторожничали – они торопились. И по их поведению было видно, что они... они уводят *добычу*. Не прикрываются заложниками, как бандиты, не выводят детей из зоны боя, как честные враги, – нет.

Они вели рабов. И что рабы, несмотря на возраст, явно непокорны, похоже, их не смущало.

И это решило все.

Наверное, Генке показалась она – эта музыка. Или прозвучала в нем самом... Но она – была, как были чужие солдаты, ведущие младших...

Острые копья мы воткнем в небо,
Полками затмим горизонты.
Знает уж враг – не откупиться
От русского воина золотом желтым.
Мы выступаем не за трофеи,
Ведет нас вперед великая вера.

Если погибнуть за землю родную —
Не побоится тут каждый быть первым.
Лютая, братья, будет битва,
Сложат былины мудрые деды.
А коли останемся в поле навеки,
Что ж — жить нам после в легендах...

Песенный текст группы «Лигалайз»

— Будет славный бой... — одними губами прошептал Генка.
И увидел, что глаза сидевших вокруг и осторожно дышавших мальчишек разгораются — как угольки в пригасшем костре от дуновения ветра.
— Мальчишки... — дрожащим голосом сказала Алька.
— Молчи, — оборвал ее Богдан, не поворачивая головы. — Сидите тут. Когда все кончится — нагоните малышей и помогите воспиталкам.
— А вы... куда? — прошептал-вскрикнул кто-то.
— Поговорим о правилах поведения, — отозвался один из мальчишек. — Ну что, броском? Как на гандболе?
— Маль... — Алька осеклась и прижала ко рту ладони...
...Сторки ничего не поняли и даже первые секунды не сопротивлялись, растерянно отмахиваясь руками и прикладами, когда на них сразу отовсюду — кажется, даже с потолка! — с воплями и руганью посыпались какие-то полоумные чертенята. Некоторые из них были вооружены пистолетами, большинство — ножами, разными палками и прутьями. Но если прутом засветить из всех немаленьких, хоть и мальчишеских сил в горло, то и латный воротник не выдержит... В руки мальчишек перекочевало кое-какое оружие. И все-таки это была заведомо проигранная схватка. Пришедшие в себя взрослые, мощные враги — в доспехах, тренированные — стали стрелять в упор, засверкали, а потом заалели, длинные тесаки с изогнутыми концами-клювами...
...Страшно не было. Было весело. Было жутко. Но не страшно. Зеркальные тени плясали в масках врагов в толчее коридора.
Потом что-то — не больно, но очень горячо, с каким-то треском — вонзилось в грудь Генки, сторк толкнул его левой рукой — и мальчишка упал, но не на пол, а куда-то в свет и тепло. И успел подумать, что все они сделали правильно, только обидно, что...
...Десантник вырвал из груди звереныша, только что в упор застрелившего его товарища, тесак и перескочил через падающее тело...
...Девчонки смотрели, как погибают их одноклассники, как подгоняемые нерастерявшимися воспитательницами быстро исчезают в коридорах малыши...
— Девчонки! — вскрикнула вдруг Алька и, вскакивая, выхватила пистолет...
...Все было кончено. В коридоре друг на друге лежали мертвыми девятнадцать земных мальчишек, семь земных девчонок и одиннадцать сторкадских десантников. Оставшиеся сторки растерянно озирались, с трудом приходя в себя после этой дикой схватки, принимались помогать раненым, которых было — почти все.
— Что это было?! — спросил кто-то у молодого офицера. — Это дети! Подростки! Что это было?!
— Они просто дали уйти младшим, ты же видел, — сказал офицер. — Разве ты сам поступил бы не так?
Он хотел еще что-то добавить, но насторожился. Снизу по коридору докатился звук плотной перестрелки, разбавленный хлопками взрывов. Это были звуки не стычки — а боя. Настоящего.
Офицер быстро огляделся. Ему показалось, что один из зверенышей — исколотый и изрубленный тесакими, с простреленным животом и полусожженным плечом — пошевелился... нет, не до этого.
— За мной, вперед, — скомандовал он, и коридор загудел от слитных шагов.

Двух тяжелораненых оставили под стеной – с оружием, даже не обещая вернуться: это и так было ясно, своих сторки не бросали никогда...

...Сторк не знал причину шума: это рабочая смена ударила в тыл сторкам, осадившим полицейский участок. Озверевшие от страха за свои семьи рабочие буквально в ключья разнесли врагов спешно наделанными из горных подрывных зарядов гранатами и дорвались до тут же открытого полицейскими аварийного арсенала...

Жители Одиннадцатой перешли в решительное наступление. Вначале сторки не приняли их всерьез. Вначале. А когда по тесным туннелям поползли неуязвимые для ручных бластеров проходческие «кроты», дыша в лица десантникам десятитысячеградусной смертью, когда повсюду загрелись взрывы, убивая сопротивлявшихся и отрезая дорогу тем, кто пытался спастись, тогда было уже слишком поздно...

...Раненые сторки не бросили оружие, когда в конце коридора вместо с надеждой ожидаемых *своих* появились люди. Вспыхнул короткий бой – и разномастно вооруженные земляне заполнили коридор. Раздались крики – боли, ужаса, изумления. Взрослые узнавали сыновей и дочерей.

Никто еще не знал, что больше сотни младшекласников спаслись в штольнях именно благодаря этому классу. Все видели только искалеченные рукопашной тела девочек и мальчиков, и кое-кто начал искать живых сторков.

На крик «наш живой!» сбежались снова все, и каждый надеялся, нет – каждый *был убежден, что...* Но жив оказался только один – тяжело израненный – подросток...

...Потерявший весь десант и все высланные машины, ошеломленный яростным сопротивлением новой расы Рэн кен ло Илвэри сумел уйти с орбиты только потому, что захватившая пост ПКО группа сторков сражалась с отчаянным мужеством и в конце концов, потратив все боеприпасы, подорвала себя вместе с боевой рубкой. Позже на родине его действия были, как ни странно, оправданы – слишком велики были те новости, которые он доставил на Сторкад...

...Первый долгожданный контакт Человечества с высокоразвитым разумом состоялся.

«Привет вам, братья, вступившие в нашу семью...»

Интерлюдия Йэнно Мьюри

205 год Галактической Эры

История Луны-11 не заняла много времени – фактически первых героев Первой Галактической на Земле чтили и помнили, и фильмов об их подвиге – что документальных, что художественных – было снято множество. Кое-что Игорь хранил на своем комбрасе и выбрал самую-самую классику: еще в годы той войны снятый «За други своя» Вадима Завороницына – в чем-то наивный даже по нынешним стандартам, но зато сохранивший самый дух той эпохи, то самое неуловимое, что жившим после... нет, ну не понять, конечно, но возможно почувствовать сердцем...

Проектор в комбрасе, правда, был слабоват – изображение недотягивало до полноценного стерео, – и Игорь волновался: вдруг джангри просто не поймут, что им тут показано? Он-то «За други своя» столько раз смотрел, что ему и картинки не надо – достаточно услышать, и образы пионеров тех лет сами встают перед глазами, как живые... А вот если ты и пионеров-то в глаза не видел, да и истории тех лет не знаешь – тут можно и сказать: «Ну и что тут такого?»

Но вышло совсем по-другому. Выключив проектор, Игорь посмотрел на принца. Лицо у Охэйо было хмурое и злое – и не только лицо. Мальчишка чувствовал, что и в душе у него перекачивалась та же темная, тяжелая злость.

– Вам не понравилось, сударь? – сухо спросил Цесаревич. Он-то, конечно, ощущал все это куда лучше.

Охэйо дико взглянул на него:

– Разве такое может *нравиться*? Нет. Просто... жаль, что меня там не было – чтобы врезать этим гадам и спасти мальчишек.

Игорь длинно выдохнул. То же самое чувствовал и он – и совпадение их ощущений очень его порадовало.

– У вас такого не было? – спросил он.

Охэйо перевел взгляд с Цесаревича на него:

– Такого – нет. Когда рухнула Зона, у нас и кораблей-то космических не было – какие там колонии... А когда появились джаго – до боев на поверхности не дошло, мы воевали в космосе... Но я-то хорошо знаю – как это, когда тебя *ведут в рабство*. Так что вполне могу представить, как все это было. Только...

– Только – что? – спросил Игорь. Он чувствовал, что злость Охэйо не связана с обычным для каждого нормального человека ощущением обиды за то, что он не смог пресечь увиденное им зло.

Охэйо растер ладонями лицо. Невооруженным глазом было видно, что чувства у него сейчас... растрепанные.

– Я просто подумал: а смог бы я вот так пойти в бой – без малейшей надежды на победу?..

– И? – спросил Цесаревич.

Игорь бы на ТАКОЙ вопрос не решился.

– Нет. – Охэйо прямо посмотрел на него. Глаза у него были злые. – Я бы не смог. Вот почему у вас – Империя, а мы, ойрин, даже на своей планете не хозяева...

– Долг наследника престола – не в том, чтобы погибнуть, – дипломатично заметил Цесаревич.

Охэйо вдруг улыбнулся:

– И *это* бы тебя остановило – там и тогда?

Цесаревич ответил такой же страшноватой улыбкой:

– Нет.

– Ну вот... – Охэйо вновь потер ладонями лицо. – Знаете, я теперь понимаю, почему всякие уроды так на вас бросаются – рядом с вами становится *стыдно*. Чувствуешь себя... да погано себя чувствуешь.

– Это значит, сударь, что вы больше не желаете длить общение с нами? – спросил Цесаревич.

Охэйо вновь поднял голову и посмотрел на него. Потом вдруг широко улыбнулся:

– Не-ет. Знаешь, как у нас говорят? «Если видишь гору – взойди на нее». И я хочу знать, что было дальше. Это ведь не единственная такая история? – Он посмотрел на Игоря.

Тот кивнул, одновременно думая: как же хорошо, что он захватил сюда подборку вроде бы и ненужных уже – и так все наизусть помнится! – фильмов о пионерах-героях Первой Галактической. Ведь как пригодились же!

– Ну вот. Значит... – Охэйо неожиданно широко зевнул и посмотрел на гостей уже сонно. – Я думаю, что хватит на сегодня, да?

Цесаревич кивнул. В самом деле, было уже поздновато.

– В таком случае, я приглашаю вас всех завтра. Можно пораньше – скажем, в полдень. Это не помешает вашим планам? – Он повернулся к Цесаревичу.

– Ничуть, сударь. У вас при дворе *очень* интересная компания.

Охэйо скривился.

– Интересная – это точно. Знали бы вы, насколько она *интересная* ... – Он вдруг почти незаметным движением поднялся и шагнул к двери. – Позвольте, я провожу вас к машинам...

* * *

Понятно, что спокойной дороги домой у Игоря не получилось – едва он забрался в

челнок, на него тут же навалились с вопросами. Игорь отвечал, как мог, коротко – лететь им было совсем недолго, а день, он чувствовал это, еще не закончился.

– Знаете что, ребята, – подытожил Яромир, когда они уже шли от посадочной площадки к посольству. – Генка и все остальные... *Они до сих пор сражаются*. Сражаются за нас, ребята. Так что... будем их достойны, – он замолчал, не зная, что тут еще можно добавить – да и стоит ли...

Когда земляне вернулись в посольство, было уже далеко за полночь. Мальчишки откровенно зевали – всем хотелось спать, однако пока что об этом нечего было и думать.

Андрей Данилович собрал своих подопечных в гостиной. Мальчишки переглядывались, кое-кто опускал глаза – одни перепробовали чужеземных угощений, проще говоря, бессовестно объелись, другие позволили себе несколько вольный танец с дамой, а кое-кто отвечал на разные, не слишком умные высказывания в адрес Русской Империи вовсе не в рамках дипломатического протокола. На дуэль, правда, мальчишки никого не вызвали – что уже само по себе было удивительно.

– Ребята, – начал Андрей Данилович, – вы общались сейчас с кучей народа, и мне – всем нам, взрослым – очень важно, что вам сказали, как к вам отнеслись. О мелочах не надо, только действительно важное.

Мальчишки посерьезнели. Объяснять им, что важно, а что нет, было уже не нужно.

– Господин полковник, – начал Яромир. – Вы видели в зале девушку-славянку?

– Да, видел, сударь. И что?

– Она подошла ко мне, – смущенно сказал мальчишка. – Очень подробно расспрашивала о том, как сейчас живут в Чехии, сколько на Земле осталось чехов, как обстоят дела с их культурой и прочее такое все...

– И что ты ей ответил?

Яромир смущенно опустил глаза:

– Правду. Да, мы живем в Русской Империи, но мы по-прежнему чехи.

– Она не сказала, откуда она, почему это так ее интересует?

– Сказала, что жила там, что она родилась в Братиславе, в тридцать четвертом году...

– Галактической Эры? – Андрей Данилович казался озадаченным.

– Нет, – мотнул головой мальчишка. – В две тысячи тридцать четвертом году. От Рождества Христова.

– Это ж почти пятьсот лет назад! – воскликнул Андрюшка Ворожеев. – Люди столько не живут.

– Я уверен, что она и в самом деле жила в Чехии, – упрямо повторил мальчишка. – Понимаете, есть мелочи, о которых невозможно узнать из книг, из стерео, откуда угодно – надо там *жить*. Кстати, в России она тоже жила.

– Гм. А потом? – спросил Андрей Данилович.

– А потом она покинула Землю и с тех пор ни разу на ней не была.

Это заявление вызвало короткий шум – в те времена Земля пребывала глубоко в Медленной Зоне и никто не мог ни прилететь туда, ни, тем более, улететь.

– Я надеюсь, ты спрашивал ее об этом? – спросил полковник.

Мальчишка вздохнул:

– Спрашивал, Андрей Данилович. *В ее мире никакой Медленной Зоны не было, и Третьей мировой не было тоже*.

– Вы уверены, что она говорит правду, сударь?

– Я уверен, что она действительно жила на Земле, – твердо ответил Яромир. – И что ей действительно пятьсот лет. Понимаете... она так говорила... словно после каждой моей фразы отходила на полчаса подумать, почитать книжки, справочники там всякие и только потом отвечала. Только на самом деле никакой паузы не было. Соображала она невероятно быстро. И еще... на самом деле, *тут ее не было*. Тело, которое мы видели, – кукла, я даже не знаю, как сделанная, но у нее не было своих мыслей, ничего. А хозяйка была где-то далеко – и, может быть, управляла не одним этим телом.

– Так, – Андрей Данилович нахмурился. – Лицеист Шомберк, сейчас вы пойдете в ксенологическую секцию, найдете там доктора Анисимова и расскажете ему все самым подробным образом. Выполнять!

Мальчишка четко откозырял и вышел. Полковник повернулся к оставшимся:

– Так, орлы, кому еще счастье привалило?

– Ко мне какой-то джангри подошел, – начал Димка Беляев, – интересовался, как там у нас, на Земле, с математикой. Молодой еще – навроде принца, – но ехидный какой! Из всех сил старался выставить меня дураком, но я ему показал, что мы, земляне, тоже не лыком шиты. Ну, по крайней мере, постарался, – самокритично добавил мальчишка.

– А ко мне две дамы привязались, – сказал Святослав. – Нет, вы плохого не подумайте, – быстро добавил он, – у них уже внуки, наверное, взрослые. Их русский язык заинтересовал – просто страсть как. И так им скажи, и этак, и спой – хорошо хоть станцевать не попросили. А что, я бы мог, – добавил мальчишка под общий смех.

– А ко мне какой-то аниу пристал, – сказал Андрюшка Ворожеев. – До чего любопытный, жуть! Ему сколько ни скажи – все мало. Я под конец уже утомился языком ворочать, а он все одно – а как, а почему? Я еле отмахался от него. Дикие они, эти аниу, – совсем дикие, ровно как дети. Словно и не знают, как люди живут.

– Не ехидствовал хоть? – спросил Димка.

– Не, ну, по малости разве что. Мол, и форма у нас дурацкая – мы в ней, мол, как конфеты в обертке, и прически оттого короткие, что волосы рано выпадают. А у самого патлы, как у девчонки, прямо в глаза лезут, а он их отмахивает, а когда я ему подстричься предложил – выверился на меня, ровно я ему уши предложил отрезать.

– А может, это девочка и была? – предположил Игорь. – У них ведь и не отличишь в этих их полях.

– Не, – отмахнулся Андрей. – Я тебе что – парня от девушки отличить не смогу? И мордочка как у парня, и голос. Одно – любопытный, как ребенок.

– А ко мне мьюри какой-то подошел, – сказал Федор Волохов. – Все спрашивал, как мы боремся с подростковой преступностью. Я ему в лоб говорю: нету у нас такой, ну, нету! А он не верит – не может, говорит, такого быть, все подростки, мол, по натуре преступники. Ну, я его и послал – жаль стало время на дурака тратить.

– Далеко послал-то? – спросил Игорь.

– А сразу на три буквы и послал, – невозмутимо ответил мальчишка.

– И что? Пошел? – спросил Игорь.

– Пошел, как миленький, – ответил Федор, вызвав настоящий взрыв смеха. – Не понял ни фиги, но пошел – вник, видать, что тут ему не рады.

– Спокойно, ребята, – сказал Андрей Данилович, и смех сразу стих. – Что еще у кого было?

– Мне словно в затылок кто смотрел, – резко сказал Раймар. – Не все время, а осторожно так – посмотрит, а как я замечу – сразу шасть и нет его. Не глазами, конечно, смотрел – в мысли влезть попытался, паскуда. Я его стукнуть пару раз даже пробовал – так он уворачивался, а потом снова...

– И ко мне кто-то в голову влезть пробовал, – сказал Мирослав. – И не пообщаться – так-то я и не против – а нагло: что, мол, я думаю? Ну, я его и отшил.

– И ко мне, – сказал Тиудир. – Только не слишком старался уже – понял, видать, что ничего не получится.

Полковник нахмурился:

– Так, ребята, это уже серьезно. Любопытство – любопытством, а за такие вещи надо бить. И не только ментально, но и в морду.

– Может, это тот офицер в черном был? – предположил Раймар. – Как-то не по нутру мне он, чисто покойник.

– Капитан Лвеллин все время был с нами, – резко ответил полковник. – И ничем лишним он не занимался, в этом я уверен. Тут кто-то еще постарался. Так что пара

неприятных вопросов нашим хозяевам гарантирована – и от подполковника Алябьева, и от Цесаревича лично.

Мальчишки промолчали. Они понимали уже, что к их визиту хозяева основательно подготовились – да и не только они, а вся весьма разношерстная компания, которая кучковалась при этом весьма странном посольстве. Каждый разговор, каждая вроде бы случайная беседа представляли собой тщательно продуманный экзамен – или даже настоящий бой, – и они не проиграли ни одного.

Пока не проиграли. И не собирались впредь.

* * *

Вернувшись, наконец, в свою комнату, Игорь вдруг понял, что не может уснуть. Вернее, не то, что не может – глупость какая! – а просто впечатлений он сегодня получил сверх меры и их нужно было разложить по полочкам, потому что и в голове тоже порядок должен быть. Но прежде, чем он успел этим заняться, к нему явился Яромир, уже бесстыдно зевающий – вообще-то, им обоим уже полагалось спать, завтрашней побудки Андрей Данилович отменять не собирался.

– Ну и как тебе принц? – спросил он. – Я-то вначале испугался даже, как он на тебя попер... А в итоге вон что вышло...

– Станный он какой-то... – честно ответил Игорь. – Так вроде бы нормальный парень, честный. Но как там англосаксы говорят? – без пары карт в колоде...

– Без царя в голове, – машинально поправил Яромир. Он всегда очень пунктуально относился к приоритету Русской Империи даже в таких вот мелочах.

– Ну, так. Вот ты можешь представить дворянина, который подходит к кому-то и говорит: «Хочу»?

– А в этом ничего плохого нет. – Яромир бухнулся на стул, поджал босые ноги и начал раскачиваться – казалось, он вот-вот грохнется, но Игорь знал, что такой радости он не дожидается. – Это смотря чего хотеть, вообще-то. Знать хотеть – хорошо. А хотеть, чтобы люди людьми были, а не свиньями, – так прямо-таки обязательно. Слушай, разве тебе Андрей Данилович не говорил: «Хочу, мол, чтоб у тебя в комнате все было убрано?» – Он улыбнулся.

Игорь поморщился:

– Да говорил, целых два раза. Но мне тогда шесть лет было... А тебе какое счастье привалило? Кто там эта девушка была? Анджела?

– Анхела, – поправил Яромир. – Анхела Маржета.

– И что? Откуда она, как ты думаешь?

Яромир молча покачался на стуле. Лицо у него было вдохновенное, как морда у саблезубого енота, добравшегося до залежей продуктов.

– Я сейчас у доктора Анисимова был... Интереснейший, кстати, мужик – я из его речей половину не понял, наверное... Ты теорию Сафронова знаешь?

– О параллельных Вселенных? Знаю, конечно, кто ж ее не знает? Дофига параллельных Русских Империй – это, знаешь, внушает... Вот только доказательств никаких, хочешь – верь, хочешь – не верь...

– А если доказательства найдутся... – начал было Яромир, но Игорь прервал его: чего другого, но заумных лекций на ночь он желал сейчас меньше всего иного. В конце концов, завтра будет день и будет пища, как брат говорит... и как говорил отец.

– Уже второй час ночи, между прочим. Давай, братец, спать?

– Валенок ты сибирский, – проворчал Яромир, поднимаясь, и, зевая, побрел к двери. – Нет, черт побери, как интересно все же жить, а?

Игорь молча согласился с этим.

* * *

Жить в самом деле оказалось... интересно. Утром, едва разгоряченные после зарядки мальчишки ввалились в столовую, неугомонный Андрюшка Ворожеев включил стерео – посмотреть, что там еще врут о землянах. Но о землянах там не ввали. Правды, впрочем, не говорили тоже. Можно сказать, совсем ничего не говорили, если не считать постоянных апеллирований типа «на Земле такое было бы недопустимо... земляне никогда так не поступили бы... если мы обратимся к опыту решения подобных проблем землянами...» и так далее и тому подобное.

Сейчас хозяевам было, судя по всему, уже не до «жутких земных дворян» и тех способов, какими они угнетают свой многострадальный народ...

Здесьние аналитики перемывали кости не землянам, а собственным хищникам-капиталистам. Причем напоминало это просто-напросто сводки из районов боевых действий.

Закончившееся недавно исследование условий жизни и труда неквалифицированных рабочих вызвало шок у граждан Федерации. Данные, опубликованные медиаконцерном «Махион», подтверждают беспардонное нарушение прав человека, низведение рабочих до положения рабов и вопиюще низкие условия жизни.

Данные касаются главным образом «Мемон Фабрик», дочерней компании «Ультра-Текстилез» (которая, в свою очередь, является дочерней компанией «Амфатара»). Свидетельства бывших рабочих, а также данные негласного расследования деятельности одного из ведущих заводов компании раскрывают картину, которую невозможно назвать иначе как «абсолютно негуманную».

Один из свидетелей, ранее работавший на «Мемон Фабрик» и обратившийся в «Махион» с идеей расследования, утверждал, что однажды получил травму руки из-за отказа автоматического станка. Вместо того, чтобы направить его в медпункт, начальник смены попросту перетянул ему руку какой-то тряпкой и отправил работать до конца рабочего дня. В медпункте же ему за пять минут простерилизовали и зашили рану, после чего уже на следующий день отправили на рабочее место.

Один из журналистов «Махион» смог устроиться на завод и пронести с собой скрытую камеру. Среди происшествий, попавших в ее объектив, – рабочий, пострадавший от обезвоживания, сотрудник, получивший травму из-за поломки станка и немедленно замененный другим рабочим без какого-либо ремонта оборудования, а также множество случаев порезов и мелких ран, оставшихся без должной помощи и ухода в антисанитарных условиях.

«Компании выплачивают своим сотрудникам почти всю зарплату своими купонами, – заявил также бывший сотрудник фабрики. – Да, они платят небольшую сумму нормальными деньгами, однако все эти деньги уходят на оплату корпоративного жилья, так что сотрудникам не остается практически ничего. Купоны компании можно отоварить в корпоративных магазинах, а цены там такие, что вся зарплата уходит на хлеб и воду. В принципе, есть возможность обменивать купоны на реальные деньги, однако курс обмена настолько несправедлив, что для того, чтобы скопить достаточно реальных денег на паршивый гамбургер, нужно не есть и не пить несколько месяцев!»

Сотрудник ПР-отдела компании «Мемон Фабрик» заявил корреспонденту «Махион»: «Сотрудники вправе в любой момент сменить место работы по своему желанию, а также вправе просто расторгнуть контракт в любой момент. Им оплачиваются больничные листы, а также предоставляются отпуска в соответствии со сроком работы. Сотрудники довольны обращением и вполне счастливы. Мы действуем в строгом соответствии с законодательством, а любые известные случаи его нарушения тщательно расследуются».

На это бывший сотрудник компании ответил, что формально все сказанное соответствует истине, однако для простого рабочего более чем невозможно заставить эти формальности работать на себя.

«Сотруднику требуется доказать, что он болен, а для этого нужно попасть к врачу, чтобы он выписал больничный лист. Если же ему хватит здоровья, чтобы добраться до доктора, его объявят достаточно здоровым, чтобы продолжать работу. Если же он не сможет добраться до врача, из его жалования вычитается сумма для оплаты труда сотрудника, заменившего его на рабочем месте. Сведения о нарушениях принимаются только от менеджеров, а именно они и являются главными нарушителями законов. Для того же, чтобы покинуть станцию, на которой расположен завод, нужно оплатить место реальными деньгами, которые практически невозможно получить».

После передачи «Мемон Фабрик» выпустила пресс-релиз с опровержением. В нем опубликованные сведения названы «типичным примером предвзятости т. н. «свободной прессы» в отношении бизнеса». Далее в нем было заявлено, что «данная история выставляет в самом невыгодном свете условия труда на заводах компании. Условия труда на всех наших заводах соответствуют стандартам, действующим на территории Федерации. Если правительство соберется должным образом проверить условия труда на наших заводах, мы, естественно, будем настаивать на как можно более тщательной проверке. До окончания проверки вся эта история не стоит и выеденного яйца».

Сенатор Харле Исли из Сенатского Комитета по надзору за корпорациями отметила, что комитет намерен начать расследование данного случая. «Если эти обвинения окажутся правдой, то продукция компании «Мемон Фабрик» может в соответствии с Федеральным Законом о торговле быть объявлена созданной с применением рабского труда, что приведет к полному запрету ее деятельности на территории Федерации».

– Вот тебе и «общество благоденствия», – сказал Яромир. – Обычные граждане Йэнно Мьюри – рабы... хоть официально это и звучит по-другому...

Игорь хмыкнул:

– Сторки говорят, что рабы-джаго все же лучше – выносливей, неприхотливее... и выживают на урановых рудниках дольше.

Яромир кивнул:

– Правильно все делают. Куда еще всех их девать? Если их отпустить – расплзутся по вселенной, размножатся, и придет всем пушистый сибирский зверек... И так тут уже в каждом портовом квартале куча джагганских рож, я видел, посещал, так сказать... Это сейчас мьюри чушь порют про демократию и права человека, а завтра что – прилетят к нам насаждать свои порядки? На фиг на фиг – нефиг нефиг.

– До нас у них руки короткие, – ответил Игорь. – Я думаю, корпорации сейчас начнут информационную войну с переманиванием джаго к себе на фабрики, чтобы компенсировать недостачу рук. Платить будут живыми деньгами, а не талонами, но мало...

– Ага, с рабочими руками у них и правда фигово, – усмехнулся Яромир. – Народу толпы, а рабочих нету, каждый рвется хоть с краешку, но штурвал покрутить... Как тебе «найм наркозависимых граждан в обмен на достойный медицинский уход за ними»? И, разумеется, корпорации получают свою долю за использование рабочей силы... Знаешь, как они друг перед другом на этот счет распинаются? Мол, у нас ничего такого нет. Да, у нас строгие порядки и капитализм. Но никакой рабской эксплуатации. Да, наш народ впахивает, как папа Карло, и уровень жизни скромный, роскошь и развлечения не широко распространены. Но это потому, что мьюри предпочитают труд на благо страны и своей родной корпорации личным интересам. Так что это все грязная клевета и пропаганда конкурентов, которые только и могут работать за большой куш! Да еще чтобы телевизор на рабочем месте, и обед бесплатный, и если пальчик порезал, то сразу больничный. Вот рабочей силы у них-то и не хватает, ибо все они декаденты и гедонисты, а мы – трудоголики.

Игорь хихикнул:

– Когда наш земной бородатый дядя придумал слово «капитализм», нормой был четырнадцатичасовой рабочий день с одним выходным. Никаких тебе отпусков, больничных и медицинских страховок. Нет работы – становишься этим, как его... вагабондом, и тебя

отправляют на пару-тройку лет в каменоломни. Там тот же рабочий день, только вообще без выходных и бесплатно. При всем этом ты должен быть патриотом родной фирмы, и в случае чего – сдохнуть за хозяина по первому его зову. Кто против хозяина – тот не гражданин... Так что налицо обыкновенная «демократическая» пропаганда с целью достижения своих интересов, под прикрытием «гуманизма» и «общечеловеческих ценностей» – последнее особенно круто, представь общие ценности для дайриса и фомора!!! – Мальчишки буквально заржали. – Интересы – привлечение дополнительной рабочей силы на свои предприятия и попытка недобросовестной конкурентной борьбы посредством удара по престижу конкурента. Классический пример «свободной журналистики».

Яромир, перестав смеяться, с сомнением посмотрел на него:

– Знаешь, все-таки пропаганда творит чудеса. Человека можно убедить, что ему что-то не нужно, особенно когда этого «что-то» он не имел, не имеет и в глаза не видел. Пропаганда объяснит, что является средством передвижения, а что роскошью. Она может убедить, что роскошью может являться все, что лежит выше маленькой кельи и рубища на теле. Обладая чем-то, мы привыкаем к нему и не думаем, что для кого-то мы можем выглядеть людьми, живущими в роскоши. Это я к тому, что пропаганда может назвать роскошью то, что таковой не является. Многие мьюри сейчас считают, что они являются скромными людьми, не любящими роскошь. Только для них понятие «роскошь» несколько отличается от нашего. Впрочем, кто-то в более дикой стране может считать, что мы тоже просто лицемерим и так купаемся в роскоши. Немного сумбурно, да?

Игорь пожал плечами:

– Наверное. Хотя да, ведь на многих планетах на самые обычные наши вещи глядят, как на сокровища... Понятие роскоши напрямую зависит от среднего уровня жизни и принятого за эталон образа жизни. Причем не обязательно, чтобы этот эталон можно было назвать человеческим, нужно только убедить людей, что так и надо. Роскошью могут быть названы даже те предметы, которые в другом месте попадают в разряд жизненно необходимых. Кстати, мьюри любят развлечения и азарт... и рисковать особенно остро любят. Но при всем при том карьере на риске ты у них не сделаешь. Вот у скиуттов – запросто.

– У скиуттов... – задумчиво пробормотал Яромир, явно уже задумавшись о чем-то другом. – Ты к принцу-то этому снова летишь или как?

Пятый год Экспансии

Сведения

ПРОКСИМА (альфа Центавра): расстояние до Солнца – 1,31 парсека... Спектральный класс G2; радиус и масса равны солнечным. Тепловое излучение ок. 6 тыс. Кельвин... 4 спутника... Луны: русская № 2, англосаксонская № 4... обитаем один мир – Китеж (3-й спутник... статус – Вассал)...

КИТЕЖ: орбитальный радиус – 1 а. е., (...) период обращения – 343 дня... естественные спутники: Полуночная, диаметр – 0,7 земной луны, радиус орбиты – 1 земной луны; Червонная, диаметр – 0,6, радиус орбиты – 0,2...

Масса планеты – 0,89 земной, плотность – 1, сила тяготения – 0,92... Радиус – 5974 км, длина экватора – 41 005 км... Общая площадь поверхности – 490,2 млн. км²...

Водой занято 64 % поверхности... Среднее атмосферное давление 0,9, содержание кислорода – 21 %...

Ось вращения наклонена к плоскости эклиптики под углом 12°38'. Период обращения – 25 часов...

Население: /на 4 г. Экспансии./ – 11 млн. чл. (84 % русские, 11 % французы, 3 % болгары, 2 % англосаксы). Язык – русский... Столица – Трезубец (45 835 чл., космопорт)... Основная масса населения – фермеры, охотники, старатели – живет в небольших поселках, на фермах, кордонах, в поселках и станицах... Управление:

вассалитет Российской Империи... генерал-губернаторство... 37 губерний, 14 латифундий с внутренним самоуправлением... Уверенно контролируется 100 % планетарной суши...

Экономика: экспортируются продукты сельского хозяйства, живой скот, лесоматериалы, пластмассы, меха, некоторые металлы... импортируются техника, оружие, часть предметов быта... денежная единица – рубль... средний доход на душу населения – ок.6 тыс. руб...

История: планета открыта в 1 г. Экспансии 2-й Звездной экспедицией (В. В. Игнатович, «Гамаюн»)...

Туземцы: харг-каарт (оценочная численность на 3 г. Экспансии ок. 25 млн.). Человекообразные гуманоиды... населяют зоны умеренного пояса... четыре тонкие конечности с двусторонней вертикальной симметрией. Средний рост ок.1,5 м. Зеленовато-бурый волосистой покров всего тела... большие круглые глаза зеленого (оттеночно) цвета со зрачком-диафрагмой... нос-клапан... Уровень развития харг-каарт на всей планете примерно соответствует неолиту по времени Земли... Туземцы легко контактны, восприимчивы и в целом миролюбивы... в настоящее время основное их количество так или иначе дружелюбно контактируют с землянами и признают – насколько это возможно в силу их миропонимания – власть Императора...

*Серия «Планеты и Луны исследованной Вселенной»
Том 2. «Китеж».*

Из сообщений СМИ Йэнно Мьюри о событиях в Нижнем Крае

Русская Империя объявила официальную войну рабству

Военное министерство Русской Империи объявило о полном подчинении так называемых «отказников», живущих на Брэссудзе сторков-рабовладельцев, которые не исполнили указ Императора о безусловном освобождении рабов. Русские части ОВС Земли заняли их владения и освободили всех шэни, объявленных «неотчуждаемой собственностью Сторкада».

«Его Величество Василий VII желает, чтобы было известно: указ основателя династии Евгения Романова о вечном запрете рабства распространяется на всех граждан других государств на всех планетах, заключивших союз с Русской Империей, без каких-либо исключений, – заявил командующий экспедиционной эскадрой контр-адмирал Александр Санин. – Те рабовладельцы, что упорствовали в своем отказе, были захвачены. Руководители мятежа уже казнены в соответствии с законами Империи. Те, кто по глупости последовал за ними, арестованы. Семьи «отказников» будут высланы с Брэссудзы на Сторкад с перспективой обмена на земных гражданских лиц, удерживаемых сторками по принципу «всех на всех». Такова будет судьба всех рабовладельцев. Они должны вновь понять, что зло не остается безнаказанным. Вне всякого сомнения, – добавил он, – нас в ближайшее время поддержит и Англо-Саксонская Империя, а вскорости практика освобождения рабов будет официально установлена Большим Кругом Земли как обязательная для всех, кто желает мира с нами».

Сообщения с Брэссудзы указывают на жесткие боевые действия в отдельных районах, с орбитальными бомбардировками по некоторым целям. Часть сторков продолжает сопротивление в прибрежных лесах вдоль океанских берегов. Предполагается, что более пятнадцати миллионов рабов-шэни удерживалось ими в нарушение императорского указа. Они будут перевезены в центральные города планеты, а оттуда – в выбранные ими места, в соответствии с их пожеланиями.

3. Сезон охоты

Пятый год Экспансии / Первый год Галактической войны

Жизнь – штука довольно-таки непредсказуемая. Если бы всего год назад кто-то сказал Борьке Рокотову, что он будет рассекать по улице затопленного и заброшенного туземного поселка на сделанном своими руками аэрокатере, он бы ни в жизнь не поверил, хотя как раз это и не было удивительно – улица была затоплена на добрых полметра, а то и выше, и между серыми плетнями лениво колыхалась холодная темная вода.

Сам катер мог бы привлечь гораздо больше внимания – темно-синий пластмассовый «блин», два на три метра. На его корме был установлен мощный мотор с полутораметровым воздушным винтом, впереди стояло водительское кресло, руль и пульт управления, а между ними, на маленьком пятачке, было место для стрелка. Все это окружали легкие, но прочные дуги из стальных труб, защищавшие катер от ударов – весьма нужное приспособление, учитывая то, что разгонялся аэрокатер хорошо, а вот про тормоза Борька как-то забыл.

Место стрелка сейчас занимал Витька Галюшин, пристегнутый к трубам поясом, каким обычно пользуются монтажники – чтобы не биться о них, если катер во что-нибудь врежется, а это случалось сплошь и рядом – управляться с ним было непросто, несмотря на похожий на жалюзи воздушный руль. К тому же, часто единственным способом проехать было снести очередной забор, врезавшись в него на полной скорости.

Сам Борька не слишком страдал от таких трюков, Он сидел в автомобильном кресле, пристегнутый стандартными ремнями безопасности, а вот Витьке приходилось хуже – он стоял, а руки у него были заняты. Так что все рывки приходились на пояс, и после каждого столкновения Борька узнавал о себе много нового.

Правду говоря, именно Витька был тут главным, он говорил Борьке, куда ехать, не особо объясняя, зачем, но тот не возражал. В конце концов, от водителя катера тоже кое-что зависело, хотя от стрелка зависело гораздо больше. Хорошо хоть, что оружие им досталось серьезное – у Витьки была древняя автоматическая винтовка «L1A1», созданная еще до Безвременья. Во времена Серых Войн практичные англосаксы вновь начали производство этого надежного и неприхотливого оружия под мощный 7,62×51-миллиметровый патрон, разработав к нему и сошки, и тяжелый ствол, и барабанный магазин, – все это позволяло превратить винтовку в полноценный пулемет. Но у Витьки винтовка была обычная, правда, с экспансивными пулями.

Обращаться с тяжелой, в четыре с половиной килограмма, стодеятисантиметровой дурой, да еще с сорокапятизарядным барабанным магазином было не очень-то удобно, но против *маха* даже стандартный русский 7,62×39-миллиметровый патрон действовал довольно-таки плохо, да и прицельная дальность тут была побольше – семьсот метров верных.

Правду говоря, охотничий «Тигр», под сверхмощный патрон 8,6×70, тут подошел бы куда больше, но это было слишком редкое и дорогое оружие, да и весил он почти семь килограммов – когда стрелку четырнадцать лет и его мотаает, словно горошину в стручке, это довольно-таки неудобно. У Витьки винтовка и так была «лысая» – не только без разных малополезных в данной ситуации приамбасов вроде лазерного прицела или сошек, но даже без оптики – это позволяло снизить вес, а речь о снайперской стрельбе с качавшегося катера все равно не шла. Стрелять приходилось навскидку, почти не целясь – и главным тут было не попасть в цель на запредельной дистанции, а сделать побольше относительно точных выстрелов. Вообще любой пулемет – хотя бы простой «Печенег» на турели – подошел бы тут куда лучше, но Витька не любил пулеметы. Он отчего-то считал, что, когда ты стреляешь из него, убиваешь не ты, а убивает машина, и с пеной на губах проталкивал эту странную теорию. А после того, как полгода назад произошла трагедия – *маха* разорвали его младшую сестру, – он истреблял их с самозабвенной яростью, как настоящих разумных врагов, и сам решал, как будет сводить счета. Хорошо хоть, что патронами он запасся основательно. В

тяжело болтавшейся перед мальчишкой привязанной к трубе сумке лежало шесть запасных сорокапятизарядных магазинов, а на самый крайний случай на бедре Витьки висела кобура с древним, как мир, «кольтом», тоже до сих пор производимым практичными англосаксами. Это старое, но очень мощное и точное оружие весило многовато для мальчишки, но вес окупался уникальной надежностью, огромной убойной силой и почти полной невосприимчивостью к грязи. В левом кармане джинсов Витьки лежали две запасные обоймы к этому чудовищу.

Борька тоже был вооружен – винтовки ему не полагалось, да она ему была и не нужна. У его правой ноги, в специальном креплении, торчал англосаксонский же полицейский «раптор» – тридцатизарядный пистолет-пулемет под мощный 10×25-миллиметровый патрон. Конечно, современные русские 4,8×30-миллиметровые модели, вроде «элемента» или «жнеца», стреляли в два с половиной раза дальше – прицельная дальность «раптора» не превышала ста метров, – но это было оружие для уличного боя, его проектировали против врагов, закованных в бронежилеты, а против *маха* было нужно оружие попроще, с упором на убойную силу, и «раптор» неплохо под это подходил. Он был компактен и легкий – шестьдесят сантиметров с выдвинутым прикладом и два с половиной килограмма веса, имел неплохую балансировку, был прост в обращении, разборке и ремонте, а также оснащался встроенным глушителем – необходимая вещь для боя в замкнутых помещениях, если вы не хотите оглохнуть. Здесь глушитель был вроде бы ни к чему, но Борька не любил треска выстрелов, да и слышать команды ему тоже иногда стоило.

В прицепленном под его левой рукой подсумке лежало семь запасных тридцатизарядных рожков – плюс еще один в самом «рапторе». Конечно, водитель вообще не должен стрелять – разве что в совсем уж крайних случаях, когда стрелок не справляется, ведь вообще-то его дело рулить – но иметь запас все-таки стоило. Мало ли что – вдруг откажет двигатель, например. Хотя он, как и топливный бак под ним, был прикрыт массивным кожухом, защищавшим его от случайных повреждений, всегда оставалась опасность непредвиденной поломки. Борька прекрасно понимал, что, если мотор сломается, например, сейчас, они, скорее всего, умрут – до поселка было уже больше тридцати километров и пройти их пешком, по наполовину затопленной, кишасей *маха* местности было почти совершенно нереально. Конечно, перед этим рейсом – как и всегда – он проверил все как можно тщательней, но приходилось следить и за топливом – катер нес всего трехчасовой его запас, а они плыли уже больше часа. Чуть меньше часа на охоту – и в обратный путь.

Борька поежился – одет он был лишь в поношенные джинсы, как и Витька, а день выдался довольно-таки холодный, хмурый и ветреный. Но ничего не поделаешь – винт поднимал массу водяной пыли, да и сам катер сидел очень низко – вода то и дело захлестывала его босые ноги. Она тоже была холодная, но Борька не вздрагивал, уже почти привык. Он по опыту знал, что любая одежда тут скоро промокла бы, и тогда стало бы по-настоящему холодно, да еще, вдобавок, и мерзко, а их ничего не должно было отвлекать. Ровный шум двигателя усыплял и глушил все звуки, так что оставалось надеяться лишь на глаза. Что еще хуже – этот шум и быстрое движение катера создавали ощущение защищенности, отдельности от окружающего мира, а доверять ему ни в коем случае не стоило. Сзади их защищал прикрытый предохранительной решеткой массивный стальной винт с не менее массивными рулевыми жалюзи, а вот с других сторон защиты почти не имелось.

Конечно, трубы вокруг неплохо прикрывали их от ударов, но совершенно ничего не мешало *маха* просунуть между них лапу и выдернуть водителя или стрелка вместе с крепежными ремнями. Что потом бывает, Борька знал слишком хорошо. Даже если тварь тут же убьют, она почти наверняка успеет превратить человека в мешок с костями, он подобное видел и вовсе не мечтал умереть таким вот образом.

Как назло, погода сегодня и правда выдалась скверная – по небу сплошь плыли низкие серо-синие тучи, дул сильный ветер, того и гляди мог пойти дождь. К тому же было уже

довольно поздно – около четырех часов дня. Когда они будут возвращаться, уже начнет темнеть – не лучшее время для охотников, но лучшее время для охоты – как раз такую погоду и такое время предпочитали *маха*.

Борька вообще не считал этот поход хорошей идеей – они отправились в него в одиночестве, и сейчас до самого поселка вокруг не было ни одной живой души, но у Витьки были свои соображения. Правда, *маха* словно бы как-то почуяли их – они явно попрятались, и в их поисках ребята забрались уже слишком далеко – туда, куда обычно забираться не решались. Все это было не к добру, и Борька нахмурился.

Пока он ехал быстрее тридцати километров в час – сейчас катер уверенно держал сорок, – бояться нападения сзади не стоило. Спереди, собственно, тоже – вдоль длинной затопленной улицы можно было вести огонь, как в тире, а стрелком Витька был отличным. Но вот если твари выломаться сбоку, с небольшим упреждением, чтобы катер не успел проскочить мимо них... тогда останется рассчитывать лишь на то, что их будет мало и они нападут лишь с одной стороны. Надеяться на внезапность было бы глупо – ровный шум мотора разносился на километры вокруг, и *маха* вполне хватало времени, чтобы подготовить засаду. Заборы и хижины вокруг давали им возможность нападать буквально с нескольких метров – и, если они бросятся сразу со всех сторон...

Борька невольно положил руку на пистолет, свое запасное оружие. Простой «бердыш» или даже стандартная армейская «гюрза» тут малогодились, и у него поэтому был такой же, как у Витьки, «кольт». Его тяжелая пуля обладала впечатляющей убойной силой, но со скоростью у нее было плоховато и прицельная дальность оружия не превышала полусотни метров – впрочем, Борьку это мало волновало, он понимал, что стрелять придется (если придется) на гораздо меньшей дистанции. Куда больше он боялся за надежность оружия – «кольт» славился своей чувствительностью к влаге, а ее вокруг было более чем достаточно.

Когда-то очень давно этот пистолет считался «крутым», но в бою он мало чем отличался от того же «бердыша». В охоте на *маха* было иначе – тут убойная сила играла основную роль. Борька не считал себя особо метким стрелком и потому прикрутил к пистолету лазерный прицел – приамбас обычно довольно бесполезный, но вполне эффективный в такой вот хмурый день. Вот только запасных патронов у него совсем не было – одна обойма в пистолете, и все. Не то чтобы их не было совсем – Борька не брал их из какого-то, довольно-таки глупого, суеверия. Он считал, что пистолет может пригодиться при внезапной атаке, но рассчитывать на него не стоило – если основное оружие выйдет из строя, толку от «колты» в любом случае будет весьма мало...

Мальчишка заметил впереди переулочек – до него оставалось всего метров пятьдесят. Ему инстинктивно захотелось притормозить, но он тут же прибавил газу: мимо таких вот мест лучше проскакивать на полной скорости.

Он ничего не успел подумать, когда из-за этого поворота вдруг вылетели *маха* – двое или трое, он сразу не успел понять, не успел даже испугаться, хотя *маха* выглядели, мягко говоря, жутко. Само это слово было сокращением от «росомахи», но ничего похожего на росомаху в этих тварях не было, и о чем только думал тот, кто их первым так окрестил... хотя, возможно, это произошло из-за их хитрости и коварства. Больше всего они походили на каких-то здоровенных обезьян, скорее, на вымерших горилл Земли – двухметровые, невероятно широкоплечие, с чудовищными, с человека толщиной, руками, свисающими почти до земли – *маха* и передвигались в основном с их помощью. Башки у них были здоровенные, морды вполне обезьяньи, только с громадными зубастыми пастьями. Больше ничего обезьяньего в них не было – никакого хвоста, а голая, красновато-черная кожа делала их похожими на каких-то жутких мутировавших жаб.

Над головой Борьки бабахнул выстрел, больно ударив по ушам, – Витька принялся за дело. За черепом первой твари распустилось тут же пропавшее красноватое облачко, и она грузно опрокинулась навзничь. На таком малом расстоянии пуля мощного винтовочного патрона пробилась навывлет даже почти несокрушимый череп...

...Лишь потом Борька понял, что их спас плетень, за которым твари устроили засаду.

Они рассчитали все – и дистанцию, и то, что внимание стрелков будет отвлечено. Не учли лишь, что плетение палок, заросшее и стянутое вьюнком, окажется слишком прочным даже для их исполинской силы – забор не рухнул в первый же миг, и тварям пришлось ломать его, а это дало мальчишкам несколько спасительных мгновений.

Витька, не отрываясь, продолжал стрелять вперед – оттуда к ним бежали уже пять или шесть тварей, и Борька развернулся, выдернув из креплений «раптор». Забор буквально взорвался перед ним. Один их обломков больно ударил его в бедро, и перед парнем возникли сразу четверо *маха*. До ближайшего было всего метра три. Борька отчетливо подумал: «Это конец» – и тут же открыл огонь.

Он стрелял не целясь, опустошая магазин одной длинной непрерывной очередью, – к его счастью, вбитые в подкорку стрелковые рефлексы сработали быстрее сознания, и, вместо того, чтобы расстреливать ближайшую к нему тварь, он повел стволом справа налево, вогнав по несколько пуль в каждую – это не убило ни одного *маха*, но остановило атаку, а потом катер уже проскочил мимо них. Бояться погони не стоило – эти амфибии, смертельно опасные в глубокой воде, были неуклюжи и малоподвижны на мелководье, что и породило саму охоту с аэрокатеров.

Борька до предела дал газу, направив катер прямо на отряд бегущих навстречу *маха*, – другого выбора не оставалось. Над его головой загрохотала винтовка – Витька перешел на автоматический огонь, что делал только в крайних случаях.

Маха задержались – двое или трое, окутываясь тут же исчезающими облачками кровавого пара, – а потом катер на полном ходу врезался в них. Борьку рвануло вперед с такой силой, что потемнело в глазах, автомат едва не вылетел из его руки. На какой-то миг он ослеп, ремни впились в тело так, что хрустнули ребра. Раздался мощный глухой удар, катер просел, и холодная вода захлестнула ноги.

Мальчишка скорее понял, чем почувствовал, что туша *маха* пролетела над катером, и почти тут же он врезался во вторую, сбил ее и начал опрокидываться – корму ощутимо повело вверх.

К счастью, на сей раз гравитация победила – замерев на секунду, корма катера рухнула вниз, но не выровнялась, упав на что-то мягкое – на тушу *маха*, как бездумно отметил мальчишка. Он не сразу осознал, что они не движутся – мотор по-прежнему ревел, но тупой нос катера упирался в тушу *маха* ... в тушу, которая начала медленно, неуклюже подниматься.

Борька оцепенел от ужаса – от удара дыхание его сбилось, все тело стало как ватное – словно в каком-то кошмаре, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. В каком-то метре от него колыхалась огромная, как арбуз, башка *маха* – налитые кровью глазищи тупо буравили его, из пасти воняло. Краем глаза он заметил, что справа и слева поднимаются еще две твари, чуть ли не больше первой. Громадная лапа потянулась к нему...

Над его головой снова раздался грохот – и по башке твари наискось пробежала линия узких зияющих дырок, словно кто-то вбил в нее ряд толстых невидимых гвоздей, вколотив кожу в череп. *Маха* шумно опрокинулся назад, в воду, грохот повторился еще дважды – двумя короткими очередями Витька сбил двух других поднимавшихся тварей. Еще двое были, похоже, убиты до этого – никто больше не пытался нападать на охотников.

Борька наконец вдохнул и повернулся к другу. Лицо у Витьки было белое от боли – страшный рывок едва не перерезал его пополам, но он все же смог как-то перезарядить винтовку и открыть огонь. Борька шевельнул онемевшей, словно чужой рукой с повисшим в ней автоматом – в оружии не осталось ни одного патрона, и он подумал, что его нужно перезарядить.

В этот миг катер потряс страшный удар – его корму подбросило и наполовину развернуло. У Борьки непроизвольно клацнули зубы – он чуть было не откусил себе язык. Витька охнул и выдал нечто непечатное.

Второй удар развернул катер боком, и Борька увидел *маха*, похоже, того самого, который только что пролетел над его головой. Не было видно, что он сильно пострадал от

этого, – хрипло заревев, он протянул к мальчишке громадную осклизлую лапу... и Борька, выхватив «кольт», уложил его одним выстрелом между глаз.

За первой тварью, шатаясь, приближались еще две или три – из числа тех, что Борька подранил, но так и не добил до конца, и Витька расстрелял их из винтовки. Потом вдруг стало очень тихо – Борька заглушил двигатель и, расстегнув ремни, обежал катер кругом, выискивая возможные повреждения. Ограждение винта оказалось погнуто – к счастью, не настолько, чтобы винт задевал его, – а вот дальше...

– Что там? – испуганно спросил Витька, торопливо перезаряжая винтовку.

Вокруг них царила тишина, но это мало что значило. *Маха* привлекал шум – и в любой миг могли появиться новые.

– Руль погнул, падла, – хмуро отозвался Борька. – Сразу две лопасти.

– Не заклинил? – тревожно спросил Витька. Инструменты для ремонта у них были, но чиниться тут, отбиваясь от тварей, было бы тем еще удовольствием.

Борька вскинул винтовку на спину и двумя руками подергал лопасти.

– Вроде нет, но обратная дорога будет, я скажу тебе...

– Скажи еще, что не справишься, – усмехнулся Витька.

Борька сплюнул.

– Почему? Справлюсь, конечно. Но вот помотает нас здорово, это да. Короче, накрылась твоя охота. Так что слезай, голубь, со своего насеста.

– Это зачем? – подозрительно спросил Витька. Лезть в холодную, бурую от крови тварей воду ему совсем не хотелось.

– Зачем, зачем... Надо эту п-падь растащить, иначе я не развернусь.

– А если новые пожалуют, кто тебя прикрывать будет?

Борька картинно закатил глаза. Витька, конечно, был прав, но возня с мерзкими тяжеленными тушами не слишком его прельщала. Р-р-романтика, мать ее... Но раз любишь кататься – люби и саночки возить. Да и клыки у дохлых *маха* заодно можно вырвать – на ожерелье типа «смерть девчонкам»...

– Я тебе еще припомню, – ухмыляясь, предупредил друга Борька и, вздохнув, принялся за дело.

* * *

Обратная дорога и правда оказалась выматывающей. Когда они добрались до сухого места, где можно было причалить катер, из мальчишек вытрясло остатки сдержанности, и оба хмуро сопели – не поднимали настроение даже мысли об удачной охоте. Болтанка была совершенно невыносимой, движок принялся угрожающе взвизгивать время от времени, и мальчишки смирились с мыслью, что семь километров надо будет топать пешком, а потом возвращаться к катеру и чинить его.

– Вообще-то надо бы давно эти места мелиорировать, – сказал Витька, выскакивая на берег первым. Поскользнулся на траве и сел. – Ну твою ж мать, – уныло сказал он и махнул рукой.

Пошел дождь.

– Тебе что, земли мало? – Борька, поспешно пряча оружие в чехлы, метался по катеру.

Витька не ответил.

Земли на Китеже хватало, что правда, то правда. Семьи Рокотовых и Галюшиных прибыли сюда с первой волной переселенцев почти четыре года назад. Десятилетний Борька был измотан непереносимыми для земного мальчишки тремя неделями полунеподвижности в чреве на скорую руку склепанного рейдера. Сейчас корабли проходили этот путь за шесть дней, но в те времена гипердвигатели были послабей, да и капитан осторожничал, как мог, – все-таки на нем были жизни одиннадцать тысяч человек, не считая команды! Мальчишка решил, что попал в рай, и на второй день убежал из лагеря просто потому, что обалдел от воздуха, океана, степи на юге и востоке и одного вида синеватой полосы леса на севере и

западе. Нашли его через три дня, и то, как ему влетело тогда, Борька не любил вспоминать до сих пор. Что мальчишка остался жив, все сочли добрым предзнаменованием, и поселок, который группа колонистов начала строить на месте, где изловили Рокотова-младшего, назвали Доброй Надеждой.

До сих пор Добрая Надежда оправдывала свое имя. Жившие в лесу харг-каарт быстро познакомились и сошлись с землянами. Почва оказалась превосходным черноземом, в холмах на северо-востоке почти сразу нашли несколько речных каскадов, позволявших не возиться ни с каким сложным оборудованием. Когда строили ГЭСку, наткнулись на залежи самородной меди, а чуть позже – железной руды. Земные животные приспособились и к местным условиям, и к местным кормам, а здешняя фауна не таила никаких особых угроз (обитатели болот маха и еще пара тамошних хищников – не в счет), как и здешний микромир – этот вообще так и не смог ничего противопоставить иммунитету землян, автохтонные микробы, вирусы и споры дохли, едва попав в организм пришельцев. В общем, как сказал поселковый голова, склонный к стилизациям речи отец Витьки: «Место рыбой и травами обильно, пахотами и покосами сильно и велми глазу приятно». Не приживались земные деревья, и старшие нет-нет да и грустили по дубам, липам, ясеням родных мест. Но мальчишки и девчонки уже искренне считали планету своим домом, а родившиеся здесь мелкие и вовсе Землю видели лишь на стерео, березу воспринимали как полосатую экзотику, зато великолепно – и раньше взрослых – узнали, что невзрачные, похожие на сушеных гусениц стручки трехножки (это тонкое высококронное дерево смешно опиралось на три выступавших из земли корня) очень вкусные...

...Да, восемьсот человек, живших в Доброй Надежде, вполне могли считать себя счастливыми людьми. Но ни Борька, ни Витька сейчас так не думали. Витька наконец соизволил подняться, они вытащили из катера сумки с упакованной одеждой и обувью, чехлы с оружием, затащили суденышко тентом и полезли на береговой откос.

Дождь пошел сильнее, откос размок на глазах. Когда мальчишки – тяжело дыша, перепачканные красной глиной и страшно злые на все на свете, готовые просто начать кусаться – выбрались наверх, то первый, кого они увидели, был Олег.

Олег Полежаев появился тут два года назад – точнее, в двадцати километрах на восток появилось ранчо Полежаевых, где они выращивали коней. Сам Олег учился на Земле, в каком-то лицее, и сюда наведывался только на каникулы. Когда в начале позапрошлого лета мальчишка-дворянин появился на улицах Доброй Надежды впервые, то местным он «не показался». Слишком замкнутый, недружелюбный – наверное, он и в лицее был такой. Ребята попытались завести с ним дружбу, но он вежливо и оттого еще более обидно дал понять, что в компании не нуждается. Вообще.

Оскорбившаяся общественность решила не навязываться. Похоже, Олег был этим очень доволен. И позапрошлого лето, и прошлое, и начало нынешнего он время от времени попадался местным на глаза – то на реке, то в лесу, то в холмах, то в степи – всегда один и почти всегда верхом. С местными он дружелюбно здоровался, но не более того – и, как видно, на самом деле ни в какой компании не нуждался. Мальчишки из семей персонала латифундии, быстро ставшие друзьями-соперниками поселковых во всех делах, подтвердили, что да, Олег Полежаев и там такой же, ни с кем дружбы не водит, и все тут.

На этот раз Олег был не верхом, а на курносой танкетке «Еж». Он сидел за рулем, закрытый изогнутым бронешитом, и напряженно смотрел в сторону берега, из-под которого шумно карабкались мальчишки. На сиденье рядом устроился, развернув спарку двадцатитрехмиллиметровых стволов, кто-то из взрослых егерей Полежаевых. И взрослый, и Олег были не только в форме, но и в легкой броне, лишь забрала шлемов с изображенными гербами Полежаевых – синий круглый щит с алым Андреевским крестом и золотой окантовкой – подняты. Увидев, что это всего лишь мальчишки, егерь что-то пробормотал и приподнял стволы, а Олег вскинул руку:

– Привет. Как охота?

– Удачно, – Борька не сдержался, похвастался: – Можно считать, что в брошенной

деревне *маха* не осталось. Зато рыбу прикормили хорошо.

– Садитесь, подвезем до поселка, – кивнул Олег на танкетку. – Вы что, связь не включали?

– Какая связь? Вода со всех сторон хлещет! Да и зачем? Мы же сказали, куда едем, на сколько... – Витька запрыгнул в кузовок – там были сложены аккуратными штабельками уже вскрытые ящики со снаряженными лентами к спарке, у заднего борта в креплениях торчали шесть реактивных гранат, над ними угловато высилась автоматическая спарка старых зенитных ракет. – Вы что, воевать собрались? С кем? Надеюсь, не с нами из-за выпасов?

«Еж», урча двигателем и покачиваясь на широких гусеницах, мягко взял с места. Олег, не отрываясь от руля, включил коммуникатор.

– Чужими атакованы наши верфи у англосаксонской Луны-четыре, – сухо, совсем не по-мальчишески, сказал он. – Два часа назад генерал-губернатор объявил сбор ополчения. А четвертая армия, по моим сведениям, уже три дня как заняла позиции. Смотрите, это запись обращения...

Из сообщений СМИ Йэнно Мьюри о событиях в Нижнем Крае

Начало всегалактической войны

События в Нижнем Крае продолжают стремительно развиваться .

Как мы знаем, первая всегалактическая война началась с «вразумительного рейда» коалиции сторков, нэйкельцев и джаго на территорию Альянса Шэни.

Шэни потеряли свою первую станцию в системе GB-6X5. Объединенным флотом была полностью уничтожена верфь на орбите вокруг Брэссудзы, где с помощью землян строился военный флот.

Император Русской Империи официально заявил, что вступает за шэни. Через несколько часов с подобным заявлением выступил Император Англо-Саксонской Империи, и вскоре земной флот был замечен в системах коалиции.

Далее события начали развиваться самым стремительным образом. Многие системы, в которых находились земляне, подверглись массированному вторжению:

- система GB-6X5 – джаго, нэйкельцы, скиутты и сторки;
- система Брайта была атакована дайрисами и отрядами наемников;
- система Китежа была атакована сторками, джаго, дайрисами и отрядами наемников.

Во всех указанных случаях широко использовались на вербованные в принудительно-добровольном порядке отряды с различных подчиненных и полуподчиненных планет.

Нельзя сказать, что эта атака была неожиданной, однако ранее земляне никогда не вели войны такого масштаба на своей территории. Как результат, помощь шэни от землян была приостановлена (не факт, что она возобновится), и земляне ушли защищать свои системы.

В целом, война с шэни у коалиции более успешна, чем в системах землян. Хотя, конечно же, все воюющие несут солидные потери. Из действительно крупных – гибель линкора сторков от рук земной диверсионной группы. При этом сами земляне уже потеряли до десяти военных кораблей.

Серьезными неожиданностями для всех оказались демонстрация Землей четырех кораблей класса «авианосец» и вступивший в войну на стороне землян флот шэни (впрочем, в условиях отложенной помощи Земли шэни, видимо, удастся «привести к покорности»).

Следите за нашими обзорами, война обещает быть очень затяжной.

Судовые верфи землян прекратили свое существование

Конфликт между землянами и коалицией, словно холодная война, века назад раздиравшая Йэнно Мьюри на два противостоящих лагеря, наконец-то получил логическое продолжение в активных боевых действиях. Силы коалиции нанесли более чем сокрушительный удар по огромной верфи землян. Верфь, замаскированная под добывающий комплекс в системе F-TEIT, прекратила свое существование. В атаке принимало участие беспрецедентное количество кораблей, и на эту битву, скажу я вам, надо было посмотреть. Некоторые наемники коалиции, вместо того, чтобы воевать, вообще «висели» невдалеке и вульгарно делали ставки. В ходе этой кампании потери обеих сторон достигли внушительных размеров, а в тот момент, когда верфь исчезла в облаке плазмы, к ее обломкам, словно стервятники, ринулись все, желающие немного пожить.

Когда взрывы стихли, оказалось, что земляне потеряли станцию и верфь, ну и, естественно, в эллингах верфи сгорел (будем надеяться) весь строившийся на ней флот. В ходе этой кампании коалиция потеряла по меньшей мере сорок крупных боевых кораблей, а по информации из земных источников, более полусотни. Как бы там ни было, но пока эта битва поставила рекорд в нашей Галактике по количеству разово уничтоженных кораблей. В средствах массовой информации коалиция настаивала, что под маской производства харвестеров и фрейтеров коварные земляне производили постройку супердредноута, который, видимо, хотели назвать не иначе, как «Звезда Смерти». Если парни ввиду грандиозной попойки после победы ничего не напутали, то это – важнейший объект землян, который был вульгарно взорван.

Представитель Империи Сторкад признал, что существенные потери линейного флота все же ожидались, но тут же заявил, что «целью было уничтожить верфь врага, и эта цель достигнута, а все остальное второстепенно». К сожалению, он отказался прокомментировать следующие шаги коалиции и заметил, так, между делом, что события, произошедшие на F-TEIT, должны сказать все сами за себя.

Нэйкельцы говорят о произошедшем так: «Обе стороны, словно предчувствуя знатную битву, были заранее готовы. Защита F-TEIT насчитывала около 150–200 вражеских кораблей. Все мыслимые и немыслимые препятствия нашему заходу в систему были приняты, но мы были готовы, и коварные планы врага с треском провалились. Невероятно, но единственный в системе гиперпространственный глушитель, который якобы, хотя кто его знает каким образом, должен был помешать флоту коалиции «впрыгнуть», даже не был включен. Сам по себе план был достаточно прост – прыгнуть, атаковать верфь, разрушить ее, а затем уйти. Тактика, в старинные времена именуемая «ударь и беги». Первая часть плана прошла как по маслу, не в последнюю очередь благодаря навыкам нашего личного состава и профессионализму наших командиров. Ну и, подводя итоги, можно сказать, что план был выполнен на «отлично», цель достигнута, а объект уничтожен. Все говорит о том, что на верфи строился очередной супердредноут, поэтому игра стоила свеч».

Капитан земного линкора Англо-Саксонской Империи «Эльфред Великий» со своей стороны ответил вот чем: «Без линейного флота коалиция оказалась поставлена на колени. Поезд налетел на каменную стену. Да, мы потеряли верфь, несомненно, ценную, но все же потери коалиции в этой битве не стоили того».

Как бы там ни было, но война продолжается, и ее неумолимые жернова продолжают перемалывать корабли и пилотов в мелких стычках и дерзких вылазках на территорию обеих сторон. Доподлинно неизвестно, действительно ли это сражение стало поворотным моментом в войне, однако уже понятно, что эта битва запомнится многим как знаменательный момент в истории.

Из архивов Регистрационной Палаты Йэнно Мьюри.

(Затребовано к изучению Главным Исполнительным Собранием в 205 г. Г. Э. по времени Земли)

Общие сведения.

5-й г. Экспансии / 1-й год Галактической войны

НАСЕЛЕНИЕ ЗЕМЛИ (людей; с колониями):

Русская Империя – 650 млн. чл. (+ 73 млн. в национальных автономиях) – 723 млн. чл.

Англо-Саксонская Империя – 509 млн. чл. (+ 87 млн. чл. в национальных автономиях) – 596 млн. чл.

ВСЕГО: 1 млрд 319 млн. чл.

Объединенные вооруженные силы Земли

Сухопутные войска

(по мере необходимости части сводятся в бригады и дивизии)

	1-я армия	2-я армия	3-я армия	4-я армия	5-я армия	6-я армия	7-я армия	8-я армия
Кирасиры (полки)	25 000	16 700	22 000	28 000	14 000	12 200	23 000	23 400
Драгуны (полки)	34 000	22 600	30 800	38 000	19 000	20 000	32 000	32 600
Гусары (полки)	5000	3000	4200	6100	2100	1800	4200	4400
Уланы (полки)	10 000	7200	8800	14 000	6500	5000	8100	9000
Спецназ (батальоны)	1200	700	1000	1500	500	500	1100	1100
Штурмовики (бригады)	34 000	28 000	32 000	36 000	22 000	21 200	34 500	32 800
Панцирная пехота (полки)	70 000	49 600	64 400	90 000	37 200	30 600	68 000	84 800
Гренадеры (полки)	82 000	53 000	75 600	90 500	47 800	34 200	76 000	77 500

	1-я армия	2-я армия	3-я армия	4-я армия	5-я армия	6-я армия	7-я армия	8-я армия
Егеря (батальоны)	28 000	19 200	24 600	31 200	17 000	12 000	25 000	25 000
ВСЕГО ЧЕЛОВЕК	229 100	163 900	215 800	271 300	192 600	112 200	221 900	231 900
ВСЕГО:	2 164 500							
Танки	830	540	700	950	480	390	770	750
Машины поддержки	3040	2400	2940	3400	2060	2020	3000	2980
Орудия и установки поддержки	8200	5300	7560	9100	4500	3400	7600	7800
Вертолеты поддержки	2500	1500	2170	3100	1120	967	2230	2200
Транспортные вертолеты	720	430	675	817	256	208	700	722

УСЛОВНЫЕ НАЗВАНИЯ РОДОВ ВОЙСК:

– кирасиры: бронечасты, оснащенные тяжелыми танками прорыва и предназначенные для сокрушения обороны противника;

– драгуны:

а) мобильные часты, оснащенные машинами огневой поддержки и предназначенные для непосредственного взаимодействия с пехотой;

б) классическая кавалерия, входящая в состав охраны латифундий дворян-землевладельцев;

– гусары: мобильные часты разведки;

– уланы: мобильные часты, предназначенные для глубинных рейдов;

– спецназ;

– штурмовики: десантно-штурмовые часты;

– тяжелая (панцирная) пехота, предназначенная для активных боевых действий против высокотехнических войск любого противника;

– гренадеры: бойцы частей огневой поддержки – артиллерии, ракетных частей и т. д.;

– егеря:

а) легкая пехота;

б) пехотные отряды из состава охраны латифундий дворян-землевладельцев.

Военно-воздушные силы: 2 500 000 чл.

Боевые самолеты – 48 300 шт.

Боевые вертолеты – 28 800 шт.

Вспомогательные самолеты – 93 100 шт.

Вспомогательные вертолеты – 50 300 шт.

Военно-морские силы: 1 870 000 чл.

Боевые корабли – 780 шт.
 Боевые катера – 3560 шт.
 Вспомогательные суда – 2760 шт.

Отряды морской пехоты – 82 000 чл.
 Боевые самолеты ВМС – 4300 шт.
 Боевые вертолеты ВМС – 8800 шт.
 Вспомогательные самолеты ВМС – 3500 шт.
 Вспомогательные вертолеты ВМС – 10 600 шт.

Ополчение:

	Количество бойцов	Космические корабли	Машины поддержки	Самолеты	Вертолеты	Дирижабли	Суда и катера
ДОСАФ (Добровольное Общество Содействия Армии и Флоту) (Русская Империя) Включает молодежные пионерские отряды Юнармии	35 600 000	830	85 300	5600	17 900	960	6200
«Yomenry» (Англо-Саксонская Империя) Включает молодежные скаутские отряды Рейдерз	27 000 000	1170	73 000	4300	23 000	840	8500
Боевые отряды гражданских корпусов	131 000 000	245	94 000	11 250	116 450	3370	11 000
Дворянские отряды	300 000	—	15 600	840	3200	97	102

Военно-космические силы – 4 112 000 чл.

Космические корабли

Флот	1	2	3	4	5	6	7	8
Командующий	Адмирал Виктор Иванович Масаль- ский	Адмирал Жюль Латур	Контр-адми- рал Джонни Смит-Смит Браун	Вице-ад- мирал Олег Анатолие- вич Шальгин	Контр-ад- мирал Отто фон Кауфман	Контр-ад- мирал Эдвард Питерс Камминг- хэм	Вице-ад- мирал Майкл Шу Лэй-Дарри	Адмирал Томас Стивенс Толкин
Линкоры 70 шт.	12	10	8	8	7	9	11	5
Крейсера 234 шт.	40	33	28	28	75	25	29	25
Авианосцы 28 шт.	5	4	3	3	3	4	4	2
Рейдеры 44 шт.	7	5	3	4	3	6	7	2
Эсминцы 718 шт.	104	95	22	78	70	71	100	56
Фрегаты 933 шт.	184	137	103	102	98	93	142	74

Флот	1	2	3	4	5	6	7	8
Корветы	—	—	—	—	—	—	—	—
Штурмо- вые мониторы 81 шт.	22	18	12	12	9	10	18	5
Истреби- тели 5399 шт.	497	411	312	299	304	422	392	20
Боевые терминалы	—	—	—	—	—	—	—	—
Вспомога- тельные корабли 871 шт.	74	68	56	55	51	61	70	42
Штурмо- вая пехота	12 300	10 800	9240	9500	8400	9700	11 260	4200

КОРОТКО О ВОЕННОМ КОСМОСЕ:

Основное оружие кораблей – артиллерия и ракеты. С надежным энергетическим

оружием земляне познакомятся близко только в ходе войны. Правда, для их противников тоже окажутся сюрпризами две вещи:

- применение артиллерии в космических боях (против снарядов, да и ракет зачастую, будут бессильны силовые поля);
- конструкция земных кораблей (она окажется намного более утилитарной и выгодной, чем у врагов).

Линкор – военный КК с экипажем до двухсот человек и длиной до трехсот метров. Основная задача линкоров – подавление сопротивления врага в космических боях, иногда – орбитальные удары.

Крейсер – военный КК с экипажем до ста человек и длиной до двухсот метров. Основная задача крейсеров – подавление сопротивления врага в космических боях, охрана конвоев и дальние рейды.

Авианосец – военный КК с экипажем до полутора тысяч человек и длиной до километра. Основная задача авианосцев – охрана конвоев и орбитальные удары (посредством истребителей).

Эсминец – военный КК с экипажем до семидесяти человек и длиной до полутораста метров. Основная задача эсминцев – охрана конвоев и орбит вокруг обитаемых планет.

Штурмовой монитор – военный КК с экипажем до ста человек, длиной до ста метров и мощным вооружением, предназначенным для «работы» по поверхностям планет, в сущности – тихоходная огневая батарея.

Фрегат – военный КК с экипажем до полусотни человек и длиной до ста метров. Основная задача фрегатов – охрана конвоев.

Корвет – военный КК с экипажем до тридцати человек и длиной до семидесяти метров. Основная задача корветов – охрана орбит обитаемых планет.

Истребитель – малоразмерный КК малого радиуса действия, базирующийся на авианосцах и терминалах-базах, с экипажем 2–3 человека. Основная задача истребителей – охрана конвоев (с авианосцев) и орбитальные удары, иногда – атаки КК врага в космических боях.

Рейдер : а) исследовательский корабль; б) легкий крейсер с усиленным вооружением.

Лайнер – комфортабельный КК для пассажирских перевозок.

Планетолет (шаттл (англ. – сакс.)) – общее название КК, не использующиеся для межзвездных перелетов. Могут быть самого разного назначения.

4. Разоренный очаг

Первый год Галактической войны

Дома, естественно, царил паника. Тихая, но отчетливая. Создавала ее мама Борьки, и причиной как раз Борька и был, точнее, его отсутствие. Высадившиеся на планету полчища Чужих уже, конечно, схватили и растерзали несчастного ребенка – скорее всего, именно с этой целью они и прибыли. Поэтому, когда Борька вошел домой, то был почти что сшиблен с ног и раздавлен – Чужие Чужими, а пока реальная опасность ему скорее грозила от собственной родительницы...

Остальные Рокоты особого волнения не проявляли. Младшие брат с сестрой – восьмилетняя Ладка и пятилетний Тошка – приготовили к эвакуации игрушки и с интересом наблюдали за взрослыми. Одиннадцатилетний Вовка – сердитый, в полной пионерской форме – помогал вскрывать упаковки с разными военными мелочами. На его лице было написано: «Возьмите меня с собой!» – пополам с безнадежным пониманием нелепости оглашения этой просьбы. Бабушка Дина хладнокровно готовила и паковала в вакуум бутерброды, временами бурча, что мужики все бестолочи и что питаться бы им травкой с

корой, если бы не бабы. Дед Семен – морщинистый, с коричневой почти кожей, похожий на лешего своими седыми патлами и бородищей – со вкусом перечислял на обеденном столе (откуда бабуля в обычное время его бы шуганула с таким делом) «ПКМ» и сипло мурлыкал, как здоровенный кот: «Ой, при лужку, при лужке...». Дядя Саша и дядя Антон вместе с отцом уже примеряли разгрузки, обмениваясь негромкими советами-замечаниями. Жена дяди Саши тетя Нина помогала бабушке, их девятилетки-близняшки Никита и Наташа с серьезными лицами караулили коляску с полугодовалым Сенькой. Пятилетний сын дяди Антона Димка возился с журналами Борьки, пользуясь тем, что его мама, тетя Валя, ушивает какую-то матерчатую колбасу защитного цвета.

В общем, все были при деле, поэтому Борька очень смутился напору мамы и с трудом отбилась. Но она, убедившись, что старший жив-здоров, обрела обычное хладнокровие и, отойдя к окну, выходящему в садик, стала передавать туда пластмассовые коробки с патронами. Оттуда доносилось возбужденное поскрипывание-пощелкивание, речь взволнованных харг-каарт. Борька, удивленно выглянув над локтем матери в окно, увидел, что снаружи их не меньше десятка. Старшенький дяди Антона, двенадцатилетний Ромка, тоже в пионерской форме и тоже насупленный, раздавал им из вскрытого контейнера «АКС-74» и показывал, как их очищать от смазки и как с ними обращаться. Везде валялись куски ветоши и разодранные пластиковые упаковки. В дальнем углу сада старый знакомый шаман Безымянный с тремя помощниками, составив из родовых копий Священную Треногу, занимались серьезным делом – призывали духов молнии и грома на одоление супостатов. Выглядело это совсем не смешно, а сурово и трогательно.

– Как поохотился? – спросил отец как ни в чем не бывало.

– Нормально. – Борька продемонстрировал клыки и, подумав, бросил их в кухонный ящик. Потом разберусь, решил он. – Из штаба нашего не искали меня?

– Искали, – кивнул отец. – Не дергайся, никуда тебе бежать не надо. Решили, что вы по отдельности будете – связь, вестовые... Так что с нами останешься. Снаряжайся давай.

– Угу, – деловито кивнул Борька и вдруг поймал себя на том, что видит свои руки, ноги, всего себя, как бы со стороны и так же со стороны воспринимает свои мысли. И понял, что страшно волнуется. – Деееед, а карты чего тут?

– Ну, я их не звал, – пожал плечами дед Семен. – Пришли, полон поселок набились, кто с кем ближе из наших знаком, к тем и подвалили. Оружие им давай, потому как чужие придут, лес, воздух и воду испортят, и картам жизни не будет. Им так Безымянный сказал, а ему прямиком духи ночью нашептали. Вот и вооружаем со складов разной завалью. Не гнать же... Бабы, хватит еду переводить. Нас всего-то пятеро, а вы на Императорскую Гвардию наготовили.

– Молчал бы, пень старый, – вскинулась бабушка Дина. – Таскаешь свою тарахтелку и таскай, а кормить мы вас станем.

– Деееед, – протянул Вовка, преданно подавая снаряженную ленту. – Ну, деееед... скажи папке, чтобы меня взяли... я стрелять могу, я патроны... Дед, ну Борька всего на два года меня старше!!! – выложил он почти со слезами главный козырь.

– На три. – Борька вжикнул «молнией» извлеченной разгрузки.

Вовка глянул злыми глазами и замолк – взрослые на его просьбы вообще не реагировали. В окно всунулся ХРаРКх, один из лучших охотников соседей. Из накрест висящих кожаных сумок торчали несколько магазинов.

– Много снард больш снард дай дай! – застрекотал он.

– Переломись, – ответил добродушно дед Семен и лязгнул сошками.

ХРаРКх возмутился и пулеметно затрещал уже окончательно по-своему. Тетя Валя сунула ему упаковку патронов:

– Со всеми раздели!

Тот исчез в саду. Бабушка Дина отряхнула руки, придирчиво осмотрела запасы, кивнула:

– Ну вот... Теперь грузиться пойдем.

– Сама б тоже уезжала, – сказал дед Семен.

Бабушка хмыкнула:

– Вот еще. Стара я от разных чучел бегать. Да и не пустите вы их сюда, иначе что вы за мужики? А вы поедете! – повысила она голос на младших женщин, побросавших работу и наостривших уши. – Мои уже вымахали, а у вас еще растить и растить. И нечего тут спорить, и говорить не о чем. Точка... а ты, старый пень, – привычно-ласково обратилась она к собиравшемуся что-то сказать деду Семену, – за дверями вон будешь распоряжаться, а в доме – я хозяйка, ей и останусь.

– Ну, тогда сели, – не стал больше спорить с женой дед Семен. – Дорога вроде как и не дальняя, а...

Он не договорил, а Борька подумал, ощупью присаживаясь на какой-то ящик: «...а может навсегда увести – не вернешься».

В наступившей тишине Тошка, выдержав положенную паузу, звонко и с интересом сказал, оформив наконец-то какие-то свои мысли в слова:

– А у нас правда настоящая война, как в стерео?! Вот здорово!

* * *

В Доброй Надежде отряд ДОСАФ насчитывал 375 человек, из них 67 – юнармейцы-пионеры. В планах обороны планеты он значился как **7360** – «73-й батальон ополчения» – и имел своей задачей – в случае отсутствия каких-то конкретных распоряжений – просто-напросто оборону поселка от «текущей опасности». «Конкретным распоряжением» мог являться, например, приказ о призыве каких-то специалистов или людей, имеющих опыт регулярной службы, на доукомплектование армейских частей. Но на этот раз такого приказа не только не было – напротив, в поселок прибыла боевая группа майора (звание Объединенной Армии, о создании которой было только-только объявлено, звучало непривычно, в русской армии это был просто штабс-капитан...) Иванищева – три сотни драгун, панцирников и гренадеров с кое-какой техникой, в основном – зенитными установками. Голова Галюшин, отец Витьки, почти с облегчением сдал полномочия по обороне Доброй Надежды. Два десятка драгун и егерей прибыли с латифундии Полежаева под командой Олега. Его отец решил оборонять жилой комплекс латифундии, а сына послал на помощь соседям.

У 7360 имелась и кое-какая своя техника – и наземная, и стволы поддержки, и даже авиационная. Майор Иванищев, впрочем, был обеспокоен. Он и не пытался скрывать от жителей, что Чужие, несомненно, нацелятся с высадкой на район столицы – с его складами, космодромом и вообще. Но там развернута отличная наземная ПКО, поэтому не исключено – и даже точно, – что Чужие, получив отпор, начнут высадку по принципу «кто где может», а оттуда пойдут на столицу по земле. В этом случае Добрая Надежда, расположенная на краю леса и степи, становилась одной из первоочередных мишеней...

Ту ночь, проведенную на позициях, Борька помнил потом всю жизнь. Спать он не мог, сидел в траншее, глядя в небо, и – думал. Пытался как-то уложить в сознании мысль о войне. Мысль не укладывалась, вставала колом и ежом. Война – это было что-то далекое. Даже когда во время первого контакта случилось кровавое недоразумение со сторками – земляне решили, что это была просто чудовищная ошибка, тем более что и сторки горячо в этом всех убеждали, а Галактика и правда была вовсе не тихим местом... Какая война? Зачем напали на землян? Борьку мало интересовала политика, он мог, конечно, рассказать кое-что о взаимоотношениях рас, но... зачем? Неужели из-за того, что Земля несколько раз заступалась за другие расы? Но это же так понятно! Никто в школе уяснить не мог, почему себя так ведут люд... ну, существа с древней историей и высокой техникой – какая им радость давить и терзать других и почему они **так** возмущаются, если земляне вступаются за слабых?

«Не нужно было, – вдруг мелькнула мысль. – Не лезли бы мы – нас бы и не тронули. И

не было бы этой войны».

Но тут же Борька ощутил, как щеки вспыхнули от стыда. Это же подлость! Все равно как если бы шел он и увидел, как обижают маленького. Пусть чужого, пусть кто-то совсем незнакомый – все равно ведь, если не вступишься, то будешь... да нет – что «будешь»? – Борька просто не мог представить себе такого.

И все-таки было дико и нелепо думать: утром, всего лишь утром он просто **жил**. Жил и жил. И вдруг – какая-то война! Кому она нужна?! Зачем?! За что напали?! Ведь это так просто – вода под ногами, небо, весело, друг рядом... А что же, выходит, в это время кто-то уже высчитал, как напасть на их планету? Уже напал на другие колонии Земли? Убивал? Но как так можно?! Дикость, глупость... Борька с Витькой охотились, планета жила, где-то родился ребенок... а где-то еще уже горело и рушилось? Да почему?!?!?!?

Мальчишка яростно замотал головой и вздохнул. Стало неудобно, тяжело на душе. Дом был совсем близко, и временами Борьке очень хотелось убежать туда со всех ног – накатывала уверенность, что туда не достанет никакая беда. А потом – через секунду – дом начинал казаться уже невероятно далеким, и Борька невольно оборачивался, чтобы найти в полусумраке здешней ночи знакомый силуэт без огней. Бабушка там – что она делает? Спит? Вряд ли. Сидит у окна без света? Наверное... А он – как будто на другой планете... А если его убьют?! Он умрет, и что тогда?

В окоп соскочил человек. Борька дернулся, но тут же увидел, что это Олег. Дворянин был в легкой броне, с пулеметом на ремне, забрало шлема поднято.

– А, это ты, Борис... – сказал он, приваливаясь к стенке окопа, укрепленной решетчатой бронеплитой. Добавил неожиданно: – Хожу и думаю: коней-то отец приказал отогнать или нет? У нас такие табуны... да ты и сам видел, наверное.

Борька не знал, что сказать. Просто смотрел на ровесника-дворянина. Олег был спокойный, бесшумный, и Борька ощутил себя вдруг каким-то угловатым и неуместным здесь вообще. Пришла неожиданная зависть. Дворяне – что? *Дворяне есть сословие воинское*, как записано в «Русской Правде»... Был бы он, Борька, дворянином – не путался бы в мыслях, желаниях и страхах. Наверное, у Олега все просто и понятно... И ответы на вопросы он знает – «за что?», «почему?» И не боится.

– И книжку я на кровати оставил... – задумчиво продолжал Олег. – Старая, раритет бумажный... Не дочитал-то всего три страницы.

– Какая книжка? – спросил Борька. – В смысле, про что?

– Власова, «Путь менестреля». Я ее на Земле нашел во время похода... в одном подвале... Интересная. Сказка фантастическая. Хожу и думаю, чем кончилась... Смешно.

– Олег, – вдруг вырвалось у Борьки.

– А?

– Олег... зачем они напали?

Дворянин оттолкнулся плечами – излишне широкими из-за граненых наплечников – от стенки. Подумал. Потом спросил серьезно:

– Тебе соврать или правду сказать?

– Правду, конечно, – невольно улыбнулся Борька.

Олег ответил улыбкой:

– Ну вот тебе правда: *я не знаю*. Вернее – я не понимаю. Умом не понимаю. Я сегодня то же самое спросил у отца.

– И? – быстро спросил Борька.

Олег понизил голос:

– *Потому что они мудаки*. Это его дословный ответ.

И – ловко выскочил из окопа. Пропал в темноте, оставив Борьку с ошарашенной глупой улыбкой. А еще через секунду Борька вдруг понял, что это – правда. Как еще назвать того, кто обижает слабого? Кто толпой нападает на человека, вступившегося за этого слабого? Нападает из-за угла?

Мудаки. И нечего тут.

Он удовлетворенно рассмеялся и уже собрался все-таки заставить себя вздремнуть, но услышал, как неподалеку поют. Песня была – кто ее пел, Борька не понял, может, это пел и не поселковый, а кто-то из солдат – старая, не во всем даже понятная. Но какая-то очень *ладная*. Как раз к ситуации.

Непомерно высокий трон...
Непомерно надменный хан.
Весь в рубинах кровавых он
И от власти над гостем пьян.
Сеют ужас и взгляд, и жест,
Холодеют рабы у ног...
«Рус крещеный, поплуй на крест —
Пусть порадуетесь наш бог!»
Рус кривит, усмехаясь, рот —
Негодует безмолвно так...
«Плюнь на веру, на свой народ?
Ишь, чего захотел, варнак!
Хочешь душу еще в казну?!
Видно, мало казны златой?!
Ну, а как я в глаза взгляну
Ладе, людям, Руси Святой?»
– Раззолоченный, мерзкий тать!
Мнишь, мне твой халат по плечу?
А ведь я не могу петлять —
Даже если я жить хочу...⁵

«А ведь я не могу петлять – даже если я жить хочу», – подумал Борька.
И стало легко. Совсем легко...

...Олег стоял на откосе холма, опираясь на пулемет. Смотрел в ту сторону, откуда придет – он ощущал это – враг. Так тысячу раз стояли его предки. Тысячу, тысячи раз – стояли в ночи и ждали, зная, что будет бой. Это было на одной-единственной маленькой планете, где решались судьбы всего лишь нескольких народов. До этих судеб не было дела Галактике.

Сейчас? Юный дворянин поднял лицо к небу. Сузил глаза. Нет, сейчас – иное. Может, так ему лишь кажется, но, похоже, грядущая война решит судьбу этой самой Галактики. Когда что-то *кажется* – надо слушать внимательно...

Он опустил лицо.

– Идите сюда, – сказал мальчик. – Идите и умрите все. Имя нам Огонь. Идите в наш огонь, и пусть костер горит ярче, пусть пожар сожрет то, что было вашим «порядком», – пусть... Отец, удачи тебе желает твой сын. Не посраим памяти предков и сделаем то, для чего рождены и выращены.

Удачи тебе, Олежка, – шевельнулось не словами – ощущением в душе.

* * *

Чужаки атаковали поселок не на рассвете, а прямо посреди белого дня, когда об их приближении защитников уже оповестили по связи – впрочем, заморачиваться со внезапностью Чужим смысла особого не было, характерный шипящий вой плазменных

⁵ Стихи Андрея Селиванова.

двигателей штурмовых челноков мог бы поднять и мертвого. Рой непонятно откуда взявшихся машин Чужих – нелепых, похожих на ящики с кое-как приделанными крыльями – брал поселок в плотное кольцо. Чужие явно боялись, чтобы никто из землян не ушел.

Как оказалось, бояться им надо было совершенно иного. Навстречу челнокам взвились короткие стрелы ракет. Пилоты Чужих – по крайней мере, некоторые из них – попытались сманеврировать, но дистанция была уже слишком малой, а оружие, как видно, непривычным. Десятки челноков сразу превратились в огненные шары, словно наткнувшись на невидимую стену. Едва ли не каждая ракета попала в цель. Борьку ударил по ушам многократно повторенный грохот, огненные шары вывернулись наизнанку и погасли, протянув к земле длинные дымные шупальца падающих обломков. Те, кому повезло уцелеть, отворачивали и на минимальной высоте тянули куда-то за ближайший лес, решив, очевидно, не связываться с земной ПВО.

На несколько секунд в Надежде воцарилась тишина – люди сами не могли поверить, что первую атаку так пугавших всех Чужих удалось отразить столь легко и быстро, – потом началась... нет, не паника, конечно, а расчетливая, деловая суета.

Несмотря на свой внешне мирный вид, поселок колонистов мог много чем удивить незваных гостей. Начать с того, что почти все дома в нем были на каменных фундаментах, а узенькие оконца в полуподвалах ну очень походили на амбразуры. В каждом доме было оружие – и не только привычное охотничье, но и самое настоящее боевое, причем владеть им, так или иначе, умели все. Под несколькими совершенно неприметными с виду домиками скрывались настоящие бункеры – с железобетонными перекрытиями, с фильтрами, способными задержать любой отравляющий газ, – никаких иллюзий насчет благородства противника у землян давно не было, все слишком хорошо помнили времена Серых Войн и усвоили данные о Чужих, за последние три года доставленные разведчиками. О таких мелочах, как окружавший поселок двойной забор из стальной сетки и натканные повсюду вокруг него датчики, не стоило и говорить – врага они остановить не могли, но от визитов любопытной местной живности помогали отменно. Сейчас же, с приходом профессиональных военных – с ракетными установками, с дюжиной боевых машин, – поселок мгновенно превратился в настоящую крепость.

Борька, как ни странно, был одновременно разочарован и напуган. Разочарован, естественно, тем, как быстро все закончилось и что ему не довелось участвовать в потехе. Умом он понимал, что за этой неожиданной быстротой стоят десятки лет самоотверженной работы земных конструкторов и годы не менее упорной учебы тех, кто применял их технику по назначению, но сердцу-то не прикажешь, оно рвалось в бой и требовало покарать наглых пришельцев по старинке – чуть ли не зубами порвать, а лучше перестрелять их всех, так эффективней и надежней...

Но при всем при том мальчишке было страшно. В свои годы он не так уж хорошо разбирался в военном деле, но самые основы уже знал и понимал, что прикрытую надежной ПВО позицию – их поселок, в данном случае – положено давить танками или просто разбивать в пыль артиллерией, а смотреть, как все, построенное здесь за четыре года, превращается в эту самую пыль, ему ну совершенно не хотелось.

На какое-то время – примерно на полчаса – установилось затишье. Враг вовсе не отказался от своих намерений – челноки заходили на цель волна за волной, но теперь они опускались за лесом, вне зоны досягаемости ракет.

Борька заметил, как несколько крохотных – по два-три человека – группок егерей канули в этом самом лесу – разведка на войне дело самое первейшее. Враг, силы и намерения которого известны, – это уже не враг, а материал, который понятно как бить. Мальчишке тоже хотелось пойти с ними – и не в разведку, а в самую настоящую атаку – такого враги уж точно не ожидали! – однако ускользнуть от внимательного взора отца, хорошо знавшего авантюрные наклонности отпрыска, было совершенно нереально. Юнармейцы-пионеры были рассеяны среди взрослых защитников, среди родни: действовать отдельным отрядом им не разрешили, хоть они и были к этому подготовлены. Именно потому, что рисковать не

стоило – мало ли, что придет в голову мальчишкам, да еще разгоряченным видом падающих машин врага...

...Вторая атака Чужих тоже не стала неожиданной – по крайней мере, прежде, чем в воздухе завывали мины, зазвучала сирена – и все, кто еще не был в окопах или укрытиях, успели спрятаться. Стреляли Чужие неточно – по квадратам, как говорится, – но все равно даже в окопе было очень страшно. От прямого попадания мины окоп не поможет – а сидеть и ждать, когда тебе на голову грохнется смертоносный «гостинец», изготовленный бог весть на какой планете каким-нибудь затурканным рабом, было слишком тошно.

Какого калибра мины, мальчишка, разумеется, не знал, но взрывались они гулко и мощно, земля под ногами подскакивала, а воздух больно бил не только по ушам, а по всему телу. Над головой то и дело противно визжали осколки, так что высываться особо не хотелось. Тем не менее мальчишка высунулся – на пару секунд, пока железная рука дяди Антона не утянула его вниз.

– Сиди, береги уши!

Борька успел заметить, как от прямого попадания мины взлетела крыша соседнего дома. Несколько домов уже горели – не слишком, надо сказать, жарко, выпуская лениво клубившийся белесый дым.

Мальчишка ощутил, как откуда-то из глубины души поднимается почти незнакомое ему доселе, темное, страшное чувство: НЕНАВИСТЬ. Все ночные раздумья и сомнения отступили – их сменила ненависть к этим вот незванным гостям, спокойно и равнодушно уничтожавшим весь его мир. К ненависти примешивалось оставшееся с ночи недоуменное удивление – зачем, кому помешал маленький переселенческий поселок? За что их всех приговорили к смерти? А в том, что Чужие явились сюда просто убить всех землян, сомнений не оставалось – прорвавшаяся к планете разномастная эскадра не предъявила землянам никаких требований, а запущенные ею штурмовые челноки сразу же принялись палить из плазменных орудий и швырять бомбы... И, должно быть, не только здесь!

Ненависть к незванным гостям испытывал, как оказалось, не он один. Когда по цепи окопов покатилося предупреждение о появлении врага, в нем звучал не страх, нет – в нем звучал едва сдержанный, нетерпеливый *гнев*.

Вновь осторожно высунув голову из окопа, мальчишка, наконец, заметил врага – крохотные пока что темные фигурки. Борька приложил к глазам одолженный у дяди Антона бинокль – сейчас так делали многие, стараясь понять, с кем свело их недоброе военное счастье.

В первый миг мальчишке показалось, что на него движутся... орки из известной всем старинной книжки «Властелин колец» – закованные в черное железо, гориллоподобные фигуры в шипастых шлемах. Лица – темнокожие, с вывернутыми ноздрями – были тоже самые что ни на есть орочьи, вот только в руках эти уроды держали, увы, не ятаганы, а незнакомое Борьке оружие с короткими и толстыми стволами – должно быть, знаменитые плазмометы. Было их очень много – наверное, тысячи, двигались они с равномерной, безжалостной неторопливостью, явно рассчитанной на психологический эффект.

Вот только землян напугать было трудно – там и сям захлопали снайперские винтовки, и враги начали падать, словно марионетки с обрезанными нитями. В поселке очень многие умели отлично стрелять из оптики и промаха не давали. В каком-то смысле защитникам поселка повезло – на них вышли не почти неуязвимые для обычных пуль дайрисы, не нэйкельцы, привыкшие давить врагов огнем своей жуткой биомеханической техники, не страшные своей неотступной методичностью и холодной отвагой сторки, даже не свирепые наемники-скиутты, почти непобедимые в рукопашном бою, – на них вышли джаго, славные в Галактике лишь своим умением давить врага количеством. Но в другом смысле – не повезло, нет. Скиутты и даже сторки могли бы пощадить хотя бы женщин и детей, у них было свое понятие Чести. Джаго тоже пощадили бы их, но совершенно с другой целью. Кое-что Борька проходил в школе, кое о чем ему с гневом и презрением говорил отец, и мальчишка понимал, что попадать в плен к джаго живыми нельзя. Мертвыми тоже

нежелательно – эти твари ели убитых ими, надеясь, что их сила перейдет к ним. Для землянина такое звучало дико, но большинство джаго – озлобленных, не получавших почти никакого образования – были самыми настоящими дикарями, пушечным мясом не только для своих более продвинутых союзников, но даже и для собственных безжалостных и грозных владык. Боевых машин у них, к счастью, не было – они не вошли бы в обычные челноки, – но в задних рядах строя там и сям виднелись гротескные, похожие на трехногие шагающие колоды, фигуры киберстрелков.

Джаго, впрочем, не собирались терпеть устроенное им землянами избиение – по их рядам покатился нарастающий гортанный ор, – и они черной волной побежали в атаку. Киберстрелки присели, растопырив упоры и поводя короткими стволами мортир, и от них к позициям землян потянулись ровные белые полосы. Казалось, что перед самым носом мальчишки вспух шар чисто белого пламени, ударная волна, как молот, долбанула ему в лицо, отбросила на заднюю стенку окопа... и сознание Борьки просто отключилось...

...В себя он пришел тоже резко – словно включили свет. Он стоял возле разбитого сарая, сжимая в руке какой-то чужой, зазубренный тесак, весь буро-коричневый от запекшейся крови. Левый рукав тоже был весь в крови, какая-то незнакомая девчонка торопливо разрезала его, почти непрерывно ругаясь. Окружающий мир обрушился на очнувшегося мальчишку.

Мир был черным. Черное от дыма небо, черная земля, усыпанная черными трупами, – среди них, лениво дымя, догорали какие-то искореженные машины. Вокруг были только разбитые вдребезги, жарко полыхающие развалины, среди которых как-то бессмысленно бродили люди. Джаго нигде видно не было. Борька понял, что это окраина их поселка и что они победили, но эта мысль прошла как бы в стороне от сознания – пока он мало что соображал, воспоминания прорывались в сознание толчками, словно кровь, хлещущая из глубокой раны. Отец, почти беспрерывно палящий из пулемета и орущий что-то, неслышное в царящем вокруг диком грохоте... дядя Антон, спокойно и методично бьющий куда-то из гранатомета... дед, с руганью принимающий из рук распластавшегося по брустверу подползшего Вовки цинк с патронами... страшные, оружие темные фигуры... бьющийся в руках автомат, ровная строчка пробоин, весело бегущая по черному шипастому нагруднику... странно, но Борька никак не мог вспомнить лица... злые дружные стайки харг-каарт, как-то быстро-деловито облепляющие великанов-джаго и бешено бьющие своими короткими охотничьими клинками в лица, в каждую щель в броне... раскоряченная туша киберстрелка – не рассчитанная на ближний бой машина упорно отступала, стараясь поймать землянина в радиус действия своей мортиры – и он, он сам, Борька, так же упрямо идущий вперед, дико вопящий: «А ну, стой, курррваааа!!!» – и поливающий бронированную тушу огнем «абакана», перезаряжая его снова и снова, пока броня таки не поддалась и страшная туша не рухнула, подергиваясь в электрических конвульсиях... Куда делся «абакан» потом, он вспомнить не мог начисто...

Борька удивленно помотал головой и вновь посмотрел на тесак. Неужели это все – он? Простой, ничем не примечательный пионер? Быть такого не может... однако же – есть. Мысль о том, что началась война и он на войне и вокруг война, по-прежнему казалась какой-то кривой, нелепой, неприемлемой. Она не помещалась в мозг.

Он терпеливо дождался, пока девчонка закончит перевязку, и побрел по разрушенной окраине среди складов и хранилищ, надеясь отыскать кого-то из своих.

* * *

К невероятной радости мальчишки, никто из его семьи не погиб – хотя убитых среди ополченцев насчитали целых двадцать семь человек, а еще семьдесят девять получили ранения. Трупами джаго были завалены все окрестности, их невозможно было сосчитать, хотя кое-кто честно пробовал и сбивался всякий раз, а из раненых землян половина оставалась в строю. Но остальных пришлось эвакуировать в Трезубец. Среди них оказался и

дядя Антон – разорвавшаяся рядом мина осыпала его осколками. Большую их часть задержала броня, но и оставшегося хватило, чтобы отправить его в столичный госпиталь. Борька принял это неожиданно спокойно – правду говоря, он сам еще не вполне отошел после контузии и воспринимал мир, словно в тумане.

Отпраздновать победу жители Новой Надежды не успели – в ответ на донесение о ней пришел строжайший приказ губернатора об эвакуации всего мирного населения: к джаго присоединились скиутты и нэйкельцы, а делать рядом с ними женщинам и детям было ну совершенно нечего.

Отцу Борьки пришлось выдержать еще одну битву – дед Семен и бабушка Дина категорически отказывались уезжать, переубедил их только личный приказ майора Иванищева, сообщившего, что для обеспечения эвакуации ему разрешено применять силу. И ему пришлось ее применить, чтобы вывезти из поселка всех мальчишек младше тринадцати лет – о том, чтобы вывезти тех, кто постарше, не учиня настоящей гражданской войны, не могло быть и речи. Сейчас поселок опустел – в нем остались лишь военные и ополченцы, которые готовились дать бой уже нэйкельцам. Остановить их тут было невозможно, и приказ губернатора предписывал отступать, нанося противнику как можно большие потери. Борька не сомневался в победе – вот еще! – но все же оставлять поселок, зная, что он почти наверняка будет стерт с лица земли, ему ну совершенно не хотелось. Умом он понимал, что дома можно отстроить, а вот убитых уже не вернуть. Но сердце не желало слушать, оно буквально кипело от гнева, и даже воспоминания об убитых его рукой джаго не успокаивали его. Борька знал, что и не успокоится, пока все захватчики не лягут в землю. Если бы хоть один из них ушел живым, он бы воспринял это как личное оскорбление. И знал, что все вокруг думают точно так же.

Эвакуированный поселок как-то сразу стал совершенно безжизненным, ненастоящим, словно военный полигон. От этого впечатления, как ни странно, стало легче на душе – теперь не за кого было бояться. И это же впечатление еще усиливалось видом открытых повсюду окопов – майор Иванищев распорядился готовить запасные позиции в дополнение к уже готовым. Пока они окапывались, окончательно стемнело, возшла полная Червонная, и в кровавом свете ее низко висящего огромного диска мир окончательно принял какой-то сюрреалистический вид. Ни один фонарь, ни одно окно не горели, и все вокруг состояло из призрачных полос света и непроглядных теней, плавающих в призрачном кровавом мареве – отчасти порожденном луной, отчасти – трепещущими за крышами отблесками далеких пожаров. Жара после заката не спала, и Борька словно плыл в густом, остро пахнущем гарью воздухе.

Как-то вдруг все шевеление прекратилось – все разошлись по позициям и затаились. Перед сидевшим в окопе Борькой лежал обширный темный луг – сплошное море высокой, волнующейся травы, – а за ним поднималась темная, неровная полоса леса. Где-то там мерцали странные огни – то ли свет чужих фар, то ли еще что-то, непонятное. За толщей теплого воздуха они мерцали, словно звезды. Настоящих звезд видно не было – затянувшая небо мутная хмарь едва тлела в падавшем снизу тусклом свете пожарищ. К горизонту она окончательно темнела, переходя в неразличимый мрак, и, глядя на этот тусклый свет, Борька невольно подумал, что они, возможно, единственные люди, оставшиеся в глубине этой душной бесконечной ночи, в этом тусклом мире.

Мальчишка еще терялся в догадках, стараясь понять, что происходит, когда бесшумная белая вспышка мгновенно заполнила все небо. Секунды через три свет стал багровым, замерцал и погас. Борька словно ослеп – наступила кромешная темнота, не было видно ни одного огня, даже вдалеке, только в ослепленных глазах плавали призрачные разноцветные пятна. Еще секунд через пять по ушам ударил тугой грохот, а через полминуты налетел яростный порыв неожиданно холодного ветра. Загремело железо на крышах, затрещали сломанные ветки, и Борька с удивлением ощутил, как на коже тают редкие снежинки. Потом все затихло. Тишина была такой же непроницаемой, как и мрак, – глухой и ватной. Температура упала сразу градусов на двадцать, и мальчишку пробил озноб. Вытянув вперед

руки, он прикоснулся к перебравшемуся ближе Витьке и порывисто сжал его ладонь. Грохнуло в стороне врагов – похоже, на них сбросили электромагнитную бомбу, потому что и связь, и даже ночные прицелы отрубались намертво.

Какое-то время они всматривались в темноту, невольно прижавшись друг к другу. Сердце Борьки бешено колотилось. В темноте он чувствовал себя совершенно беспомощным, понимая, что стрелять наугад они не смогут.

Непонятно почему, ему стало вдруг жутко, а уши понемногу начали улавливать звуки, которые он принял бы за шум моря, если бы не отчетливо различимый топот. Тяжелые, тяжелые, очень ТЯЖЕЛЫЕ шаги – ТАК не могут шагать не то что люди, а даже и слоны. Сердце Борьки замерло от страха, и в этот миг мир залил ослепительный свет. Запущенные из поселка осветительные мины с негромкими хлопками повисли над лугом, и мальчишка увидел...

Вначале ему показалось, что кто-то построил вдоль леса ряд треногих водонапорных вышек, но эти штуки ДВИГАЛИСЬ. Двигались сюда, к ним.

Прикинув к оптике прицела, Борька рассмотрел одно такое существо. Удивительно изящное при своих громадных размерах, оно напоминало треногого рыжего паука на длинных тонких ногах. Вот только «паук» был этажей пять в высоту, не меньше... Под брюхом у странного, явно биомеханического существа болталось устройство, в котором без труда угадывалась плазменная пушка. Мальчишка узнал нэйкельский боевой шагатель, а за ним быстро перебежали туда и сюда затянутые в гибкую легкую броню фигуры, удивительно похожие на волков-оборотней из земных легенд – скиутты. Рядом с шагателями они казались небольшими, но Борька знал, что на самом деле рост их далеко за два метра, а весили они килограммов по сто пятьдесят, и вовсе не за счет жира. Скиутты двигались со звериной ловкостью, постоянно бросаясь то вправо, то влево, чтобы в них труднее было попасть. Это не придурки-джаго, способные лишь толпой бежать в атаку, стараясь диким ором заглушить собственный страх. Это – настоящие бойцы, и справиться с ними будет ох как непросто... До земных позиций донеслось дружное «йорр, йорр, йоррууууу!» атакующих скиуттов, свирепое и ликующее. В нем была откровенная жажда драки...

Понятно, что ждать, пока враги подойдут вплотную, земляне не собирались, – там и тут захлопали снайперки, затрещали пулеметы, к шагателям потянулись огненные стрелы ракет, оставляя за собой идеально ровные, словно по линейке проведенные хвосты...

Но нэйкельцы были одной из самых древних рас – их цивилизация насчитывала уже больше восьми тысяч лет, и воевать за это время они научились. Шагатели с невероятной быстротой уворачивались от ракет, приседая на широко расставленных лапах к самой земле и раскачиваясь, словно гигантские маятники. Увернуться удавалось не всем, нокумулятивных зарядов у землян не было, а термобарические эту заразу не брали – шагатели отшатывались от их взрывов, качались, кренились, но – суки! – не падали. Их броня из природной керамики и естественного углеродного волокна оказалась невероятно прочной. Пули и даже снаряды автоматических пушек боевых машин ее не брали – резко наклоняя корпус, шагатели подставляли под огонь выпуклые спинные щиты и стреляли в ответ. Очереди плазменных импульсов забились над головами людей, снося и поджигая один дом за другим.

Укрыться в окопах от огня этих шагающих вышек было невозможно. Было ясно, что поселок пал, и отступление началось везде и одновременно, ополченцы разбежались по дворам, стреляя назад. Солдаты прикрывали отступление; майор Иванищев отдал последний приказ – самостоятельно добираться до столицы. Мальчишкам оставалось лишь присоединиться к отступающим. Да, шагатели тоже были уязвимы – нескольких попаданий земных ракет не выдерживал даже их панцирь, – но на стрельбу в свою сторону они тут же отвечали океаном огня и стреляли, к сожалению, очень точно.

Прыгая, как зайцы, под градом плазменных импульсов, мальчишки сразу потеряли своих. Спасаясь от огня, они свернули в узкий переулок, потом в другой, выходящий на улицу, но оказалось, что он перегорожен в конце колючей проволокой. Сбоку был чей-то

амбар – с глухими кирпичными стенами и железной дверью, – и мальчишки укрылись в его душной темноте, замерли, настороженно прислушиваясь к доносившейся снаружи стрельбе и глухим взрывам. Потом взрыв раздался совсем рядом с ними – пол больно ударил по ногам, и часть толстой стены рухнула, открывая роскошный вид на улицу, окруженную развалинами и освещенную светом пожаров.

Не дожидаясь, когда сюда выстрелят еще раз, Витька прямо по завалу скатился на улицу. Борьке оставалось лишь следовать за ним. Огибая пожарища, они побежали к околице, но путь им преградила вышедшая из-за угла чудовищная рыжая фигура шагателя. Витька, казалось, не замечая ее, продолжал бежать вперед.

Вначале Борька решил, что его друг сошел с ума, но потом заметил впереди подбитую танкетку, полузасыпанную обрушившейся стеной. Кузов влажно блестел от крови, в нем лежали три изуродованных трупа, но установленный на турели древнющий 14,5-миллиметровый КПВТ оказался совершенно целым. Витька быстро отстегнул пустую коробку, раскидав обломки, с натугой вытащил стозарядную ленту из полной, примкнул ее и сноровисто зарядил оружие. Шагатель уже почти нависал над ними – до него оставалось всего метров двадцать, – когда Витька с трудом развернул громадный, в человеческой рост, шестидесятикилограммовый пулемет и, наконец, нажал на спуск. КПВТ с радостным ревом выплюнул полуметровый факел желто-рыжего огня. Сверхмощные 14,5×110-миллиметровые патроны позволяли ему за пару километров поражать БТР и вертолеты, а теперь он бил почти в упор. Лента была снаряжена, как положено – на два разрывных патрона один бронебойный, – и они влетали в корпус шагателя со скоростью десять пуль в секунду. От брони летели искры, но толку видно не было – махина развернулась и направила на них дуло плазменной пушки. От испуга оно показалось Борьке величиной с дуб.

Витька опустил пулемет, направляя огонь в незащищенное броней брюхо, и Борька, наконец, увидел, как из него фонтанами брызнули ошметки. Потеряв управление, машина опрокинулась назад так, что танкетка под ними подпрыгнула, а улицу заволокла пыль. Огибая чудовищную тушу, они нырнули в пылевую завесу, направляясь к околице. Борька успел вытащить из-под трупа автомат и сейчас на бегу разглядывал его. Это оказался снова «абакан» – такой же, как брошенный им на позиции, с пятидесятизарядным коробчатым магазином, двукратным оптическим прицелом и подствольным гранатометом, сейчас, правда, пустым. Оружие пригодилось почти сразу – из пыли на них выбежало что-то дико режущее, бурое, высотой метра в два, и Борька, не глядя, вlepил в него длинную очередь. Оглушенного пехотинца-скиутта сбило с ног – и он с воем, в котором смешались изумление, гнев и боль, покатился по земле.

К счастью, до леса оставалось не так уж далеко – не больше километра. Миновав ограду поселка, они наискось пересекли еще один луг и, обогнув старицу, выбежали к лесу. Он венчал древний речной обрыв высотой в трехэтажный дом – с разбега Борька взлетел метра на два, выронил только что найденный автомат, потом ему пришлось взбираться вверх на четвереньках, скользя по траве. Добравшись, наконец, до гребня, он был весь мокрый и дышал, как загнанная лошадь. Сил бежать дальше пока не было – он плюхнулся на землю, переводя дух и одновременно осматриваясь.

На фоне горящих развалин поселка виднелось несколько огромных черных машин – они, казалось, не продвигались вперед, паля во все стороны из плазменных пушек. В начале атаки их было гораздо больше – где-то десятка два, – но остальные куда-то исчезли. Похоже, победа далась чужакам дорого – электромагнитная бомба прикончила их оснащенную хитроумными прицелами артиллерию, а в ближнем бою огонь земных гранатометов и орудий оказался опасным даже для шагателей.

Борька подумал, что обрыв будет непреодолим для врага – по крайней мере, на какое-то время, – и пока чувствовал себя в безопасности. Вокруг, кроме них двоих, уже не было видно ни души. Низко над головой плыли тяжелые, мутно-рыжие тучи – казалось, что вот-вот хлынет ливень. Воздух был теплый и тяжелый. Ветер дул с запада, и Борька едва не задышался от тяжелой дымной гари.

К счастью, они знали, куда идти.

5. Отпор

Первый год Галактической войны

Мальчишки шли всю ночь, ориентируясь лишь по компасу, – губернатор приказал отходить к столице, и они решили следовать этому приказу, хотя до Трезубца было пятьсот километров. Им хотелось остаться в лесу, чтобы пустить кровь захватчикам, они даже коротко обсудили такую возможность, но скиутты, в отличие от нэйкельцев и джаго, боявшихся и не понимавших леса, ориентировались в нем отлично, и тягаться с их поистине звериным чутьем явно не стоило. Но за лесом лежала степь, и когда мальчишки вышли к ней, уже занимался рассвет. Очень скоро он перешел в день – и тогда появились нэйкельские штурмовики, странные, похожие на креветок биомеханические корабли с большим винтом на хвосте – стремительные и абсолютно безжалостные.

Борька на всю жизнь запомнил этот бесконечный день: бескрайняя высокотравная степь, жаркое солнце в ясном небе и непрерывно парящие в этом небе биомехи, выслеживающие группки выживших. Ни на секунду люди не оставались одни – все время вдали в небесной синеве маячили несколько темных точек. Когда одна из них приближалась и ее очертания уже можно было различить – падали, заползали под высокую траву, благословляя ее и все равно чувствуя себя совершенно беззащитными. Несколько раз натыкались на сожженные плазменными пушками и, к счастью, неопознаваемые тела и понимали, что, если им не повезет, они просто станут следующими. Борька мучился пониманием того, что эти трупы – его земляки, и то, что он их не может узнать, ничего не меняет... В одном месте наткнулись на два очередных тела, и по росту мальчишки поняли: это ребята из отряда. Постояли немного, стараясь не присматриваться, чтобы, храни судьба, все-таки не *узнать* – потом пошли дальше... И было ясно: как бы теперь ни сложилась судьба, вместе им *всем* уже никогда не увидятся. Следующий костер с песнями и плясками будет, не может не быть... однако на него соберутся не все.

Война.

Кое-где по штурмовикам стреляли, но кончалось это всегда одинаково – очередной кучкой трупов. В одном таком месте Борька подобрал «мясорезку» – английский ручной пулемет с почти полным коробом стозарядной ленты. Польза от него была нулевой – более-менее точно стрелять из него можно было лишь лежа, с сошек, да и его патрон был совершенно бесполезен против штурмовиков, но мальчишка упрямо тащил четырнадцатикилограммовое оружие, понимая, что в любой миг им могут встретиться и живые враги – везде вокруг них на горизонте наклонными конусообразными столбами стояли дымы. Витька же постоянно менял оружие – убитых вокруг хватало и ему было, из чего выбирать. Вначале, почти сразу, он подобрал мелкокалиберную винтовку джаго, дешевую, неточную и ненадежную, но зато похожую на земное оружие, с полным рожком и гранатой в подствольном гранатомете. Потом нашел великолепный армейский «абакан», а в конце концов остановился на древней «мосинке» под еще более древний патрон с закраиной. Очень точное и с приличной отдачей оружие, давно снятое с вооружения, оно весило больше четырех килограммов, но било прицельно без оптики на добрый километр, что здесь, в степи, было важнее любых подствольников.

Борька временами плохо осознавал происходящее, словно так и не проснулся до конца после того ночного боя. В его глазах до сих пор стояли пылающие дома, в ушах звенело от взрывов. Он не знал, где его семья, совершенно не соображал, куда идти, – все, кого они видели в степи, шли на восток, к столице – но Витька почти с самого начала держал курс на одиноко торчавшую впереди ретрансляционную вышку. Они добрались до нее только в полдень – слишком долго пришлось лежать в траве, – и Борька задрал голову, разглядывая ее.

Усаженная антеннами вышка была высотой метров сто. Она стояла на крутом земляном

кургане, окруженном сетчатым забором. В кургане зиял бетонный вход – под ним скрывался бункер с аппаратурой. Сама вышка осталась целой, но двери бункера были взорваны и вокруг читались следы ожесточенного боя. Внутри могло быть до фига неприятных сюрпризов, но Борька все равно полез туда, чтобы связаться со своими. Сумасшедший риск, но он себя оправдал – всего через час в бункере появились немногословные военные с нашивками 11-го уланского полка и быстро вывели мальчишек наверх, где их уже ждали «Буйволы» – огромные четырехосные армейские вездеходы, отправленные из столицы специально для сбора беженцев. Машин не хватало, и в кузов каждой набилась едва ли не сотня человек, но шума и протестов не было, серьезность ситуации понимали все.

К столице машины шли на полной скорости, не колонной, а широким фронтом – благо степь позволяла, с боевыми машинами на флангах, с зенитными самоходками в арьергарде – нападения Чужих ждали в любую минуту. Радары и пушечные стволы «Панцирей» непрерывно прошупывали чистое предвечернее небо, но штурмовики так и не появились. Такие храбрые с беззащитными, они уже научились избегать хорошо вооруженных земных конвоев.

Еще издали мальчишки заметили вознесшийся над степью колоссальный пепельно-белый купол – силовой щит столицы. Диаметр его достигал двадцати километров, высота – десяти, и он, казалось, даже не приближался – словно застывшая на горизонте огромная гора. Купол впечатлял – само собой, Борька видел планетарные щиты в стерео, но вот так, вживую, еще не сталкивался ни разу. Зрелище этого чуда техники, способного защитить Трезубец от всего, даже от ядерного удара, должно было вселять в их сердца гордость, но Борьке было очень обидно. Как ни крути, они бежали от врага, а какой пионер на это согласится?

Когда они, наконец, добрались до столицы (вблизи силовой купол смотрелся уже страшновато, он буквально давил своими размерами, и мальчишки облегченно вздохнули, отведя от него взгляд), оказалось, что нэйкельские дроны усеяли все подступы к нему минами, так что работа саперам предстояла долгая. Остаться в голой степи явно не стоило, поэтому колонну завернули к расположенному возле столицы космопорту. С гребня незаметного издали увала Борька увидел его длинное трехэтажное здание, на вид совсем целое. Справа и слева торчали еще какие-то ангары, а за ними в небо вонзалась высокая антенная башня.

Колонна повернула в ту сторону и всего минут через пять миновала широкие ворота в ограде. За ними уже стояли земные боевые машины, армейские – с зенитными спарками на башнях. Слева была трехэтажная коробка главного корпуса – целая, но совершенно пустая. Прямо из вестибюля длинная широкая лестница вела вниз – к толстым стальным плитам, которые начали медленно, бесшумно подниматься, открывая вход в шлюзы главного убежища космопорта...

* * *

В бункере было неожиданно светло, просторно и многолюдно – здесь, на двадцатиметровой глубине, помещался целый небольшой городок, сумевший вместить, наверное, несколько тысяч человек. В нем укрылись не только работники космодрома, но и многочисленные беженцы, которые не смогли попасть в город. Никакой тесноты, вопреки ожиданиям мальчишек, не было – имущества у беженцев почти не осталось, да и затеять суматоху тоже никто не пытался. Планы эвакуации предусматривали уход очень многих людей в лес к туземцам, но кто-то промедлил, кто-то припоздал, кто-то не захотел, и Трезубец стал настоящим лагерем беженцев.

Большинство обитателей бункера было детьми. Женщин тоже хватало, а вот мужчин было очень мало. Ни один из них, казалось, не сидел на месте – все куда-то спешили, явно по делу. Многие оборачивались, смотрели на него, и Борьке вдруг стало неловко – он ощущал себя едва ли не дезертиром.

Их отвели в некое подобие длинного широкого коридора. Большая его часть была разгорожена ширмами из пестрой разноцветной клеенки, пол кое-где устлан коричнево-золотыми коврами – такими торговали харг-каарт. В клеенке были обширные проемы – и там, где они не были закрыты на «молнии», Борька видел внушительные кипы толстых одеял и матрацев. Шагов через сто они свернули в одну такую «комнату», где уже сидели несколько мальчишек, чуть помладше на вид, чем друзья. На всех были пионерские галстуки. Они откровенно разглядывали гостей, потом один из них – главный, как понял Борька – поднялся и подошел к ним. На вид лет двенадцати, и Борька сомневался, что здесь есть кто-то старше.

– Привет, – деловито сказал мальчишка, не представляясь. У него получилось с акцентом, и Борька понял, что это болгарин, наверное, из Ново-Сливена, был неподалеку такой поселок. – Есть хотите?

– Пить, – ответил Витька, и Борька только теперь ощутил ужаснейшую жажду. Едва он подумал о воде, как возникло ощущение: высохло все тело.

Мальчишка кивнул, махнул рукой:

– Воды принесите! – И две девчонки, появившиеся из-за откинувшегося полога, притащили большую открытую флягу.

Ребята, не церемонясь, рухнули на колени и столкнулись над водой головами, при этом не выпуская из рук оружия. Не раздалось ни единого смешка...

– Вы из Сливена? – спросил Борька, подняв наконец от воды лицо и вытираясь рукавом. Рукав был в засохшей крови – наверное, уже давно разошлась рана.

Мальчишка кивнул.

– Вас что, тоже сожгли?

– Нас отослали. – В голосе паренька прозвучала злость, и сейчас он показался Борьке похожим на Вовку, хотя Вовка был пониже, поплечистей и русый, а не черноволосый. Наверное, теперь всех мальчишек этого возраста на планете объединяла такая злость – злость и обида даже не на врага, на взрослых, которые не дают с этим врагом встретиться. Где же Вовка, добрались ли транспорты с детьми и женщинами до безопасных мест?.. – А поселок держится... Вы из Надежды?

– Оттуда. – Витька тоже выпрямился, отдал салют. – Спасибо.

– Да не за что. Мы всех поим и кормим, кто придет, у нас задание такое. – Мальчишка ответил салютом, показал на проход подальше. – Там душ можно принять. И медсестра сейчас придет, тебя посмотрит. – Он кивнул Борьке.

– Как там бои? – спросила одна из девчонок. – Как наши?

И снова все затихли, как в тот момент, когда мальчишки пили.

– Бьем мы их, – спокойно ответил Витька. – Отступаем по плану и бьем, – и добавил весело: – Да ерунда, их легко бить...

* * *

...Он появился, когда медсестра заново обрабатывала рану Борьки, а Витька рылся в одежде из вскрытых пакетов с надписью «**Мобилизационный резерв Военного Министерства Русской Империи**» – собственная одежда, да и снаряжение мальчишек превратились в обноски, рвань и лохмотья, а они и не заметили даже, когда это произошло.

– Олег?! – вскрикнул Борька.

Он почему-то очень обрадовался и видел, что и Витька рад тоже. Самое главное – улыбался до ушей и сам Олег! Он тоже был в новом, без брони, и не с пулеметом, а с кобурой пистолета на косом поясе и держал в руках большой поднос с едой.

– Руку побереги. – Медсестра, закончив свою работу, тоже невольно улыбалась при виде радости всех троих мальчишек.

– Спасибо, – поблагодарил Борька, если честно – мельком. – Олег, ты наших не видел?

– Не видел, но знаю, что все эвакуированные глубоко в лесу, – ответил Полежаев-

младший. – А взрослые, кто сражался и дошел, те, наверное, тут. Я сам в городе еще не был, сразу сюда... – Он опустил поднос на пол, сел сам и медленно, угрюмо сказал: – Моих людей всех перебили... Мы вместе с солдатами прикрывали отступление... Я потом решил идти на латифундию, когда понял, что остался один, пришел, а там все горит... черт. И там... – Олег вздохнул. – Там погиб мой отец.

Мальчишки, уже начавшие есть (теперь они поняли, что вдобавок и голодны), разом поперхнулись и уставились на Олега.

– Откуда ты знаешь? – осторожно спросил Витька.

Олег криво усмехнулся:

– *Знаю*. Я больше не чувствую его.

И, как ни в чем не бывало нагнувшись к подносу, взял банку с консервированной кукурузой.

* * *

Первое время Чужие не обращали особого внимания на столичный космодром – он был небольшим, да и кораблей на нем к началу атаки не оказалось. Они считали, что космодром падет сам, когда будет взята столица. Но после того, как передовые части были затерты между гарнизоном Трезубца и частями 4-й армии и перемолоты с неожиданной быстротой и жестокостью, Чужие, откатившись, изменили план атаки.

Система обороны космодрома – то, что можно было заметить с воздуха или с орбиты – отнюдь не отличалась мощностью: восемь бункеров со стандартными башнями спаренных пятидесятисемимиллиметровых зениток. Их хватило, чтобы расстрелять несколько нэйкельских штурмовиков, так что те сочли за благо больше не появляться над ним. Внимание нападавших было привлечено к окружению столицы и к борьбе с многочисленными автономными отрядами армии и ополченцев, которые, непрерывно маневрируя, появлялись в самых неожиданных местах и наносили внезапные сокрушительные удары по многочисленным колоннам сил вторжения и их тылам, дезорганизуя работу снабжения. Довольно быстро Чужим стало ясно, что с наскока планету не взять, – от лихого налета, рассчитанного на внезапность и мощь брошенных в атаку сил, пришлось перейти к методичной осаде укреплений землян, и маленький космодром приобрел неожиданно важное значение. Поскольку атака с воздуха заведомо не принесла бы успеха – судьба нэйкельских штурмовиков была тому наглядным подтверждением, – в бой решено было бросить танки, доставленные на планету в достаточном количестве.

Надо сказать, что землян удивило своеобразие тактик каждой из четырех рас Альянса. Лучше всех на земле дрались сторки – в основном, за счет скиуттской пехоты, но не только. Если скиутты не справлялись (как правило, из-за недостаточности техники), сторки уверенно и отважно шли в бой сами. Их собственные штурмовики мало чем уступали земным самолетам. Тяжелой боевой техникой сторки пренебрегали, предпочитая легкие и маневренные боевые машины, а при необходимости прибегали к прицельным ударам с орбиты. Дайрисы вообще не имели наземной боевой техники – сами по себе они были превосходными бойцами, но, в основном, за счет своих «индивидуально-технических данных» – с тактикой у них было плоховато. Они, наверное, и сами понимали это, так как старались воевать в космосе не слишком активно, осторожно. Нэйкельцы тоже не имели нормально подготовленной пехоты – полагались на свои штурмовики и биомехи. А вот джаго просто обожали танки, которых другие расы, за исключением землян, вообще не строили. Техника их, которую они наконец-то подтянули с орбиты на тяжелых транспортах, была, по галактическим меркам, грубой, но мощной и к тому же ее было много. Так что штурм космодрома поручили именно им, и джаго решили не мелочиться. Они послали в бой сразу целый полк, сотню танков, за которыми ехали грузовики с солдатами. Джаго были ленивы и старались передвигаться на машинах везде, где было можно. Их армада двигалась широким фронтом, совершенно не скрываясь, – джаго вполне искренне считали, что лучшей

их защитой является внушаемый ими другим расам ужас, и ухитрились так и не сделать никаких выводов из штурмов земных поселений, ни одно из которых вот такой лобовой атакой взять не удалось...

* * *

Земляне, собравшиеся в командном пункте космодрома, никакого ужаса не испытывали. Они уже сталкивались с джаго и успели убедиться, что вояки те так себе. Да и подготовка к отражению наступления была проделана очень серьезная – гораздо большая, чем можно было заподозрить на первый взгляд... Просто это не афишировалось, подготовительные мероприятия дробились, маскировались под другое – вплоть до фольклорных фестивалей. Это делалось не столько затем, чтобы обмануть Чужих, сколько чтобы не беспокоить свое население – власти обеих Империй до последнего искренне надеялись, что большой войны не случится... И теперь то, что Чужие захватили и сожгли несколько поселков, тоже входило в этот план – враг втянулся в наземные бои и полностью раскрыл все свои силы...

– Неужели они и в самом деле считают нас дикарями? – с искренним недоумением спросил командир гарнизона космодрома, штабс-капитан Шахматов, когда инженерам удалось перехватить сигнал с вражеских наблюдательных дронов и люди увидели приближавшуюся к ним армаду, как говорится, в деталях и подробностях.

– Невероятно, но, похоже, да, – подтвердил главный инженер, а теперь еще и комендант космопорта, гражданский подполковник Степанов, светловолосый, с широкими плечами мужик, похожий больше на хирурга. – Насколько я знаю, до войны Чужие вообще не интересовались нашей техникой. Свою навязывали очень активно, но какой это был хлам... Одна сторкадская фирма долго пыталась объяснить нам, зачем нужны персональные компьютеры, – они совершенно искренне считали, что у нас нет своих, а, между прочим, то, что они предлагали, отстало от наших лет на сто. Кроме того, установленное здесь оборудование намного превосходит то, что обычно имеется в армейских частях. Еще с самого начала вторжения мои ребята пытались расшифровать их сигналы – и вот результат, как вы видите.

– Очень хорошо, Валерий Павлович, – кивнул штабс-капитан. – Благодаря вам наша задача значительно упрощается... Что вы можете сказать об их силах? – Он повернулся к своему начальнику разведки, лейтенанту космофлота Смирнову.

– Около ста тяжелых танков типа «Химера»⁶, до двухсот грузовых транспортных средств с десантом – примерно, около трех-четырёх тысяч солдат. А у нас...

– У нас, Семен Михайлович, осталось считаных двадцать семь человек... – задумчиво подытожил Шахматов. – И пять тысяч беженцев в бункере. Так что проиграть мы с вами не имеем права.

Лейтенант не по-уставному хмыкнул – это он отлично знал и сам. Им предстоял совсем особый бой – операторы автономных боевых точек против бронетанковой орды, и допустить ошибку тут было нельзя.

– Дистанция пять тысяч метров, – сказал Смирнов. – Уже можно стрелять.

– Подождем. Надо бить наверняка. Мы уже выяснили, что лучший способ остановить джаго – это нанести им высокие одномоментные потери... Торопиться не надо, свое мы все равно возьмем. Какая там дальность огня у «Химеры»?

– Пятьсот метров главным калибром, – ответил Смирнов.

– Наш «Витязь» бьет на пять тысяч подкалиберным, – ухмыльнулся Шахматов.

– Ну и что, Петр Прохорович? У «Витязя» боезапас – сорок выстрелов, а у «Химеры» – за две сотни. Да и скорострельность выше раз в пять. Система наведения, правда, плоховата,

⁶ Конечно, это земное условное название, не джагганское.

но другой на такой дальности и не надо... Три тысячи метров.

– Начнеоооом, пожалууууу... – неожиданно хорошим оперным баритоном пропел штабс-капитан, утер платком вспотевший лоб и надел фуражку. – Операторам ПТРК – огонь по готовности!

Отворачивая пласты дерна, по периметру космопорта поднялись бронированные коробки противотанковых ракетных установок – их было всего четыре, но каждая вмещала двенадцать твердотопливных ракет с лазерным наведением, две дюжины из которых сразу же устремились к врагу. Секунду спустя пусковые установки вновь ушли под землю, и гидравлические лапы втокнули в направляющие новые пакеты ракет...

Это было противостояние двух систем оружия, разделенных несколькими веками технического развития, но совсем не такое безнадежное, как могло показаться (и показалось многим) с первого взгляда. «Химеры» были защищены керамической броней, рассчитанной на противостояние плазме, и прикрыты магнитными экранами, достаточно мощными, чтобы отразить залп двадцатисантиметрового плазменного орудия. Но вот на противодействие ракетам они рассчитаны не были. Нет, тяжелые плазменные роторы, рассчитанные на зенитный огонь, на них тоже были, но главной их целью считались сторкадские штурмовики, а вовсе не ракеты.

Это была еще одна тяжелая проблема Альянса – большую часть времени составлявшие его расы были врагами. Соответственно, и оружие они разрабатывали не из общих соображений, как земляне, а под совершенно конкретного врага – в данном случае, под сторков, которые довели плазменное оружие до пределов совершенства. Земляне же, хотя и уделяли основное внимание строительству космофлота и пехоте во всех ее видах, вовсе не исключали, что им придется вступить в бой с тяжелой техникой. Для борьбы с ней ПТУР «Поток» с пятикилограммовой боевой частью и прицельной дальностью стрельбы до пяти километров подходила идеально. Она пробивала полтора метра броневой стали, то есть столько же, сколько тяжелые плазменные орудия, которые обычно ставят на военные корабли, а не на наземную технику.

Танки открыли шквальный зенитный огонь и даже сбили несколько ракет, но всего через несколько секунд дюжина из них взорвалась. Против ракет их магнитные щиты оказались совершенно бесполезными. Многие экипажи дали ответный залп – даже несмотря на то, что до цели их заряды попросту не долетали. Через полминуты последовал второй залп – с теми же результатами, а после третьего джаго начали отступать. Третью их танков чадно догорала в трех километрах от земных позиций...

Замешательство джаго длилось недолго – к тяжелым потерям им было не привыкать. Их пехотинцы спешили и не слишком охотно побрели вперед, растянувшись длинной, в несколько километров, цепью, вполне разумно рассудив, что стрелять противотанковыми ракетами по пехоте глупо. К их несчастью, одними ракетами оборона земного космодрома не исчерпывалась...

– Главный калибр к бою, господа, – распорядился Шахматов.

Вопреки сложившемуся уже у некоторых рас мнению, что земляне пренебрегают техникой, предпочитая ей отчаянную смелость лихих атак (основанному, надо сказать, на нескольких очень удачных таких атаках, когда именно за счет быстроты прямого натиска земляне громили многократно превосходящие силы), к разработке оружия, способного противостоять даже самой изощренной чужой технике, на Земле относились очень серьезно. Сделано в этом отношении было много, и один из таких образцов – опытный четырехсотшестимиллиметровый миномет «Рокот» – как раз стоял на космодроме. Внешне он ничем не притягивал взгляд – совершенно непримечательный круглый бугор, четырех метров в диаметре. Однако под дерном скрывался бронированный купол, в амбразуру которого сейчас выдвинулись пять метров громадного, шести с половиной метров длиной, ствола. С гулким «бумм!», от которого трава полегла на сотню метров вокруг, а из передовых окопов обороны понесся сочный древний мат, в воздух взмыла мина весом тысячу двести килограммов. Заряжался «Рокот» жидким порохом, так что минимальной

дальности стрельбы для него просто не существовало.

Мина по крутой дуге понеслась к неспешно наступающим джаго. Зенитные роторы «Химер» нацелились на нее, но на высоте два километра мина разорвалась, выбросив шесть сотен небольших, похожих на консервные банки бомбочек. Трепеща жестяными крылышками оперения, они, словно рой каких-то разумных насекомых, начали выстраиваться в линию, устремляясь туда, где их несложные сенсоры видели пятнышки тепла – вражескую пехоту.

Джаго даже не успели понять, что происходит. На высоте полутора метров бомбочки взрывались – сейчас они взорвались почти одновременно, обдав врага тучей стальных шариков. В отличие от обычных снарядов и мин, которые взрываются уже на земле и дают относительно немного осколков, эти бомбочки были устроены, как прыгающие мины – цилиндрические банки, начиненные старой доброй шрапнелью. При взрыве она не пропадала зря, плотно разлетаясь в горизонтальной плоскости, – и несколько сот пехотинцев джаго полегли сразу, их броня не устояла против закаленной земной стали.

Уцелевшие залегли, но мины летели одна за другой, со скоростью двадцать штук в минуту, находя все новые и новые жертвы, решета и поджигая грузовики, и уцелевшие скоро обратились в бегство. Оставались еще танки, но Шахматов приказал перейти на огонь бронебойными боеприпасами, и всего через четыре секунды в воздух устремилась мина, несущая тридцать шесть самонаводящихся кумулятивных бомб. Половина из них попала в цель – и уцелевшие танки газанули, давя и обгоняя свою же пехоту, в напрасной попытке уйти от огня.

Вот только максимальная дальность «Рокота» составляла сорок километров, так что уйти, в итоге, не удалось никому.

* * *

– Отличная работа, Войко! – штабс-капитан повернулся к наводчику «Рокота» Мирошевичу. Невысокий, похожий на старого лиса, и на самом деле уже немолодой, засевавший в поручиках из-за своего яростного нежелания «повышать квалификацию» серб довольно оскалился: он состоял канониром еще в первой дипломатической экспедиции к джаго, много повидал на Джаггане и давно мечтал задать старым знакомым хорошую трепку. – Сколько зарядов осталось?

– Шестьдесят, – спокойно ответил серб. – Меньше трети.

Штабс-капитан крикнул:

– Эх, увлеклись! Что ни один не ушел – это хорошо. Но...

– Не думаю, что вторая атака будет такой же, – заметил Смирнов.

– Чего же нам следует ждать? – спросил штабс-капитан.

Начальник разведки задумался.

– С чисто военной точки зрения – бросить сюда ядерный заряд, но я не думаю, что Чужие пойдут на это. Этот космодром нужен им для высадки тяжелой техники, так что разрушать его они не станут... Так что, скорее всего, бросят сюда сторков, чтобы раскатать нашу оборону с воздуха. Да и с земли у этих товарищей найдется чем нас поджарить.

– Пусть попробуют, – усмехнулся Шахматов. – Наша противовоздушная оборона вполне надежна.

– А это как сказать, Петр Прохорович. Нэйкельские штурмовики – для серьезной армии не противник, они предназначены для борьбы с пехотой. Сторки – совсем другое дело. Они много веков били джаго, да и с нэйкельцами и даже с дайрисами сцеплялись вполне на равных. Техника у них – не самая мощная, да, но все же намного лучше нашей. Да и личный состав подготовлен очень хорошо – дерется грамотно и фанатично, в плен не сдается – разве что при самых крайних обстоятельствах.

– Сторки сильны своим планированием, – заметил штабс-капитан. – По сравнению с их Штабным Комитетом старинный германский Генеральный Штаб показался бы сборищем

анархистов. Если мы дадим им провести операцию по ИХ плану, они почти наверняка нас разобьют.

– Что же вы предлагаете? – с интересом спросил Смирнов.

– Неожиданность. Импровизацию. Вот в чем мы, несомненно, на голову или на две выше всех Чужих: в способности найти нестандартный подход, неожиданное решение. ТАМ, – штабс-капитан ткнул рукой вверх, – все давно друг друга знают, как облупленных, знают, что на действие «а» всегда будет ответ «бэ». Чужие привыкли воевать по шаблону, тактики как таковой у них нет. А вот мы для них – пока что неизвестная величина. Но они не в силах этого понять, подходят к нам со старыми шаблонами, да еще и со своими для каждой расы. Сторки, например, принимают нас за еще одну разновидность «грязных дикарей», вроде джаго, даже не считают нужным тщательно планировать свои атаки – пока что. Понятно, что это может измениться в любой миг. Но пока преимущество на нашей стороне.

– Нельзя ли конкретнее, Петр Прохорович? Как бы сторки к нам ни относились, но если они пошлют сюда, скажем, полсотни штурмовых челноков, то просто задавят нас количеством. Тут никакая неожиданность не поможет.

– Смотря какая, Семен Михайлович. Чего они от нас ждут? Позиционной обороны, зенитных орудий, ракет... Все это у нас есть, и было бы глупо отказываться от этого... Но этого может оказаться недостаточно.

– И что же вы предлагаете?

– Я договорился с генералом Трофимовым об авиатехподдержке – если сторки и впрямь бросят в бой штурмовики, он поднимет истребители с лесных баз и нанесет по ним удар – само собой, если позволит обстановка... Конечно, это полумера – лучше всего было бы уничтожить их носители, авианосцы, не дожидаясь, пока они атакуют, но такой возможности у нас пока что, к сожалению, нет. Наш флот еще не подошел к планете, и нам придется держать оборону наличными силами. Поэтому мы должны очень хорошо думать, как их использовать, – подкреплений в ближайшее время не будет. Это не значит, конечно, что мы должны садиться в глухую оборону и дрожать над каждым стволом. Нет. Единственная возможность отразить вторжение – это нанести Чужим как можно большие потери, и нужно использовать каждую возможность для этого. Но без авантюризма – бить расчетливо и наверняка.

– В городе не хватает людей, – вмешался Степанов.

Офицеры задумались – это было правдой. Гарнизон столицы не понес потерь в отражении этих атак, но очень многие огневые точки молчали просто потому, что их некому было обслуживать.

– Ладно, – подполковник поднялся с кресла. – Пойду за добровольцами. Мужиков там нет почти, какие есть – раненые все... а вот парнишки постарше прибегут, только свистну!

* * *

Неизвестно, что сторки думали о поражении своих, так сказать, союзников, но действия их оказались и впрямь достаточно легко предсказуемыми – всего минут через пять радары космопорта засекли целую армаду устремившихся к нему штурмовых челноков. Их было сорок восемь – четыре эскадрильи, полный боевой наряд сторкадского ударного авианосца, – если не считать эскадрилью разведчиков и эскадрилью истребителей. Каждая из этих тяжелых двухсоттонных машин несла до двух взводов пехоты и четыре мощные плазменные пушки – в носу и под крыльями.

– Это полная десантная бригада, Петр Прохорович, – предупредил Семенов. – Если они высадятся, хотя бы частично – они нас сомнут.

– Не высадятся, Семен Михайлович. – Штабс-капитан кивнул на другой угол бункера, где конопатый авианаводчик азартно передавал уже дежурившим в воздухе эскадрильям координаты целей. – У нас в воздухе сейчас эскадрилья «МиГ-240» и эскадрилья «ягуаров» – с полным боекомплектom. Да и мы сидеть без дела не будем...

Сторки шли к цели кучно, плотным строем – со стороны это смотрелось, наверное, устрашающе. Но здесь, в штабном бункере, никто не стал устрашаться – люди работали, им было не до таких глупостей. Никто не толкал пафосных речей, никто не бегал кругами, выпучив глаза от страха, – враг поставил перед ними сложную задачу, и они решали ее. Вот и все.

Первым в бой на этот раз вступил «Рокот» – этот уникальный миномет мог стрелять не только минами, но и управляемыми ракетами, в данном случае – зенитными. Калибр у них был побольше, чем у обычных земных зенитных ракет, и первая из них устремилась к цели на скорости четыре Маха. Для задуманного штабс-капитаном лучше всего подошел бы ядерный заряд – более того, такие у него были. Но Шахматов не любил ядерного оружия – как и почти любой профессиональный военный, он предпочитал драться рапирой, а не дубиной. Кроме того, не стоило сверх меры дразнить гусей, ибо соблазн ответить «грязным дикарям» тем же был очень велик, а превращение Китежа в радиоактивную пустыню в планы штабс-капитана не входило. Впрочем, в данном случае такое оружие было и не нужно.

Все в бункере замерли, неотрывно глядя на экраны. В начале Экспансии никто, разумеется, не знал, с чем именно придется столкнуться землянам. Поэтому было изготовлено множество разного рода экспериментальных моделей оружия, и сейчас еще одна из них держала суровую проверку боем – чтобы победить или бесславно сойти со сцены. Если не повезет, то вместе с теми, кто ее применил...

На первый взгляд, земная ракета летела совершенно неправильно – по слишком крутой траектории, проходящей высоко над курсом сторков – те даже не обратили на нее внимания. Но в десяти километрах над ними корпус ракеты полыхнул желтым огнем и развалился, выпустив на свободу десяток пятидесятикилограммовых вольфрамовых стрел; бодро пыхнув выхлопами реактивных двигателей, они понеслись вниз, каждая уже к своей цели. Эту систему вообще-то разработали для поражения танков – но, как оказалось, она вполне могла бить и воздушного врага – по крайней мере, на учениях. Как она покажет себя в настоящем бою, сейчас и предстояло узнать.

Нельзя сказать, что сторки совсем уж не были готовы к подобным неожиданностям – воевали они уже очень давно и, как правило, успешно, так что системы радиоэлектронного подавления на их челноках вполне даже имелись, как и инфракрасные ловушки, специально предназначенные для отвода ракет. Однако в данном случае помочь им это не могло, потому что земные «стрелы» наводились в оптическом диапазоне на любую цель, движущуюся на фоне земной поверхности.

Само собой, чувствительные сенсоры штурмовых челноков сразу же заметили угрозу, а их верхние автоматические турели открыли по ним огонь. Но скорость сближения была слишком большой, а радиус огня плазмометов – слишком малым. Пилоты начали маневры уклонения, но их челноки были слишком тяжелыми, они не предназначались для маневров. Их назначением было сойти с орбиты и сесть, высадить десантников, забрать груз, а потом подняться на орбиту. Тем не менее, опытные пилоты клали свои «утюги» в вираж с предельной перегрузкой. Глупые надеялись на силовые поля – за тысячи лет войн силовая защита у сторков достигла совершенства, щиты штурмовых челноков могли противостоять плазменному огню и даже аннигилирующим пушкам нэйкельцев, – но на летящие с огромной скоростью тяжелые вольфрамовые «стрелы» они рассчитаны все же не были. Два челнока сразу превратились в огненные шары, остальным удалось уклониться, но вслед за первой ракетой летели новые и новые.

Красивый и угрожающий строй мгновенно рухнул, тяжелые машины шарахались туда и сюда, уворачиваясь от летящей в них сверху смерти, эфир был забит руганью в адрес разведки, которая не предупредила их о таком сюрпризе, – и именно в этот миг, когда ни о какой координации сил уже не могло быть и речи, появились горбатые, похожие на хищного зверя в прыжке, «МиГи» и стреловидные стремительные англосаксонские «ягуары». Они начали с массированного ракетного залпа, но их ракеты были более традиционными, и сторкам кое-как удалось отбиться – они потеряли всего три машины. Однако потом земляне

оказались уже на расстоянии прицельного огня – и вот тогда сторкам пришлось кисло. Штурмовые челноки менее всего предназначались для воздушного боя, этим должны были заниматься истребители, но те сейчас прикрывали авианосец, да никто и не подумал, что они могут быть нужны здесь. А земляне, как выяснилось, отлично подготовились к битве с, казалось бы, неуязвимым врагом. Они уже хорошо знали, что силовые поля прекрасно защищают от высокоскоростной кинетики, но с падением скорости снаряда их эффективность тоже быстро падает. Поэтому в ход для начала пошли двухсотпятидесятикилограммовые управляемые бомбы – попасть ими в воздушную цель, конечно, удавалось нечасто, но когда все же удавалось, от нее оставалось лишь огненное облако, из которого во все стороны, кувыркаясь, разлетались обломки. За какие-то секунды сторки лишились еще пяти машин, а потом их накрыл огонь пушек. Стандартная тридцатимиллиметровая шестистволка каждого истребителя-бомбардировщика выбрасывала шесть тысяч снарядов в минуту – пробить защиту это не могло, но пилоты в упоенной, бешеной карусели заходили на цель снова... и снова... и снова, пока защита не рушилась и снаряды не разносили вдребезги керамическую, рассчитанную на огонь плазменных пушек и атмосферный нагрев броню. Да, землянам тоже не везло, кто-то из них то и дело попадал в перекрестье плазменных трасс и вспыхивал, но они атаковали вновь и вновь, со страшной, методичной безжалостностью – выбирали себе цель и били ее, заходя на нее раз за разом, выбивая ее силовое поле непрерывным огнем, пока она не разваливалась. В эфире стояла злая ругань обреченных, помочь им никто не мог – выйти «в хвост» вертким, как черти, земным истребителям было невозможно. И, когда уже половина челноков была сбита, сторки, наконец, не выдержали – все разом врубили маршевые двигатели и дружно рванули вверх, за пределы атмосферы, куда чокнутые враги с их воздушно-реактивными двигателями не могли последовать. Разгром был полный – в сбитых челноках погибла половина десантно-штурмовой бригады – со средствами усиления, с киберстрелками, – в то время как защитники Китежа потеряли только пять машин. Сторки очень не любили сюрпризов – особенно неприятных, – и потому командующий их эскадрой распорядился прекратить боевые действия, пока новые сюрпризы землян не будут как следует изучены и не будет разработана тактика, способная нейтрализовать их. В который уже раз Сторкад тихо отходил в сторону, предоставляя пальму первенства своим заклятым «союзникам» – джаго и нэйкельцам.

Со стороны это могло показаться слабостью. Но сторки умели ждать...

* * *

А в земном бункере стоял сплошной ликующий рев – забыв о субординации, офицеры кричали, хлопали друг друга по плечам, зная, что в этой победе есть и их собственный, вовсе не маленький вклад...

– Довольно, господа, – сказал, наконец, Шахматов, и веселье словно отрезало ножом – как и не было. – Наша победа пока что далеко не окончательная, и Чужие вернуться – скоро и с большими силами. НО! Сейчас мы выиграли самое ценное, что только есть на войне, – выиграли время. Более того, мы заставили наших врагов отступить – хотя бы и временно. Поэтому сейчас самое важное – переправить беженцев в столицу, под защиту ее гарнизона и стационарных систем ПКО. Мы же укрепим, насколько можно, нашу оборону и будем держаться здесь дальше...

* * *

О полыхавшей над его головой битве Борька ничего не знал – по крайней мере, в те минуты, когда она полыхала. Потом-то о ней сообщили по трансляции – и особого удивления ни ход ее, ни исход ни у кого не вызвал. Наши победили – разве могло быть иначе?

Вообще-то, Борька понимал, что **могло**, но размышлять над превратностями военной удачи его как-то не тянуло. Выходило, что, пока другие сражались, они отсиделись в тылу, как последние трусы. Тот факт, что их никто, собственно, и не приглашал участвовать – более того, их аккуратно вывели бы за ухо, явись они на командный пункт добровольцами, – в расчет, естественно, не принимался. Так или иначе, это сражение было выиграно – и появившиеся в бункере немногословные военные быстро и организованно вывели всех наверх, где их ждали «Буйволы». Олег куда-то делся – как в воду канул, и мальчишкам внезапно стало грустно.

Погрузка заняла едва минут пятнадцать – имущества у беженцев почти не было, да и затеять суматоху тоже никто не пытался. К столице машины шли на полной скорости, плотной колонной, по-прежнему с боевыми машинами на флангах, с зенитными самоходками в арьергарде – нападения Чужих ждали в любую минуту. Радары и пушечные стволы «Панцирей» непрерывно прошупывали чистое предвечернее небо, но Чужие так и не появились – должно быть, еще переваривали полученный от землян урок.

Однако, когда они, наконец, добрались до столицы (под силовым куполом было темно, он буквально давил на голову, как свод пещеры, и мальчишки облегченно вздохнули, опустив глаза), дело нашлось и для них. Прямо на сборном пункте беженцев ожидали офицеры, выкликавшие военнообязанных, отставших от своих частей солдат и просто добровольцев. Среди офицеров мальчишки с громадным облегчением заметили майора Иванищева, но прежде, чем они к нему протолкались, их нашел Олег. Сейчас юный дворянин был в полном боевом, да еще и в новой броне. На боку у него висел «АК-103» с подствольником.

– Так. Нашлись наконец-то, – сказал он с хмурым видом.

– Да мы... – начал было Витька возмущенно, но тут же смолк. Никаких особых подвигов на память ему не приходило, а хвастаться удачным бегством от врага в качестве груза в кунге «Буйвола» было... м-м-м... неразумно.

– Дурак, – хмыкнул Олег. – Все, кстати, думали, что вы погибли. Так что – марш к своим родителям, оба. Нашел я их, тут они... Доложитесь по всей форме, что живы, здоровы и прочее.

– А потом что? – не менее хмуро спросил Борька. Очередное сидение в бункере ему ну никак не улыбалось.

– Потом... – Олег поправил ремень автомата. – А «потом», ребята, может и не быть – Чужие идут на столицу со всех сторон, их то ли триста, то ли четыреста тысяч – с техникой, с воздушным прикрытием. Шансов отбиться у нас, честно скажу, мало. Так что если хотите в строй – добро пожаловать. – Он слабо улыбнулся. – Гнать вас никто не будет. Не то место и не то время...

Странно, но Борька почти не испугался. Ну, враги. Ну, наступают. Ну, много. И что? В первый раз, что ли? Сколько было этих врагов – начиная от хана Батыя? Где все они – и где Русь? Ну вот, то-то же. Даже смешно, что Олег, дворянин, этого не понимает.

– Да, четыреста тысяч Чужих – это проблема, – задумчиво протянул Витька. – Где мы их всех похороним?

Олег неопределенно хмыкнул.

– Так. С тобой все ясно. Майора Иванищева видишь? Марш туда, он как раз твоих собирает, из поселка.

– А я? – ревниво спросил Борька.

– Ты... – Олег задумчиво посмотрел на него. – В стационарных огневых точках типа «Горчак-6М» разбираешься?

– На НВП проходили. Но мало, – самокритично признался мальчишка. – А что?

– Меня к одной такой приписали. Наводчиком. А техника защиты нету. Пойдешь?

– Конечно! – Правду говоря, Борька плохо представлял, что от него там потребуется, но раз Олег его приглашает, ничего особенно сложного.

– А я? – сразу влез Витька. Бросать закадычного друга ему ну никак не хотелось.

– Точка двухместная, – отрезал Олег. – И потом, ты слишком хорошо стреляешь из обычных стволов, чтобы сидеть под землей.

Теперь вскинулся уже Борька:

– Ты что, Олег? Хочешь сказать, что я плохо стреляю, так?

– По сравнению с Витькой – да, – спокойно ответил тот. – Зато в технике разбираешься куда как лучше. Так что пойдете туда, где от вас будет польза, или подеретесь, горячие финские парни?

Мальчишки прикусили языки. Глупое это дело – спорить с дворянином, подумал Борька. И не потому, что фиг переспоришь его, а потому, что глупо это. Сам себя дураком чувствуешь. Они ведь здесь не для того, чтобы бессмертную славу снискивать. Они здесь свои семьи защищают. И спорить с тем, что на своем месте они полезнее, – глупо.

Витька ушел не оглядываясь, с деревянной спиной – понимание пониманием, а сердцу-то не прикажешь, оно все по-своему чувствует. Да и Борьке было невесело – с другом расставаться-то...

– И что дальше? – хмуро спросил он.

– Дальше... – Олег задумчиво покачал автомат за ремень, словно игрушку. – Вон, наблюдательную башню видишь? Как со своими разберешься, иди туда, я по-любому там буду. Время у нас есть еще...

* * *

– А вот и они, – Олег оторвался от телескопа и посмотрел на Борьку.

Тот проснулся и встал, ошалело осматриваясь – как часто бывает после глубокого сна, он не понимал, где проснулся, – и все вокруг казалось ему незнакомым.

Мальчишки находились в просторной, низкой круглой комнате – рубке наблюдательной башни, куда их распределили после пары слов насчет добровольцев, сказанных гражданским офицером. Ее центр занимал глянцево-белый цилиндр лифта, верхнюю половину внешней стены составляла сплошная полоса наклоненных наружу толстых стекол. Под ними стояли уютные кресла и низкие полированные столики, разделенные экранами, сейчас темными, и подставками двойных телескопов, похожих на огромные бинокли. Олег стоял возле одного из них.

Беззвучно ступая босиком по застланному пол мягкому ковру, Борька подошел к нему и склонился над обращенным вверх окуляром.

Он увидел смутную в ночном сумраке и струении защитного поля полосу шоссе на столицу – она упиралась в какую-то темную массу, на первый взгляд неподвижную, лишь ее очертания иногда неравномерно менялись, и Борька не сразу понял, что это колонна Чужих – колонна, которая идет прямо к нему. На самом деле, она была гораздо шире, чем дорога, – многие шли по обочинам.

И это были уже не только джаго, атаку которых отбили ополченцы в Надежде.

Нет.

В атаку шли сторки. Сами. Не скиутты, не джанеты – их обычные наемники.

Сами сторки.

А над темным муравьиным ковром закованных в черную пластинчатую броню сторкадских пехотинцев виднелись огромные, с пятиэтажный дом, фигуры, похожие на чудовищных треногих пауков – нэйкельские боевые шагатели. Мальчишку и врагов разделяли еще километры, но, тем не менее, Борьку пробрал неожиданный озноб – хотя до начала боя оставалось еще, по крайней мере, десяток минут, противник оказался куда более опасным и многочисленным, чем они полагали.

Глядя на него, мальчишка чувствовал, как башня слабо, едва заметно покачивается под ним, хотя ветер вроде бы совсем не был сильным. Он стал торопливо обуваться, поглядывая на окна, как будто в них вот-вот должны были появиться Чужие. В принципе, защитной системой они могли управлять и отсюда, но командный пункт, расположенный на высоте

девятиста метров, казался слишком уязвимым – хотя, если защитное поле выдержит, это не будет иметь никакого значения. Тем не менее, Олег тоже не хотел здесь оставаться.

– Пошли, – тихо сказал он, нажав на кнопку лифта.

Выгнутые панели тут же с шипением раздвинулись, открыв тускло освещенную кабину. Едва они вошли в нее, Олег вновь нажал на кнопку, и пол уплыл у Борьки из-под ног.

Спуск был резким. У мальчишки перехватило дыхание, потом заложило уши – и тут же пол резко нажал на его подошвы. Двери кабины разошлись. Они вышли в маленькое помещение, похожее на кузов фургона, и через узкую дверь – прямо на улицу.

Фундамент башни окружала высокая ограда из белой металлической сетки. Задрав голову, Борька посмотрел на поднимающуюся в зенит сложную ферму из труб различной толщины: самой толстой из них была труба лифта, и у мальчишки возникло вдруг глупое желание спрятаться там. Прогоняя его, он помотал головой и осмотрелся.

Они стояли посреди неровного пустыря, поросшего бурьяном и засыпанного строительным мусором. Простершийся над ними мутно-черный купол защитного поля то и дело вспыхивал яркими серебристыми сполохами – обстрел столицы с орбиты еще продолжался, несмотря на отсутствие каких-то результатов. Эта спасительная тьма была повсюду, и только юг полыхал страшным, коричневато-мутным заревом. На пустыре было довольно светло – по крайней мере, все предметы выступали так же четко, как днем.

Справа от них, всего метрах в ста, тянулось широкое, совершенно пустое шоссе. За ним, далеко справа, виднелась группа восьмиэтажных зданий из серого кирпича, а на юге простирался луг, покато спускавшийся к низким крышам какого-то завода. За ними полыхало зарево.

Борька обернулся. За ажурным силуэтом наблюдательной башни, розовато-четким на фоне темного северного неба, виднелись низкие деревья одного из городских парков. Пустырь от луга отделял только что законченный четырехметровый забор из нескольких рядов вертикально залитых в бетон рельсов. Перед ним стояли низкие квадратные бункеры, увенчанные плоскими орудийными башнями спаренных пятидесятисемимиллиметровок. Башен было много: не сходя с места, Борька увидел еще четыре или пять. Но к ним приближалась почти сплошная стена Чужих, и на их фоне эта защита смотрелась довольно-таки хило.

Сейчас вокруг них царила поразительная тишина. Иногда слабыми порывами налетал теплый ветерок, но нигде, насколько хватал глаз, не было никакого движения – казалось, кроме них в городе не осталось больше ни одного человека. Оборона его была глупой и бессмысленной затеей, но Борька не собирался отказываться от нее.

Он посмотрел на Олега – тот стоял в пяти шагах, спокойно и чуть насмешливо глядя на него. Его светлая кожа слабо отблескивала в зареве. Он был одет в черную пластинчатую броню, как и Борька. Броня была тяжелая, неудобная, **непривычная**, и все вокруг казалось Борьке происходящим во сне. Он явно не вполне проснулся: окружающему его миру не хватало глубины или объема, да и себя он создавал не вполне четко. Полезное в таких случаях яростное мотание головой не помогло. Напротив, эта самая голова закружилась, и все вокруг начало расплываться еще больше. Впрочем, поверить в то, что он, Борис Рокотов, вот-вот падет при героической обороне столицы от орды Чужих, мальчишка при всем желании не мог – да и не особо старался, надо сказать.

Одно это могло здорово его напугать – не очень-то приятно понимать, что твоя жизнь кончится, так толком и не начавшись, – но Борька не чувствовал страха, отчасти потому, что в его мире было мало отвлеченных опасностей. Он привык воспринимать угрозу как нечто реальное и конкретное, и в то же время не имеющее к нему отношения, как некую игру – может быть, просто-напросто потому, что еще не вполне вырос или не осознал себя взрослым.

Впрочем, и это не было новым: твердо решив что-то сделать – залезть на дерево в грозу, например (естественно, пребывая пока в полной безопасности), он потом с ужасом

сознавал, что уже не может остановиться, даже зная, что это может стоить ему головы. Пока что все эти безрассудные выходки необъяснимым образом сходили ему с рук – во всяком случае, потом он быстро поправлялся, – но так не могло продолжаться вечно.

Борька вновь помотал головой. По крайней мере сейчас любопытство перевешивало – его не оставляло предчувствие того, что впереди его ждет нечто крайне интересное. Он улыбнулся Олегу, потом быстро и бесшумно пошел за ним. Несмотря на ледяной страх, от которого его кожа покрывалась мурашками, сердце мальчишки запело – признаваться в этом было смешно, но ему **хотелось** драться. У его выбора было и еще одно преимущество: если битва окажется проигранной, он просто не узнает об этом.

Олег внешне совершенно беспечно вышел к самой траншее и остановился почти у ее края, за одной из орудийных башен. Вытащив из поясного кармана маленький пульт, он быстро пробежался по кнопкам. Возле его ног поднялся люк – метровый сварной квадрат со срезанными углами. Из глубины шахты всплыла серая платформа лифта. Едва мальчишки ступили на нее, плита пошла вниз, но неглубоко, всего метра на четыре. Когда она замерла, люк над головами ребят захлопнулся с резким, ударившим по ушам звуком. Потом там коротко, маслянисто лязгнули сувальды запоров.

Они оказались в тесной камерке со стальными стенами, залитой тусклым синим светом. Прямо перед мальчишками была массивная литая дверь. Когда Олег набрал второй код, она с лязгом распахнулась.

Орудийная рубка оказалась низким, тесным, жарким помещением. Его стены состояли из темных панелей со множеством индикаторов и переключателей. Напротив входа, у двери, стояли два глубоких кресла. Перед ними были два больших экрана и клавиатуры. Протиснувшись между креслами, Борька сел в правое и пристегнулся – здесь, в подземелье, это казалось глупым, но таковы были правила. Олег нажал на небольшой рычажок. На сей раз восьмидюймовая литая дверь закрылась почти бесшумно. Борька услышал шипение герметизации, потом у него заложило уши – включился компрессор фильтровальной установки.

Олег тоже плюхнулся в кресло и затянул ремни. Его пальцы метнулись по клавишам. Экраны вспыхнули. Изображение передавалось с камер на защитном периметре города, и какое-то время они молча смотрели на начавшийся бой. Нэйкельские челноки со штурмовыми силовыми генераторами садились на самой границе защиты, открывая вражеской пехоте доступ внутрь силовой стены, а земляне могли лишь беспомощно наблюдать за этим. Тактические датчики давали им довольно точную диспозицию сил противника, и Борька гадал, сколько продержится оборона.

Силовая система, поставленная гренадерами, насчитывала тридцать четыре генератора, расположенных по периметру Трезубца, и около семисот разных орудий, в основном, легких, установленных недавно, причем весьма неравномерно: большая их часть стояла на открытых участках периметра, которые, кроме них, защищало лишь силовое поле.

Теоретически, оно могло выдержать древний ядерный удар мощностью две мегатонны, но Борька видел, как силовые пузыри штурмовых генераторов проходят сквозь него – они словно прилипали к невидимой поверхности, растекались по ней в мерцающих сполохах – и, наконец, превращались в смутные арки, через которые внутрь устремлялись войска.

Тут же заговорили спаренные пятидесятисемимиллиметровки в башнях. Нэйкельские челноки были отлично бронированы по стандартам их создателей – но, как оказалось, противостоять граду тупых трехкилограммовых подкалиберных снарядов, летящих со скоростью тысяча двести метров в секунду, их биоброня не могла – один за другим они взрывались облаками белой ослепительной плазмы, выжигая все на десятки метров вокруг. Но орудий было слишком мало, чтобы уничтожить их все, а палящие очередями плазменные пушки шагателей сбивали орудийные башни; огонь одного орудия их защита еще могла выдержать, но концентрированный огонь двух сразу или больше окутывал башни вихрем огня, который тут же взрывался небольшим вулканом пылающих обломков, выброшенных из чрева вывернутого наизнанку бункера.

Мальчишкам пока что везло, может быть, потому, что Олег стрелял быстро и точно – наводчиком он оказался отличным. Борька следил за состоянием защитного поля и силовым генератором – правду говоря, ничего особо сложного в этом не оказалось, у Борьки ведь была специальность техника энергетических систем.

Вслед за орудиями в бой вступили солдаты и ополченцы – они укрывались за заграждением, в наспех отрытых окопах. Теперь Борька понял его назначение: плазменные заряды шагателей, растекаясь по рельсам, лишь раскаляли их добела, в то время как солдаты могли стрелять между балками. Но, как и ожидал Олег, продержаться им удалось недолго: их автоматы были слишком слабыми, чтобы поражать шагатели, а попасть в этих чудищ ракетой удавалось нечасто. К тому же сосредоточенный огонь шагателей плавил рельсы, а укрыться в окопах от плазмы было совершенно нереально, и солдаты начали отступать. Борька понимал, что им тоже пора уходить – иначе они рисковали остаться тут навсегда, – но он не собирался это делать, пока их орудие могло стрелять. За себя он не слишком волновался – как-то не получалось, и к тому же зрелище разлетающихся в клочья под их огнем Чужих увлекало.

Конец наступил очень быстро – бункер резко и сильно встряхнуло, сквозь его стены донесся мощный гул взрыва, уничтожившего их орудийную башню. Экраны и большая часть индикаторов погасли, работали только те, которые спокойно и холодно выдавали информацию о повреждениях, степень которых фактически была равна полному уничтожению огневой точки. Оставаться здесь не было больше никакого смысла, и ребята торопливо выбрались из кресел, кинувшись к открывшейся броневой двери. «Их» башни больше не существовало как боевой единицы. Но они сами еще вполне могли сражаться с врагом.

Все еще действующий лифт вознес их на поверхность. Борька сразу же расчихался от дыма и, едва осмотревшись, кинулся бежать. Оружия у него не было, так что он не видел в бегстве ничего постыдного.

Он не оглядывался и понятия не имел, что происходит за его спиной. Пролетев через парк, выскочил на новый, тоже рассеченный шоссе пустырь. За ним уже стояли огромные здания столицы, а слева поднималась белая бетонная стена высотой с трехэтажный дом, разделенная прямоугольными пилонами. В ней зияли массивные стальные ворота – они были открыты и вели во двор окружного штаба, где размещался один из силовых генераторов и командный бункер – все под землей. Из-за стены виднелись лишь темные кроны деревьев.

Резко изменив курс, мальчишки побежали к этой, последней, укрепленной позиции. Позади них, в парке, раз за разом вспыхивало и гасло светло-оранжевое пламя – и секунды спустя спрессованный воздух больно бил Борьку по ушам. Хотя он не видел, откуда стреляют, снаряды или ракеты падали точно в скопления Чужих. Пламя их взрывов быстро гасло, и высоко в небо поднимались розовато-черные дымные грибы, тут же сносимые ветром, – только огонь артиллерии позволил немногочисленным отступавшим уцелеть. Отступить дальше они, правда, не могли.

Запаса энергии в генераторах должно было хватить на пять суток. Поскольку они работали, в общем, независимо друг от друга, за пробитым силовым полем удалось поставить новое, но дальше эта игра продолжаться не могла. Силовые поля такого класса могли формироваться лишь в отдалении от источника, в довольно узкой полосе, и на третий слой резерва мощности уже не хватило бы. Пробив поле хотя бы в одном месте, Чужие быстро доберутся до всех генераторов... и Борька гадал, дотянет ли хоть один из них до исчерпания ресурса.

Осмотревшись напоследок, они вошли в замкнутый стенами двор. Передняя его часть, залитая асфальтом, была голой и пустой. Заднюю занимал уютный сквер, за ним высилось белое здание штаба, в стене которого чернели открытые окна. Там не осталось ни одной живой души: все, кто мог, уже ушли под землю.

Середину двора занимал пятнадцатиметровый, со срезанными углами, квадрат, сложенный из серых стальных плит. В его центре был второй квадрат, такой же формы, но

меньше, всего метров шесть. Он сиял мертвенным синим огнем, словно подпирая призрачно-жидкий, тускло светящийся столб, упиравшийся в мутно-черное небо, – это и была проекционная матрица силового генератора, цилиндрический массив которого уходил еще на тридцать метров под землю.

Кто-то из офицеров открыл толстый стальной люк на внутренней стороне стены и потянул за рубильник. Борька сразу ощутил и звук, и вибрацию мощных моторов. Коробчатые сварные ворота начали неторопливо сходиться и сомкнулись с ударом, от которого раскатилось эхо. Теперь им оставалось только ждать последнего, решающего штурма.

* * *

– Приготовиться! – крикнул майор Иванищев, поднимая руку в ребристой броне.

Майор командовал только что подошедшими на помощь гарнизону штаба солдатами. Но разогнать поучаствовавших в бою мальчишек обратно по бункерам просто не представлялось возможным – они успели обзавестись и оружием, и броней, кто со складов, кто трофейной, и к младшим, женщинам и девчонкам возвращаться не собирались даже под угрозой смерти.

Возня под воротами штаба затихла – было ясно, что Чужие заложили заряд. Борька надвинул на глаза защитный козырек шлема и прижал к плечу приклад тяжелой автоматической винтовки. Взрыв раздался почти сразу. Земля ударила его по ногам, спрессованный воздух толкнул в грудь. Лишь наушники шлема спасли его барабанные перепонки. Одну створку сорвало с петель, и она, крутясь, влетела во двор, вспыхнув в столбе силового поля. Вторая распахнулась настежь. В воздухе клубились дым и пыль, но тепловизору в прицеле это не мешало.

Из зияющей брешки хлынул поток Чужих. Они больше не казались однородными, как издавека, а были всех видов и форм – черные, дымчатые, глянцево-серые, одни крохотные, другие – в полтора раза выше человека. Оказалось, что это не только сторки, но и масса рабов и наемников разных рас – сторки лишь вели их. Именно **вели**, не подгоняли, как этого вроде бы можно было ожидать. Уже хорошо были видны блики на масках, наплечники офицеров и – знамя. Выглядело оно не смешно, хотя, казалось бы, что в нем в таком-то бою, не Средневековье же?! Но золотой крылатый зверь на черном полотнище словно готов был вцепиться когтями в самое сердце Борьки...

В то же мгновение двор опоясали вспышки – все стрелки одновременно открыли огонь. Борька тоже прицелился и нажал на спуск, выпуская весь магазин в одной длинной очереди. Оружие яростно било в плечо, целиться было тяжело – да это и не требовалось. Промазать по палившему в ответ живому месиву было просто невозможно.

Чужие взрывались, разлетались багровыми облачками от ударов тромболонов, падали под пулями, но по бьющимся в агонии телам иступленно лезли новые. Их становилось все больше и больше, даже сквозь грохот, рев и свист пальбы уже стало слышно, как яростно орут офицеры-сторки, с невероятным, презрительным бесстрашием снова и снова возглавлявшие эту атаку. Из брешки тек сплошной живой поток... и Борька понял, что у них просто не хватает огневой мощи, чтобы справиться с ним.

Он быстро сменил позицию, спасаясь от кромсающих деревья лучей, потом еще раз и еще. Воздух вокруг почернел от дыма. Весь двор был залит кровью и покрыт мертвыми и издыхающими Чужими, но живых было еще больше. Они стреляли уже в проекционную матрицу и в плиты покрытия, пытаясь подорвать генератор – пока что тщетно, но...

У Борьки отказало оружие – он стрелял слишком долго и слишком часто, ствол «поплыл». Бросив его, он сорвал с пояса термическую гранату, выдернул кольцо и швырнул ее в Чужих. Вслед за ней полетели и другие гранаты – почти у всех стрелков, что еще оставались в живых, тоже вышло из строя стрелковое оружие. Двор зарябил ослепительными вспышками и окончательно утонул в непроглядном дыму, клубах пыли, огне.

А когда все это рассеялось, Борька с крайним удивлением понял, что двор **пуст** – нет, мертвых и умирающих врагов в нем более чем хватало, кое-где они лежали друг на друге в несколько слоев, – но все, кто еще мог передвигаться, сбежали, бросив личное оружие и раненых. И больше не было страшного знамени.

Борьку словно ударили чем-то по голове – ничто не сравнится с ощущением, когда побеждающий вроде бы враг вдруг ломается – и бежит, бежит, бежит...

Заорав «куда же вы, трусы?!» – мальчишка подхватил какое-то относительно целое на вид оружие и, прыгая прямо по трупам, выбежал в зияющую брешь ворот.

Далеко слева вслед отступавшим Чужим из города вроде бы неторопливо катилась волна ополченцев – тех самых «мирных жителей», которым полагалось покорно дожидаться исхода боя. Вот только они не пожелали – и изрядно уже истрепанные нервы агрессоров не выдержали. Одно дело – разбить пусть и хорошо подготовленную, но армию. А вот понять, что против незваных гостей поднялись все, кто в силах держать оружие – и ты не получишь тут ни богатой добычи, ни рабов, и даже если победишь, то будешь править руинами и трупами, – это совсем другое. И потому Чужие побежали, оставив землянам такое количество оружия, что на успех второй атаки у них не оставалось никаких шансов.

6. Мы – гнев!

Первый год Галактической войны

Вся эта история началась с сущего пустяка – с попавшегося им навстречу незнакомого штабс-капитана, который спросил, куда это направляются мальчишки. Услышав, что никуда и что они ждут распоряжений (а они и в самом деле их ждали – суматоха после отбитого чудом штурма царила невероятная, а спуститься в бункер они не согласились бы ни за какие коврижки... ну и еще надеялись найти кого-то из земляков), он не терпящим возражений голосом приказал им заступить на охрану склада трофеев. Олег было попробовал возмутиться – какой склад, когда вокруг творится такое! – но штабс-капитан уже язвительно спросил, часто ли в лицее Олег просит повторить приказ, после чего мальчишкам оставалось только взять под козырек.

Сам склад оказался совсем недалеко – самый обычный складской ангар, в котором еще пару часов назад хранились какие-то запчасти. Теперь же и на стеллажах и прямо на полу лежали буквально груды инопланетного снаряжения и оружия – по большей части разбитого в хлам, но попадалось и совершенно целое.

Будь у капитана хотя бы минута на размышление, он бы, безусловно, понял, что доверять охрану всего этого мальчишкам – все равно, что доверить полный капустный огород, прямо скажем, козлу.

Как нетрудно догадаться, стоять на часах у дверей мальчишки не стали, а сразу забрались внутрь, вполне логично рассудив, что эти самые трофеи куда проще охранять, находясь прямо посреди них. А попутно и знакомиться, потому что просто смотреть на такое богатство было просто невозможно.

Борька сразу же схватил похожую на отлитый из черного стекла утюг боевую маску сторков – с респиратором и желтым крылатым котом на лбу. Маска была тяжеленная и выглядела сногшибательно. Мальчишка решил было примерить ее, но тут же обнаружил, что в самой середине она прострелена, а изнутри забрызгана мозгами, – ее владельцу явно не повезло, и бой с землянами принес ему не славу, а только место в безымянной могиле. Тут же лежало и остальное снаряжение покойника – разбитая взрывом рация, несколько каких-то непонятных электронных приборчиков и пистолет. Борька жадно цапнул и его – таких пистолетов он никогда не видел. Судя по всему, это был самый настоящий бластер, стрелявший плазменными зарядами. Вот только стрелять в руках мальчишки он категорически отказывался – то ли был испорчен, то ли просто разряжен.

Борька подошел к соседнему стеллажу и присвистнул. Здесь лежало еще полдюжины бластеров той же марки, а за ними виднелось оружие посерьезнее. Это был странного вида,

но все же автомат! Мальчишке показалось, что он чем-то напоминает древнюю штурмовую винтовку Штейера, корпус был почти такой же. Ствол, правда, выглядел совершенно иначе – должно быть, это тоже был плазмомет, только более мощный. Съемный блок, очевидно, игравший роль обоймы, оказался на месте, но и это оружие стрелять категорически отказывалось – похоже, на всем сторкадском оружии стояли какие-то защитные системы, делавшие его бесполезным в руках врагов. Точнее, рабов – у НАСТОЯЩИХ врагов хватает своего собственного оружия. А сторки явно боялись, что их оружие попадет в руки безоружных. Одно это много и нехорошо говорило об их цивилизации. Правда, она не слишком-то им помогла. Внизу, на небольших полках, лежали зарядные блоки для «автоматов» и бластеров, длинные тесаки, гранаты... Да уж, не повезло сторкам – пошли по шерсть, а оказались стрижены...

– Эй, где вы там? – крикнул Витька откуда-то из глубины склада. – Тут такие пушки лежат – офигеть!

Не выпуская из рук трофея, мальчишка подошел к другу, стоявшему возле длинного стеллажа. Оружие на полках тускло поблескивало. Борька, присвистнув, достал один из автоматов. Поднес его к свету, чтобы получше рассмотреть. Да, это был не тот автомат, какой был у него. Это было нечто куда более массивное и совсем странной формы.

Это было оружие, сделанное **не людьми**. Борька ощутил легкую растерянность – впервые он держал в руках столь явно *инопланетное* оружие. Во всем виде автомата угадывался «фирменный» стиль нэйкельцев. Как и вся их техника, он был сделан из темного, почти черного металла со странным бирюзовым оттенком. В форме его было что-то нелогичное – странно смотрелись и маленькая ручка и большой щиток, закрывающий зарядный механизм, который был расположен не сзади, как у земного оружия, а сбоку.

– Странная штука, – заметил Олег, оглядывая автомат. – Даже магазина нет... А все-таки его удобно держать.

– Ну эти Чужие и дают! – сказал Витька. – Вещь, похоже, убойная... Только как она работает?

– Ну, это понятно – вот кнопка включения, – показал Олег.

– А где же патроны? Как эта штука стреляет без них? Может, очередной синтезатор направленной плазмы?

– Похоже на то... Надо бы испытать...

Борька включил оружие, и на маленьком мониторчике высветилось несколько странных угловатых значков – должно быть, количество выстрелов. А может, письмо покойного хозяина своей левой полумене, кто их знает...

Приготовившись к сильной отдаче, мальчишка поудобнее перехватил автомат и нажал на спуск – легко, и так же легко автомат выстрелил безо всякой отдачи.

Массивный спусковой механизм тихо щелкнул – и из ствола вырвался желто-бирюзовый короткий луч, напоминающий трассер. Заряд ударил в стену склада, оставив на ней глубокую пробойну.

– Ничего себе! – охнул Витька. – Такую дыру в бетоне пробить...

– Автомат-то явно не пулями стреляет, – заметил Олег. – И даже не направленной плазмой – она тянется непрерывным лучом и в условиях обычной атмосферы имеет яркосинее свечение. – В мальчишке, наконец, заговорил молодой дворянин. – Скорее, это напоминает лазер...

– Точно! – воскликнул Борька. – Но как в такой маленькой винтовке можно смонтировать такой мощный лазер, да еще и без отдельной энергодатарей? Черт! Голову можно сломать!

– Эх, было бы у меня побольше времени, немного хорошего оборудования... – сказал Олег. – Надо будет потом наших расспросить...

Оставив увлеченных теоретической дискуссией товарищей, Борька пошел вдоль стены склада, разглядывая сваленный вдоль нее непонятный хлам. Первым эту проклятую бомбу заметил именно он – ее индикаторы слабо мерцали в тени, искрились едва заметным

бирюзовым светом.

Поднатужившись, мальчишка вытащил на свет эту странную штуковину длиной полметра. Перед глазами Борьки на миг промелькнули те странные штуки Чужих, с которыми он уже сталкивался. Но эта была не такой. Все в ее внешнем виде сквозило нечеловеческой логикой нэйкельцев: косые углы, неправильная форма, холодный, немного бирюзовый металл, резкие линии...

– Что за фигня? – спросил подошедший сзади Витька.

– Это нейробомба, – сказал Олег. – Надеюсь, проходили в школе?

Борька кивнул. Конечно же, проходили – на уроках НВП, в разделе «оружие массового поражения». Принцип действия этой штуки мальчишка не понял. Говоря же простым языком, нейробомба напрочь выжигала мозги сверхмощным ментальным импульсом.

– Действие по живой силе знаешь? – незнакомым, требовательным голосом спросил Олег.

– Тротиловый эквивалент – около двадцати тонн, – тоже незнакомым, каким-то деревянным голосом ответил Борька. – В радиусе ста пятидесяти метров все будет уничтожено обычным взрывом. В радиусе восьмисот метров погибнут все формы жизни, обладающие нервной системой. В радиусе тысячи шестисот метров все разумные существа превратятся в овощи. В радиусе двух тысяч метров все разумные существа подвергнутся шоку и оглушению на срок от нескольких минут до нескольких часов в зависимости от индивидуальных... – мальчишка оборвал себя и, сглотнув, спросил: – Зачем тебе это?

Вместо ответа Олег ткнул в висящий на стене склада новенький, еще влажный от клея, плакат: черный штурмовой челнок с алыми имперскими звездами и падающие из него на инопланетной архитектуры заводские корпуса бомбы. Громадная надпись под рисунком призывала: «Верни им обратно!»

– Ты что, совсем с ума... – начал Витька, но Олег жестом прервал его.

– Джаго заняли нашу латифундию, – холодным, каким-то совершенно безжизненным голосом начал он. – Мать и сестер отец до штурма отослал в столицу, а сам остался, не мог не остаться... И погиб. Я сказал вам: **он погиб**. А я жив.

– Но наверняка ты же не знаешь... – возразил Борька. – Ты же только чувствовал там что-то, а это...

– **Знаю**. Дворяне в плен не сдаются, – отрезал Олег. – А в плен к джаго сдаваться просто НЕЛЬЗЯ. Лучше уж к нэйкельцам или к дайрисам, чем к ним, – да, они опыты жуткие ставят, но хотя бы издеваться, чтобы сломать и растоптать, не станут. А эти уроды... они даже коней наших убили, понимаете?

– Коней? – Борька просто не мог поверить своим ушам. – **Зачем?**

– А чтобы сожрать! – зло ответил, почти выкрикнул Олег. – Консервов им было мало, там полон склад! Это не люди, это не твари даже, это нелюдь, нежить какая-то... Так что я сделаю вот что: возьму вот эту бомбу, – он легко, словно картонку, поднял нейрозаряд, – и пойду туда. Чтобы посмотреть, как они все сдохнут.

– Охренел? – хмуро спросил Витька. – Сдохнуть-то любой может. Только нашим врагам как раз того и надо.

– А раньше последнего джаго подыхать не собираюсь! – резко ответил Олег. – Но если ПРИДЕТСЯ умереть, бояться я не буду.

– Я пойду с тобой, – неожиданно даже для себя сказал Борька. – У меня тоже счет к этим гадам есть.

– Вы оба офигели, – сказал Витька. – Нас же склад поставили охранять. Это же дезертирство...

– Дезертирство – это когда в тыл драпают, – рассудительно ответил Борька. – А когда в тыл врага идут, то это не дезертирство называется, а диверсия. Ты-то сам идешь?

– Иду, – совершенно спокойно, словно не он только что тут разорялся, сказал Витька. – Ты что думаешь, я могу друга бросить? Только не рано ли мы все в герои подались? Ты вот, – мальчишка повернулся к Олегу, – хотя бы знаешь, как эта штука работает? Или

камнем по ней лупить будешь, как обезьян?

Олег почесал в затылке:

– Черт, нет. Ну да это пустяки. Разберемся.

* * *

С бомбой пришлось разбираться довольно-таки долго – опыта работы с нэйкельской техникой ни у кого из мальчишек, понятно, не было. Но терпение и упорство в конце концов взяли верх – бомбу все же разобрали по винтику, и нэйкельский электронный блок, непонятно как работающий, заменили на простой и надежный, как дубинка, детонатор от сторкадского саперного фугаса – снабженный радиовзрывателем, так что необходимость бросать бомбу под ноги толпе охреневших врагов, слава богам, отпала.

– Ты уверен, что эта штука сработает? – спросил Борька, когда все было собрано.

– Уверен, – спокойно кивнул Олег. – Там все замыкается на цепь, подающую ток от первичной батареи к запирающим полюсам источников, я встроил в нее сторкадский детонатор. Проверять не буду, хоть убейте. Сами понимаете, почему...

Сердце Борьки замирало, но совсем не от страха, нет – от ощущения предстоящего Большого Дела. Нейробомба была архиподлым оружием, ее применение запрещалось едва ли не всеми межзвездными конвенциями, ни одна из рас даже не решалась признать, что имеет ее в своем арсенале, но Чужие сами притащили сюда это оружие – ДЛЯ НИХ, и земляне просто обязаны были вернуть долг. Опасность погибнуть казалась мальчишке несущественной – точнее, ему было бы очень обидно умереть, не увидев, что бомба сработает, так что помирать он категорически не собирался.

Сборы вышли недолгими – одеты все трое и так были по-военному, в маскировочные комбинезоны и берцы, НЗ, включающий аптечки и сухие пайки, тоже у всех был с собой. С оружием, правда, пришлось немного помучиться – слишком уж его тут было много, но в конце концов Борька выбрал сторкадский штурмовой автоматический дробовик – здоровенную, почти метровой длины дуру весом семь с половиной килограммов. Эта жутковатая штуковина расстреливала свой двенадцатизарядный магазин за две секунды, посылая в цель сплошной поток стальной дроби, – Борька не был метким стрелком, так что эта штука пришлась ему в самый раз. В холщовой сумке, висевшей на боку, у него лежало пять или шесть запасных магазинов – тоже армейских, коробчатых, сменявшихся почти парой движений. В заплечный мешок он сунул с десятка пачек с патронами, а на другом боку у мальчишки болталась его верная полевка.

Витька выглядел куда более воинственно – в руках он сжимал тяжелую и не слишком удобную импульсную винтовку, а к его спине был приторочен замысловатый нэйкельский рюкзак с запасными стаканами с «топливом» к этому оружию и другим снаряжением. На боку у него висел английский револьвер «ЕХ 0.223» – довольно экзотическая штуковина под армейский 5,56×45-миллиметровый патрон, точная и дальнобойная, но большая и тяжелая, очень неудобная при перезарядке – извлечение стреляных гильз по одной и пятизарядный барабан превращали ведение боя в сплошную головную боль. К тому же «0.223 Remington» делался под стволы, мягко говоря, подлиннее, так что фейерверк и грохот при выстреле были впечатляющими, но мальчишке его подарил друг, англичанин Джонни Баффел, так что избавляться от него он не собирался, сохранил во всей суматохе с начала войны, тем более что пара пачек патронов к этому чуду у него тоже была.

Взять с собой они могли только один импульсный автомат, но и его было достаточно. Немного подумав, Олег оставил тут свой автомат – он все-таки не мог таскать на себе столько оружия, тем более что нейрозаряд оказался довольно тяжелым. Экипирован он был точно так же, только из оружия оставил себе лишь «Гюрзу», несколько запасных магазинов к ней и пять трофейных плазменных мин, до отказа забив все отделения рюкзака.

– Ну все, ребята, – сказал он. – Пошли.

Пока они шли – выбирались из столицы, прячась от своих, пробирались через кордоны Чужих, почти не прячась, там не было сплошной линии осады и вообще наличествовала какая-то нервная неразбериха, – не случилось ничего интересного. К близким контактам с Чужими мальчишки отнюдь не стремились, а у тех хватало теперь иных забот, им было уже недосуг шарить по лесам в поисках земных диверсантов. Когда земляне на пятый день вышли к латифундии Полежаевых, уже окончательно стемнело, взошла полная Червонная, и в кровавом свете ее низко висящего огромного диска мир окончательно принял какой-то сюрреалистический вид. Все вокруг состояло из призрачных полос света и непроглядных теней, плавающих в призрачном кровавом мареве – отчасти порожденном луной, отчасти – трепещущими вдали отблесками далеких пожаров. Жара после заката не спала, и Борька словно плыл в густом, остро пахнущем гарью воздухе.

Они шли, сняв берцы, босиком, чтобы не создавать шума, и ощущения при каждом шаге были почти болезненно острыми, они били по до предела натянутым нервам. Крепко сжимая в руках дробовик, Борька напряженно вслушивался в каждый звук. Если бы вокруг царила тишина... но нет. До него то и дело долетали то какие-то странные шорохи, вроде бы далекие шаги, иногда какой-то стрекот – каждый раз он замирал, словно влипая в колючий, обжигающе-холодный страх, и каждый раз Витька тащил его дальше. Олег вообще скользил, как призрак. Они старались не выходить на свет – это легко им удавалось, потому что Червонная поднялась еще совсем невысоко, а Полночной и вовсе пока не было видно, но тени на фоне световых пятен казались непроглядно черными, и Борька был лишь наполовину уверен в том, что видит. Несколько раз он чуть было не выстрелил в источник непонятного шума, а этого делать не стоило, так как любой звук мог выдать их. А вот когда впереди обрисовался силуэт настоящего врага, Борька не сразу понял, что это он – **враг**. И что они почти дошли.

Джаго был огромен – метра два с половиной, если брать в расчет шипастый шлем с гребнем и дурацкие высокие сапоги, – а весил он точно центнера полтора. Казалось, что справиться с этим чудовищем без гранаты или противотанкового ружья нельзя, и Борька невольно сглотнул слюну. Но тут рядом с черной тушей выросла – словно из-под земли – тонкая фигурка Олега, беззвучно поднялась и опустилась рука с полевкой. Удар пришелся сверху вниз – между шлемом и воротом панциря, – и джаго, тихо захрипев, начал оседать. Олег сразу подхватил его, не давая с грохотом свалиться, и глаза Борьки удивленно расширились. Умения юного дворянина... пугали его порой, если честно. Только что Олег был там, в десятке шагов от них – и вот уже тут, и не понять, как он оказался рядом так близко и так бесшумно, – телепортировался, что ли?

– Где остальные? – шепотом спросил Витька. Джаго, конечно, дураки, но даже они не выставили бы только одного часового.

– Вон, за бугром спят, – так же шепотом ответил Олег. – Семеро. Убираем всех, быстро и тихо, в три ножа справимся.

Борька вновь сглотнул. Нет, он неплохо владел ножом и знал, ЧТО надо делать, – учил на уроках НВП. Да и, как и любому деревенскому мальчишке, ему приходилось резать всякую живность – кур, гусей, даже свинью колоть один раз, – охотиться, добывать и разделывать добычу... Но людей... ну, не людей, но все равно... нет, этого не было никогда. Не то чтобы ему стало жалко джаго – они заслуживали еще и не такой смерти, – просто противно. Тем не менее он беззвучно пополз вперед, вслед за Олегом и Витькой.

Джаго нашлись почти сразу – они и в самом деле дрыхли за бугром, сбившись в неприличную кучу. От кучи откровенно воняло немытыми телами и пивом, которым джаго наливались при первом же удобном случае. Должно быть, в обитателях Китежа угрозы для себя они не видели.

Борька подполз к ближайшему джаго. Тот откровенно храпел, раскинувшись на спине, и дело казалось нетрудным. Мальчишке было страшно – вдруг у него ничего не получится? –

но он сам вызвался на это дело, так что теперь рассуждать было поздно.

Как ни странно, ничего необычного в ЭТОМ не нашлось – НВП в их школе преподавал ветеран пластунов, сержант в отставке Иван Карымов, так что приемы снятия часового мальчишка заучил на совесть. Тогда это было просто игрой – пусть и страшноватой. Сейчас от успеха дела зависела его, Борьки, жизнь и жизни его товарищей, так что мальчишка отправил все чувства далеко-далеко. Представив, что имеет дело со свиньей (от джаго так воняло, что считать его человеком в любом случае не вышло бы), Борька одной рукой зажал ему рот, а другой вонзил полевку под челюсть – прямо в мозги.

Джаго дернулся, из его рта в ладонь мальчишки толкнулась горячая кровь. Борька сжал зубы, чувствуя, что его вот-вот стошнит, и всем телом навалился на Чужого, удерживая его. К счастью, агония прекратилась почти сразу – несколько затихающих рывков, неразборчивый хрип и все.

Мальчишка сполз с тела, с отвращением обтирая руки о траву – чужая кровь моментально густела и становилась липкой, – и тут же наткнулся на Олега.

– Готов? – деловито осведомился юный дворянин, кивнув на тело.

– Да, – ответил мальчишка. – А что, уже все?

– Все, все, – подтвердил Витька. – Олег четверых снял, мне всего двое осталось.

Борька вздохнул. Было стыдно – распустил нюни, как девчонка, но свою часть работы он сделал.

– Все. Берем снаряжение и двигаем вперед, – приказал Олег.

Мальчишки вернулись к сброшенным рюкзакам, подобрали оружие и, уже не скрываясь, пошли вперед – чего другого, а ожидать встретить здесь автоматические датчики не стоило.

Пост размещался на самой вершине холма, так что мальчишки почти сразу увидели латифундию. Точнее, то, что от нее осталось. Почти все здания были сожжены, ограды проломлены, в стенах уцелевших построек зияли дыры – понятно было, что тут защищались до последнего патрона, до конца.

Теперь вокруг развалин раскинулся военный лагерь – повсюду торчали натканные в беспорядке палатки, быстросборные модули, там и сям громоздились штабеля каких-то ящиков, стояла техника – не в парках, не в капонирах, как придется, в поле, да и то какими-то неровными рядами, словно пьяные.

Несмотря на позднюю ночь, лагерь не спал – там и сям в лучах развешанных кое-где ламп бродили темные фигуры, кое-где горели костры (Борька старался не думать, ЧТО на них может жариться... хорошо бы – просто конина...), доносился гомон... Джаго тут было много – их лагерь раскинулся на несколько квадратных километров, так что явно не меньше дивизии.

– Ого, это мы удачно зашли, – попробовал пошутить Витька. Сейчас именно он тащил бомбу в заплечном ранце.

– Заткнись, – прошипел Олег, обернувшись к ним. Лицо у него было почти совсем белое, а вот глаза, напротив, светились, словно у зверя. – Это мой дом. БЫЛ. Там мой отец остался. Я... – он замолчал и резко отвернулся. – Идем до ограды, там, в дренажном колодце, оставляем бомбу и уходим.

– Нас же заметят! – зашептал Витька. – Поле же голое!

– Тебе что – ПОВТОРИТЬ ПРИКАЗ? – тихо спросил Олег, вновь повернувшись к ним с таким лицом, что Витька сразу же заткнулся. Только поправил лямки рюкзака и молча зашагал вперед, словно робот.

«Олег спятил, – подумал Борька, шагая вслед за ним. – Нет, я вполне могу его понять, но все равно... Конечно, гибель наша будет геройская, и памятник нам поставят, и в состав дружины зачислят навечно, и прочее такое все – только я этого уже не увижу. Обидно... Какой во всем этом смысл, если я – не увижу?!»

Мысль была донельзя глупая, и мальчишка недовольно помотал головой. Они деловито топали и топали вперед – и их, несомненно, уже видели. Однако никому почему-то не

пришло в голову поинтересоваться, куда это направляются трое мальчишек откровенно неджагганского вида. Нет, понятно, что крадущиеся по углам фигуры вызывают куда больше подозрений, чем идущие деловито и открыто, да еще и с грузом – но все же...

Витька угодил в темноте в глубокую колдобину и процедил что-то неразборчивое.

– Ты ползешь, как черепаха, – прошипел Олег. Лицо у него по-прежнему было белое, как мел, и теперь на нем еще выступил пот. – А я их вечно не смогу удерживать.

Витька резко прибавил шаг, а Борька от удивления по-настоящему икнул, хотя раньше думал, что такое бывает только в глупых кино. Выходит, что дворянин как-то ПРИКРЫВАЛ их от чужих взглядов? Выходит, так – на них смотрели сейчас сотни глаз, но ни одни не задерживались, скользили мимо, словно по пустому месту. Вообще-то, он знал о таких вещах – какого-то особого секрета из своих способностей дворяне не делали, но в жизни сталкивался впервые.

А ведь я не хочу быть дворянином, подумал Борька, упрямо шагая и шагая вперед. Раньше хотел, а теперь не хочу. Слишком уж жуткая это штука – ДЕЛАТЬ НЕВОЗМОЖНОЕ, ломая себя, через «не хочу», через «не могу»... Да еще когда твои же друзья огрызаются на приказы, словно забыв, что дворяне никогда никому ничего не приказывают без действительно серьезной причины. Ведь видно же, что Олег идет в волоске от обморока, а свались он, нам всем конец. Тут же.

Тем не менее Борька оставался обычным земным мальчишкой, а это значило, что никакие, даже самые мрачные размышления не могли лишить его любопытства. Лагерь джаго был не самым приятным местом – по своей воле Борька ни за что бы сюда не пошел, – но сейчас в нем проснулся интерес натуралиста, раскопавшего гнездо каких-то редких гадов. Что – и ЭТО тоже люди, как сказал им один врач в столичной городской больнице? Как там была его фамилия? Стрекалев? Стригалева? А, черт с ней. Полноте, батенька. Вот эти вот крупные вонючие приматы людьми, по определению, не являются. Медицинский факт. И не потому, что им не повезло с эволюцией, ведь и харг-каарт, с точки зрения землянина, тоже не повезло... и землянам с точки зрения харг-каарт, и вообще тут все очень сложно... нет, а просто потому, что **не хотят они быть людьми**. Ведь никто же не заставляет вон того здоровяка ссать прямо на стену собственной (ну или даже чужой) палатки. Никто не заставляет вон того офицера бить по лицу, наверное, своего вестового, принесшего, очевидно, остывший ужин. Никто не заставляет тех вон двух особей в тени... тьфу, черт, даже думать об этом противно. Никто не заставляет вон ту компанию у костра громко рыгать, гоготать, как павианы, и сплевывать в огонь. Никто не заставляет всех их впирается на чужую планету и убивать ее жителей – всего лишь потому, что те решили быть людьми, а не скотами. Так что никакого сочувствия к джаго Борька не испытывал. Радости от того, что они все скоро умрут, впрочем, тоже. Скорее, обычное чувство человека, выполняющего тяжелую, противную, но неизбежную работу – как очистка выгребной ямы, например.

Но все же это были Чужие, уроженцы далеких миров, и даже среди этой помойки острые глаза мальчишки то и дело натывались на что-нибудь интересное. Что, например, хранится в тех вон шестиугольных (неудобно, кстати!) контейнерах, у которых навтыжку стоят часовые – аж вспотели от усердия? Что питает все эти лампы в глухих, явно неразъемных металлических корпусах – проводов-то нет, химические фонари, наверное? Что это за похожая на здорового краба зверюга – и почему ее выгуливает на поводке какой-то явный офицер; елочки, домашнее животное, что ли?! Куда идут вон те закаменевшие от надменности сторки – и что они вообще делают тут, в лагере своих злейших врагов? А кто вон те инопланетяне, люди даже, скорее – завернутые в яркие шелка и с гладкими золотистыми лицами? Неужели те мьюри, о которых говорили в новостях еще до войны? И почему все вокруг них чуть ли не приседают от почтения, они что, союзники джаго, но ведь с мьюри войны у Земли нет?

Увлечшись наблюдениями, Борька не сразу заметил, что они добрались до цели – идущей вдоль ограды латифундии треугольной дренажной канавы. Здесь от нее отходила другая – и в месте их пересечения был устроен колодец, правду говоря – просто врытая в

землю труба большого диаметра.

– Все, – выдохнул Олег. – Оставляем им подарок и уходим.

Витька с облегчением сбросил рюкзак и вытащил из него изрядно намявшую ему плечи бомбу. Олег быстро и деловито взвел взрыватель, потом поднял ее и бросил в колодец. Внизу бултыхнуло, полетели брызги тухлой, застоявшейся воды. Теперь предотвратить взрыв не могла уже никакая сила на земле и в небе – еще там, в ангаре, Олег поставил взрыватель на неизвлекаемость, и даже если джаго найдут бомбу и попытаются ее вытащить – мгновенно произойдет взрыв.

– Теперь двигаем назад в темпе, – сказал Олег. – Я всего десять минут поставил.

– Охренел? – спросил Витька. – Мы только сюда полчаса перлись, а...

Что он еще хотел сказать – осталось неизвестным, потому что его перебили.

– Джамма бачули хут, а-а-а? – громко спросил кто-то, и Борька буквально подскочил, обернувшись.

К ним обращался толстый джаго в чем-то вроде красного плаща без рукавов и в смешной, похожей на миску шапочке. Оружия у него не было, да и на солдата он тоже был не похож, как его одежда не была похожа на военную форму. Кто это такой, Борька не знал, но понял, что уйти по-английски – красиво, не прощаясь, у них не получится. Отвечать ему было нечего, так что он вскинул дробовик и бабахнул одиночным.

Дробовик выстрелил гулко и мощно, ствол рвануло вверх, и Борька с непривычки едва устоял на ногах. Джаго моментально снесло – заряд картечи попал ему в грудь, убив мгновенно.

– А-а-а, ссуки! – закричал Витька.

Он вскинул плазменную винтовку и рубанул длинной очередью по сидевшим у ближайшего костра джаго – те так и легли вокруг, даже не поняв, что происходит.

– И что дальше, орлы? – спросил Олег неожиданно спокойно, даже с какой-то иронией, в повисшей на мгновение вокруг тишине.

Борька вздохнул. В самом деле – что? Их трое – а вокруг не то десять, не то двадцать тысяч джаго – с тяжелыми танками, со штурмовыми челноками, – и перспектива героической гибели была при таком раскладе вполне вероятной. Нет, в стерео (а еще лучше – в мультиках) герои кладут врагов направо и налево, не стесняясь количеством, но это же для малышей! Любой пионер скажет, что выходить втроем против дивизии врагов несколько... м-м-м... нескромно.

– Так. Понятно. Не знаете. К машине! – выкрикнул Олег уже на бегу.

Всего метрах в двадцати от них стояло нечто вроде джипа – открытая, на трех осях машина с размещенной в кузове поворотной платформой. На ней был установлен какой-то жутковатый агрегат, похожий на два трехствольных, немалого калибра, пулемета.

Как ни странно, добежать до машины и даже залезть в нее они успели – их забег очень удачно совпал с волной охватившей лагерь паники. Борька сразу же прыгнул на водительское место – с любыми машинами он был на «ты». Витька так же привычно полез в кузов, к пулеметам, а Олег сел рядом с Борькой, держа наготове плазменный автомат.

Рассчитанное на джаго кресло было мальчишке несколько... велико (Борек туда поместилось бы штуки три, и не в тесноте...), и ему пришлось стоять за рулем, словно за штурвалом старинного корабля. Машина была военная, так что поставить на нее противоугонку никто не озаботился – двигатель завелся от одного рывка назойливо, прямо под пальцы, торчавшего под приборной панелью рычажка – хорошо все-таки, что у джаго почти человеческая анатомия...

К их общему счастью, управление оказалось несложным и ничем, в общем-то, не отличавшимся от управления земных машин – да и у Борьки был прямо-таки нюх на незнакомую технику. Мотор взревел, и машина почти сразу же тронулась. Делали ее явно не джаго – во всей конструкции выпирал какой-то бездушный, рациональный стиль, скорее земной даже, в то время как для джаго характерны были брутально-напыщенные, часто карикатурные формы. Сейчас Борька, впрочем, не думал об этом. Неуклюже развернувшись

на месте, он повел машину прочь из лагеря.

Вначале по ним не стреляли – к боевым машинам кинулись многие, и некоторые из них как раз начали хаотично двигаться туда и сюда. Но потом навстречу им бросился, размахивая руками, какой-то джагганский офицер, а поскольку Борька и не подумал останавливаться, машина поддела его бампером и с хрустом переехала. Лишь тогда позади них заверещали, а потом начали стрелять. По-джаггански неточно и беспорядочно, но приятного в этом все равно было мало. Витька развернул турель и в свою очередь рубанул по стрелявшим. Пулеметы оказались плазменные, так что на джаго обрушился сплошной поток огня. Витька заорал что-то неразборчивое, ворочая стволами вправо и влево, благо, промазать было просто невозможно. Борька вдохновенно рулил, стараясь избегать хотя бы самых крупных препятствий. Джаго к таковым не относились... и если кто-то из них не успевал убраться с пути его машины – что ж, извините, их никто сюда не звал.

Олег какое-то время молча наблюдал за охваченными яростным вдохновением мщения мальчишками, а потом тоже заорал что-то неразборчивое, вытащил из рюкзака плазменную мину и, включив таймер, швырнул ее за проплывающий мимо штабель каких-то ящиков, подозрительно похожих на снарядные. Вторую он бросил в стадо стоящих танков, третью – просто назад, где уже намечалась какая-то погоня. На этом столь увлекательное занятие пришлось прекратить – позади шандарахнуло, в небо взметнулось облако бенгальского порохового огня, и там принялось рваться и гроыхать так, что они и не заметили, как взорвалась вторая мина. Третья же взорвалась как нельзя вовремя – вслед им вывернул здоровенный танк и принялся активно водить пушкой. За ним тут же бабахнуло, ослепительное облако плазмы подняло корму танка. На какой-то миг он замер на стволе пушки, словно исполняя какой-то сумасшедший цирковой трюк, а потом неслышно в царящем вокруг грохоте перевернулся кверху гусеницами. На сей раз заорали все трое, в унисон и громко. Лагерь остался позади, под колеса летела степь – и все же им, наверное, не удалось бы уйти, если бы их бомба не взорвалась чуть ли не втрое раньше положенного срока – должно быть, какой-то джагганский сапер ошибся-таки во второй раз – первую ошибку он совершил, выбрав эту профессию.

Отъехали они уже далеко, но все равно зацепило их сильно. Борьке показалось, что его дербалызнуло током очень высокого напряжения – все вокруг вспыхнуло, неясно даже, внутри или снаружи. Он взвыл, перейдя на визг от дикой и неожиданной боли, после чего едва не опрокинул машину, но им повезло. Смертоносная волна только задела их. А вот тем, кто остался в лагере, пришлось куда хуже. Витька успел заметить, что даже нэйкельский штурмовик, уже явно нацелившийся было в погоню, вдруг кувыркнулся и камнем пошел к земле – нейробомба проняла даже его бионический мозг. Потом их догнала ударная волна – больно шандарахнула по ушам, подняла вокруг тучи пыли. Но помешать им она не могла, и, оглянувшись на секунду, Борька увидел над лагерем оккупантов несколько жирно подсвеченных снизу красным дымных столбов, а над ними, как гигантская поганка, выросстал лохматый страшный гриб.

* * *

Последствия этой атаки были обширны и многообразны. К моменту ее в лагере находилось более двадцати тысяч джаго. Более пяти тысяч из них были убиты сразу, еще около восьми превратились в овощи. Нэйкельцы разработали нейробомбу так же и как психологическое оружие, которое должно было сломить моральный дух противника, обременив его массой безнадежных инвалидов. Но джаго пронять так было трудно: командование корпуса вторжения распорядилось тут же незатейливо добить всех «обезмозженных», что и было немедленно проделано. В результате, правда, общие безвозвратные потери джаго выросли до тринадцати тысяч. Все уцелевшие получили сильнейший шок и тоже надолго вышли из строя. Таким образом, агрессоры потеряли целую дивизию со средствами усиления – благодаря спонтанной выходке троих пацанов... один из

которых, впрочем, был дворянином.

С пожарами, начавшимися в лагере, вести борьбу не было никакой возможности, ввиду чего сотни единиц техники, тысячи тонн боеприпасов, горючего и продовольствия самым банальным образом сгорели. Разлетавшиеся от взрывов снаряды вывели из строя несколько штурмовых челноков и оборудование развернутого у базы полевого космопорта. Но все это были мелочи по сравнению с политическими последствиями. Невероятно, но никто так и не связал случившееся с землянами – свидетелей их налета не осталось, а так как нейробомбы были разработаны нэйкельцами, на них и посыпались все шишки. Джаго обвинили союзников в диверсии, направленной против их славных, героических, непобедимых войск, отдыхавших после тяжелейших боев с многократно превосходящими силами коварного врага. Нэйкельцы, напротив, заявляли, что это джаго украли их оружие, а взрыв стал результатом попытки неумелого демонтажа, каковая, в свою очередь, была вызвана общеизвестной тупостью джаго в обращении с техникой. Слушать объяснения ни одна из сторон в принципе не хотела, к тому же среди сторкадских военных нашлось множество свидетелей, готовых словом и делом подтвердить нэйкельские обвинения – мол, ныряли в человеческое дерьмо (хотели вымыться, видимо), вытащили сундук, доброго совета не послушали, стали вскрывать молотком и зубилом, споря о том, что тут: золото или алмазы, потом бухнуло – а вы чего хотели от джаго?! В итоге, Нэйкели отказала Джагану в поставках военного снаряжения, а джаго, оскорбленные в лучших чувствах, оперативненько и привычно растерзали нескольких попавшихся им под горячую руку нэйкельцев. Нэйкельцы снесли джагганский лагерь орбитальным ударом – и конец этому жутковатому и смешному пополам балагану положило лишь нехоти начавшееся наступление землян (как меланхолично отметил кто-то из скиуттских наемников: земляне могли бы и подождать, все бы сделали за них...).

У взрыва были и более интересные последствия. Среди убитых оказалась и делегация мьюри – группка особо экзальтированных политиканов и журналистов, в очередном припадке демократической горячки прибывших поддержать «отважных борцов за свободу». Сама по себе их смерть на их же родине никого особо не опечалила, но гибель граждан Федерации в чужом военном конфликте – даром что они сами туда поперлись, никто не посылал – вызвала грандиозный скандал. И в итоге контракт на поставку Джагану сверхтяжелых танков был сорван, а отношения его с Йэнно Мьюри основательно и радостно испорчены влиятельными силами среди самих же мьюри, желавшими уличезреть всех джаго в гробу и в белых тапочках. Они очень удачно обратили себе на пользу поднятую их же оппонентами истерику, но мальчишки ничего не узнали об этом.

Правду говоря, им чудом удалось уйти.

* * *

Вначале Борьке казалось, что они лихо доедут до самого Трезубца – или, на худой конец, до передовых позиций землян. Но триумфальное возвращение героев не состоялось – Чужие быстро опомнились. Небо заполнили нэйкельские штурмовики, и машину пришлось бросить – слишком уж большая и заметная цель. Жаль – было бы просто здорово въехать в город на таком чуде, – но ничего не поделаешь, жизнь дороже. А помереть после такого подвига, никому не рассказав о нем, было бы очень обидно.

Загнав машину в какой-то овраг, они обулись и протопали еще пару километров – оставаться рядом с ней было бы неосмотрительно, – после чего, наконец, устроили привал. До рассвета оставалось еще часа два, но после бессонной ночи измотаны были все. У Борьки перед глазами все время прыгали перекошенные рожи джаго, вспышки выстрелов, взрывы, и он недовольно помотал головой. Яркие впечатления – это хорошо, но в меру, судари мои, в меру! Легко воображать себя, например, адмиралом, стоящим на мостике и бодро приказывающим лихой команде: «А ну-ка, молодцы, расклепайте мне этот броненосец!» Вспоминать, как тебе в руку толкалась изо рта чужая кровь, – это совсем другое. Нет, Борька

ничуть не сожалел о содеянном – напротив, в нем было неколебимое ощущение ПРАВИЛЬНОСТИ – но теперь он отчетливо вспоминал, как часто плазменные заряды джаго проходили совсем рядом с его головой, и мальчишку начало потряхивать. Это была нестрашная, уже миновавшая жуть, но все равно приятного в ней было мало, как ни крути. Олег мурлыкал задумчиво, осматривая свое оружие:

А ты не тушуйся, парень, —
Это последний бой!
Кто был с тобою в паре,
Двинул другой тропой.
Ты же прошелся пеклом,
Но не на страх – на риск.
Сыплются с неба пеплом
Звезды на обелиск...⁷

– А здорово мы им вломили! – заметил неугомонный Витька, разувшись и вытянув гудящие ноги. – Теперь они побегут как ошпаренные!

– Это надолго, – вдруг сказал Олег.

– Что? – непонимающе повернулся к нему Борис.

– Эта война – надолго, – нехотя пояснил Олег и тоже вытянул ноги, потер коленки.

– Да ты что? – вскинулся Витька. – Сомневаешься, что мы Чужих скоро с Китежа выкинем?

– С Китежа – не сомневаюсь. Скоро. Просто сами подумайте – сколько таких вот планет под Чужими? И сами они оттуда не уйдут, их оттуда придется выковыривать. Потом и кровью. В победе нашей я не сомневаюсь. Но легкой и быстрой победы не ждите. Мы на этой войне еще вырасти успеем, попомните мое слово.

Борька обиженно прикусил губу. Это было совсем не то, что он хотел бы услышать. Но он уже имел случаи убедиться, что дворянин никогда не бросает слова зря, просто чтобы попугать или придать себе значительности. Раз он говорит, что война будет долгой, – значит, так оно и есть. Ну что ж, раз так надо...

– Я останусь дежурить, – сказал Олег. – Вы оба будете спать. До рассвета. Потом будем идти весь день.

– Я могу... – начал было Витька, но Олег оборвал его:

– Не можешь. Я же вижу. Да не бойся ты так, я же знаю, что делаю. Не свалюсь.

– Да куда спешить-то? – спросил Борька. – У джаго если кто не сдох, то навалил в штаны по самые уши.

– Многие джаго убиты, – спокойно ответил Олег. – Но многие остались. А они мстительные, ребята. Вам лучше даже и не знать, **насколько** они мстительные. Не от любви к своим – от страха, а это вещь опасная: мстящий от страха. И они будут нас искать. Пока что опасности нет. ПОКА. Так что отдыхайте, пока еще можно.

* * *

К своему удивлению, Борька заснул почти сразу – мальчишеский организм быстро одолел впечатления этой сумасшедшей ночи. Он даже не увидел снов, что было, определенно, и к лучшему: что хорошего могло ему присниться после **такого** ?

Мальчишка не знал, что эта начавшаяся пару недель война затянется на два с лишним десятка очень долгих, кровавых, временами уже совершенно безнадежных лет... и что конец ее он встретит бывшим прославленным командиром партизан, освободившим от врага целую

⁷ Стихи Андрея Земскова.

планету, в настоящем – не менее прославленным генералом бронетанковых сил, командиром дивизии сверхтяжелых танков – седым, как лунь, хоть и не старым еще совсем ветераном, прозванным сторками Железной Смертью. И что к тому времени в живых не останется почти никого из тех, кого он в детстве знал в лицо.

Ничего этого Борька Шалыгин пока еще не знал. Он спал.

* * *

1

Реки движутся вспять.
Три часа до прорыва из *Нижних миров* .
Дан приказ отступить.
В штабе жгут документы несбывшихся снов.
Твердь земная дрожит под ногой.
Древо мира кренится, как башенный кран.
Звезды гаснут одна за другой —
Это орды *Магогов* идут на таран.

Кемет снова во мгле,
На *Синайских высотах* бушует гроза.
Он уже на Земле!
О, мой Бог, Он уже открывает глаза!
Вместо неба – броня,
Двери Рая закрыты на ржавый засов.
Все ушли без меня,
Я зову, но не слышу родных голосов.
Вижу, словно в бреду,
Как над миром восходит Последний Рассвет.
Сердце, мертвою птицей во льду,
Все твердит о грядущем,
Которого нет.

2

Придите, слабые народы!
Всепоклонитесь Царю!
Я щедрой *дланью* вам дарю
Рога бессмысленной свободы.
Во Мне проявлен высший *гнозис* —
Он в разрушении миров.
Мое касание – *теозис* .
Низвержен в прах *Илдабаоф* !

3

Над водной толщею бездонной,
Над морем, что навек сошлось,
Закатным солнцем озаренный
Летит последний альбатрос.

В нем нет смятенья смертной дрожи,

В нем нет пустого мятежа —
Он просто делает, что должен,
Пока живет его душа.

В луче закатном оперенье
Горит, как огненный кристалл,
Скользит по волнам тень креста,
Но лишь наступит миг паденья —
Земля, как перед Днем Творенья,
Безвидна станет
И пуста.

4

*Прошуршал по людям шорох —
«Снег пошел...»
Попримолкли, задышали:
— Хорошо...*

*Тихо-тихо подплывали
К синему окну,
Нежно-нежно осязали
Тишину.*

*И с такой тоской глядели
Через стекла — вдаль...
Жизнь — от тьмы до тьмы качели.
Жаль.
Жаль...⁸*

7. Конец удачи

Первый год Галактической войны

Идти назад было легко — как в переносном, так и в самом прямом смысле. Рюкзаки мальчишек основательно опустели, и Борька подумывал уже, что последнюю пару дней им придется обойтись и без еды, которой они взяли вроде бы достаточно, но беготня по холмам здорово возбуждала аппетит, так что запасы убывали просто с волшебной быстротой — иногда Борьке даже казалось, что еда исчезает сама по себе, проваливаясь куда-то мимо желудка — ел, не ел, никакой вроде бы разницы. Небо сегодня было чистое, так что мальчишки шли быстро, лишь поглядывая по сторонам. Наземной погони они не опасались — и, как оказалось, зря.

Из-за холма волной накатился тяжелый лязгающий гул — он-то, наверное, их и спас, потому что Олег оглянулся и тут же негромко, но очень убедительно крикнул:

— Ложись!

Ребята без звука повалились в высокую траву. Из-за гребня пройденного ими пять минут назад холма появились джанеты — много, штук сорок. Их широкие рослые фигуры выглядели еще гаже в маслянисто блестящей боевой броне — казалось, на троих ребят надвигается целый взвод каких-то глубокоководных тварей. В непомерно длинных руках

⁸ Сергей Калугин. «Присутствие».

джанеты держали винтовки. А из-за холма все наплывал и наплывал гул – похоже, в погоню за наглыми землянами бросили не меньше танковой роты.

– Зачем столько-то? – с искренним недоумением спросил Витька. – Нам одного танка хватит – во! – он провел ладонью по горлу.

– Здорово мы их допекли, значит, – буркнул Борис, глядя на поднимающуюся за горизонтом, впечатлявшую даже с тридцати километров вулканическую гриву роскошного черного дыма.

– Не в этом дело, – скупно сказал Олег, не отводя глаз от деловито приближавшегося противника. – ОНИ НАС БОЯТСЯ, понимаете? Ох, как же они боятся трех пацанов...

– Есть за что, – Борис зло сплюнул, вспоминая бойню на латифундии. – Уроды. Только джанеты – это не джаго. Они по следу идут, как собаки, да и побыстрее нас. Что делать-то будем?

– У меня пять патронов осталось, – скучным голосом сообщил Витька.

– У меня три, – Олег усмехнулся. – Не мельтеши, сейчас мы их приголубим...

Он вытащил из сброшенного рюкзака последнюю секторную мину – тяжелый, блестящий ртутью предмет, похожий на плоскую коробку с выпуклой передней гранью, раскрыл ее ножки и установил, направив несколько вниз. Теперь им оставалось только отползти на расстояние, которое казалось безопасным. Они едва успели – джанеты и впрямь двигались очень быстро, к счастью, не цепью, а сравнительно компактным табуном – видать, и впрямь здорово боялись, раз не решались отходить друг от друга. До землян им оставалось всего метров пятьдесят.

– Уши! – крикнул Олег, вытаскивая из кармана плоскую коробочку взрывателя.

Нажав на кнопку, он невольно зажмурился – впереди вспыхнула дугообразная стена пламени, раскаленный воздух словно резиной ударил по голове, по всему телу, подняв тучи пыли. Целую бесконечную минуту ребята всматривались в нее, но ни один джанет не появился из пылевой завесы.

Когда пыль, наконец, рассеялась, стало ясно – почему.

Направленный заряд буквально сдул их со склона – от элитной «команды очистки» остался лишь широкий веер основательно оплавленной земли. Вот только времени радоваться победе уже не было – из-за гребня холма один за другим выползали танки, разворачиваясь в боевую цепь, – огромные, приземистые, страшные. Пока они не стреляли – должно быть, не видели противника. Радости в этом было мало – передовой танк надвигался прямо на них, так и передавит всех, даже не заметив. А за танками черной волной валила пехота – много, не меньше батальона...

Олег вытащил из саперной сумки последнее, что в ней осталось, – похожую на толстый стальной карандаш кумулятивную мину. Она выбрасывала узкую струю плазмы, способную пробить двухметровый бетон, однако ее надо было, во-первых, закрепить на объекте, во-вторых, она приводилась в действие дистанционным взрывателем...

– Олег, не дури, – каким-то сразу севшим голосом сказал Борис. – Их все равно много...

– Ну, так будет одним меньше, – Олег сжал зубы, неотрывно глядя на приближавшийся танк.

Чудовищная машина была уже всего в двух десятках шагов, когда он вдруг вскочил на ноги. На какой-то миг все замерло – грязный, измученный мальчишка с бесполезным зарядиком против семидесяти тонн металлокерамики и плазменных пушек...

...Того, что случилось, не ожидал никто. Олег бросил в танк мину, как нож, и, мгновенно прыгнув в сторону – чтобы не оказаться на пути обратной струи, – нажал на кнопку взрывателя.

Мина на лету вспыхнула бесконечно длинным лучом жидкого солнца, и этот луч вошел в лобовую броню головного танка, разбиваясь диском бесполезных, казалось, ослепительных брызг.

Еще целое мгновение не происходило НИЧЕГО.

А потом танк взорвался. По-настоящему, всерьез – сорванная с погона башня взлетела высоко в небеса на столбе желто-рыжего пламени, корпус словно вбило в землю ударом исполинского кулака.

Борис следил за лениво кувыркавшейся падавшей башней – не зашибло бы, вот глупо-то будет – и не сразу заметил, ЧТО делают уцелевшие танки.

Они... уходили – буквально взыв турбинами, на предельной скорости пятились от единственной тонкой, высокой фигурки, из самой руки которой, казалось, вырвался луч беспощадного пламени, насквозь прошивший их собрата и оставивший глубокую оплавленную траншею в склоне холма. Пехота панически брызнула из-под широких танковых задниц, но везло не всем – наименее проворные исчезали с неслышимым отсюда хрустом.

На какую-то секунду Борис задохнулся – сердце билось, казалось, прямо в горле, пытаясь выскочить из груди. Если хотя бы один из отступавших танков выстрелил, от них не осталось бы даже пепла. Но они не стреляли, и его затопила свирепая радость. Ничто не сравнится с чувством победы, когда способный уничтожить тебя враг ломается и бежит, бежит, бежит... НИЧТО.

– Что дальше делать будем? – неожиданно спокойным голосом спросил Витька, и Борис удивленно посмотрел на него – во нервы у старого друга! Его только что на корм дождевым червям чуть не пустили, а он...

– Дальше потопаем, – так же спокойно ответил Олег. – Эти, – он презрительно ткнул в бегущих, – к нам больше не полезут.

– И? – убедившись в тщетности всех усилий врагов, спросил Витька. – Что дальше-то делать? Все пятьсот кэмэ своим ходом топать?

– Правильно мыслишь, отрок, – Олег вскинул на плечи изрядно полегчавший за последние минуты рюкзак. – Топать и топать.

– А дойдем? – с сомнением спросил Витька, проверяя, легко ли выходит из ножен полевка. – Тут твари всякие бродят, а патронов мало, и вообще...

– Дойдем, – усмехнулся Олег. – Теперь – дойдем.

* * *

Но дойти не получилось. Все произошло внезапно и до обидного глупо – мальчишки уже слышали гул канонады с земных передовых позиций, когда их накрыл накатившийся сзади вой плазменных двигателей. Над головой пронеслась тень, дохнуло огнем – и всего метрах в пятидесяти перед замершими мальчишками опустился сторкадский штурмовой челнок, похожий на громадную хищную птицу. Аппарели сразу же откинулись, с них горохом посыпались десантники – все в глухой броне, с мертво-зеркальными забралами шлемов. И... это было, собственно, все – мальчишки даже опомниться не успели, как их уже взяли на прицел. Шансов справиться с дюжиной сторков – да еще и с их штурмовым челноком, нижняя турель которого недвусмысленно смотрела на землян – не было.

Глупо все вышло, подумал Борька. Донельзя глупо. И сами ведь виноваты – расслабились, защелкали клювами и забыли, что среди Чужих есть не только придурки-джаго, но и эти вот – с бездушностью механических роботов и грацией прирожденных убийц.

Стрелять сторки не стали – в их культуре высшей честью для воина был захват врага в плен. Земляне тоже – плен, это еще не конец, а раньше смерти помирать незачем.

– Бросайте оружие, – одними губами сказал Олег. – Они выиграли раунд.

* * *

Эрси⁹ Джерду Кину кен ло Кину повезло – хотя бы потому, что так кстати попавшиеся на пути земляне дали ему отличный повод досрочно завершить этот дурацкий разведывательный рейд, не долетая до укрепленных позиций противника, где его, вполне возможно, бы сбили. Эрси уже был знаком с земными зенитными ракетами, и продолжать это знакомство ему ну совершенно не хотелось. Сейчас он благословлял свой зоркий глаз – заметить крохотную группу землян было невероятной удачей, а взять их в плен – тем более. Земляне попадали в плен... редко. Чаще всего – в бессознательном состоянии или так тяжело раненные, что уже не могли сопротивляться. Пользы от них было мало – работать на захватчиков они отказывались, на допросах молчали, как мертвые, но сам факт ЗАХВАТА значил многое. Он благоприятно отразится на личной карьере эрси и на репутации его, к сожалению, не слишком известного Рода. Особенно на фоне того, что вторжение на Китеж, говоря откровенно, провалилось. Приказ об эвакуации экспедиционных сил был уже отдан, и все их действия, все эти налеты и рейды, представляли собой, в сущности, конвульсии. Нет, потом они, разумеется, вернутся – вооруженные лучше, знающие больше – и неизбежно вобьют в грязь этих возомнивших о себе дикарей – но сейчас... сейчас чутье подсказывало Джерду, что с этой проклятой планеты нужно убираться побыстрее. А своему чутью Джерд доверял. Чутье у них было семейное. Отец его был капитаном рейдера – грабил и джаго, и нэйкельцев, и дайрисов – и ни разу не был подбит или пойман с поличным, именно благодаря чутью.

И когда он увидел глаза пленных землян, это самое чутье буквально завопило. Земляне были очень молоды – сколько им весен, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать? – их оружие лежало у их ног, но они не выглядели ПЛЕННЫМИ. Их глаза были жесткими, как сталь, – особенно у того, кто стоял в центре.

Джерд поймал себя на том, что боится – не этих вот мальчишек, он может стереть их в порошок одним только словом, – боится за судьбу своего народа, вступившего в войну с этими одержимыми. Земляне казались легкой добычей – со всей своей мягкостью и болтовней о Чести, странной, распространяемой на всех без разбора, – но, когда на них напали, они обернулись настоящими *сурти*, демонами войны. Такого еще никогда не случалось – доселе все встреченные сторками расы были или такими же, как они, хищниками, или добычей – и необычность землян пугала и тревожила.

* * *

Борька сразу понял, что упорно смотревший на них сторк – командир. Это подтверждали и его яркие оплечья, и расступившиеся перед ним десантники. Закованная в броню его фигура смотрелась, надо сказать, страшновато. Но что-то в его виде было... напыщенное, так не похожее на суровый и лаконичный дизайн земных доспехов – что-то, почти незаметное, но это «что-то» и убивало весь эффект, – сторк выглядел как типичный Инопланетный Злодей из детского стерео.

– Скажите, господин урод, у вас трусы тоже бронированные? – вдруг вежливо обратился к нему Витька.

Сторк кивнул – должно быть, принял фразу за мольбу о пощаде, – и Борька, не удержавшись, заржал.

Как видно, столь явное презрение разозлило командира. Он вытащил из кобуры хищно выглядевший бластер, по бокам которого пульсировали два зеленых огонька. Ясно было, что шуток он не любит. Чуть раздутый («Будто в трубку зачихнули яйцо», – вдруг подумал Борька) срез ствола качался перед мальчишками, словно сторк выбирал, в кого выстрелить. Да, наверное, так оно и было...

– Давай, стреляй, – презрительно сказал Олег. – Только быстрее решай, герой

⁹ Сторкадское звание, примерно равное поручику армии РА или лейтенанту в Объединенной Армии Земли.

зассанный, а то вон – удрать не успеешь! – и он мотнул головой в ту сторону, откуда доносилась канонада.

Сторк дернулся, и в его движении был настолько человеческий испуг, что мальчишки рассмеялись.

На этом терпение командира иссякло – он что-то коротко пролаял, и десантники набросились на мальчишек, скрутили им руки и потащили к челноку.

* * *

Нет, ну ее, эту войну, вдруг решил Джерд, глядя на прижатых к полу пленников. То, что они посмеялись над ним, испортило все ощущение от победы. Но даже тогда эрси не было бы так мерзко. Во всем, что он тут делал, было что-то... неправильное. Пусть дураки пытаются обрести Честь там, где ее нет и быть не может. С него – довольно. Если ему повезет вернуться на Сторкад, он уволится из Флота и станет, как отец, вольным рейдером. И пусть за его спиной шипят о предательстве и трусости. Пусть. Он, Джерд Кин кен ло Кин, знает, когда отойти в сторону и когда вернуться. В конце концов, последним смеется всегда тот, кто остается в живых.

* * *

Борька быстро устал бояться. Они летели, наверное, всего несколько минут, но мальчишка мечтал лишь об одном – чтобы полет побыстрее закончился. В конце концов, он – весьма неудобно! – лежал на заплеванном стальном полу, а какой-то десантник-сторк небрежно прижимал бронированным сапогом его загривок. Сердце Борьки – землянина и пионера – кипело от такого обращения, но поделать пока что он ничего не мог, разве что строить всевозможные планы отмщения. Витька, правда, произнес возмущенную речь, пытаясь доказать, что добровольное освобождение землян зачтется сторкам в срок исправительных работ. Увы, его никто уже не слушал. Приказ был отдан, ему дали по шее, прервав словоизвержение, а потом тоже засунули в этот вот трижды проклятый челнок.

Десантники болтали на каком-то совершенно незнакомом языке – должно быть, на сторкадском, – и Борька мог понять лишь интонации, полные не вполне приличного облегчения. Но голоса эти один за другим стихли, а полет тянулся минута за минутой. Челнок, очевидно, мчался на предельно малой высоте, скрываясь от земных радаров. Его немилосердно швыряло в воздушных ямах, стальной корпус грохотал, а через открытые люки внутрь то и дело врывалась клубами едкая пыль. Острые шипы на подошве сторка при каждом рывке впивались в спину – это было очень больно, но Борька был даже благодарен за это, иначе его ребра превратились бы в один сплошной синяк – трясло челнок немилосердно. К тому же его, придавленного, не бросало из стороны в стороны – по крайней мере, не слишком.

От постоянных рывков и грохота мальчишка впал в какой-то транс – он потерял ощущение времени, казалось, что все это тянется уже целую вечность. Когда челнок, наконец, завис, он не сразу осознал это. Двигатели взвыли громче, вновь несколько голосов сразу заговорили с неприличной радостью, потом челнок буквально провалился вниз. Его упруго поддало снизу, подбросило, вновь кинуло вниз, и Борька понял, что они, наконец, сели. Сторки, толкаясь, полезли к выходу, его грубо подняли и как куклу опустили на землю. Борьку обдала волна очень жаркого воздуха – во время этого, явно нештатного полета двигатели челнока раскалились едва ли не докрасна. Потом его повели, крепко придерживая за плечи. Но то, что он увидел, почти примирило его с пленом. Почти.

То, что в огромном базовом лагере Чужих царит настоящая паника, было видно даже малоискушенному в военном деле Борису. Именно паника, повальная и массовая. Около челноков дрались. На глазах у мальчишек сразу три, попытавшихся взлететь, столкнулись и рухнули всей массой на лагерь, расплескиваясь реками пламени. Брошенная техника вкривь

и вкось забивала подъезды, валялись вперемешку оружие, раненые, продукты, контейнеры... Шум, гул, рев, вой на десятках языков стояли над ошалелыми толпами оккупантов. Гигантские массы Чужих металась туда-сюда совершенно без смысла – казалось, они готовы бежать от малейшего непонятного шума или просто резкого жеста.

Наспех сколоченная из солдат разных народов, плохо управляемая, громоздкая армада вторжения, громадное большинство бойцов которой привыкли лишь к «действиям подавления» против слабо развитых рас, потерпела от земной армии, ополченцев и туземцев сокрушительное поражение... Оказалось, что биться насмерть с оснащенным неплохой техникой, дружным и отчаянным противником, который к тому же хорошо обучен и защищает свой дом, – вовсе не то, что жечь и расстреливать полубеззащитных... До очень многих вражеских солдат эта простая, в общем-то, истина дошла лишь сейчас и оказалась откровением.

– Дали им наши, – сказал Борис и зло засмеялся. – Смотри, как шарахаются, гады!

Впрочем, на том участке, где находились мальчишки, был относительный порядок. Сторкадские десантники – в броне, выставив бластеры, вперемешку с боевыми машинами – огромным овалом окружали место своего базирования. Раненых у них было тоже очень и очень много, но их быстро грузили в челноки, и никто не пытался прорваться вперед по беспомощным телам, как это сплошь и рядом было видно вокруг. Между рядами лежащих на земле сторков (и только сторков, своих разноплеменных рабов они, очевидно, побросали на произвол судьбы) и челноками с бешеной скоростью металась невысокие мохнатые существа, чем-то похожие на сказочных гномов. Одетые в бирюзового цвета комбинезоны, четырехрукие, эти существа без малейших усилий попарно подхватывали сразу по двое носилок (удивительно земного вида) – одни на уровне пояса, вторые – во вскинутых вверх руках – и тащили их в челноки, стремительно семеня короткими кривыми ногами, толстыми и мохматыми.

На пленных землян никто не обращал внимания – сейчас сторкам было не до них. Мальчишек посадили на ближайший свободный пятачок, под присмотр двух безликих, как истуканы, десантников, и тут же забыли о них.

– Уроды поганые, – пробормотал Витька, потирая пострадавшую шею. – Нет, вот же не повезло нам, а?

– Будь добр, пожалуйста, заткнись, – повернулся к лучшему другу Борька. – И без тебя тошно.

– Нет, ну, может, наши нас освободят? – не унимался Витька. – Десант выбросят или еще что...

– Ага, щазз, – зло отозвался Борька. – Бомбу на башку кинут, чтоб не трепался, – и привет.

И – как накаркал. С неба накатился нарастающий рев реактивных турбин. Мальчишки одновременно вздернули головы и повскакали.

«Кречетов» – «МиГ-штурм» – было не меньше ста, они занимали все небо, приближались и вот стали расходиться в стороны – влево-вправо – словно тянулась распяливающая бесчисленные пальцы огромная рука, – и одновременно помчались к земле, окутываясь белесыми вихрями пусков.

У Чужих, и без того явно деморализованных, начался буквально ад. Никакой ПВО в лагере не было, укрытий тоже – солдаты лезли под челноки, под технику, даже друг под друга, безжалостно затаптывая раненых. Сторкадские десантники немедленно открыли огонь – иначе не сдержать было обезумевшую толпу, – многие вокруг ответили им тем же, и эта бойня на краю могилы смотрелась до безумия дико. А потом ракеты долетели, наконец, до земли – и вокруг мальчишек встал частокोल взрывов. В воздух летели куски земли, обломки, изуродованные тела, ударные волны сталкивались, словно перебрасывая их в каком-то безумном танце.

– Давай! – кричал Олег, стоя в рост, и взмахивал рукой. – Бей! Давай! Бей! – И каждый взмах его руки словно рождал пламя и смерть. Волосы дворянина развевались, лицо было

искажено каким-то остервенелым вдохновением.

Упав и цепляясь руками за судорожно заходящуюся в тряске землю, Борис кричал от восхищения другом и презрения к самому себе – он не мог встать так, как Олег.

– Крррой! Давай! Еще!!! – мимо с визгом пролетел гнутый кусок металла, едва не перерезав Олега пополам, – тот засмеялся, покачнувшись от тугого удара вихря, рожденного смертью. – Молодцы! Бей! Бей! Бей их!

А потом огненная темнота наотмашь ударила в лицо – и больше Борька ничего не помнил...

* * *

Сражение за Китеж было очень тяжелым, хотя и не слишком длительным – всего пять дней. Чужие бросили на штурм планеты огромные силы: около миллиона солдат десанта, 5 тяжелых штурмовых мониторов, 700 штурмовых транспортов, 15 тысяч тяжелых челноков, 7 тысяч атмосферных истребителей, 8 тысяч единиц тяжелой бронетехники и 11 тысяч легких боевых машин. Силы защитников были намного меньше, но также довольно внушительны: боевой орбитальный терминал, 12 кораблей (крейсер, 3 эсминца и 8 корветов) и 180 истребителей ПКО; 550 атмосферных штурмовиков, 600 атмосферных истребителей, 80 атмосферных бомбардировщиков, более 300 вертолетов из состава ВВС, предварительно переброшенная на планету 4-я Объединенная армия (см. таблицу).

80 тысяч регулярных солдат при отражении штурма погибли, как и более 150 тысяч мирных жителей. Защитники планеты дрались насмерть, две трети погибших мирных жителей пали с оружием в руках. В боях с ними Чужие потеряли 400 тысяч убитыми и две трети всей наземной и воздушной боевой техники. Более 400 тысяч – в основном, рабы с покоренных планет – попали в плен, остатки десанта сумели эвакуироваться только потому, что никто, даже сами защитники, не ожидали такого исхода, а слабая эскадра ПКО землян почти полностью погибла при попытке перехвата десанта и, естественно, не смогла воспрепятствовать эвакуации.

Интересно и показательно также то, что более двухсот тысяч туземцев – плохо вооруженных и никем не призванных – добровольно приняли участие в отражении десанта Чужих. По натуре вовсе невоинственные, харг-каарт сражались неожиданно упорно и мужественно; три четверти из них погибли. Кроме того, десятки тысяч женщин и детей землян были спасены от врага туземцами в лесных убежищах.

Что же до пленных землян – их было не больше нескольких десятков...

8. Пленные победители

Первый год Галактической войны

Открыв глаза, Борька закричал.

На него сверху – почти в упор – смотрело лицо, чем-то напоминавшее лицо мумии – с выпирающими странными костями, нечеловеческое, бледно-синее, с запавшими щеками и глубокими ямами глазниц. Борька дернулся, откатываясь... и вдруг сообразил, что они в космосе.

Нет, в большом полутемном помещении, где царил голый металл, не было ни одного иллюминатора. Но Борька, сын своего времени, тут же определил по еле заметной вибрации пространства, по состоянию организма – они в гипере. А эта коробка – космический корабль. Трюм – пожалуй, менее тесный, чем тот, в котором их семья летела на Китеж. Но...

Трюм был наполнен этими странными существами. Их было не меньше сотни, они сидели и лежали, чем-то занимались, переговаривались – в воздухе витал странный, хотя и не неприятный запах, похожий немного на запах грибного леса. Существо, которое держало Борьку, когда он очнулся – явно женщина, с земными, так сказать, женскими половыми

признаками, да и одетое во что-то вроде жакета и юбки, драные и грязные, – протягивало к мальчику левую руку.

– Чего тебе?! – заорал Борька.

И облегченно услышал голос Олега:

– Не кричи, Борь, ты что?! Это шэни. Они пленные... как и мы. И они хорошие. Они мне помогли с тобой.

Борька почувствовал, что краснеет. Дурацкое освещение и страх сыграли с ним злую шутку – он не узнал шэни, внешний вид которых изучали в школе! Но стыд тут же отступил – Борька вытаращился на Олега:

– Кто пленные?! Мы?!

Женщина, державшая на коленях голову Борьки и так его напугавшая, улыбнулась – почти по-человечески, только зубы у нее были очень мелкие и совершенно ровные, еле разделенные бороздками.

– Мальчик испугался, – сказала она по-английски с оксфордским произношением. – Ничего. Я тоже очень испугалась, когда впервые увидела землянина, а когда он улыбнулся – едва не убежала, увидев, что у него клыки, как у зверя. А я была уже совершенно взрослая.

Борька невольно улыбнулся в ответ и тут же прикрыл рот рукой:

– Ой. Извините.

– Ничего, – покачала головой шэни. – Обычаи различных рас и их внешний вид могут стать источниками и более серьезных проблем при контакте между ними.

Борис не нашелся что ответить. Только теперь он смог осмотреть себя и Олега. На мальчишках была та самая одежда, в которой они попали в плен, но оружия и доспехов и следа не осталось...

Шэни:

Общество

Шэни, чья родина – планета Брэссудза, являются частью галактического общества уже в течение пяти столетий. Официально они примкнули к землянам почти сразу после выхода из состава Лиги, примерно в то же время, когда ее покинули скиутты и нэрионы (в конце Первой Галактической войны), но на деле сочувствовали землянам и всемерно помогали им с первого же контакта, состоявшегося еще до ПГВ.

Шэни всегда были для других рас загадкой. Оставаясь приветливыми в совсем неприветливой системе, шэни являются такими затворниками и интровертами, насколько это возможно для того, чтобы принимать участие в галактических делах. Для сильных духом шэни материальный мир представляет небольшой интерес. Пилотов среди них было очень мало, и все они остались далеко в прошлом, но уже первая встреча с землянами побудила шэни вновь все чаще и чаще обращать свой взор на небеса. Планета шэни известна как объект туризма из-за множества достопримечательностей – как природных, так и созданных руками ее обитателей. При этом сами шэни к туристам практически равнодушны и никогда не пытаются «делать бизнес» на них.

Народ

Шэни худощавого телосложения, при этом гибкие и весьма грациозные. Их лица с бледной, натянутой кожей часто заставляют считать их страдающими от постоянного недоедания и болезней, что на самом деле неверно. Они мастера маскировки собственных мыслей и эмоций. Продуманная и осторожная манера поведения – гарантия осведомленности и контроля над ситуацией для шэни.

Мужчины : в основном беззаботны и добродушны, хотя очень сознательны и умны, терпеливы, очень сдержанны в своих делах и манерах. Они не отличаются стремительностью и импульсивностью, любят долго размышлять и медитировать перед принятием какого-либо важного решения.

Женщины : очень ценятся как хорошие учителя и наставники. Они неутолимо интересуются окружающим миром, и это дает им величайшие знания обо всем,

начиная с квантовой физики и заканчивая человеческой психологией. Более того, данная черта наделяет их также терпением и скромностью, заставляя смотреть вне своих собственных мелких интересов, концентрируя внимание на какой-то определенной основной задаче. Женщины шэни чуть ли не единственные инопланетяне, которых приглашают для постоянного преподавания в земных лицах.

Выдержка из электронного издания «Расы Местной Зоны.

Справочник для учебных заведений не-людей».

Издание 200 г. Галактической Эры.

Луна. Русская Империя. Звездный Порт.

...Шэни давно тяготились зависимостью от своих соседей. Это была именно зависимость. Ограничение на космические полеты эта самоуглубленная раса восприняла достаточно спокойно, космосом цивилизация шэни внезапно «переболела» около трех веков назад. Хотя у них сохранялись и космофлот, и даже несколько планет-колоний и немало лун, ни на что большее Брэссудза не претендовала, а проблемы, занимавшие шэни, были настолько обращены в их внутренний мир, что большинству рас они казались и вовсе беспроблемным – или совершенно окостеневшим – сообществом оторванных от насущных реалий мира странноватых особей. Но шэни претила агрессивность Четырех Рас и их готовность брать силой то, что им не принадлежит. Кроме того, сторки нередко не гнушались захватом шэни в рабство, да и остальные высоко ценили таланты шэни в области различных теоретических наук и ставили их себе на службу незамысловатым путем: опять же силой.

Появление на «галактической арене» землян шэни сперва напугало. Новые обитатели космоса были агрессивны, нетерпеливы, упрямы – короче, обладали всеми теми качествами, которые были неприемлемы для мировоззрения шэни. Тем больше было их удивление, когда выяснилось, что земляне как-то сочетают со всем этим уважение к любой расе, не задевающей их интересов. Первые контакты, состоявшиеся во втором году Экспансии (по земному летоисчислению), удивили флегматичных шэни донельзя, как никто не удивлял их уже давно. Удивление переросло в благодарность, когда земляне вдруг решительно стали вступаться за шэни в конфликтах с соседями. Благодарность, зревшая достаточно долго, что типично для шэни, наконец переродилась в твердое стремление помочь землянам в надвигающейся войне и самим обрести долгожданный покой (не «свободу», этим словом шэни, будучи всегда и везде свободными внутренне, не оперировали) в полной независимости от угнетателей. Наверное, если брать старые земные аналогии, примерно то же ощущал привыкший к побоям старших ребят талантливый, развитой, но слабый мальчик, за которого вдруг решительно вступился подошедший незнакомый парень – может, и не слишком умный, но справедливый, сильный и добрый.

Благодарность не только на словах. Благодарность, толкающая – вопреки всему накопленному прежнему опыту, призывающему к осторожности, вопреки просто-напросто рассудку! – слабого малыша в драку плечом к плечу с тем, кто заступился...

...К сожалению, попытка не удалась. Новорожденный флот шэни был разгромлен, земляне оттеснены от зоны союзников – и на Брэссудзу высадились полчища карателей, разозленных и удивленных поведением «водорослей», как кое-кто называл шэни. Активно воевать на поверхности родной планеты шэни не осмеливались, так как это окончательно разрушило бы привычный мир...

Ааанло Мит Хаанто Семнадцатая была одной из тех немногих – относительно немногих, впрочем – шэни, которые оказали врагам активное сопротивление. Ей не повезло. Отряд, в котором женщина сражалась (и в составе которого было с десяток землян и существ других рас), был разбит, сама она – пленена. Все это Борька выслушал без особого внимания, если честно – его интересовали сейчас совсем другие вещи.

– А Витька где? – спросил он, едва шэни замолчала.

– Не знаю, – покачал головой Олег. – Когда ахнуло, я ему крикнул: «Беги!» Он

побежал. А ты упал, я и задержался... Будем надеяться, что он спасся.

– Из-за меня ты в плену остался, – убито ответил Борис.

Олег pokrивился:

– А, зола. Плюнь.

– Нет, все равно... Ты стоял и смеялся, когда вокруг ракеты рвались, а я... я...

– Я... не от храбрости, – с усилием сказал Олег и спрятал глаза. – Я, наверное, наоборот. От страха. Я думал – может, наши меня сейчас убьют, и тогда я не в плен...

– Да уж, – пробормотал Борька, отворачиваясь. – Повезло нам. Как утопленникам. Ладно, не жалко – лишь бы Витька спасся...

* * *

...Витька не убежал далеко. Тот самый взрыв, который контузил Борьку, отшвырнул его в овражек, почти доверху засыпанный какими-то вспоротыми упаковками, и сильно оглушил. Сверху навалило разного мусора и сора...

Когда мальчишка, придя в себя, выбрался из оврага, то первое, что он понял, было: Чужие ушли. Все, кто остался жив.

Вторым было то, что Борьку и Олега они забрали с собой.

Витька пришел в неописуемый ужас от своего нечаянного предательства. Он вскинул голову к небу и закрыл лицо руками, скуля:

– Ребята... я не хотел... ребята... я случайно... ребята... вернитесь же...

Он – тут, Чужие ушли. А друзья – там, во вражеском корабле, в плену!!! И как теперь жить дальше?!

Почувствовав чье-то присутствие, он быстро опустил руки. И увидел, что к нему приближаются не меньше сотни – настоящая толпа! – Чужих. В основном это были джанеты, но не только. Они быстро и целеустремленно двигались к мальчишке.

Витька почти обрадовался тому, что сейчас неизбежно должно было случиться. Все справедливо. Он бросил друзей и теперь погибнет в бою после победы, как после победы попали в плен они. Нагнувшись, мальчишка схватил – вокруг валялись горы этого добра – не очень удобную, не под человеческие руки, винтовку... а когда распрямился, то почти выронил оружие себе на ноги.

Чужие остановились метрах в пятидесяти от него. Они бросали оружие – далеко в сторону. И кто-то кричал на довольно правильном русском:

– Человек, мы сдаемся! Человек, не стреляй! Человек, мы сдаемся! Человек, вы победили! Мы в плен, человек! Не убивай нас, человек! Мы сдаемся! Сдаемся! Сдаемся!

В первую секунду мальчишка не понял сказанного, словно говорили не на его родном языке. Во вторую – не поверил тому, что понял.

А потом – рассмеялся. Презрительным, негромким смехом. И, вскинув винтовку стволом на плечо, оглядел Чужих.

Они вторглись на планету, жители которой и в мыслях не держали с ними воевать. Они сожгли его, Витьку, родной поселок. Сколько они убили людей... И вот они стоят перед ним, Витькой, и они боятся его – Витьки. Потому что земляне победили.

И он не хочет в них стрелять. Слишком велико презрение.

– Марш вперед! – сказал он громко, но без срыва, скорей презрительно. Увесисто кинул винтовку стволом в ладонь, и множество взглядов проводило ее ствол со страхом.

И кивнул туда, куда надо было идти...

...Передовой гусарский дозор встретил мальчишку, гнавшего перед собой – покорным стадом – больше сотни вражеских солдат нескольких рас, через три часа.

Ни в какие отчеты этот случай не попал, так как был далеко не единичным.

* * *

Второй раз в жизни Борька не мог уснуть.

Но в первый раз он не спал перед боем, когда готовился защищать родной поселок. А сейчас... сейчас он был пленным. Пленным у проигравшего врага.

Впрочем, если честно, такие нюансы он не обдумывал. Он просто лежал на жестковатой обивке трюмного днища ничком и ощущал, как рукав куртки под лицом становится все сырее и сырее. Нет, он не плакал, еще чего! Но тоска – именно тоска, не страх и не еще что-то, а тоска – была такой сильной, что слезы просто вытекали сами собой. При мысли о том, какое расстояние сейчас между кораблем врага и его домом и с какой скоростью оно увеличивается, тоска делалась непреодолимой, а себя Борька ощущал совсем маленьким и беспомощным. Начинали болеть ушибы, ныла раненая рука, и мысли, лезшие непрошенно в голову, были не черными, а серыми и унылыми. Вспоминались родные, вспоминалась мама... и хотелось оказаться около нее, обнять и никогда в жизни больше не пытаться быть взрослым – это не получилось, иначе он не валялся бы тут... О будущем же Борька старался не думать вовсе. Оно представлялось даже не в сценах, а в цветах – точнее, как мокрое пятно того же серого цвета, стремительно втягивающее весь мир Борьки в себя. Со всеми его красками, надеждами, мечтами и вообще всем, что составляло жизнь нормального земного мальчишки... А Борька сейчас был не солдат и даже не пленный солдат, а напуганный, обиженный и страдающий мальчишка – обычный потерянный мальчишка, одинокий в огромном враждебном мире...

...Наверное, он все-таки уснул, потому что увидел это безнадежное серое пятно воочию и начал в него падать, но проснулся не от тошнотного чувства падения, а от того, что вокруг начались тихий шум и легкое движение. Но нервам Борьки этого оказалось достаточно. Он быстро крутнулся и сел рядом с Олегом.

Тот уже не спал – сидел, глядя в сторону входа. Люк был открыт, от него – свет, конечно, никто не погасил, с чего? – расталкивая и распахивая шэни, шли трое джаго. В форме, носившей быстро и небрежно зачищенные следы боя. Шли напрямик к земным мальчишкам.

Олег поднялся. Быстро сказал, обращаясь к шэни вокруг:

– Я очень прошу никого не вмешиваться. Бо... – Он посмотрел в сторону и увидел, что Борька тоже встал.

Рокотову стало опять тоскливо, но теперь еще и просто-напросто страшно. Джаго были явно злы. И были на полметра выше мальчишек. И у них было оружие. Как они вообще сюда попали, кто их пустил в трюм – это же сторкадский корабль?!

Но сидеть и ждать было нельзя. Борька выпустил наружу из-под куртки концы галстука. Неосознанно, машинально, сам не поняв, что сделал. И ближе придвинулся плечом к плечу Олега.

Джаго, шумно дыша, остановились в нескольких шагах. Причем Борька мог бы поклясться, что они не собирались останавливаться, а собирались подойти, и хорошо, если просто свернуть землянам шеи. Но... остановились. Как в стену уперлись. Он покосился на Олега – его фокусы, что ли? Не похоже... Олег был не напряжен, спокоен, только глаза сузились немного. Олег **ждал**.

И только теперь Борька понял, **почему** остановились джаго. И увидел, как они, постояв, стали перехрюкиваться и перескрипываться друг с другом. И смотрели на землян уже не в упор, а как-то скользя по ним взглядами, стараясь не встречаться глаза в глаза.

Потом раздался смех. Человеческий вполне, хотя смеялся – негромко, ясно, искренне – офицер-сторк, возникший в дверях. Он перешагнул через комингс, подошел (просто-напросто не замечая шэни, переступая через них, как через кочки, и не давая себе труда даже толкнуть) к стоящим друг против друга землянам и джаго, посмотрел на тех и других.

Джаго сделали вид, что заходили полюбоваться на пленных и посмеяться над ними. Они громко и презрительно загомонили, окидывая Олега и Борьку взглядами с ног до головы (но только не глаза в глаза), лениво повернулись и пошли к выходу, еще усердней пиная шэни и ругаясь на них.

Сторк остался. Он скрестил руки на груди, тоже осмотрел ребят. В его взгляде было холодноватое веселье. У Борьки отлегло от сердца, хотя сторк, пожалуй, был пострашнее этих трех дрессированных обезьян, сбежавших из цирка. Олег смотрел уже спокойно.

– Ле ооле тизт отэ дин, – сказал сторк и усмехнулся. – Оу ти’т слоувин.

Повернулся и ушел. Дверь за ним масляно клацнула, и Олег сел на пол. Борька опустился рядом.

– Что он сказал, ты не понял? – прошептал он, стараясь не обращать внимания на взгляды шэни – в них было не характерное для этой расы удивление.

– Почему, понял, – Олег выдохнул, потер руками лицо. – Сказал, что все будет в порядке и что мы пленные.

– Ничего себе «в порядке»! – вздохнул Борька, приваливаясь к стене рядом с Олегом.

Тот почему-то усмехнулся и ничего не стал объяснять.

Олег знал – а Борька не знал, – что в сторкадском пленного обычно называют словом «т’зэрв», на русский это ближе всего можно перевести как «раб». А словом «слоувин» называют именно **пленного**.

А это большая разница для сторков.

* * *

– Эти джаго из миссии просят у меня землян, – сторкадский офицер, неловко положив на столик руку в коробке пневмобандажа, поморщился. – Тех двоих мальчишек, которых привез кен ло Кин.

Его собеседник – тоже сторк, моложе, но совершенно неожиданно и почти нелепо для мужчин этой расы – в гражданской одежде – с интересом всмотрелся в офицера:

– Дают хорошую цену?

– Крайне хорошую, – пробормотал сторк, с явным трудом пошевеливая торчащими из коробки пальцами руки – очень белыми, с синеватыми ногтями. – Может быть, если бы не распоряжение, которое ты недавно привез, братишка...

– Распоряжение могло опоздать, – нейтральным тоном сказал собеседник офицера и пригасил зеленые огоньки глаз тонкими веками с длинными густыми ресницами.

Офицер вздохнул. Двинул плечами с тяжелыми пластинами погон. Буркнул:

– Мы еле унесли ноги с этой планеты. Я не взлетал, пока не забил все уголки в корабле нашими ранеными. Все это сделали с нами эти земляне, просто безумие какое-то... никогда бы не поверил в такую возможность... Что говорят наверху?

– Там молчат, – ответил, открывая глаза, младший. – Там думают, кому говорить первым, что кому сказать, а главное – на кого указать, чтобы наказать. В конце концов накажут кен ло Вэрдона.

Оба сторка невесело рассмеялись. Командующий сторкадским контингентом погиб во время стремительного налета диверсионной группы землян, ворвавшихся в его лагерь на двух десятках легких машин, утыканных оружием, как старинная игольница – иголками. Пуля из примитивной тяжелой винтовки вышибла командующему мозги...

– Так как с предложением джаго? – напомнил, посерьезнев, младший.

Ответ старшего прозвучал на старом языке – не столь утилитарном, как современный вариант сторкадского, и куда более пригодном для выражения эмоций. Безродные давно не помнили этого языка, но оба сторка были хорошего Рода, и младший усмехнулся.

Старший брат остался прежним. Джаго было предложено идти лесом на болото и там совокупиться в задний проход с корягой посвилеватей... и младший не сомневался, что такой же ответ они услышат в лицо.

9. Интерлюдия Йэнно Мьюри 205 год Галактической Эры

Закончив показ, Игорь погасил проектор и с интересом посмотрел на принца. Охэйо выглядел... задумчивым, в довольно сильной степени.

– Понравилось? – с волнением спросил мальчишка.

– История не очень веселая, но – да, – ответил Охэйо. – Понравилось. Теперь я понимаю, почему Альянс проиграл – победить противника, у которого КАЖДЫЙ думает о том, как одержать победу, а не просто «исполняет приказ», – невозможно. У вас было **будущее**, за которое стоит драться. У Чужих – нет. Они хотели, чтобы все оставалось по-прежнему, а за такое, знаешь, мало кто будет умирать или даже стараться победить всерьез. Знали бы вы, кстати, как они все испугались, когда поняли, что с вами вообще придется **ВОЕВАТЬ**, – до этого противники, которых нельзя было запугать, или купить, или просто растоптать, Четрем Расам не попадались. У нас есть записи их тогдашних дебатов, доставшиеся от мьюри, – это паника в сумасшедшем доме! А вот о том, что вы устроили эту диверсию, я не знал. Да и никто не знал, наверное. Поразительная история. Знаешь, у мьюри она довольно известна до сих пор – это повлияло на их политику в той войне очень и очень сильно... И все это сделали трое мальчишек! – принц хлопнул себя по бедрам и покачал головой.

– У вас такого не было? – спросил Игорь. – Вы же тоже воевали с джаго.

– Такого – нет. В этом отношении нам повезло – нервы у моих предков оказались из стали, и они смогли предотвратить вторжение с помощью угрозы, которую почти невозможно было бы исполнить. А к началу второго мы были уже готовы... Зато потом все оказалось совсем не так весело – если бы не мьюри, джаго бы нас просто растоптали. Мьюри бы нас тоже растоптали, но тут мы нашли общий язык с Аниу. До сих пор нам удавалось балансировать на лезвии ножа, но удовольствия нам это не доставило ни в малейшей степени, нельзя вечно бегать туда-сюда по канату над пропастью, рано или поздно дунет ветерок – и... – принц показал ладонью стремительное падение. – Вам повезло больше – вы уже с самого начала были сильны, вам не пришлось лавировать между превосходящими силами. Вот что ты можешь показать мне, как вы, земляне, одержали первые победы в этой войне – победы в космосе, которые предопределили, в конечном счете, ее исход?

– Да, конечно, – ответил Игорь.

Об исторической битве у Спики на Земле знали даже малыши. Ее героями гордились, павших в ней помнили, хотя в той войне позже были сражения и помасштабней. Тут никаких сложностей быть не могло. Смешно, но Чужих почему-то всегда интересовали битвы космических флотов – даже тех, кто относился к землянам искренне дружелюбно. Чем-то они походили в этом на детей, и принц вовсе не составлял исключения.

– Только давай завтра, а? У меня и без того дел хватает.

Охэйо усмехнулся:

– Да, конечно. Надеюсь, ты не будешь против, если я вас провожу?..

* * *

Вернувшись в посольство, мальчишка с облегчением перевел дух. Вроде бы ничего не делал – сидел у проектора да давал пояснения, – а устал, как обычно устают от безделья. Ну и от волнения, конечно, – Охэйо ему нравился, и разочаровываться в нем очень не хотелось.

Впрочем, все эти мысли почти сразу вылетели у него из головы, едва его обступили товарищи. Его наперебой засыпали вопросами и рассказами о том, как они провели этот день в странном обществе Йэнно Мьюри. На миг мальчишка ощутил разочарование – его друзья отрывались вовсю, находили новых друзей, били морды мерзавцам, одним своим видом, а также словом и делом опровергали так популярные здесь ядовитые – или просто нелепые – бредни насчет землян. А он чуть ли не лектором работает. Но, как оказалось, завидовали и ему – познакомиться с принцем ни у кого больше не получилось, – и, выяснив это, мальчишки рассмеялись. Все они делали общее дело, а как – в общем-то, не очень важно. За ужином кто-то из лицеистов включил экран, и Игорь снова окунулся в вывернутую жизнь

здешнего странного мира. Правда, в новостях за последнее время скандалы из жизни бомонда и какие-то нелепые рассказы о диких вещах отошли на задний план очень и очень резко. Вот и сейчас – начало было похоже на сводки боевых действий...

Неожиданная находка на конвое работорговцев

Сегодня дальний патруль Федерального Флота объявил о победе над конвоем работорговцев на границе с Джагганом. Хотя само по себе это событие всего лишь повод для праздника в клубах Флота, этот конвой имел неожиданный груз – почти две дюжины уцелевших в неудачном паломничестве.

Выжившие все еще находятся в компетенции Флота и недоступны для опросов СМИ. Им предоставляются медицинская и психологическая оценки и лечение. Представители Флота заявляют, что они предоставят проезд ближайшим родственникам в местоположение выживших.

О двадцати двух выживших известно только, что все они девушки и были захвачены пиратами-бродягами для продажи независимым работорговцам.

Эксперты по работорговле предполагают, что из всех захваченных паломников выжили только «пригодные к продаже», здоровые и половозрелые. Те же эксперты предполагают, что в зависимости от предпочтений группы пиратов, нашедших паломников, остальные заключенные были оставлены в обломках кораблей или «гуманно умерщвлены».

Представители семей паломников отказались от комментариев текущей ситуации.

Фабрика боеприпасов уничтожена взрывом; погибло более сотни рабочих

Взрыв потряс один из крупнейших комплексов по производству вооружений на Йэнно Мьюри, уничтожив при этом одну из фабрик и сильно повредив другую. Уничтоженная фабрика производила боеприпасы из обедненного урана для тяжелых орудий, которыми оснащаются корабли класса «линкор»; поврежденный завод производил стрелковое оружие. По предварительным оценкам, около 100 рабочих были убиты либо пропали без вести. Следователи считают, что это был не инцидент, но акт саботажа – на это указывает характер повреждений.

Находящийся под управлением мегакорпорации «Найравана» оружейный комплекс производит оружие и боеприпасы как для Федерального Флота, так и для собственных сил безопасности корпорации. Совсем недавно она отказалась поставлять оружие «Нихель Корп», что наводит некоторых аналитиков на мысль о саботаже со стороны агрессивно настроенных покупателей.

Но представители «Нихель» яростно отвергли подобные догадки, сообщив, что они «просто оскорбительны». Один из представителей корпорации (пожелавший остаться анонимным) сообщил, что «любого, выдвигающего эти беспочвенные обвинения, корпорация призовет к ответу». Представители «Найраваны» не выступили с комментариями, однако уже через несколько часов после катастрофы вокруг основных ее объектов были сконцентрированы большие военные и полицейские силы.

Следователи пока отказываются сообщать о ходе расследования. Единственным комментарием пока является то, что наиболее вероятная причина взрыва – саботаж. В данный момент многочисленные офицеры полиции и армии опрашивают выживших и собирают вещественные свидетельства. Также на месте трагедии все еще ведутся поиски выживших, но шансы найти кого-то живым невысоки. Больницы, находящиеся в районе взрыва, сообщают о тысячах раненых, и в помощь им из всех соседних больниц доставляются медикаменты и медицинское оборудование.

– Кто-то пытается столкнуть корпорации лбами, как пить дать, – сказал Андрюшка Ворожеев. – А там и до гражданской войны недалеко.

– Сами они сталкиваются, – ответил Игорь немного брезгливо. – Читал ведь: конкурентная борьба. То, что корпорации стали настоящими государствами в государстве, – это пресловутое ружье на сцене, которое рано или поздно должно выстрелить. Если бы не надкорпоративное руководство и надзор в лице того же Бизнес-трибунала, а также объединяющая общество идея внешней угрозы в лице сторков, Федерация давно бы сгорела в гражданской войне. Корпорации передрались бы из-за рынков и ресурсов. Учитывая, что с Аниу долгий относительный мир и серьезные торговые отношения, их образ, как врага, медленно и постепенно размывается. Ощущение внешней безопасности расслабляет. Имуществу уже не угрожает злой дядя из-за границы, ему угрожает злой дядя-конкурент. Все слабее роль и ответственность надкорпоративных структур в деле сохранения государства. По большому счету, свое право на существование Федерация может начать доказывать только сейчас. Консолидировать государство и общество на основе внешней угрозы просто. Сложнее это делать тогда, когда четкого и явного врага нет... – Он кашлянул и подумал смущенно, что уж теперь точно говорит, как лектор.

– Если сторкам нужна смерть Федерации, им надо быть тише воды и ниже травы, – заметил Яромир. – Надо дать корпорациям войти во вкус силовой конкурентной борьбы и тихонько копать вокруг надкорпоративных структур в поисках разного рода компромата. Если удачно подобрать момент и раздуть масштабный коррупционный скандал вокруг, например, Бизнес-трибунала, во внутренней политике мьюри начнется настоящее веселье. Вопрос в том, а надо ли сторкам, чтобы у них под боком было нестабильное черт знает что с пальбой, трупами, беженцами и прочей сопутствующей ерундой? Маловероятно. Зато мьюри сейчас выгодно обвинить сторков во всех смертных грехах – ради попытки вернуть и усилить идею внешнего врага.

– Раскачать ситуацию в Йэнно Мьюри не выйдет, по-моему... – возразил Тиудир. – По банальнейшей причине. Патриотизм у мьюри – это не просто красивое слово, это повсеместное явление. Даже для главы мегакорпорации Федерация будет важнее его собственной корпорации. Любой конфликт корпораций как разгорится, так же и утихнет... все это так, искорки... и пороховой бочки, что б все это взорвать, нету. Я читал, что раньше такие конфликты не раз уже разгорались. Во время войны с Аниу мьюри чуть планету не спалили. И ничего, все утихло... Был и другой конфликт, когда партия имперцев попыталась подорвать авторитет власти корпораций в целом... так их там так задавили, мама, не горюй...

– В галактической истории не было еще ни одного общества, которое вечно сохраняло бы «приверженность демократии», – заявил Игорь. – Нет никаких оснований полагать, что мьюри вдруг станут исключением из общего правила.

– Диссидентов просто пнут на фиг, ДАЖЕ если диссидентом окажется директор мегакорпорации, – возразил Тиудир. – Неймур не Император в конце концов, и даже далеко не диктатор.

– Речь не о диссидентстве, – ответил Игорь. – Мьюри привыкли считать, что не совершают ничего ужасного, делая друг другу гадости. Вот, казалось бы, шалость – устроить саботаж. Какой вред государству? Да, в общем, никакого, ведь всегда найдется конкурент, который заменит на рынке пострадавшего. Ну да, нарушены какие-то правила, законы... Но мьюри сыты, государству по-прежнему идут налоги, просто немного изменились позиции на рынке. Ничего страшного вроде бы... Но! Прецедент. Кто-то потом следует их примеру. И еще, и еще... А это уже девальвация моральных ценностей. Нормой стал саботаж, потом стали нормой убийства важных служащих. А что потом – откровенные военные действия между корпорациями? Выживет ли Федерация – зависит сейчас только от того, найдется ли в правительстве достаточно решительных людей, чтобы задавить в зародыше эти корпоративные войны, или их самих сожрут тайные и явные сторонники новых правил игры. Ситуация с распадом морали у мьюри дошла до ручки – вроде бы никто не хочет смерти государству и не выступает против него, просто на каком-то этапе развития общества большинство мьюри признало нерыночные методы конкурентной борьбы приемлемыми.

– Так давно уже у мьюри, уж поверьте мне, – возразил Яромир. – Я с самого начала этим тут занимаюсь... Раньше о диверсиях так часто не сообщалось в новостях, но подобное уже не раз и не два было. Для Йэнно Мьюри, как государства, это комариные укусы... или даже, наверное, правильнее – пчелиные. Ибо для здорового организма пчелиный яд лишь на пользу... хоть и болезнен... Значит, органам власти удастся пока контролировать эти процессы. Значит, большинству корпораций на данный момент выгодны нынешние правила игры. Что будет завтра, сказать сложно. Все может быть тихо, спокойно. А может, достаточно будет снежинки, чтобы сошла лавина. Определенно можно сказать одно – не существует статичных обществ, все они меняются со временем, особенно это касается неизолированных обществ, контактирующих с какими-то соседями. На нас посмотрите – мы гордимся приверженностью традициям, а ведь человек из времен Галактической, чего доброго, решил бы, что мы в анархизм скатились! То же самое ждет и мьюри. Перемены.

– Да, нынешние правила игры мьюри выгоднее... были, есть и будут, – подтвердил Тиудир. – Верхушки мегакорпораций прекрасно понимают, что им нужны даже их же конкуренты в составе того же государства. Ибо иначе будет куда сложнее...

– Уж слишком громко мьюри кричат о том, что «у нас все хорошо, это нам тока на пользу» и о патриотизме, – возразил Игорь. – Похоже, что пытаются убедить в этом сами себя. У представителей других рас я подобных подхлестов морали не наблюдаю.

– Не забывайте, что многим мегакорпорациям уже не один век, и тем не менее они сосуществуют вместе, – добавил Тиудир.

– Раз уж на то пошло, спешу напомнить, что корпы неоднократно сжирали своих же, – сказал Яромир. – Вспомните, что до того, как часть живших в симбиозе корпораций была сожрана другой частью в начале гражданской войны, они тоже сосуществовали вместе значительный промежуток времени. Кроме того, не соглашусь с тем, что мьюри от этого становились сильнее. Ни в коем разе. В лучшем случае поддерживали свою мощь на одном уровне: улучшая военную составляющую, они точно так же проигрывали в социальной. Если пойти так еще дальше, то мьюри, в итоге, плохо кончат.

– А никто и не пророчит долгую жизнь Федерации... – вступил в спор Мирослав. – Тока вот, к примеру, Джаггану куда вероятнее распасться нынче, да и Дайрону, в общем-то, тоже...

Распахнулась дверь, в комнату ворвался Святослав.

– Ну, выяснили, кто наших хозяев по миру пускает?!

– Сторки, кто ж еще, – ответил Антон. – Только не по миру пускают, а пытаются устраивать экономические диверсии.

– Товарищи дворяне, увлекаемся... – подвел итог Игорь. – Все проще. У мьюри – наемная армия и переизбыток народу, который кроме шопинга уже ничего не умеет и в поисках новых аЩуЩений ударяется в извращения. У них нет Императора, зато есть уйма народу, желающего смены порядков. У них – биржевой крах, межкорпоративные разборки и «внезапные озОрения» местной демшизы по поводу «ужасТных условий» труда... – Игорь выдержал паузу и выдал победно: – Стоит ли нам их бояться? Люди! Мы ВЫИГРАЛИ то, зачем прилетали на Ярмарку, вы хоть понимаете?!

В ответ, после краткой изумленной тишины, посыпались одобрительные возгласы. К сожалению, поучаствовать в общем веселье Игорю не довелось.

– Сурядов! – окликнул его возникший на браслете дежурный офицер. – Иди-ка вниз, радость наша, тебя там посетитель дожидается...

...Кто его «дожидается» – Игорь даже не понял, а почувствовал еще на лестнице. И хотел, конечно, спуститься с большим достоинством, подать руку, поклониться... но вместо этого ноги его понесли через ступеньки, через последние пять он перепрыгнул одним махом и почти врезался в Лину. Но вместо того, чтобы извиняться или кланяться, он взял ойкнувшую девушку за запястья и улыбнулся. Не широко, а скорее застенчиво.

Лина вздохнула. Улыбнулась – мудро, странно. Потом освободила руки осторожным, плавным движением.

Но лишь затем, чтобы положить свои пальцы на растерянно замершие в воздухе ладони мальчика.

* * *

Третий визит к принцу начался уже привычно – короткой поездкой в челноке, рядом с серьезными взрослыми из миссии. Впрочем, теперь Игорь не завидовал им – он делал не менее, а может, и более серьезное дело...

В этот раз Охэйо их не встретил, и придворные проводили мальчишку с Андреем Даниловичем в гостиную, но Игорь не обиделся – у наследного принца и других забот хватает. Тем более что встретил он землян с заметным нетерпением.

В этот раз мальчишка выбрал старый, но до сих пор невероятно популярный сериал «На палубах слушать!» – на документальной основе, как и прошлые, о мальчишке, ставшем юнгой Флота. Ему самому этот сериал очень нравился, и Игорь не сомневался, что понравится и принцу.

10. Руины

Первый год Галактической войны

Дождь падал сверху все эти дни.

Если бы не дождь, мальчик, лежавший в развалинах дома рядом со своей мертвой собакой, умер бы на пятый или шестой день. Но дождь шел и шел – мелкий, тихий, теплый, почти горячий, пахнувший пластмассой. Поэтому мальчик прожил неделю... и вторую... и третью.

Все это время он не мог двигаться.

По дурной случайности взорвавшаяся рядом с домом ракета, убившая мать мальчика, грудного братишку, двух семилетних сестер-близняшек, собаку и кошку, его самого не задела. Взрыв вышвырнул его в открытое окно, а потом сверху упала стена дома с этим самым окном. Придавив его распятым – так, что нельзя было пошевелиться...

Мальчик смотрел в форточку – если бы кто-то увидел это сверху, он бы поразился тому, как странно выглядит брошенный среди руин жуткий портрет – рама в виде окна и белое, распухшее от ударов дождевых капель лицо ребенка, – и думал, что дождь его растворяет. Боли, которая нестерпимо терзала его первую неделю, он не ощущал. Сперва ушел голод, потом – боль. Запахи ушли еще раньше, хотя он **понимал**, что воздух насыщен гарью и тяжелой вонью разложения...

...Когда он очнулся, то стал ждать спасателей. Позвал маму, сестер – окликал, боясь, что с ними что-то случилось. Потом нашарил пальцами рядом с собой теплую шерсть – это был Бобик. Убитый. Поняв, что пес убит, мальчишка стиснул зубы. Чужих, которые атаковали Сапфир, он готов был разорвать голыми руками. За собаку.

Что погибли родные, что вообще в радиусе пятидесяти километров после ракетного удара сторков с орбиты остался жив только он один, мальчик не мог себе представить и поверить в это.

Тогда слова «Родина», «гордость» для него многое значили. Он терпел и ждал, только иногда окликал маму.

Ночью ему стало страшно. Тело онемело, а в развалинах не было слышно ни единого звука. Он гладил кончиками пальцев шерсть мертвого пса и думал об отце и старшем брате, которые пропали без вести год назад, в самом начале войны. Потом уснул и проснулся от ломоты в суставах. Пошевелиться хотелось так, что сквозь зубы протиснулся слабый крик – мальчик подавил его...

...Потом он много кричал. Начал кричать не сразу, он был гордым и сильным мальчишкой. И даже когда пришлось ходить под себя – он убеждал себя, что это вынужденно, так бывает и с солдатами. Но шло время (несколько суток прошло), и он начал

кричать. И просто так, и плакал, и звал хоть кого-нибудь на помощь. Понадобилось еще время, чтобы понять – **никого не осталось** . Только он...

...Впервые он заплакал на шестой день, когда не смог больше терпеть ударов капель по лицу. Он плакал и кричал, чтобы перестали его поливать водой. Потом испугался, что сходит с ума. Тогда он еще этого боялся...

...Уже больше недели он молчал. Он ослаб и ничего не хотел уже, ни во что не верил и почти ни о чем не думал. Сначала он заставлял себя читать стихи, решать задачки по математике, просто-напросто мечтать о чем-то. Но в конце концов и это не смог делать. Сперва он еще вяло испугался этого понимания, а потом подумал – **а зачем? Зачем все вообще ?**

Оставалось лежать, ждать и глотать теплую воду, настоящую на пластмассе.

Мальчик не помнил, как его зовут (его звали Тошка, Антон). Не помнил, сколько ему лет (ему было двенадцать).

Ничего не знал и не помнил.

Это не имело значения.

* * *

– Живых тут нет.

Высокий угрюмый мужчина в форме старшины Флота соскочил с обломка стены и щелкнул выключателем пеленгатора.

– Гонять шаттл, чтобы увидеть это... – буркнул он и сплюнул. – Местные что, не могли обследовать?

– Не ворчите, – вздохнул, подходя от небольшой машины – простенького багги, – офицер, молодой и усталый. – Тут редкое население, соседи поселка за несколько сот километров... Им добираться трудней, чем нам с орбиты.

Голоса обоих были достаточно спокойными, хотя они находились фактически посреди кладбища. Может быть, потому они и говорили спокойно, чтобы не сорваться. Их группа уходила к шаттлу последней, потому что лейтенант еще не привык к такому и заставлял своих людей снова и снова обшаривать сектор. Они не возражали – по большому счету, кто из них привык к зрелищу убитых? Не погибших, а именно убитых? Убитых гражданских, детей и женщин? К зрелищу разрушенных не стихией, а злой разумной волей домов? Но у всего бывает предел. Было ясно, что в руинах поселка нет никого живого.

– Зачем они сделали это?.. – бормотал офицер, еще раз – сам не понимая, к чему – карабкаясь на грудку мусора справа. – Сельхозкоммуна... я сам в такой рос. Что тут, ракеты производили, что ли? Жили люди, хорошо жили, растили хлеб, скот, детей... Праздновали, свадьбы играли... Ну зачем?!

– Зачем они вообще на нас напали-то... – Старшина уже вставал на подножку багги, когда услышал крик офицера.

Это был крик ужаса, но земляне наяву так не кричат, так кричат только во сне, когда не контролируют себя.

В три прыжка старшина, выхватывая пистолет, взлетел на курган, когда-то бывший домом, – туда, где сидел, вытянув вперед руку, лейтенант. Он был похож на испуганного мальчишку, и рука, и губы тряслись.

– Там... – выдохнул он. – Там...

Старшина посмотрел себе под ноги и чуть вперед – туда, куда указывала рука офицера. И обмер.

Из какой-то дикой рамы на него глядело детское лицо.

Живое...

...Когда они, спеша и отталкивая друг друга, откопали, вытянули мальчишку из-под развалин, поддомкратив вручную кусок стены, то ужаснулись еще больше. Смотреть на мальчишку – грязный скелет, обтянутый кожей, противоестественные гигантские серые с

золотом глаза на дико одутловатом, белесом и гладком лице, в которых не было и проблеска мысли – было невыносимо. Старшина зарыдал – тяжело, проталкивая всхлипы, как корявые куски разорванной стали через узкую дыру. Лейтенант пытался задавать мальчику какие-то вопросы, но их смысл тонул в этом сером с золотом безумии глаз, в их пустоте. И когда офицер положил ребенка на одеяло, расстеленное на сиденье багги, и достал шприц-пистолет, то замер в ступоре, не видя, куда можно приложить присоску – кожа облегала кости, как тонкая перчатка руку. Поверить в то, что мальчик жив, было невозможно.

Но мальчик был жив. Он дышал. И было видно, как под кожей на груди за ребрами бьется сердце.

* * *

– Семнадцать килограммов, – сказал врач. – Он весит семнадцать килограммов. А должен не меньше пятидесяти. Семнадцать килограммов – и живой.

Капитан осунулся и побелел – космический загар отхлынул с его лица, как темная вода. В лазарете линкора – точнее, в кабинете главного врача – они сидели вдвоем, хотя коридор был забит людьми, не уходившими оттуда с момента, когда спасенного внесли в лазарет.

– Сколько он голодал? – хрипло спросил капитан.

Врач пожал плечами против всей субординации:

– Я не знаю. Недели три. Может, даже месяц... Атрофия конечностей, пролежни, паралич... Мозг почти не работает, фактически только безусловные рефлексy остались. Конечно, все это можно вылечить... я имею в виду его тело. Мозг – не знаю. Но приложу все усилия.

– Кто он? – капитану было легче говорить отрывисто.

– Ничего не обнаружили. Разгрести завалы, конечно, тогда... но чем? Послали же искать живых... Проверим по банкам ДНК. Может быть, найдем отца или братьев, если они воюют... остальные погибли в доме. Это точно. Позже можно будет обратиться к генерал-губернатору планеты, когда у них дойдут руки до раскопок... Денис Ярославович, если можно, уберите этот митинг из коридора. Ни кровь, ни костный мозг, ни руки-ноги не нужны, а волногенный контакт невозможен, они же не родственники ему. Но я все-таки дворянин... – врач чуть свел брови. – И я сделаю, что смогу.

– Мы с вами... – капитан встал и сделался выше и прямей, чем был, – и без того высокий и прямой.

Именем Огня, брат. Помни.

Во имя Огня, брат... —

поднялся и врач.

И – уже вслух – добавил:

– Я помню.

* * *

Помещение было чужим. Оно напоминало космические корабли, как в кино или в журналах. И в то же время было похоже на привычный поселковый фельдшпункт. Он в больнице? Что случилось? Что могло-то случиться – они собирались ехать с...

...Воспоминание вонзилось в мозг, как раскаленная игла: всего на миг, но со страшной болью. Мальчик не мог застонать – он был слишком слаб для этого, – но приборы чутко показали изменение его состояния, и лицо, возникшее над ним на фоне белого потолка, было участливым и добрым, хотя, пожалуй, и мало приспособленным к этому.

– Очнулся, – сказал человек... врач? – Хорошо. Молодчина. Имя свое помнишь, можешь назвать?

– Меня зовут Антон, – пошевелились губы. – Где я?

– На линкоре «Белая Русь», – сказал врач негромко.

– Я жив?
– Ты жив.
– Хорошо, – мальчик удовлетворенно захлопнул ресницы и вздохнул, засыпая по-настоящему.

Он спал и не знал о празднике, спонтанно воцарившемся по всему кораблю...

...Капитан первого ранга Денис Ярославович Белобородов, капитан линкора, не был первым, кто навестил Антона. Но остальным разрешали задержаться на полминуты-минуту и толком ничего не позволяли сказать – говорить много Антону вообще запретил врач линкора, хотя рядом постоянно находился кто-то из санитаров. Так что визит капитана мог считаться первым настоящим визитом.

Больше всего Белобородову хотелось сказать, что мальчик наконец-то стал похож на человека. По крайней мере, смотреть на него было уже не страшно. Даже руку с ложкой он не поддерживал второй рукой, как еще недавно, когда закатил небольшой скандал, не желая, чтобы его и дальше кормили с ложечки. Но до нормального двенадцатилетнего мальчишки ему было еще «пилить и пилить», как выражались в капитанском детстве. Да и сейчас – насколько капитан мог судить по своим младшим, одиннадцатилетним близняшкам. Белобородов подумал о них и вдруг испугался – непривычно испугался, до испарины, – примерив на них, на Ромку с Руськой, судьбу этого мальчика: огонь с неба... рушащийся дом... смерть... Капитану понадобилось усилие, чтобы остаться внешне спокойным. Но для себя он сделал заметочку: **Чужим нельзя дать сделать ни шагу дальше**. Нельзя.

Как и большинство военных, в белом халате и в обстановке лазарета Белобородов выглядел нелепо и ощущал себя скованно. Чуть не опрокинул стул, сердито на него оглянувшись, как на живое существо, стукнул по активатору креплений, пошатал прилипший к палубе стул и сел. Поправил халат. Как и все командиры линкоров, Белобородов носил усы с баками – вживе Антон такого у людей еще не видел и смотрел с неожиданным интересом. И вообще ему на секунду показалось, что это какой-то спектакль – капитан очень походил на героя приключенческой книги. Странно, но это успокоило мальчика.

– Как ты себя чувствуешь, Антон? – капитан спросил это казенными словами, но за ними было настоящее чувство.

Антон поправил на откидном столике салфетку, отодвинул столик на шарнире, кивнул:

– Хорошо... Папу не нашли?

– Нет пока, – вздохнул капитан. – Запросы разосланы, но сам понимаешь – война.

– Не понимаю, – вдруг сказал мальчик и сел прямее, глядя на офицера и дворянина требовательно и упрямо. – Я не понимаю, за что на нас напали. Не понимаю, почему вы нас не защитили. Если можете, то объясните. Хотя бы буду знать.

– Напали – потому, что им не нравится то, как мы себя ведем, во что верим... и то, что не утираемся, когда в нас плюют, да еще и в других плевать не даем, – ровно ответил Белобородов. – Понял?

Мальчик коротко кивнул.

– А что мы не сумели вас защитить... – Капитан на миг опустил глаза, но тут же снова посмотрел в лицо мальчику. – Это наша вина. Лично моя вина. Тебе стало легче?

Мальчишка резко отвернулся к стене. Его спина вздрогнула, голос был глухим и беспощадным:

– Я трус. Я орал и плакал. И вообще. Если об этом узнают, меня будут презирать.

– Некому узнавать. Из всего поселка уцелел только ты.

Мальчишка обернулся и снова сел прямо. Его тут же повело, он стукнулся затылком в обивку переборки, на миг прижмурился от слабости, но тут же вновь открыл мокрые глаза.

– Один?! – В голосе его были ужас и недоверие.

Капитан смотрел на него печально и спокойно, и Антон опустил голову.

– Значит, это правда... Мне не приснилось... Я думал, что хоть это сон... – Его лицо стало угрюмым и серьезным. А глаза... капитан подобрался. Такие глаза у мальчишки сулили неприятности... кому? – Хорошо, – с поразительным холодным самообладанием

продолжал между тем Антон. – Тогда еще... Я бы хотел просить вас... Если это возможно... Я хочу остаться на вашем корабле. Не как гость. У вас же есть юнги?

Юнги на линкоре, конечно, были. Но четырнадцатилетние мальчишки, выбравшие Флот еще лет в восемь-девять, постоянно и упорно занимавшиеся на станциях юных звездоплавателей при обычных школах, вдобавок – отучившиеся по два последних года, с двенадцати до четырнадцати, во флотских школах специалистов и стажировавшиеся на кораблях – это не двенадцатилетний мальчик из сельскохозяйственной колонии. Даже если у него вся комната была обвешана снимками космических кораблей и он мечтал стать космонавтом.

Так подумал Белобородов. И еще подумал, что людям с **такими** глазами не отказывают. Это глупо. Просто глупо – такой человек все равно найдет путь к своей мечте... нет, не к мечте – к **месту**. И что у детей таких глаз быть не должно. А раз есть...

– Через три дня тебя выпишут. – Капитан поднялся со стула, одернул халат, как мундир, снова недовольно покосился на себя же. – Тогда мы и поговорим об этом. Поправляйся до конца, Антон.

– Угу... – Мальчик кивнул. Проводил глазами вышедшего офицера, посидел. Потом начал медленно клониться – лицом в свои коленки под простыней. Уткнулся в них, сжал голову ладонями и застыл, шепча еле слышно: – Бобик, Бобик... Бобик...

Звать маму, сестричек и братика, точно зная, **что** с ними, было слишком страшно.

11. Юнга

Первый год Галактической войны

Линкор «Белая Русь» был обычным линкором типа «Русский Щит»¹⁰ – еще довоенной постройки, русский проект. Их было сделано двадцать штук, и сейчас новые не строились – их заменили на стапелях линкоры совместного проекта «Память Китежа». Но множество «Русских Щитов» еще служили уже в объединенных ВКС.

Экипаж из ста восьмидесяти пяти человек (в том числе двадцати девяти офицеров) обслуживал корабль длиной двести восемьдесят семь метров и массой два с половиной миллиона тонн. Линкор был надежно бронирован: орудийные башни главного калибра прикрывала метровой толщины броня из сверхпрочных полимерных композитов, сверхжаростойкой керамики и древней, но надежной броневой стали. Корпусная броня была куда тоньше – двадцать сантиметров, не считая, конечно, участков, прикрывавших реакторы и боевые рубки. Корабль снабдили генератором дефлекторных щитов «Доспех-5М». Его энергосистема обеспечивалась двумя термоядерными реакторами «Топаз-6М», двумя же аварийными реакторами БРМ-450 мощностью 450 МВт и термоядерным реактором «Топаз-4М2» для генератора щитов. Два основных прыжковых двигателя «Квант-200» и аварийный прыжковый двигатель ГП-60 были сердцем корабля. Их дополняли четыре флаинг-мотора «Поток-25», два реверс-мотора «Поток-35М» и 25 маневровых двигателей ТР-156. Корабль развивал ускорение в космосе до 12 g и при необходимости мог даже входить в атмосферу, но лишь с целью торможения – для посадок он не предназначался, слишком уж был велик.

Огневую мощь линкора составляли восемь спаренных двухсоттрехмиллиметровых башенных орудий «Заря-203», десять счетверенных стомиллиметровых башенных орудий «Заря-250», сто «револьверов» для ракет РС-350М с общим боеготовым комплектом в триста ракет, сорок счетверенных зенитных установок-пятидесятисемимиллиметровок «Ока-57» – и все орудия линкора были уже не пороховые, а рельсовые, они выбрасывали снаряды со скоростью десятков километров в секунду. Антон и раньше знал почти все об этих кораблях (какой земной мальчишка не собрал к четырнадцати годам кучу не всегда понятной, но завораживающей информации об оружии?!), но его реальное знакомство с боевой

¹⁰ Авторы благодарят Бориса Оленина (frederik72@yandex.ru) за нижеприведенные ТТХ.

космической техникой ограничивалось экскурсией на орбитальный терминал, да – еще на Земле, до переселения! – на корвет.

Линкор оказался царством отсеков, разделенных (езде, кроме грузовых трюмов) узкими проходами, в которые экипаж проскакивал с поразительной быстротой и легкостью. Внутри владычествовали натуропластики – твердые, пористые, мягкие, гибкие, клейкие, светящиеся... Объединяло их только то, что все они были негорючими и приятными для глаз в жилых помещениях, нейтральными в грузовых, напряженно-резкими – в боевых палубах и постах – постарались психодизайнеры.

Антону досталась отдельная каюта Ю-4 – точнее, каютка, три метра на два и высотой два метра. Но все-таки это был отдельный мир, замкнутый и надежный. При постройке космофлота еще до начала Экспансии стали учитывать, что человеку психологически крайне необходима «своя территория», и от прошлого опыта больших казарм отошли – по крайней мере, в отношении экипажей космофлота. У каждого появилось место, куда можно прийти и закрыть за собой дверь. Кроме того, большое количество отдельных герметичных помещений с броневыми переборками кардинально повышало живучесть корабля. Ну а если кому-то хочется общения – тоже вещь необходимая, – есть большие кают-компании.

Напротив двери, над которой выпятился спикер-шкафчик, даже шкаф – от пола до потолка. Слева от него откидная кровать. Над нею – портрет Его Величества. Справа – откидные стол и стул. Над ними – простенький пейзаж с дубом и кусочком луга, через который идет дорога. Справа от двери – откидной умывальник с зеркалом из полированного металла, слева в крохотной выгородке за жесткой пластиковой шторкой – унитаз и душ. Крупно и грозно было предупреждено о лимите воды во время походов, но тут же кто-то – уже явно неофициально и не для Антона, а для обитателей кают класса Ю вообще – написал по трафарету:

**ЮНГА!
НЕ БУДЬ СВИНЬЕЙ!
ПРИНИМАЙ ДУШ ДВАЖДЫ В ДЕНЬ!
ЭТО СБЕРЕЖЕТ
ОБОНЯНИЕ ЭКИПАЖА,
НЕРВЫ КАПИТАНА И ВРАЧА,
А ГЛАВНОЕ —
ТВОЙ БЕСЦЕННЫЙ ЗАТЫЛОК!**

Антон невольно улыбнулся, садясь на откинутую кровать. Но почти тут же ему стало так тоскливо, что мальчик стиснул зубы, закрыл глаза и откинулся этим самым затылком в переборку. Каюта сделалась ему противна, захотелось домой, так захотелось, что мальчик выцедил сквозь зубы короткий стон. Потом резко открыл глаза и сказал решительно:

– Уймись, у тебя нет дома.

И, произнеся эти страшные слова, с облегчением ощутил, что они – **неправда**.

Дом **был**. Он лежал в развалинах, но **он был**. Туда надо было вернуться, чтобы его отстроить, чтобы похоронить – хотя бы символически – останки семьи. Любое другое решение будет предательством. Но чтобы вернуться – надо победить. Чтобы снова обрести дом – надо разбить врага. Иначе кем возвращаться? Прячущимся беглецом? Рабом Чужих? Ну, нет.

Все стало ясно и просто.

Мальчик решительно поднялся, подошел (ха, шаг сделал!) к шкафу и распахнул его.

Внутри оказалась кое-какая аппаратура, рабочая и развлекательная, безликие «личные вещи» и форма. Парадная, повседневная, выходная... И скафандр – настоящий полностью снаряженный «Рысь». Все точно под размер, это было видно на глаз... и даже уже с нашивками, на которых были его данные (Антон потер машинально подмышку, где навечно разместилась татуировка с теми же данными). На полочке лежал Устав, на нем – листок со строгим: «Читать даже во сне!» Рядом – коробка, тоже с надписью: «Нашему найденышу!», в

которой обнаружили деньги, несколько шоколадок, пара книжек (Антон удивленно засмеялся – кто-то или пошутил, или до такой степени не знал подростков; одна из книг оказалась совершенно детской «Бегом за тенью», читанной, кстати, Антоном в бытность мелким) и несколько разных дисков для стоявшего тут же плеера. Один из дисков был официальным изданием и назывался «Экскурсия по линкору типа «Русский Щит»». Еще имелись список должностей нового юнга в разных обстоятельствах – ого! – и распорядок «дня» и «ночи» линкора – тоже «ого». Не менее «ого» было расписание школьных занятий – Антон приуныл. Занятия были по электронному самоучителю, но в конце каждой пяти дней было ясно написано: «КАПИТАНСКАЯ ПРОВЕРКА!»

А еще – тут же лежал пионерский галстук.

Его, Антона, галстук.

Он бы узнал **свой** галстук из тысячи.

Мальчик застыл. Неверяще протянул руку к ткани, смял, сжал. Под галстуком обнаружилось фото – фото семьи. Кто-то нашел в развалинах этот снимок, добрался-таки до комнаты Антона и нашел – и фото, и галстук. Взял то, что показалось самым ценным для умирающего от истощения мальчика. И не ошибся.

А рядом со снимком под галстуком лежала коричневая кобура со стандартной «гюрзой». Старым, надежным и очень мощным пистолетом, который использовался во всех родах войск Русской Армии.

Антон откинул незастегнутый клапан и вытащил тяжелый серебристый (не матово-вороненый, как у «наземников») пистолет. Взвесил его в руке.

Он понимал, что это смешно и глупо. Едва ли ему, хоть окажись он завтра в бою и не вылезай из него целый год, придется хоть раз выстрелить из пистолета – не та война, не те враги, не то оружие... Но пистолет... пистолет был как бы символом. Как бы тем же галстуком. Повязав ему на шею галстук, Империя сказала: **теперь ты пионер, теперь ты часть моего будущего**. Дав пистолет – сказала: **теперь ты моя защита, Антон**.

Держа в одной руке пистолет, а в другой галстук, мальчик смотрел на фотографию.

Глаза его были сухи, губы – крепко сжаты. И взгляд, которым он встретил вошедшего – сразу после вежливого стука – в каюту мальчишку-юнга, был откровенно холодным. Но неожиданного гостя этот взгляд ничуть не смутил.

– Ставрос Навкатос, – тут же представился он солидно – с легким цокающим акцентом. И сразу пояснил гордо: – Я эллин.

– Грек, что ли? – уточнил Антон, заинтересовавшись.

Ставрос свел брови:

– Сам ты грек. **Эллин**.

Мальчишка был постарше Антона, повыше, покрепче, глаза – густо-синие, коротко подстриженные волосы все-таки отчетливо вились тугими завитками золотисто-бронзового цвета. Рукав формы мальчишки украшали старшинские нашивки, хотя по званию он, несомненно, был юнга. Усевшись на кровать рядом, он объявил, что Антона зовут Антон, он это знает, и Антон – тоже эллинское имя.

– А корабль этот не эллинский? – попытался съехидничать Антон, но не удержался от улыбки – сам этого не ожидал! – когда Ставрос невозмутимо ответил:

– Нет, конечно. Но первые настоящие корабли построили эллины, это в школе учат...

...Ставрос был родом из семьи военных, и традиция эта уходила корнями куда-то в незапамятные глубины и дали, по утверждениям самого мальчишки – в эпоху до Третьей Мировой. Все мужчины Навкатосов служили на флоте – сперва морском, когда же моря Земли потеснил океан космоса, то и они сменили океанские корабли на космические (хотя кое-кто по-прежнему плавал и по обычным морям-океанам). Но рождались и умирали – по возможности – Навкатосы по-прежнему на острове Эгина, который никуда не делся даже при катаклизмах Безвременья. Отец, три дяди, два родных и пять двоюродных братьев Ставроса – все служили в ВКС Русской Империи, и этим же путем пошел и он (и собирались пойти еще несколько подрастающих Навкатосов).

К удивлению Антона, мечтой Ставраоса была не должность капитана, а штурманский мостик. Он сам пояснил это очень просто:

– Да ведь небо, которое видно с Земли, – это памятник нашим мифам, самый настоящий атлас их героев! А звезды? Ну, какие-то арабы там потом примазались, а так все звезды названы эллинами! Вот и самое достойное для меня дело – прокладывать между ними курсы!.. Эй, а ты-то куда записан? – спохватился он.

– Я не знаю, – пожал плечами Антон. – Не посмотрел пока.

Ему стало стыдно – ну и вояка, расселся в каюте и даже не глянул на самое главное! Но Ставраос повел себя неожиданно. Помолчал, глядя чуть сбоку, потом сказал:

– Слушай, а хочешь, когда будет отпуск – если будет, конечно, – поедem на Эгину? У нас очень красиво! Знаешь, как все наши будут тебе рады? У нас море! Рыбу можно ловить руками. А знаешь, какие кораллы?! А прямо над заливом, на другой стороне, ну, напротив нашего дома – храм стоит... Древний, как море... Знаешь, какой красивый?! Я там первый раз поце... – Ставраос осекся и немного покраснел.

Антон вспомнил поселок над Вилюем, откуда они всей семьей переселились на Сапфир. И понял неожиданно, что ему не хочется на Землю. Если и правда будет отпуск, он полетит туда, где развалины дома. Дома его семьи. **Его дома**.

– Спасибо, Ставраос, – сказал Антон.

И тот понял, больше не заводил разговор. Деловито встал, подошел к шкафчику, взглядом попросил разрешения, достал боевое расписание и свел брови:

– Угу. Ага. БП-1 БЧ-4... Пост внешней связи службы наблюдения и связи... Интереееееснооо... Ты связист, что ли?

– Вообще-то, да, – Антон заглянул в листок и сам удивился: совпало, что ли? – Видеосвязь, даже старое радио знаю... интересовался.

– Хорошее место, – прокомментировал Ставраос не без ехидства. – Чуть что – сразу в спикере орут: «Вашу мать, вы что там, кофе пьете?! Где канал?!» Весело там у них.

– А у тебя не так? – немного обиделся Антон.

Ставраос гордо ответил:

– Конечно, не так. Кто ж на штурманов будет орать? Рука на клавише дрогнет – и здравствуй, звезда, принимай нас в свои горячие объятия. Нас если распечь хотят, прямо к капитану вызывают. В нерабочей обстановке... Слушай, что мы тут сидим? Пошли, я тебе весь корабль покажу! – Он вскочил.

Антон тоже поднялся, но с заминкой. Спросил неуверенно:

– А это... можно?

– А ты что, хотел линкор по диску с лекцией изучать? – искренне удивился Ставраос. – Да хочешь, сиди, смотри, конечно, но это какой интерес? Как раз сейчас-то и можно, в полете не всюду пройдешь и не везде пустят.

– А сейчас везде? – Антон подошел к шкафу, задумался: во что переодеваться?

– Повседневное напяливай, – тут же посоветовал Ставраос, как будто мысли читал. – Галстук можешь под форму, я вот ношу, – он оттянул ворот, показал алое, – это только приветствуют, нас – ну, юнг, – даже для журнала «Костер» как-то снимали с галстуками... А, да! Сейчас-то можно почти везде. Кроме секретки – это, кстати, ваш БП-5 БЧ-4, там только капитан и секретчик могут находиться. Ну и в арсенал, конечно, не пустят. Это БП-10 БЧ-2. Ты, кстати, запоминай это все, это нужно будет. Ну, идешь?

– Конечно! – Антон вскочил... и вдруг с удивлением ощутил, как что-то – большое, грузное, злое и тяжкое – словно бы свалилось с плеч и кануло в прошлое...

* * *

– Сто раз? – уточнил Антон.

– Ровно сто, – кивнул старшина Полуэктов. – И меньше, и больше – может случиться беда. Проверено опытом поколений.

Антон огляделся растерянно. В БП-1 БЧ-4, куда Ставрос привел его в самом конце экскурсии, после посещения камбуза, ему понравилось. Оказалось, что многие приборы знакомы, и кое на чем он может работать прямо сейчас... но вот именно **сейчас** ему работать и не предлагали, а просто на него все смотрели выжидающе и почти осуждающе.

Мальчишка вздохнул. Одернул форму, как это делал, вставая, капитан Белобородов. И решительно взялся за одно из кресел...

...Когда капитан-лейтенант Свиридов, командир БЧ-4, вошел на «единичку», то его глазам предстало зрелище, в общем-то, довольно обычное в таких случаях. Новый юнга под одобрительными отеческими взглядами всех, кто находился в помещении поста, декламировал:

Оберег от беды на космическом корабле

В небе звездищи, яркие глазищи,
на корабль смотрите, от бед берегите:
от метеорита,
от радикулита,
дезориентации,
разгерметизации,
от потери связи
и от всякой мрази.
А для полного порядку дайте мягкую посадку!

Вошедший капитан-лейтенант внимательно посмотрел на юнгу, который, стоя посреди поста на кресле, изо всех сил орал грозно звучащие в его устах строки, дождался, пока кончится очередной заход, и, осмотрев спины мгновенно и глубоко погрузившихся в свои дела при его появлении людей, веско подытожил:

– Аминь. Кто бел-горюч-камень Устав изложет, тот сей заговор переможет. Слезайте, юнга. И когда вас пошлют искать затычку для бортовой амбразуры, что в целом неизбежно и не очень страшно, постарайтесь хотя бы сначала подумать.

12. Гнев Земли

Первый год Галактической войны

Четвертым Объединенным Флотом Земли командовал вице-адмирал Олег Анатольевич Шалыгин, Седьмым – адмирал Тимоти Стью Толливер. Оба флота насчитывали около четырехсот вымпелов класса линкор-фрегат и полтысячи истребителей на пяти авианосцах и располагались на самой границе освоенной Землей космической зоны.

К выдвигавшимся навстречу двум земным флотам силам Чужих более всего подходило пресловутое определение «армада». Противник поступил очень разумно и стратегически верно. Он понял, что после наглядной демонстрации «благородства» Альянса Четырех Рас земляне не рискуют оставить охрану своих колоний только на небольшие охранные эскадры, и демонстрационными действиями достаточно сильных соединений заставил Большой Круг держать четыре из восьми флотов – основные силы – на защите границ, которые могли подвергнуться нападению, в принципе, откуда угодно. Первый и Второй флоты прикрывали Солнечную систему. И только два флота оказались свободными для активных действий. Именно против них была брошена полуторатысячная армада Чужих. Основные силы выставили, конечно, Сторкад, Джагган, Нэйкели и Дайрон – 467, 122, 218 и 352 вымпела соответственно. Еще более трехсот кораблей принадлежали одиннадцати другим расам, подчиненным Альянсом Четырех Рас. План предусматривал разгром – неизбежный, заведомый – в открытом сражении двух земных флотов, после чего – прорыв в глубь контролируемых землянами секторов. Другие земные флоты так же неизбежно отвлекутся от

охраны границ, после чего главные силы Альянса – еще более шести тысяч боевых вымпелов по семи направлениям – пересекут линию фронта, оставленную практически без защиты, и начнут сжимать кольцо, а точнее, сферу, одновременно все дальше и дальше взрезая земную территорию глубокими ударами. После этого наступит черед Флота Вторжения – 355 тяжелых штурмовых мониторов и 12 000 штурмовых транспортов с десантом (около 10 миллионов солдат), прикрываемые восемью сотнями боевых вымпелов, захватят все земные колонии и – главное! – саму Землю.

У Земли не было шансов устоять. Даже поддерживай ее еще кто-нибудь. По крайней мере, так считали аналитики Чужих, привыкших мерить силу флотов по количеству вымпелов. Качественная разница в счет принята не была – точнее, была, но единственно со знаком «минус»: не имеющие плазменных орудий земные корабли считались легкой добычей. Печальный опыт нескольких прежних неудачных столкновений просто не брался в расчет – участвующие в них силы были незначительны, а соблазн списать поражения на вполне наглядную тупость командиров – очень велик. К тому же более чем тройное численное превосходство не слишком располагало к тактическим экзерсисам – все четыре адмирала Альянса (единого командующего не было) сошлись на том, что надо не дать землянам уйти. План сражения был прост, как яйцо: используя свое преимущество в скорости, рейдеры сторков и дайрисов должны были окружить земной флот, взять его в сферу, лишить маневра и смять в небоеспособную кучу, уничтожением которой могли легко заняться линкоры нэйкельцев и джаго с их смертоносной артиллерией. Возможности каких-то ответных действий противника, за исключением разве что отчаянной попытки прорыва, в расчет не принимались.

Адмирал Шалыгин ничего, конечно, не знал о расчетах аналитиков Чужих – да, по правде говоря, не очень ими интересовался. Одного взгляда на развернувшийся перед ними флот Чужих ему хватило, чтобы понять – организована армада отвратительно. В сущности, это была огромная куча кораблей. Нет, хуже – четыре большие отдельные кучи. Доведись ему управлять таким флотом, он бы развернул его в единую боевую структуру, разделив легкие корабли на небольшие, автономно атакующие эскадры, в то время как тяжелые корабли поддерживали бы ее огнем с большой дистанции. Однако проблема Чужих была в том, что флот каждой из Четырех Рас строился по своим принципам – так, у сторков и дайрисов практически не было линейных кораблей, а у нэйкельцев, напротив, не хватало эсминцев и рейдеров. Что же до джаго, то адмирал под любым предлогом вообще избавился бы от подобных «союзников» – их неповоротливые полуслепые корабли были только обузой.

Так или иначе, но на самом деле объединить и «сыграть» свои силы Чужие не догадались – или, что вернее, не захотели. Флот каждой из рас двигался сам по себе – сторки и дайрисы впереди, потом джаго, а позади них – нэйкельцы, как заподозрил адмирал, для того, чтобы непутевые «союзнички» не сбежали с поля боя, поверни он в неожиданную сторону.

– Отвратительное зрелище, – заметил адмирал Толливер. Он, конечно, находился на своем флагмане, но двусторонняя видеосвязь позволяла двум земным командующим говорить так, словно они стояли совсем рядом. – Стадо. Как у моей бабули на ферме. Нет, хуже.

Англосаксонский адмирал был значительно моложе русского и озира́л картинку на экранах своего мостика с насмешкой. Даже короткие рыжеватые усики подергивались, словно он едва сдерживался, чтобы не расхохотаться. Успевший «отметиться» как «королевский корсар» еще до войны (на нескольких быстроходных крейсерах Толливер уничтожал конвои работоторговцев и освобождал «товар», не забывая, впрочем, о добыче для своих команд и для себя лично – благо с работоторговцев всегда было что «тряхнуть»), он и сейчас посматривал на врага скорее как на охотничью добычу и, видимо, тоже, как и его русский коллега, не предполагал каких-то реально опасных действий...

– Их в три раза больше, – все-таки задумчиво возразил Шалыгин. – И нэйкельские корабли действительно очень опасны. Одного попадания их осевого орудия хватит, чтобы

любой наш линкор распался на атомы.

– У них плохая противоракетная оборона, – напомнил Толливер. – Кроме того, их линкоры оснащены единственным осевым орудием и должны наводиться на цель всем корпусом, чтобы попасть в нее. Это значит, что в ближнем бою у нас будет преимущество.

– Ваши предложения? – спросил Шалыгин. – Разделить флот?

– Да. Ядро линейных сил бросим вперед – между сторками и дайрисами. Пусть думают, что поймали нас в ловушку. Поставим корабли в оборонительный шар и будем работать артиллерией. Посмотрим, насколько хватит их отваги при прорыве сквозь сплошную стену огня. Истребители и ракетные крейсеры бросаем в обход, атакуем нэйкельцев. На джаго внимания пока не обращаем. Если сломим остальных, все равно потом добьем, если нет, то и черт с ними, это уже не будет иметь значения. Как вам мой план?

Шалыгин задумчиво почесал подбородок. Повторялась история, когда-то характерная для флотов морей-океанов Земли. Англичане были великолепными флотоводцами и довольно скверными артиллеристами. У русских, наоборот, то и дело возникали проблемы с флотовождением, зато их артиллеристы были выше всяких похвал.

– Не вижу возражений. Пусть ракетные крейсеры атакуют с максимальной дистанции, не входя в зону вражеского огня, и сразу же отворачивают – после запуска ракет их боевая ценность минимальна. Истребители заходят второй волной и бьют нэйкельцев торпедами. Авианосцы ставим в центр линейного ордера, крейсеры ПВО – на периметр. И – доверяемся капитанам.

Адмирал Толливер кивнул. Нет ничего хуже командира, который не знает, когда ему пора отойти в сторону. Хорошо, что русский это понимал...

– Атакуем первыми? – спросил Шалыгин.

– Нет, – ответил Толливер с истинно англосаксонской флегматичностью. – Пусть за Чужими останется право первого хода.

* * *

Со стороны никаких особых изменений в земном строе не произошло – да, самые большие корабли ушли в центр, мелкие выдвинулись на периметр – вполне разумное тактическое решение, надо сказать, но оно могло лишь продлить агонию. Немного. Земляне по-прежнему компактной массой летели вперед, нацелясь в промежуток вражеского строя – сами лезли между молотом и наковальней, должно быть, уповая на помощь своих богов. Эта заведомая глупость никого не впечатлила. Команда «фас!» уже была отдана, и флоты сторков и дайрисов начали распухать, развертываться, обходя землян с флангов. Мелкие корабли землян сразу же обратились в бегство, удирая во все стороны, – они уходили перпендикулярно атакующей армаде, должно быть, понимая, что в прямом бегстве им ничего не светит, – для этого им придется погасить свою атакующую скорость, а потом снова набрать ее. В считанные мгновения ядро земного флота лишилось своих внешних оборонительных порядков – и по рубкам сторкадского флота прокатилось дружное: «Сила с нами!»

Предки снова даровали Сторкаду победу. Победу, после которой можно будет иначе поговорить уже не с землянами, а с этими... **союзниками**.

* * *

Антону было страшно. Ничего не поделаешь – первый бой всегда пугает. Тем более бой, от исхода которого – без малейшего преувеличения! – зависит судьба Земли. Все старались этого не показывать, но потряхивало многих: выучка выучкой, а восемьсот несущихся на тебя кораблей – это МНОГО. Особенно сейчас, когда легкие силы покинули ядро флота и в нем остался только десяток линкоров, пять авианосцев без истребителей, да две дюжины крейсеров ПВО. План командования – обойти легкими силами фланги

противника и ударить ему в тыл – был ясен всем, и в его правильности никто не сомневался. Хватит ли у них сил ВЫСТОЯТЬ – тоже никто не сомневался. Поражение означало гибель всем – и тем, кто был на кораблях, и тем, кто остался в тылу, на Земле. Перед такой угрозой личный страх становился чем-то мелким, почти стыдным, но Антон все равно боялся. Нет, отомстить сторкам за подлое нападение ему тоже очень хотелось, но именно ОТОМСТИТЬ, а не погибнуть в первом же бою, даже не увидев врага и не поняв, куда стрелять.

Правду говоря, отомстить у него при любом раскладе шансов было мало – его спешно прикомандировали с поста, на котором он уже успел освоиться, к шлюпочной палубе. Попросту, сейчас смертельно, до немоты обиженному мальчишке полагалось сидеть «на контроле» в нулевой спасательной капсуле, ожидая отбоя боевой тревоги или последнего приказа капитана, который выстрелит капсулы из разваливающегося на куски корабля. Вот только вынести это было бы совершенно невозможно, и потому мальчишка в нарушение прямого приказа пробрался даже не к себе, а сюда – в третью орудийную башню главного калибра. Все здесь знали печальную историю мальчишки, и ни у кого не поднималась рука его прогнать. Да, это было не по уставу, но сейчас, когда на кону стояла судьба всей Земли, соблюдение буквы устава волновало офицеров и рядовых меньше всего.

– Боевая тревога, господа, – объявил командир башни, капитан-лейтенант Изылметьев – смугловатый, с щегольскими усиками брюнет, похожий на древнего поэта Лермонтова. – Заккрыть скафандры.

Прозвучали в посту – в быстрой скачущей музыке – беспечные строки песни:

Умирай,
Умирай,
Умирай —
Для таких бог и выдумал рай!
Только как бы нам в этом раю
Не подохнуть
со скуки...¹¹

Антон торопливо надвинул на лицо прозрачное забрало и защелкнул замки.

– Проверка герметизации, господа.

Один за другим номера расчета доложили о герметизации скафандров – старый, как сам космос, ритуал, привычный и потому странно успокаивающий.

– Проверка герметизации завершена. Вакуум, господа.

Резко зашипело, потом внутренность башни окутал тут же рассеявшийся туман. Антон ощутил, как сразу раздулся, стал жестким его скафандр. Перед началом боя воздух из всех внешних боевых постов стравливали – само собой, сидеть на них в скафандрах было не слишком-то удобно, но неизбежность контузий и пожаров в воздухе была куда как неприятней. Что же до осколков, то боевой опыт показывал, что осколок, достаточно крупный, чтобы пробить скафандр, почти наверняка убьет его владельца. Антон все это знал, но все равно ему стало неуютно. Учебные тревоги – это одно, их было уже немало... а вот знать, что через минуту в башню может ворваться заряд вражеской плазмы, – совсем другое. Хотя... взрослые говорили, что в таком случае или остаются живы – или просто ничего не успевают почувствовать, это очень милосердная и чистая смерть.

Да и, правду говоря, орудийные башни главного калибра были, наверное, одними из самых безопасных мест на корабле...

– Господа, противник, – предупредил капитан-лейтенант.

Прицельные экраны в башне были уже включены, и Антон пристроился за широкой спиной наводчика – мичмана Кузякина, колоритного, с пышными усами, дядьки,

¹¹ Текст группы «Канцлер».

привыкшего к месту и не к месту употреблять слово «кстати».

Противник пока что представлял собой просто россыпь бледных пятнышек. В секторе обороны, за который отвечал линкор, их насчитывалось штук семьдесят – понятно, что часть их возьмут на себя прикрывающие линкор крейсеры ПВО – таких было целых три, но все равно, подобный расклад смотрелся довольно-таки паршиво.

– Господа, перед нами – легковооруженные рейдеры, – донесся по трансляции голос командира корабля капитана первого ранга Белобородова. – Их плазменное оружие эффективно лишь на дистанции пятьсот километров и меньше. Поэтому врага не подпускать, бить без промаха!

Кузякин оскалился и припал к прицелу. Антон уже отлично знал, что он добрый дядька – по-настоящему добрый, не напоказ, – но сейчас лицо мичмана было... страшным. На Китеже у него погибли две дочки – и Антон невольно подумал, какие все же Чужие дураки. Ему даже стало их жалко – на секунду.

Вражеские корабли падали на землю, росли – уже можно было разглядеть их в деталях: зеркальные пузыри рейдеров дайрисов и хищные, похожие на акул корабли сторков.

– Господа! – загремел по трансляции голос командира русской половины флота адмирала Шалыгина. – Я надеюсь, что каждый из нас исполнит свой долг до конца! За Землю, за Человечество, за будущее наше – разите без жалости!

– Открыть огонь! – скомандовал Белобородов.

Антон покосился на Изылметьева, но капитан-лейтенант был спокоен – честь первого выстрела принадлежала не им.

На бронированном корпусе линкора распахнулись крышки сотни ракетных шахт. Секунда – и сотня сорокатонных ракет устремила к кораблям Чужих. Еще секунда – и последовал второй залп. Еще секунда – третий. На этом роторные магазины пусковых опустели, и бронекрышки захлопнулись. Три сотни ракет с термоядерными двигателями устремились к целям с ускорением 75 g.

Антону показалось, что Чужие не ожидали такой атаки, – курсы многих атакующих кораблей дрогнули. Правда, почти тут же Чужие опомнились и открыли огонь. Пустоту рассекли ясно видимые трассы плазменных выстрелов.

С замершим сердцем Антон смотрел, как ракеты пробиваются сквозь вражеский огонь. Экран зарябил от вспышек попаданий – что сторки, что дайрисы стреляли быстро и точно. До цели дошло всего несколько ракет. Но зато те, что ДОШЛИ...

Фильтры экранов захлопнулись, на миг опережая детонацию двадцатимегатонных боеголовок. Когда изображение вновь вспыхнуло, в строю Чужих открылись бреши: десятки их кораблей превратились в пар и обломки, десятки других, оказавшихся к ним слишком близко, потеряли управление. Это не остановило атаки, но дало Чужим понять, что перед ними не безответные жертвы и что грубое земное оружие вовсе не так беспомощно, как уверяла их собственная пропаганда.

– Этого и следовало ожидать, – пробормотал Кузякин.

Антон знал, что мичман-артиллерист глубоко презирал и самих ракетчиков, и их оружие, называя их – непонятно почему – «свистунами».

– Первая кровь за нами! – прогремел по трансляции голос Белобородова. – Главный калибр – огонь на поражение!

– Наш выход, господа, – произнес Изылметьев, склонившись над командирским пультом. – Наводчикам – огонь по готовности!

– Ну, держитесь, суки. – Сейчас голос добряка-мичмана был похож на рычание дикого зверя.

Корабль беззвучно содрогнулся, когда башня выплюнула две стошестидесятикилограммовые стальные болванки со скоростью двадцать километров в секунду. А потом снова... и снова... и снова...

Тем не менее, Антон заметил, что мичман стреляет едва ли не вдесятеро медленнее возможного, тщательно целясь перед каждым залпом. Его страшная методичность тут же

принесла плоды – ближайший к ним рейдер дайрисов вдруг брызнул осколками и начал откровенно разваливаться на части – сложнейшая, дорогая кристаллическая броня, способная отразить тераватты лазерного огня, не устояла перед грубой мощностью «тупого» земного оружия. Почти сразу же получил свое и рейдер сторков – снаряд пробил его от носа до кормы, распоров борт и выбросив половину начинки корпуса облаком пылающих обломков.

– Вот вам за Машку, за Ленку! – прорычал мичман. – И ты тоже сдохни, с-сука!

Второй рейдер сторков превратился в ослепительную звезду, и Антон завыл от радости. Это вам не беззащитных убивать, твари!

Чужие не были готовы к такому оружию и к такому обороту дела. И все-таки атака не прекратилась. Сторки не уступали землянам в отваге, а биомашинам дайрисам был и вовсе неведом страх в человеческом его понимании. Да, они потеряли уже десятую часть кораблей – много больше, чем первоначально рассчитывали, – но все-таки прорвались на дистанцию огня своего оружия. И теперь...

Антон ощутил, как содрогнулся огромный корпус линкора, и сразу же завывли аварийные сирены.

– Попадание в шлюпочный отсек! – выкрикнул Белобородов. – Аварийные партии на шестую палубу!

«Ох, елки! – подумал Антон. – Я же там должен быть! Мне же голову оторвут потом... если будет какое-то «потом»...»

...Сражение превратилось в свалку, исход которой решает уже не мастерство капитанов, а единственно мужество и выучка канониров. На малой дистанции превосходство Чужих в вооружении было убийственным – они бы за считанные секунды смяли, растерзали землян... если бы не наткнулись на столь предусмотрительно расставленные Шалыгиным крейсеры ПВО. Их было немного – всего два десятка, – но вооружение каждого состояло из двадцати четырех спаренных пятидесятисемимиллиметровых рельсовых пушек и двух сотен шестизарядных пусковых установок зенитных ракет – сейчас они тучей летели во врага, и их было слишком много, чтобы вражеские орудия – не только главного калибра, но и противоистребительные – сумели с ними справиться. Рейдеры дайрисов могли хотя бы похвастать лазерной защитной сеткой, которая худо-бедно, но исполняла свои обязанности, а вот на кораблях сторков ПРО фактически не было, им оставалось рассчитывать лишь на силовые поля, но те не всегда могли сдерживать огонь землян. Сама по себе одна тридцатикилограммовая шрапнельная боеголовка не представляла никакой опасности для рейдера, но ракеты били... и били... и били... и в какой-то момент силовое поле рушилось, и смертоносные стрелы попадали наконец прямо в цель, пробивая корпуса, снося орудийные установки, уродуя двигатели. Эфир был наполнен воплями и визгом погибающих. Но среди криков и призывов не было слышно голосов землян.

Земляне горели молча.

* * *

Для Антона эта битва стала минутой сумасшедшей кутерьмы – чернота неба, исчерченная выхлопами двигателей и трассами ракет, крики и команды в наушниках, ослепительные сполохи плазменных выстрелов, попадающих в защитное поле корабля, – пока оно не рухнуло и корпус линкора не задрожал тяжело под градом прямых попаданий. Сознание его вырвало из битвы, и запомнились лишь какие-то обрывки: разлетевшийся в пыль рейдер дайрисов, попавший под полный бортовой залп... подбитый, рассыпающийся на куски под огнем сторк – он упрямо шел и шел вперед, разбрасывая вокруг пламя и ошметки корпуса, пока под дикий, восторженный рев на чужом языке в эфире не врезался в крейсер «Самара» и не исчез с ним в одной чудовищной вспышке...

А потом очередной залп ударил прямо в башню.

* * *

Вначале Антон даже не понял, что случилось – белая, ослепительная вспышка, мгновенные росчерки летящих обломков – и вдруг тишина. Страшная. Мертвая. Несколько секунд мальчишка ошалело крутил головой, пытаясь понять, что происходит. Потом увидел...

Левое орудие было разбито – чей-то меткий заряд попал прямо в амбразуру, пробил качающийся щит и разворотил кожух орудия, из которого сейчас хлестала и тут же превращалась в пар охлаждающая жидкость. Там зияла рваная, с раскаленными, загнутыми внутрь краями дыра, и в нее светили равнодушные звезды. Капитан Изылметьев был мертв – осколки настигли его прямо на боевом посту, – и мичман Кузякин, и вообще все, кто был в башне, – по какой-то дикой прихоти судьбы они миновали лишь случайно оказавшегося здесь мальчишку, словно смерть пришла сюда, сверяясь со списком расчета орудия, и мальчишка оказался «лишним». Трансляция молчала, половина приборов была разбита, но экран наведения еще горел, голос наводчика с поста локации повторял коррекционные цифры... и на экране Антон увидел сторка, идущего на второй заход. Разбив последнюю в кормовом секторе башню, он спокойно и как-то неторопливо, с уверенным профессионализмом опытного, расчетливого и храброго пирата заходил сзади, целясь в сопла двигателей – самое уязвимое место любого боевого корабля. С каждым мигом вражеский корабль становился все больше и наконец занял весь мир.

«А ведь я сейчас тоже умру», – подумал Антон.

Словно сама по себе его рука потянулась к джойстику наведения – покорно ждать смерти было противно самой натуре русского, землянина.

Невероятно, но разбитая, с мертвым экипажем башня была еще жива – тысячетонная громадина дрогнула, и двадцатиметровые стволы орудий уставились прямо в лоб сторку. Тот еще мог бы выстрелить, но сидевших за пультами на миг парализовал священный ужас непонимания, словно сраженный наповал витязь вдруг поднялся и занес над головой врага меч.

«Он слишком близко от меня, – подумал Антон, нащупывая пусковую кнопку. – Даже если я в него попаду, это уже ничего не изменит. Мы умрем вместе. Пусть!»

Последнее уцелевшее орудие толкнулось в палубу мягкой, но ощутимо сокрушительной мощностью отдачи.

Вспыхнув сразу белым, желтым и фиолетовым пламенем, огненный шар, только что бывший рейдером, распался на тысячи осколков.

* * *

Лишь много позже Антон узнал, что исход всего боя решило оружие, названное «защитой последнего рубежа», – пятидесятисемимиллиметровые рельсовые зенитки. На каждом русском линкоре было сорок счетверенных установок, у англосаксов от тридцати до сорока восьми – и каждый ствол выплевывал в минуту сто двадцать трехкилограммовых снарядов со скоростью восемь километров в секунду. Подкалиберные «стрелы» из обедненного урана протыкали защитные поля, броню и все, что находилось под ней. Там, где, казалось, уже не могло быть никакого сопротивления, Чужих встретил настоящий шквал нового огня.

Первыми дрогнули дайрисы – им и правда не был ведом страх живых существ, но их холодные искусственные умы подсказали им, что дальнейшее продолжение атаки... **нерационально**. Все одновременно, словно внезапно повернувший косяк сельди, их корабли начали выходить из боя, безжалостно бросая сторков, которых – как и вообще все формы органической жизни – дайрисы глубоко презирали. Сторки еще какое-то время продолжали бесполезные атаки – спасая уже не исход сражения, а единственно свою честь, –

но потом дрогнули и они. Самые упертые погибли, до остальных постепенно начало доходить, что дело пахнет керосином. Хотя три земных линкора были уничтожены, а еще четыре – серьезно повреждены, земной флот сохранил строй и упорно двигался навстречу нэйкельцам и джаго, к которым уже со всех сторон слетались корабли земных легких сил. Сейчас это уже никому не казалось смешным. Две трети атаковавших земной флот рейдеров были уничтожены или выведены из строя. Даже если нэйкельцам и джаго удастся одержать победу, колоссальный размер потерь сам по себе пошатнет Альянс и изменит расстановку сил в непрочном союзе...

Вторая фаза сражения сильно отличалась от первой – как по тактике, так и по составу применяемых сил. Здесь в состав земного флота входило полсотни ракетных крейсеров – дешевых, с небольшим экипажем, кораблей, каждый из которых представлял собой, собственно, увешанную ракетными контейнерами ферму с двигательным блоком на одном конце и жилым модулем – на другом. Каждый мог выпустить свой боекомплект одним залпом – но, как и в первый раз, ракеты были запущены тремя волнами. Теперь их было десять тысяч – туча, внушавшая ужас одним своим количеством. Чужие не смогли помешать запуску – теоретически, это смогли бы сделать уцелевшие рейдеры, но большая их часть уже вовсе не рвалась в бой с землянами, а тех, кто все же дерзнул, встретили земные фрегаты и эсминцы. Здесь сторки могли вести бой на равных, но их осталось слишком мало, и даже эти немногие быстро усвоили, что победить землянина – значит умереть. Сходясь в бою, легкобронированные корабли обычно уничтожали друг друга. Вот только земляне оказались готовы к этому, а сторки – нет. К тому же многие из них просто не видели смысла рисковать жизнью **сейчас**. За Сторкад – да, за Сторкад они были готовы погибать. Но отдавать жизни за надменных трусоватых нэйкельцев или за вонючих дикарей джаго, которые тащатся за спиной? Увольте. Многие сторкадские капитаны меняли курс, занимая откровенно наблюдательную позицию, считая, что их участие в этой битве – во всех отношениях лишнее. Нэйкельцев никто из них не любил – и, если те получают хорошую трепку... что ж, сторки не имели ничего против. Что же до джаго – то любой сторк, даже Безродный, мечтал увидеть их всех валяющихся дохлыми в большой яме с грязью. Эти смрадные крысы оскорбляли Вселенную одним своим существованием.

Нэйкельские корабли были утыканы оборонительными орудиями – пусть не против ракет, а против малых кораблей – и потому могли считать себя в относительной безопасности. А вот джаго, традиционно презиравшие оборону, чувствовали себя весьма кисло, пока не поняли, что ни одна ракета не направлена на них. Нэйкельцы дрогнули, их корабли ломали слишком тесный, сбитый для линейного боя строй, стараясь рассредоточиться, выйти из-под удара, но было уже слишком поздно.

Когда их защитные орудия открыли огонь, первая волна ракет взорвалась – вся, одновременно, выжигая сенсоры наведения, радары и глаза неосторожных наблюдателей. Защитные системы устояли – хотя бы частично, – и орудия продолжали огонь, но вторая волна ракет взорвалась совсем близко, ломая щиты, а третья ударила в цель.

* * *

Позднее этот придуманный адмиралом Шалыгиным тактический прием назовут «тройной чесалкой». Со стороны могло показаться, что он почти не дал результатов – был уничтожен едва десяток нэйкельских линкоров, – но корпуса почти всех уцелевших оказались оплавленными, их защитные поля и орудия были выведены из строя. А на них заходили полтысячи земных истребителей, каждый из которых нес торпеду с термоядерным зарядом. Кому-то из них не везло, и он попадал под огонь еще действующих нэйкельских пушек, чьи-то торпеды влетали в поля защитных эффекторов и таяли, распадаясь белыми искрами. Но многие и многие попадали в цель – и, когда двухмегатонная боеголовка срабатывала, толщина нэйкельской брони тут же теряла всякое значение. Двухкилометровые корабли-чудища массой по восемьсот миллионов тонн каждый превращались в облака

раскаленных обломков, разлетающихся с космической скоростью.

Когда истребители закончили, половина нэйкельского флота просто... исчезла. Таких потерь Нэйкели не несла еще нигде и никогда, даже в древних, ныне забытых почти всеми, ставших сказками, конфликтах с дайрисами. Это был конец. Исход противостояния примитивных земных крошек и бронированных громадин, построенных по лучшим в Местной Зоне технологиям, был столь нагляден, что проняло даже самых безбашенных. Пока что совершенно нетронутый флот джаго рассыпался, их корабли в беспорядке бросались кто куда, пытались спастись, но было уже слишком поздно. Земные линкоры уже настигали их – и били, били, били с дистанции, на которой примитивные плазменные пушки джаго ничего не могли поделать, несмотря на свою чудовищную мощь. Эсминцы и крейсера настигали разбегающиеся рейдеры – и тоже били, били, били, пока по громкой связи не загремел голос адмирала Шалыгина:

– Прекратить огонь! Я сказал БЕЗ ЖАЛОСТИ, а не БЕЗ ПОЩАДЫ!

И тут же на десятках других языков зазвучали призывы: «Сдавайтесь!», «Глуши частоты!», «Ложитесь в дрейф!», «Стволы и направляющие на минус!», «Всем сдавшимся гарантируем жизнь!». И, словно по волшебству, сотни кораблей включали торможение и вырубали защитные поля – даже те, кто вполне мог бы уйти.

Кто-то из них был парализован страхом... а кто-то и **не хотел** уходить.

Увидев в землянах не победившего врага, нет – **надежду** ...

* * *

Ничего этого Антон не увидел – вернее, увидел потом, уже в записи. Его участие в бою закончилось быстро – когда в башню ворвались суровые и неразговорчивые мужики из аварийной партии. Они вытащили мальчишку в заполненный воздухом коридор, вылутили из скафандра и сразу же отправили в госпиталь. Как оказалось, один из обломков все же пометил его, не разорвав скафандра, но оставив громадный, в полспины, синяк. В горячке боя мальчишка даже не заметил удара, а вот потом ему стало довольно-таки плохо, начало тошнить и трести. И он очень удивился, когда капитан Белобородов сам пришел к нему в палату – с благодарностью за спасение корабля.

И с распоряжением о десятидневной отсидке на гауптвахте и лишении месячного жалованья за нарушение приказа.

* * *

Командующий военно-космическим флотом Империи Сторкад, съенунк¹² Харт Джервен Фаарто кен ло Фаарто ап мит Фаарто пребывал в состоянии, чрезвычайно близком к шоку. Того, что случилось, просто НЕ МОГЛО БЫТЬ. Нэйкельский флот был непобедим, любой сторк мог подтвердить это по памяти давних довольно печальных сражений. БЫЛ. Пока не появились эти одержимые *зуртс*¹³ земляне и не совершили невозможное. Состояние остальных членов Тайного Имперского Совета было схожим. Никто из них даже не попытался обвинить съенунка в разгроме – катастрофа была слишком велика, чтобы стать следствием глупости одного человека.

– Надеюсь, кто-нибудь объяснит мне, КАК это случилось, – произнес Император очень спокойно и тихо... и съенунк посмотрел на него.

Небеснорожденный выглядел... плохо – серое от бессонницы лицо, дрожащие от старательно сдерживаемой ярости руки, но никто тут не выглядел лучше. Съенунк понимал,

¹² Полный адмирал.

¹³ В религии сторков – злые демоны холодных пространств.

что не сможет дать никаких объяснений – разве можно объяснить волю рока? Только взять на себя вину и умереть – бессмысленный, ритуальный жест, но ничего больше ему не оставалось. Да, они, сторки, не были в этом виноваты – их предали союзники, эта цинично-расчетливая нежить-дайрисы, а нэйкельцы, безусловно, заплатились за свою безмерную гордыню – поделом. Джаго, эти лупоглазые выродки, бежали сразу. По докладам, ход боя было восстановить нельзя. Точнее не боя – разгрома. Что и как делали земляне – неясно, показания уцелевших разнились. Ясно было другое – четыре сотни земных кораблей разгромили флот из полутора тысяч вымпелов! Нет, не разгромили – **уничтожили** : безвозвратно потеряны были семьсот двенадцать, захвачены землянами триста шестьдесят четыре корабля. Безвозвратные потери самих землян составили едва сотню вымпелов...

Последнее, что он подумал, – **сын** . Его третий, самый любимый, нежно любимый, самый умный, смелый, красивый сын, сын, более других похожий на отца, командовал эсминцем «Ирье». Всего три недели как получил назначение... Эсминец был в числе погибших кораблей.

Когда командующий поднял голову, его лицо было спокойным и холодным.

– С разрешения небеснорожденного, мы переходим к обсуждению, – сказал он негромко.

* * *

В это самое время командир эсминца «Ирье» был еще жив. Хотя его корабль давно уже умер и бесконечно падал и падал в пустоту – мертвый кусок металла, в котором не осталось ни жизни, ни воздуха, ни света.

Лежа на боку между вывернутым листом брони и вырванным из пола и опрокинутым столом связи, Инрао Джервен кен ло Фаарто не думал ни о том, сколько еще воздуха осталось в скафандре, ни о том, что происходит сейчас дома, – только о поражении, наполнявшем его горечью и злобой. И – недоумением. Объединенный флот Четырех Рас превосходил землян втрое! Не только по данным разведки – превосходство было видно даже на глаз.

А потом... что было потом? Ни объяснить, ни даже толком восстановить картину Инрао не мог.

Земляне вдруг развернулись из дрожащего жалкого шарика в беспощадные острые фаланги, **их стало много, и они стали везде** . Словно бы сверкающая жуткая перчатка схватила, сдавила и смяла ровные линии такого многочисленного и грозного флота Альянса... А дальше... дальше был удар. Инрао попытался отдать команду – и ничего не смог...

Он считал себя последним уцелевшим и потому очень удивился, когда в разбитую рубку, разбросав обломки, пробрался еще один сторк в аварийном скафандре. Инрао узнал его. Механик. Безродный. Капитан даже имени его не помнил.

– Почему ты здесь? – спросил Инрао, когда механик наклонился к нему и прижался шлемом к шлему. – Ты не бежал – почему?

Механик не отвечал. Со странной настойчивостью Инрао продолжал твердить, словно бы втолковывая прописные истины больному или маленькому ребенку:

– Ты можешь бежать. Над тобой нет того долга, что над нами. Если повезло – беги.

– Долг есть, – механик отгibal лист. – Я впервые так говорю с человеком твоего рода, капитан, и не уверен, что ты поймешь. Может быть, я и сам не очень-то понимаю. Но долг **есть** . Потому что **есть** у меня родина, капитан. Сторкад моя родина. Не слишком ласковая, но... – Он оборвал себя. – Сейчас я тебя вытащу, капитан, и мы доберемся до ближайшей капсулы. А там все проще. И все вернется на свои места.

* * *

Если бы кто-то спросил Ставроса, что он как участник может рассказать о великом сражении, на десять с лишним лет вперед определившем ход войны, мальчишка просто пожал бы плечами. Со смущенной неловкой улыбкой. Ставрос служил на Флоте, но для него, как и для Антона, его нового друга – и новичка в космосе! – это сражение было первым.

Он просто сидел в кресле, прочно пристегнутый ремнями. И удерживал зеленый штрих на экране между двумя красными. Еще ему было страшно – наверное, не так страшно было бы видеть врага, схватиться с ним грудь в грудь по-настоящему. Еще – корпус заходилась дрожью, и эта дрожь проникла внутрь мальчишки и завладела им, он то и дело отхаркивал в загубник густую кислую слюну с отбитой с зубов эмалью.

Не дрожала только правая рука на верньере.

Она не дрожала, когда вибрация корпуса становилась вдруг нервной и аритмичной. Не дрожала, когда в какой-то момент эта аритмия не прекратилась, а перешла в бешеную тряску, и чей-то страшный голос в наушниках неузнаваемо заревел: «Разгер... мети... заци... яуауауа...» – сорвался в вой, и мимо прошел человек с каким-то баллоном. Не дрожала, когда пульт слева вдруг вспучился, и сосед Ставроса, судорожно вскинув руки с распыленными пальцами, повалился в сторону – левой рукой Ставрос выдвинул из развороченного пульта запасную панель, положил руку на еще один верньер, и она перестала дрожать тоже. Руки не дрожали, когда линкор начал проваливаться и казалось, что голова отрывается от тела, а само тело выкручивают, как тряпку, – от ужаса, понимания того, что это смерть, Ставрос закричал... но руки не дрожали.

И только когда его покачал за плечи лейтенант, командир БП, Ставрос поднял руки – и его заколотило всего. Он елозил трясущимися пальцами по забралу скафандра, а оно не открывалось, и лейтенант молча показал на борт – с огромной дырой, рваной и покрытой инеем вымороженного воздуха; скафандр был умнее человека. Ставрос не смог даже кивнуть – его трясло, корежило и ломало, и это было даже не стыдно, а просто – никак.

Он посмотрел на часы и увидел, что прошло три с половиной часа корабельного времени с того момента, как он сел в кресло. И пришел в ужас, подумав, что наверняка все запорол и натворил массу ошибок. И удивился, услышав в наушниках голос лейтенанта (и узнав его, как ни странно – тот вой про разгерметизацию тоже был голосом командира БП):

– Отличная работа, юнга. Можете идти дезинфицироваться и отдыхать.

– А мы что, победили? – спросил Ставрос изумленно.

Лейтенант помог ему расстегнуть ремни и встать, потом кивнул:

– Победили, юнга...

...По непривычно холодным коридорам, где шныряли ремонтные роботы и ругались ремонтники, в обход обычного пути (тот был перекрыт) Ставрос добрался из дезинфекционного отдела (заваленного скафандрами, в том числе раскромсанными) до своей каюты, разделся, лег на кровать и уснул мгновенно...

Проснулся он счастливым. Это было странное счастье, сжатое, стянутое, спрессованное в одну точку-слово:

ПОБЕДИЛИ!!!

Теперь отдохнувший разум воспринимал его, а отдохнувшее тело отзывалось адекватно. Но потом пришел страх. Антон жив?! Все ли живы?! Он понимал, что все – это невозможно, нереально, и от этой невозможности становилось страшнее. Тем более, что счастье никуда не ушло – оно пело и сверкало: мы победили, я жив, мы победили, мы победили, я жив! Ставрос вскочил – одеться, скорее, бежать, проверить, кто... да нет же, мы ведь победили, не может быть!!!

На линкоре погибло двадцать семь человек. Еще семеро были чудовищно искалечены, не раненых осталось едва полсотни. В шлюзе было полно народу – дюжина землян с каких-то кораблей, Чужие – не меньше полсотни, все сидели перемешку, а между ними ходили оба младших корабельных медика, и один матерно ругался, пытаясь на ходу разобраться в электронном справочнике по анатомии Чужих, составленном наспех и «криво» донельзя. Валялись ошметки разнотипных скафандров и вообще непонятно чего. За медиками, словно

привязанный на веревочке, ходил огромный джаго с распыленными неподвижными глазами, в драном комбинезоне. Джаго носил, прижав к широченной груди левой, оторванную правую руку. Залитая биоклеем-антисептиком культя празднично поблескивала. Джаго что-то говорил и говорил, говорил и говорил, нудно и протяжно, и его никто не перебивал, даже высокий сторк, стоявший у стены, как манекен – на щеках сторка были следы от слез, в зеленых глазах – гнев, усталость, непонимание... Два дайриса в дальнем углу вдруг начали странно блестеть и на глазах резко ссохлись, и медик со справочником с досадой и жалостью сказал: «Померли, ну что ты будешь делать, ну вот же ж бя ж, ну вот же ж, а?!» Потом к землянам, ни слова не говоря, присоединился нэрион – в черной, узко приталенной куртке, в мешковатых штанах, он пользовался каким-то своим набором из ящика на поясе, но явно знал, что делает, и намного больше понимал в анатомии Чужих.

– Ставр, – обратился на мальчишку внимание один из медиков, – давай-ка отсюда.

– Антон где? – выдохнул Ставрос.

Офицер махнул рукой:

– В лазарете опять, видно, нравится ему там.

– Что с ним?! – обмер Ставрос.

– Да ничего особо страшного... А вот что с нами со всеми стало бы, не окажись твой дружок там, где ему было совершенно нечего делать... – Офицер покачал головой и рывкнул: – Юнга, пошел отсюда, я тебе говорю!

И Ставрос пошел. А точнее – побежал. Он бежал по коридорам, и его не останавливали, хотя и ругались вслед. Но не зло, скорее весело.

Победителям не полагалось злиться.

13. Интерлюдия Йэнно Мьюри **205 год Галактической Эры**

Игорь вздрогнул, когда капитан Лвеллин вдруг словно очнулся – рация у него в ухе, что ли? – и что-то сказал принцу на ойрин. Охэйо хмыкнул и вдруг засмеялся.

– В чем дело? – спросил Игорь откровенно сердито. Ему не понравилось, что его рассказ прервали в самый торжественный момент.

– Хорошие новости, – ответил Охэйо. – Не знаю, как это получилось, но похоже, что многие мьюри подхватили то, что тут уже называют «земным безумием», – он коснулся браслета, и над столом вспыхнул объемный экран.

Новости и в самом деле оказались... интересными.

Насилие на расовой почве. Вандализм шокировал Йэнно Мьюри

Прошлой ночью на Йэнно Мьюри против беженцев-джаго было совершено множество актов надругательства и насилия. На отснятом камерами безопасности материале видны многочисленные банды вандалов, вовлеченные в ряд преступлений на почве расовой неприязни, начиная с физических нападений на этнических джаго и заканчивая поджогом крупнейшего на планете мергоса – культового здания джаго.

Пламя грандиозного пожара было видно на расстоянии многих миль. «Это непередаваемая трагедия, – заявил д-р Хос Дегато из Джагганского Института Дружбы Народов. – Это место было священным для нас! Кто мог совершить подобное? Зачем?»

Антиджагганские настроения особенно явно проявились в разрушении зданий, переданных джаго, эмигрировавшим в Федерацию столетия назад. «Где была полиция? – спрашивал один испуганный беженец. – Мы думали, что находимся здесь под защитой Федерации. Как они могли допустить подобное?»

Местные представители Федерации обнародовали изображения вандалов и просят любого, кто обладает какой-либо информацией, сообщать властям немедленно.

Также они предупредили, что любой самосуд будет жестоко караться. За исключением крупных городов, мьюри и джаго живут преимущественно изолированными сообществами. При этом первые имеют статус «беженцев» и бессрочные визы, позволяющие им оставаться на планете. Вся собственность и земельные владения на Йэнно Мьюри принадлежат правительству Федерации или частным компаниям.

Анонимный представитель погромщиков заявил: «Смерть работоторговцам! Месть наша будет жестокой и неотвратимой».

Революция: заводы «Найраваны» захвачены рабочими

Срочная новость: три завода корпорации «Найравана» захвачены восставшими рабочими. Корреспонденты подтверждают сообщения о том, что производство на этих заводах полностью остановлено. Все новостные агентства следят за развитием событий.

Картинка вдруг поплыла, потом обрела резкость, и прямо с экрана в лица сотен миллионов зрителей глянул молодой парень. Он сидел на фоне какой-то каменной стены, лохматый, в расстегнутой куртке, с упрямыми и по-хорошему злыми глазами, и держал на колене местный гудок (как назывался этот инструмент, Игорь не знал, окрестил «гудком» из-за сходства). Видимо, поняв, что он на экранах, парень крутнул ручку и запел резким, полным вызова голосом:

Когда мы вернемся —
Все будет иначе!
Прекрасный сбудется сон!
И ты не печалься —
Поможет удача
Порвать полумертвый сезон!
О тепленьком хлеве
Пусть плачут другие,
А нам нет смысла в тоске!
Мы все соберемся,
Мы будем живыми —
На будущий год налегке!

Когда придут наши —
Кончится полночь,
Повисшая над страной!
По темным углам
Попрячется сволочь,
Не смея выйти на бой!
А ты не печалься!
Ведь с нами – удача!
И наше время придет!
Когда мы вернемся – все будет иначе,
Встречайте на будущий год!

Живым так просто!
Поверь – и мы сможем!
Осмелимся, победим!
И выбор дороги —

Не очень-то сложен,
Лишь вспомнить – и не позабыть
И слово,
И дело,
И доброе имя,
И солнечный свет не погас!
Мы встретимся снова,
Оставшись живыми,
На будущий год ждите нас!¹⁴

Картинка растаяла.

– Эээ... мы приносим свои извинения за пробой трансляции... – Возникший снова диктор сглотнул, посмотрел куда-то в сторону, улыбнулся. – Мы продолжаем выпуск...

– Нет, ну ни фиги себе, – выдохнул ошарашенный мальчишка. Вот тебе и кислотная музыка... – Это ж надо такому быть... – Он вскочил, словно готовый бежать на баррикады.

Андрей Данилович и Охэйо одновременно иронично посмотрели на него. Игорь смутился. В самом деле – этим найдется кому заняться и без него, да и вмешательство землян в такие вещи могло иметь последствия самые негативные. Но все же – здорово, что здешнее болото забурлило. Может быть, и не потому, что прибывшие земляне дали мьюри реальный и донельзя наглядный пример ДРУГОЙ жизни, а просто потому, что глубина дерьма в Федерации превысила все разумные пределы – но все равно, мальчишка волновался за тех неведомых мьюри, что бросили вызов тупой и бездушной системе, почти как за своих товарищей. Да и потом – почему неведомых?! Вайми и вся его безумная веселая банда – где они сейчас? Уж точно не в террейны папочкины забились. А знакомые остальных землян? А... а Лина?! На губах ожил вкус ее поцелуя – вкус свежей воды, вкус солнечного полдня в степи... Ну нет же, ну вот сейчас впору сбежать – к ним. И вместе с ними...

Игорь вздохнул. Дело его было – здесь, и он обязан был его продолжать, даже если это казалось сейчас смешным и бесполезным.

– Это была невероятная победа, – сказал Охэйо, возвращаясь к теме встречи. Несмотря на актуальные новости в сегодняшнем мире, он явно все еще был под впечатлением от увиденного на комбрасе – щеки у него покраснели, глаза блестели. – По всем канонам вы, земляне, НЕ МОГЛИ победить, это было просто невозможно. Но – победили все-таки. Мужеством и точным расчетом, а это очень редкое сочетание. А Чужие во многом перехитрили сами себя – развитие военной техники у них ушло в противоборство плазменных орудий и силовых полей, о многом другом оружии они и думать забыли. Да и застой ко времени вашего появления в Галактике царил невероятный. Сейчас даже трудно поверить... Так что там было дальше?

Игорь усмехнулся, тряхнул головой и вставил в проектор еще один чип.

14. Операция «Вихрь»

Второй год Галактической войны

В этот день обстановка в зале Большого Круга показалась адмиралу Масальскому совсем иной, чем недавно в личном женевском кабинете Его Величества Императора Всероссийского. Вроде бы ничего не изменилось, но даже сам воздух пах теперь иначе. Давящая атмосфера неотвратимой угрозы, царившая здесь столько дней, тяжелое ожидание, временами похожее на беспомощность, самое ненавидимое землянами чувство – исчезло.

– Итак, Вячеслав Иванович? – Император повернулся к нему. Он был бодр и весел, как и в любой день до начала войны. – Докладывайте. Общество ждет.

¹⁴ Автор оригинального текста песни – «Сармат».

«Общество» – Император Англо-Саксонской Империи Его Величество Эдуард VII, генералитет военный и гражданский – короче, весь Большой Круг – и правда заинтересованно ждало.

– Победа полная, Ваше Величество... господа... товарищи! – Голос адмирала дрогнул, но никто даже глазом не моргнул. Справившись с собой, адмирал продолжал: – Флота противника как сколь-либо организованной силы более не существует. Из состава команд у него погибло не менее ста пятидесяти тысяч бойцов, более семидесяти тысяч пленено нами. Из захваченных и сдавшихся кораблей значительная часть может быть использована немедленно, правда многие – лишь после переделки...

– Насколько велик нужный объем работ? – спросил Василий VI.

– Корабли дайрисов нам не подходят совершенно, нэйкельские – только с дорогой и сложной переделкой, – вздохнул Масальский. – Джаганские примитивны, но вполне могут быть использованы в охранных эскадрах немедленно. Настоящий подарок – корабли сторков, но их очень мало нам досталось, сторки дрались, словно черти... Есть еще корабли нескольких рас, помимо этого уже в ходе боя и позже на нашу сторону перешло двадцать семь судов, в основном – нэрионы и шэни, но не только. Именно перешли на нашу сторону, не сдались нам – они готовы драться вместе с нами.

– Наши потери? – уточнил Император.

– Велики... Погибло и пропало без вести по приблизительным подсчетам – мы еще тралим космос на месте сражения и находим живых – более двадцати тысяч человек, – вместо Масальского ответил маршал медицины Баннефрич.

– Какой из кораблей больше всего отличился? – спросил Эдуард VII.

– Несомненно, линкор нового совместного проекта «Память Китежа», Ваше Величество, – решительно сказал Масальский. – Прорыв головы атакующей колонны Чужих, дуэль с четырьмя линкорами врага – три он уничтожил, четвертый – флагманский линкор джаго – заставил сдаться. Команда понесла тяжелейшие потери...

– Что ж. Погибших оплачем и героев наградим позже, – поднялся Глава Большого Круга маршал фон Райхен. Взглядом попросил разрешения у императоров. – Пока же предлагаю действовать! Начнем с того, что немедленно проводим ротацию – Первый и Второй Флоты отзываются от Земли, их сменяют для ремонта и отдыха команд Четвертый и Седьмой. Их оставшихся сил вполне хватит для прикрытия метрополии. К Первому и Второму присоединяем Шестой. Это более восьмисот вымпелов при поддержке тысячи трехсот истребителей.

– Отзывать Шестой опасно, у его соседей не хватит сил прикрывать... – сказал кто-то.

– И не нужно! – рубанул воздух рукой германец. – Буквально на днях в тылу фронта Чужих на направлении, прикрытом Шестым Флотом, началось сразу несколько серьезных восстаний... – Он выдержал паузу, пережидая тихий общий смех и обмен взглядами. – Первый, Второй и Шестой Флоты мы бросаем в прорыв к Брэссудзе... – зажглась карта, по ней побежал луч указки, – ...и уничтожаем десантную эскадру врага прямо в базах – для этого задействуем мониторы и штурмовиков флотов – пятьдесят мониторов и более тридцати тысяч десантников. После этого развиваем наступление вот в этих направлениях... Я спешу, пользуясь случаем, поблагодарить Большой Круг за оказанное моему народу доверие – заложены постройкой второй, третий и четвертый линкоры нового проекта, назвать которые было решено «Бисмарк», «Тирпиц», «Дойчланд»... – голос адмирала чуть дрогнул сентиментально, но никто даже не переглянулся, все слушали внимательно и сочувственно.

– Мы еще не одержали победы, – предупредил Василий VI. – Разгромленный нами флот составлял лишь седьмую часть общих сил врага.

– Мы тоже бросили в сражение лишь четверть наших сил, Ваше Величество, – ответил фон Райхен. – По его итогам соотношение сил определено в нашу пользу. Сейчас враг растерян и деморализован – мы должны использовать этот момент, уничтожить десантный флот и десантные силы врага, что на многие годы вперед лишит его возможности совершать операции вторжения. Военно-космические силы Альянса, конечно, будут по-прежнему

представлять опасность, но мы думаем, что враг теперь перейдет к обороне, откажется от крупных операций. Таким образом, мы, безусловно, на годы вперед завладели стратегической инициативой. И только от нас зависит, сможем ли мы использовать ее... Я предлагаю назвать план наших действий... – германец сухо улыбнулся. – Предлагаю назвать его «Вихрь».

* * *

– Мы сможем в конце концов отбиться, Вячеслав Иванович? Отбиться и победить? – спросил Василий VI. Расстегнул ворот парадного мундира и отошел к окну, из которого открывался вид на Женевское озеро. – Поймите, мне нужен честный ответ. Речь не идет о том, будем ли мы сражаться, смешно об этом спрашивать. Речь идет о том, хватит ли нам сил победить. На Большом Круге я не стал об этом спрашивать; сейчас – спрашиваю.

Адмирал пожал плечами:

– Я не дам вам ответа, Ваше Величество. По крайней мере, мы постараемся. Суммарная боевая мощь наших флотов выше, чем у флота любой из противостоящих нам рас. К тому же, мы будем драться за право своей расы на жизнь, а они – явно нет. В победе они не уверены, иначе были бы здесь гораздо раньше. Однако сил для наступления у нас катастрофически не хватает, новые корабли заложены и строятся, но в ближайшие годы численность Флота возрастет незначительно...

– На земных терминалах у нас есть пятьдесят эскадрилий или шестьсот штук истребителей – их можно будет перебросить на авианосцы для восполнения потерь, – предложил Император. – Это может сэкономить нам годы боевого развертывания.

– Оставлять Землю без прикрытия опасно, – вздохнул Масальский. – Крайне маловероятно, что Чужие сейчас бросят в атаку все наличные силы, но если все же бросят и прорвутся, мы потеряем все.

– О безопасности Земли не беспокойтесь, – сказал Император. – Нам удалось собрать еще одну верфь и наладить производство корветов – таких же, как и прежние, только гораздо мощнее. Мы заложили их пятьсот пятьдесят штук, и большинство уже готово – осталось доделать штук сто. Кроме того, с наземных батарей ПКО, я думаю, можно снять штук пятьсот тяжелых рельсовых орудий и установить их на грузовые баржи – если наши верфи справятся в срок с этой работой, мы получим целый флот вполне эффективных мониторов ПКО. Таким образом, наша оборона только усилится. А вот хватит ли нам экипажей, Вячеслав Иванович? Боюсь, что единственный резерв обученных специалистов, на который мы можем рассчитывать в ближайшие несколько месяцев, – это выздоравливающие из госпиталей. Как ни огромны казались наши довоенные программы подготовки, они оказались недостаточными. Мы недооценили потенциал врага – и увы, уровень наших потерь.

Адмирал вновь вздохнул:

– С этим проблем не возникнет, Ваше Величество. Как вы знаете, еще в самом начале войны было решено развернуть сеть госпиталей здесь, на Земле, чтобы не подвергать риску жизни раненых и медицинский персонал, заменить который очень сложно. Так что людей у нас вполне хватает – пусть они, увы, часто еще не вполне здоровы. Кроме того, сейчас у нас более двух миллионов новых добровольцев... и их обучение идет очень быстро – спасибо пионерским и скаутским программам, они уже заложили прочный фундамент...

– Добровольцы... – Император отвернулся. – Сколько многим из них лет? Семнадцать? Восемнадцать? Мальчишки...

– Многим еще меньше, Ваше Величество. Но очень многие из них уже потеряли родителей на атакованных планетах и лунах периферии. Не думаю, что врагам стоит рассчитывать на пощаду.

Император прямо посмотрел на него:

– Нам тоже, Вячеслав Иванович. Нам тоже.

Его Величество вновь отвернулся к окну и замер, заложив руки за спину. Сейчас адмирал не видел его лица.

– И все же, я сомневаюсь, Вячеслав Иванович. Правильно ли мы поступили, ввязавшись в эту войну? Сейчас мы побеждаем – но это **сейчас**. Мы давим врагов за счет быстроты и эффекта неожиданности, но вечно это продолжаться не может. Противник превосходит нас не только количественно, но и – увы – качественно. Есть ли в нашей ситуации хоть какие-то плюсы?

Масальский откашлялся. Ему, отчасти, было неловко. Уже далеко немолодой человек, он понимал, что Император – отнюдь не бог, он тоже подвластен слабостям и сомнениям. И на нем лежит ответственность за судьбу всей Империи – а это невероятно тяжелая ноша. Что ж: не он один несет ее...

– Плюсы у нас есть, Ваше Величество, – начал он, – и их много. Первый плюс – мы едины. Даже наспех созданные объединенные части – из регулярных подразделений нашей и англосаксонской армий – действуют очень сыгранно. У противника такого нет. Мы пока не можем сказать точно, но ощущение такое, что среди его бойцов много рас-наемников и еще больше рас-рабов. При таком разнообразии, как у них, нужен отчаянно сложный механизм взаимодействия – его нет. Кроме того, можно уверенно сказать, что Альянс и возник-то из желания «поставить на место» нас – между многими расами, в него входящими, отношения откровенно враждебные. Допросы пленных это подтверждают. Наши аналитики составляют схему – очень интересную, кстати, – в которой будут прослежены взаимные симпатии и антипатии врагов. Уже сейчас можно сказать, что союз между нашими основными противниками – сторками и джаго – является вынужденным, и до встречи с нами их отношения представляли собой, по сути, непрерывную войну. Отношения между сторками и нэйкельцами – главной технической ударной силой Альянса на поверхности планет – также довольно натянутые, а дайрисы и вовсе участвуют в нем из чисто экономического интереса... если мы правильно понимаем, что они считают экономикой. Кроме того, многие расы, формально союзные сторкам – прежде всего скиутты, – фактически, являются поработочными, и многие их представители видят в нас не врагов, а как бы даже возможных будущих освободителей от многовекового рабства. Мы уже планируем ряд операций, которые могут буквально взорвать Альянс изнутри. Я видел черновики – отличная паутина, думаю, в нее мы поймем не одну расу... Следующий плюс – моральная сторона. Тут мы однозначно на голову выше врага в целом. Агрессия Альянса основана, в основном, на страхе перед тем, что мы после победы заставим их держать ответ за их явные и несомненные преступления в прошлом, а это не самый прочный фундамент, согласитесь. Кое-кто из их правителей не скрывает, что считает поражения соседей-«союзников» большой удачей. Они, кстати, очень удивлены тем, что мы перед войной вступались за некоторые расы, до которых нам, казалось, не было дела; похоже, альтруизм у наших врагов не в чести, и теперь они за это платят.

– А наш моральный дух? – резко спросил Император, отвернувшись, наконец, от окна. – Наши Империи еще никогда не вели крупномасштабных войн – Серые Войны не в счет, Империй как таковых там еще не было...

Масальский усмехнулся:

– Опасения некоторых стариков, что долгий мир без реального врага уничтожит характерную для нас культуру воинского духа, не оправдались. По **неофициальным**, подчеркиваю, сведениям – бесстрашно и очень умело сражались практически все, также все отдают себе отчет в том, что речь идет о судьбе расы и цивилизации.

– В стойкости землян я не сомневаюсь, – кивнул Император. – Но вы же понимаете, Вячеслав Иванович, что в технике мы пока что отстаем очень сильно...

– Не во всех областях, – возразил адмирал. – Например, авиация Чужих резко уступает нашей. Они привыкли использовать атмосферно-космические истребители, которые не требуют аэродромов, потому что размещаются на авианосцах и легко перевозятся из системы в систему. Но эти машины плохо приспособлены к действиям в атмосфере, и в результате их

войска в планетарных боях обычно скверно прикрыты с воздуха. Еще один плюс – у противника нет разработанной общей тактики; у нас – есть. Проще говоря, речь идет уже о культуре войны в целом. Чужие совершают ошибку за ошибкой, некоторые – наивные, детские. Иногда невольно возникает впечатление, что они ни разу не воевали всерьез...

– Не стоит рассчитывать на глупость противника.

– Не думаю, что это глупость. Это опять-таки разница культур, под которую невозможно или дьявольски трудно создать общие принципы действий... Теперь минусы. Стрелковое оружие на пороховых принципах уступает энергетическому вражескому – как в проникающей, так и в убойной силе. Дополнительное огорчение – те образцы, которые попали в наши руки, зачастую пока – **пока**! – не поддаются копированию. Неизвестные материалы, непонятные узлы... Ученые возятся, но до сих пор безуспешно. К счастью, Альянс не объединяет все известные нам расы, и мы можем попытаться купить некоторые основные технологии у нейтралов, например, у тех же мьюри, которые относятся к нам вполне нормально...

– Не стоит рассчитывать на помощь нейтралов, – предупредил Император. – Если они продают своих соседей нам, то нас своим старым знакомым они продадут с еще большим удовольствием, едва у них появится такая возможность.

– Я не сомневаюсь в этом, Ваше Величество, – усмехнулся Масальский. – Но многие расы, такие, как шэни или нэрионы, относятся к нам с несомненно искренним дружелюбием. Шэни, например, – отличные ученые, их помощь была бы очень нам полезна; нэрионы – отважные солдаты с близким к нашему менталитетом, тяготящиеся ролью наемников-полурабов... Это – тоже плюс. Минус – наземная техника Альянса. У врага ее дьявольски много, и она зачастую превосходит нашу, особенно техника нэйкельцев и дайрисов. Минус – масса того **мяса**, которое они на нас бросают. У нас есть уже общие сведения о численности их населения – и мне, если честно, даже страшно себе представлять хотя бы гипотетически, сколько они могут вооружить... гм... единиц. Как и масштабы их промышленности. Но что они чудовищны – не подлежит сомнению. Мы можем сколько угодно перемалывать их на фронтах – и кстати, не факт, что у нас и дальше это станет получаться, но пока целы их необозримые и непознанные нами тылы – это не будет иметь смысла, в сущности.

– И что же вы предлагаете? – иронически спросил Император. – Начать с предложения о сдаче – так сказать, авансом?

– Отнюдь, Ваше Величество, – возразил Масальский. – Сейчас наше наступление развивается успешно, и мы должны его продолжать, хотя бы в силу того, что каждая занятая нами планета – это ресурсы, это промышленность, часто превосходящая нашу, это, наконец, их обитатели, многие из которых – наши потенциальные союзники. Но это не значит, что мы должны поддаваться победной эйфории, считать, что еще пара битв – и враги падут к нашим ногам. Нет. Я думаю, нам не стоит скрывать, что война за будущее Земли будет долгой, тяжелой – и, увы, кровавой. Мы не должны ни в коем случае ослаблять наших усилий по строительству военных кораблей – впрочем, это банальность, конечно...

– А как у нас обстоят дела с Флотом, Вячеслав Иванович? – спросил Император. – В общем, – добавил он, заметив, что адмирал готовится к долгой речи.

– В общем – лучше, чем мы могли ожидать, – ответил Масальский. – В основном, как ни странно, из-за нашей технической отсталости – как вы знаете, противоплазменные магнитные экраны вражеских кораблей непригодны для защиты от кинетики, то есть от огня нашей бортовой артиллерии и ракет. Истинные же защитные поля имеются далеко не у всех, и их эффективность тоже часто ограничена. Многие хитроумные системы радиоэлектронного подавления врага тоже часто бесполезны, потому что у нас просто нет таких сенсоров. Кроме того, мы проектировали защиту наших кораблей от кинетики – они малоподвижны, но покрыты тяжелой броней, как оказалось, вполне эффективной против плазмы, особенно в сочетании с магнитными противоплазменными экранами, производство которых уже начато...

– Гм. Интересно, – заметил Император. – Как же вы тогда охарактеризуете корабли

наших основных противников?

– Сторкадские – прекрасно вооружены, быстры и маневренны, но очень плохо защищены – это, по сути, пиратские рейдеры разных размеров – кстати, в более мирные времена я бы прочел вам интереснейшую лекцию по их истории, она напрямую взаимосвязана с нынешним состоянием космофлота Сторкада... Они опасны, но не выдерживают нашего огня. Джаганские – утыканы плазменными орудиями, но громоздки, неповоротливы, отвратительно оснащены и, по существу, непригодны для настоящего боя. Дайрисские – превосходны во всех отношениях, но слишком малы, им часто не хватает мощности. Нэйкельские – наиболее опасны, особенно линейные штурмовые носители – они достигают двух километров длины и покрыты броней толщиной двадцать метров, а также оснащены аннигиляционными орудиями – к счастью, больше ни у кого из наших противников нет таких технологий, а нэйкельцы отнюдь не расположены делиться ими с кем бы то ни было даже под угрозой смертельной опасности... Сами по себе нэйкельцы не очень хорошие бойцы – полагаются, в основном, на своих боевых биомехов, которые, к сожалению, действительно очень опасны... Бои на Китеже это показали, я видел записи и разговаривал с непосредственными участниками...

– Нэйкельцы – очень старая цивилизация, – заметил Император. – Насколько мы знаем, их империи уже больше восьми тысяч лет. Тем не менее, они не бросили против нас никаких супертехнологий, никаких свертывателей пространства, телепортаторов и прочего, чем пугали нас некоторые наши аналитики... Сейчас это хорошо, но в перспективе выглядит очень печально...

Масальский кивнул. Как и все, он знал о мечтах Его Величества – его тревожили любые преграды на пути развития Империи, даже такие, о которых другие еще и не задумывались.

– Здесь у нас есть весьма интересные сведения. Как я уже говорил, некоторые образцы инопланетной техники не поддаются копированию в наших условиях – тем не менее, они как-то были **сделаны**. А это значит...

– Что кроме Медленной Зоны в Галактике существуют и другие, с другими условиями, еще более благоприятными, – мгновенно догадался Император. – И большинство наших... оппонентов к ним не относится – они пользуются подачками более развитых цивилизаций. Это очень интересно, Вячеслав Иванович. Выходит, что наши противники... – Император на секунду застыл, явно пораженный этой мыслью, только сейчас пришедшей ему в голову, – о черт, да они же просто **не смогут** бросить против нас ничего лучше того оружия, что у них уже есть! Предел! Край! А вот мы – мы еще можем их удивить! Кроме того, мы можем развивать технологии, которыми наши враги пренебрегают, считая их слишком грубыми, – такие, как электромагнитные рельсовые орудия или неуправляемые ракеты, способные прорвать системы ПРО одним своим количеством... Кроме того, никто из наших врагов – за исключением сторков и скиуттов – фактически не имеет нормально подготовленной пехоты. Я думаю, мы должны максимально использовать это наше преимущество, вовлекая врага в планетарные бои везде, где это только возможно, выбрасывая в его тылы группы диверсантов и разведчиков. Далее. Нам нужно электромагнитное импульсное оружие для борьбы с автоматической боевой техникой – это в значительной степени нейтрализует преимущество врага. Но больше всего нам нужна разведка. Воевать вслепую нельзя, а мы пока что не имеем представления об истинных силах противников, о местоположении их баз, об их соседях, об отношениях между ними...

– Мы занимаемся этим, – заметил Масальский. – Соответствующие службы ведут тщательный допрос пленных и вообще всех инопланетян, согласных с нами сотрудничать... Все, что успел за предвоенные годы наработать наш дипкорпус, подвергается фактически разложению на атомы, буквы и звуки с целью наиболее полного изучения...

– Этого мало! – отрезал Император. – Много ли стоят сведения, полученные из вторых рук? Нам нужны рейдеры дальней разведки – корабли, которые смогут пройти в самый дальний тыл противника и вернуться. Как вы знаете, эта проклятая война сорвала все наши

космографические программы, которые были очень перспективны. Мы должны возобновить их, уже на другом уровне, конечно. Нельзя замыкаться только на войне, думать о том, как победить стоящего перед нами врага. Да, победа нам нужна, и мы этого не скрываем. Но – черт побери! – мы ведем войну с четырьмя расами, а ведь их в Галактике тысячи! Большинство просто ничего не знает о землянах – мы должны изменить хотя бы это. Мы бьемся не только за себя – речь идет о судьбах Галактики, быть ли ей домом для разума, или по-прежнему оставаться загоном для скота для одних и браконьерским заповедником – для других...

– Поможет ли нам это, Ваше Величество? – спросил Масальский. – Те, кто мог бы встать с нами на равных, оказались просто алчными и не очень умными хищниками, а те, кого мы могли бы назвать своими друзьями, – порабощены, унижены и ничем не могут нам помочь. Пока, по крайней мере.

– Признаюсь, я ожидал иного, – вздохнул Император. – Я, да и не я один, мечтал о братьях по разуму, о том, что в космосе нас ждут друзья. Вы слушали пять лет назад выступление моего венценосного соратника, императора англосаксов, – сколько в нем было веры в это братство!

А Адмирал задумчиво кивнул. Эдуард был еще большим фанатиком освоения космоса, чем русский император.

– Я предполагал, конечно, что найдутся и враги, – продолжал Василий VI, – глупо было бы верить в иное, но что ближайшая Галактика окажется поделена между расами рабовладельцев и разбойников, что в ней царит закон силы, что мы с нашими тяжело выстраданными понятиями о Чести и Свободе окажемся единственными, кого они еще не подмяли, – нет. Согласитесь, Вячеслав Иванович, это очень печально. Просто по-человечески печально. Мальчишки, которым я обещал звезды, вынуждены за них воевать... Девочки, которым эти мальчишки звезды показывали, теперь смотрят на них с ужасом: не сейчас ли, не возле этой ли вот звезды погибнет любимый?

– Несомненно, Ваше Величество, это тяжело... – согласился Масальский. – Но я бы посмотрел на эту проблему иначе. Вспомните, с чего начиналась наша Империя – **с одного-единственного человека**, который решил не «выживать», а навести порядок в разрушенном мире... Сейчас нас шестьсот миллионов. Вместе с англосаксами – далеко за миллиард. Среди нас больше нет дураков и предателей – просто НЕТ, как вида. Да, наших врагов больше, и они, к сожалению, сильнее. Да, война будет трудной и долгой. Может статься и так, что мы с вами уже не увидим победы... Ну и что с того? Разве вы сомневаетесь, что мы победим, что мы когда-нибудь вычистим и эти авгиевы конюшни?

– Нет, Вячеслав Иванович, я не сомневаюсь. Мне просто обидно. Вспомните, как ликовал народ – да и мы с вами, – когда Зона рухнула, когда открылись звезды... Сколько было надежд – и чем все кончилось? Теми же ордами зверья, с которыми мы должны драться за свою жизнь... Да, не все они зверье, там полно бьющихся за свою Честь, купленных, проданных, запуганных, просто обманутых – но, боги, опять начинать все сначала... ломать силу силой, убеждать, доказывать... неужели в мире не меняется ничего?

– Ничего не менялось, – ответил Масальский. – Пока не появились мы.

Официальное заявление Императора Англо-Саксонской Империи Эдуарда VII по поводу победы над Чужими

Это ночь Первого Дня: день, который начался почти два года назад – начался, как кошмар.

Маятник качнулся в обе стороны – и мы увидели многочисленные грани нас самих. Это была блестящая кампания!

Она подарила нам самую массовую битву кораблей, когда-либо виденную Галактикой, величие и вечность которой нельзя описать словами.

Мы все были свидетелями разрушения 300 вражеских дредноутов, 285 вражеских крейсеров и неисчислимого количества рейдеров, фрегатов, корветов и шаттлов.

220 000 вражеских солдат попали в наш плен. Мы были свидетелями самого большого тактического отступления Чужих со времен нашего появления в Галактике, масштаб которого заставил многих усомниться в его реальности. Они очистили без боя более тридцати звездных систем. Это привело к самому большому расширению наших границ со времен начала Экспансии.

Наши Империи вынесли тяжесть атаки флотов, измеряемых тысячами вымпелов, и порой казалось, что вся Галактика объединилась с целью поставить нас на колени. Мы видели наших союзников, умирающих под натиском стены огня, – многие из них исчезли в небытии. Другие же вышли на новый уровень, и политическая карта региона изменилась до неузнаваемости с начала событий этой войны.

И все же одна вещь осталась неизменной: мы все еще здесь. Наши Империи сильнее сейчас, чем когда-либо. Они выдержали проверку временем, проверку почти непереносимым давлением, никогда не сомневаясь в себе, всегда без страха за будущее. Возможно, что теперь все поймут, что мы, земляне, называем себя братьями не только потому, что это красиво и приятно звучит. Мы существуем не по причине нашего огромного богатства. Мы существуем не потому, что нас много. Мы существуем не потому, что у нас вдохновляющие лидеры. Заслуга за наше существование и все наши достижения принадлежат всем и каждому землянину в отдельности: нам всем, братья.

Мы победили – здесь. Сейчас. Сегодня.

15. Интерлюдия Йэнно Мьюри 205 год Галактической Эры

Охэйо помотал головой, когда запись закончилась. Было видно, что предусмотрительность русского Императора произвела на него глубокое впечатление.

– Да уж, после вашего появления в Галактике изменилось тогда и меняется постоянно многое, – сказал он. – И, что интересно, только в лучшую сторону. Интересно – мьюри пригласили вас сюда, чтобы позабавиться над дикарями, не скрывали этого – и что мы видим сейчас на их улицах? – Он помотал головой в искреннем изумлении. – Жаль даже, что мы, джангри, так мало интересовались землянами... Вот что: не хотите ли пообедать? – обратился он сразу к обоим землянам.

Земляне хотели. Церемонии из обеда никто из присутствующих устраивать не пожелал, так что еду принесли прямо в гостиную – что-то вроде запеченных креветок и суп, все очень вкусное. Игорь немного волновался насчет придворного этикета, но Охэйо ел как совершенно обычный, хорошо воспитанный человек. К тому же, во время обеда можно было смотреть новости – похоже было, что в болоте «общества благоденствия» назревала еще большая буча, чем уже было известно из прежних выпусков новостей. Игорь чувствовал, что крышку с котла все-таки вот-вот сорвет, и варево, кипятившееся столетиями, хлынет наружу...

Массовые беспорядки на расовой почве сотрясают Йэнно Мьюри. Сообщается о погибших

Срочное сообщение. Сообщается по крайней мере о дюжине смертей, явившихся ответом на преступления на расовой почве, и акты вандализма по отношению к мергосам джаго на Йэнно Мьюри. Столкновения между беженцами-джаго и этническими мьюри происходят во всех крупных городах планеты. Полицейские силы Федерации по подавлению беспорядков пытаются прекратить насилие. Сообщения о погибших и раненых поступают из промышленных районов на окраинах, где, судя по всему, волнения и начались. Очевидцы рассказывают о разъяренных рабочих-джаго, повернувшихся против хозяев-мьюри, которые, в свою очередь, защищают себя «всеми возможными способами», включая огонь на

поражение. Местные федеративные силы правопорядка призывают горожан «держаться подальше от опасности», оставаясь дома или в более безопасных центральных районах.

Десант Внутренних Сил Безопасности атаковал мятежников

Десант Внутренних Сил Безопасности корпорации «Найравана» высадился на территории мятежного завода для противодействия «захвату заложников», как это было названо в пресс-релизе. В соответствии с официальным заявлением, сделанным корпорацией, мятежные рабочие шантажируют ее угрозами убить своих коллег на заводе, если их требования не будут выполнены. Однако несколько сотен рабочих собрались по периметру захваченного завода и открыто выражают свою поддержку мятежникам. Так же, по неподтвержденным сведениям, на заводе удерживается только его руководство. Представители правительства Федерации никак не комментируют появление десанта. Захваченный завод является основным производителем вооружения на планете, а также крупнейшим поставщиком оборудования многим корпорациям.

Группы молодежи поддерживают Неймура

Ажиотаж от выступления Оттина Неймура все еще прокатывается по всей Федерации, и юные мьюри больше всех призывают к поддержке революции.

Особенно часто в эти дни на улицах встречается молодежь, устраивающая демонстрации в поддержку Неймура, а также иногда распеваящая Те'Раухака (древние родовые песни победы) или декламирующая некоторые из наиболее ярких моментов выступления этого одиозного лидера, восставшего против строя, которому он обязан всем в жизни.

Пока все свидетельствует о мирном характере этих демонстраций, хотя есть неподтвержденные сообщения о некоторых группах, нападающих на мьюри, которые не выказывают полную поддержку продолжающимся погромам против джаго.

– Ну что, продолжим? – спросил Охэйю, когда немногословные слуги унесли посуду. – Время у нас еще есть, надеюсь?

– Время есть, – согласился мальчишка. – Но впереди – не самое веселое...

16. Дело чести ***Второй год Галактической войны***

Орбитальный боевой терминал Антон впервые так подробно видел изнутри. На экскурсии (казалось, она была давным-давно!) школьникам показали то, что сочли нужным, а не то, что составляет повседневную жизнь этого огромного комплекса – одного из тех, что предназначены для обороны планет и лун. Но, честно сказать, первое время его занимал не столько терминал, сколько новый выходной мундир. Как и все земные мальчишки, Антон, конечно, мечтал стать военным, но отдавал себе отчет в том, что с его-то вполне средними показателями, и физическими, и умственными, вряд ли это получится при тамошнем конкурсном отборе. И вот он – юнга, участник настоящего победного сражения, в выходном мундире Флота (эх, жаль нельзя надеть парадку!) идет по коридорам самой настоящей космической крепости. И все на него восхищенно смотрят.

На самом-то деле, конечно, никто на мальчишек не смотрел – ни восхищенно, ни как-либо иначе. Скорее тут уставились бы удивленно на человека **без** формы. Таковых не наблюдалось вообще. А двое юнг с какого-то линкора были зрелищем насквозь

обыкновенным, даже если на груди у одного из них орденская планка (и снова жаль, что настоящий орден можно только с парадкой носить!). Ставрос это понимал, кстати, и на Антона поглядывал иронично, но ничего не говорил.

Мальчишки гуляли. Они были в увольнении, вскоре предстоял отпуск – как только линкор отправится отсюда – с орбиты вокруг Плутона – к Земле. Об отпуске Антон старался не думать, и у него это, в целом, получалось. Только иногда по вечерам он снова ощущал прежнюю боль... но она казалась далекой, и даже то, что отец так и не отозвался пока – то ли ушедший запрос так и канул в бездны аппарата стремительно растущих вооруженных сил, то ли еще что, – не сильно беспокоило. Тринадцатилетний мальчишка, по счастью, обладал присущими этому возрасту мощнейшими защитными рефлексами и сейчас просто наслаждался прогулкой. Навстречу попадались не только люди – в эллингх терминала стояла и спешно чинилась Первая Освободительная Эскадра в полном составе, а инопланетяне – в основном шэни и нэрионы – тоже отдыхали, и вот на них-то как раз посматривали с любопытством, да и они сами глазели кругом. Казалось, многие прямо-таки стараются найти вокруг что-то такое, что им откроет глаза на секреты земных побед...

– Зайдем? – ткнул Ставрос Андрея в бок и кивнул на ярко освещенную арку-дверь, завешанную, казалось, облаком полупрозрачного переливчатого газа, – они находились в зоне отдыха, и такие двери – кафе, рестораны, бары – тут встречались часто. Где-то танцевали, где-то ели, где-то просто разговаривали... В данном случае изнутри слышался веселый шум, который, правда, утих, как раз когда мальчишки подошли к арке, – под гитару зазвучала песня, заставившая замолчать даже самых неугомонных весельчаков. Песня была новая, о Китеже, о нападении сторков на поселок...

...не стреляйте, дяденька, милый —
Вы, должно быть, храбрый солдат!
В десять раз у вас больше силы,
И у вас в руках автомат...
Папа мертв, он взрывов не слышит,
А Андрюшка ранен в живот...
Бой идет, и рушится крыша,
И мой братик сейчас умрет...
Не стреляйте, дяденька, в спину —
Всей моей семьи больше нет...
Вы же взрослый, сильный мужчина —
Ну а мне всего девять лет...¹⁵

– Зайдем, – только теперь кивнул Антон.

Внутри почти не было свободных столиков – тут сидели штурмовики, и пел молодой офицер, вокруг которого сидели и стояли слушатели. Как раз когда мальчишки, осмотревшись, обосновались на отыскавшихся свободных местах, офицер усмехнулся, посмотрев вокруг, подмигнул и начал другую песню – заставившую всех оживленно и весело зашуметь – впрочем, шум он перекрывал легко...

...А наверху скиутт сидит здоровый...
А кто ж их знает, тех скиуттов, – мож, их пять?
Такой вот выпал мне расклад хреновый —
Ползти наверх и ни фиги о них не знать...
Но я дополз туда, ругаясь злобно!
А вот и опаньки – а вот и мой клиент!

И не смотрите вы, что я помельче, —
Я все равно его уделаю в момент!
Вот нагайкой в череп, да без разговора,
Вот те с правой в печень острый нож...
Ты посмотри – вокруг такие горы,
Ты с этих гор, волчара, больше не уйдешь...¹⁶

Мальчишки заказали себе по большому бокалу лимонного сока и по двойной порции котлет по-киевски с жареной картошкой – и картошка и мясо тут были свежие, не консервированные и не сублимированные, от которых в походе все равно устаешь, сколько бы ни уверяли тебя, что они «идентичны свежим». В ожидании заказа они принялись обсуждать, что делать дальше – до конца увольнения оставалось еще полно времени, собственно, оно фактически только-только началось, – и не сразу заметили, как к стойке подошел и стал делать какие-то покупки, набивая ими большую сумку, их ровесник. И только когда он заказал – видимо, себе – минеральной воды и стал озираться, ища, куда сесть, Ставрос подавился новым предложением насчет дальнейшего отдыха:

– Сторк!

– Че-го?! – Антон завертел головой и уставился на мальчишку с сумкой и минералкой – именно на него смотрел Ставрос. – Иди ты знаешь... – и замолчал, разглядывая мальчишку.

Зеленоглазый, рыжий... таких было достаточно и среди землян во всех концах обеих Империй. Но Антон быстро «кинул линии»¹⁷ на лицо зеленоглазого и даже привстал.

– Е!

Между тем мальчишка – он был одет в рабочий комбинезон Флота, но без знаков различия, эмблем и нашивок – поймал на себе взгляды юнг. На миг опустил голову, кажется, вздохнул тяжело. Потом вскинул подбородок, сделал несколько шагов и сел за их столик – те отодвинулись даже, не сводя с рыжего откровенно враждебных глаз.

– Да, я сторк, – тихо сказал тот по-русски почти без акцента, нагло отпил из своего бокала.

Ставрос свирепо засопел и покраснел – быстро, резко. Антон стиснул зубы и почувствовал, как затекают кулаки. Наверное, он бы ударил... если бы не глаза сторка. В них был странный вызов – беспомощный и горький. И Антон спросил резко:

– Пленный? Тогда чего тут разгуливаешь?!

– Да какой он пленный, у него же сопля под носом висят, – презрительно сказал Ставрос, видимо, решив убить сторка высокомерием. – Небось, из некомбатантов, только какого он не в лагере? Ты как тут оказался, слышишь, ты? – соизволил он обратиться к сторку.

– По своей доброй воле и обоюдному желанию сторон, – огрызнулся сторк и снова отпил из бокала.

Ставрос молниеносным движением поднес к его лицу крепкий, с космическим загаром кулак – остановил в каком-то сантиметре.

– Видишь? Тресну – ты в коридор на жопе выедешь. И все барахло по дороге растеряешь.

– А оно не мое, – криво улыбнулся сторк. – Моего тут только я и остался, да и то кусочком.

Мальчишки переглянулись. Антон спросил негромко:

– Да откуда ты, тебя же добром спрашивают?

¹⁶ Стихи Константина Попова.

¹⁷ Сторки фактически неотличимы от людей. Но, мысленно проведя по их лицам несколько воображаемых линий, по точкам их схождения можно легко – при некотором навыке, конечно! – понять, кто перед тобой.

– С корвета «Стрела», – ответил тот. – За покупками послали.

Мальчишки снова переглянулись. Ставрос уже спокойней спросил:

– У тебя что, родители за нас, что ли? Беженцы? Так бы и сказал...

Глаза сторка полыхнули:

– Мои родители – не предатели, и сапоги вам целовать... – он вдруг осекся и даже как-то сжался. Но продолжал: – Мои родители мертвы. И две младшие сестры. Их всех убили на Арк-Торе ваши десантники.

Две младшие сестры, подумал Антон. И потупился. Но Ставрос презрительно сказал:

– Врешь ты что-то. Наши десантники в детей никогда не стали бы стрелять.

– Их убили случайно, – сторк отвел глаза, вздохнул. – Отец, мать и я... мы стреляли из дома. Ваши думали, что там военные, и ударили из какой-то большой пушки.

– Ну и сами виноваты, – отрезал Ставрос.

Антон поморщился:

– Ставр, погоди ты... Ну, виноваты, конечно. Но все равно же... – и повернулся к сторку. – Тебя что, наши подобрали?

– Капитан корвета Ярошевский Иван Иванович... меня и младшего брата... – сторк вдруг поставил бокал и, вскочив, повернулся к мальчишкам спиной. Рывком задрал куртку.

Никто не обратил на это внимания – молодой офицер опять что-то пел, вокруг него стояли буквально стеной. А Антон откинулся на стуле. Спина сторка была украшена синими, лиловыми, алыми рубцами – следами зверских постоянных побоев в течение уже долгого времени.

– Это – от него, – тихо сказал сторк, садясь и опуская куртку. – В подарок.

Юнги молчали. Сторк болтал в стакане минералку, потом залпом допил ее, отвернулся куда-то к стене. Антону очень хотелось, чтобы он встал сейчас и ушел. Просто и поскорее. И можно было о нем забыть и пойти дальше гулять. Они заслужили. А сторк – просто сын врагов. Но сторк не уходил, и мальчишка задал вопрос – почти выкрикнул:

– Да почему ты не сбежишь?!

– Да я же не один, сказал ведь... Мы с младшим братишкой. Он нас отдельно держит. Меня просто в каюте, а брата в спальне, в клетке, – лицо сторка передернулось. – Я сперва сразу сказал, что он меня убить может, и все, и ничего я не буду делать. А он тогда... он тогда... он тогда... – сторк скривился, проглотил, переждал боль. – Он младшего подтащил к себе, на колено положил и стал гнуть через него... Говорит: «Вот сейчас я ему позвоночник сломаю, гаденышу, и тогда ты что скажешь?» А он же маленький. Он не понимает еще. Он закричал. Заплакал. И я сразу сломался... В ноги упал... – сторк как будто сам себя резал – медленно и даже с каким-то удовольствием. – И сапоги ему... – выговорить он не смог. – А этот... еще сказал, чтобы я не вздумал с собой что сделать – я-то тогда отмучаюсь, а вот мой брат сполна заплатит... Я раньше читал сэокг... ну, песни про героев, про воинов... Они даже если на их глазах близких убивали, от своего не отступались. Оказывается, по-другому тоже бывает...

– А команда?! Команда что?! – допытывался Антон.

Ставрос молчал, только хмурился все сильнее...

– А команда и не знает ничего. Наоборот, хвалят капитана – мол, чужих вражат подобрал и жалеет, при себе держит, вот так... К нему же без вызова никто прийти не может, никто и не видит ничего и не знает. А я вечером лежу и думаю: хоть бы мы оба не проснулись утром. Просто не проснулись, и все. А предки не слышат, далеко, наверное... Или не хотят трусу помогать...

– Какой же ты трус? – хмуро сказал Ставрос.

Сторк медленно повел углом губ:

– Трус... Я знаю. Ладно, брат, ради него... Но я и сам... Кидаюсь сразу выполнять, только чтобы не бил лишний раз. А он все равно бьет. Когда не в спальне, а в каюте и дверь закрыта, брат не слышит, тогда я кричу. Кричишь – не так больно... Еду – миску в угол ставит, на пол. У нас так рабам есть не давали... Или сапоги... в зубах заставляет приносить.

А еще... на нитку кусок колбасы привяжет, и я за ним бегая. Говорит, как кот. А кто такой кот, я не видел ни разу. Животное, да?

– Дома у нас такие живут, – сказал Антон. – Как ваши накъятт, только меньше намного и бескрылые.

– Ну, я так и думал. Еще «спортом занимается» со мной. На беговой дорожке, ерунда такая, тренажер называется. Руки к рукояткам пристегнет и бежать заставляет. Пока падать не начну. А падаю – он через рукоятки током, чтобы вставал. У меня от тока уже рефлекс выработался – ударит, и у меня моча течет. Сама. Когда подошвы в кровь сотру, тогда он отпускает... Или вместо груши для бокса – так? – вешает за руки... – сторк опустил глаза в стол. – Мне уже и не стыдно. Ни гордости не осталось, ни стыда, ничего... Я раньше мечтал на войне героем стать, героем Сторкада. А сейчас только думаю – уснуть бы и навсегда. Только чтобы с братом... Правда, предки нас не узнают. И мы провалимся в ледяное озеро, где туман кружит всех, кто умер, как трус, а в воде – битый лед. Ну и пусть уж. Я младшего на руках понесу. Говорят, там все-таки можно выбраться на берега... Только вот отца я не увижу уже никогда – он умер, как воин, ушел в Палаты Мужей, а я умру в рабстве... – Сторк выпрямился отчаянно, его глаза сверкнули, он шепотом вскрикнул: – **Я – в рабстве !** Даг Ульво кен ло Ульво ап мит... – его голос сорвался и упал, он опять сгорбился. – А утром все равно просыпаюсь – и все заново...

Мальчишки притихли, слушая сторка. Ставрос, воспитанный в традициях Флота и не знавший другой жизни, в общем-то, был просто возмущен и разгневан тем, что офицер-землянин позволяет себе издевательства над пленным. Он бы даже воспринял это, как вражеский поклеп, если бы не наглядные доказательства и чисто подростковое интуитивное ощущение, что ему не врут. И теперь грек разгневанно посапывал, исподлобья глядя на сторка и соображая, что надо делать с таким позорищем, – ни в уставе, ни в предыдущей небогатой жизни ничего не подсказывало парню, как тут поступить. Он, кстати, хотел было сказать, что теперь сторк почувствовал, как это – быть рабом, и поделом... но не сказал. Какое это имело отношение к происходящему? Сторки были рабовладельцы, и этим все сказано. А капитан земного корвета рабовладельцем не был, и это – другое дело, другой разговор, другой спрос...

Антон, более тонкая натура, просто пришел в ужас. То, что его родной поселок уничтожили именно сторки, кошмар медленного умирания в развалинах – он ничего этого не забыл. Но именно потому, что он умел сочувствовать, собственные страдания как-то наложились на сторка и слились именно с ним, лишившимся родных, живущим безо всякой надежды, в постоянном страхе, да еще и среди врагов! Если Ставрос все-таки не мог представить себе по отношению к землянам слово «враги», то Антон понимал, что для сторка-то это именно так и есть! Враги кругом, и мундиры вражеские, и язык врагов, и лица, и даже воздух, которым дышишь, и все, что для него, Антона, – родное, свое, близкое! – для сторка враждебно и страшно... Подавшись вперед и притиснув кулак к кулаку, Логинов слушал сторка, неподвижно, широко раскрыв глаза.

А сторку, измученному, оскорбленному до глубины души, отвратительному самому себе, как видно, было уже все равно, кто перед ним и с кем он говорит – лишь бы выговориться и больше не держать это в себе. Ровесникам рассказывать такое было все-таки проще, чем взрослым, перед взрослыми землянами он бы ни за что не унился так, это был бы уже край, бездна... Когда же он выговорился и посмотрел на молчащих мальчишек-землян, то только усмехнулся – горько, криво. Конечно, они радуются унижению – да еще какому унижению! – врага... Что ж. Все правильно...

– Ладно, я пойду, – сказал он, вставая.

Антон схватил его за рукав:

– Куда?! К этому гаду?! Ты что?!

Сторк окаменел, изумленно глядя на земного мальчика. Это не укладывалось в его голове – свой назвал своего гадом за то, что тот издевался над врагом! Разве пленный враг – не раб?! Не вещь?! Да, ему плохо, ему непереносимо. Но землянам-то что?! Он даже

подумал, что неправильно понял чужой язык.

– Нет, идти надо, – Ставрос встал и одернул мундир. – К коменданту терминала сразу. Пошли быстро.

Заказа мальчишки не дождались.

* * *

Капитан Ярошевский, казалось, не удивился, когда увидел явившийся наряд военной полиции. Спокойно кивнул в ответ на уточняющий вопрос о звании и фамилии. Посмотрел на вошедшего среди полицейских Ульво, усмехнулся, открыл каюту, жестом пригласил всех присутствующих – как будто хозяин на банкет. Растерянные офицеры корвета вошли со всеми, держа наготове оружие, – и в каюте сразу стало очень тесно.

Ульво опрометью бросился к установленной в углу между кроватью и переборкой клетке – явно самодельной, но прочной, – в которой вскочил в рост маленький сторк, что-то закричавший брату. Ульво задержал замок. Отвернулся к Ярошевскому...

И в тот же момент капитан выстрелил. Из небольшого пистолета старой модели, который он держал, как позже оказалось, в кобуре-кармане.

Первая пуля попала в лоб Ульво, и он упал – упал, стараясь прикрыть клетку с братом. Но вторая угодила точно в висок младшему мальчику, и тот осел, цепляясь за прутья, привалился к ним...

В каюте стало пронзительно тихо. Не двигался никто. Только из голов убитых сторков с еле слышным побулькиванием вытекала темная кровь, сливаясь в одну лужицу. Когда лужица добралась до сапог сержанта, командовавшего нарядом, тот отступил и вскинул глаза на Ярошевского, который аккуратно положил пистолет на стол.

– Что вы смотрите, сержант? – спокойно, с легкой насмешкой, спросил он. – На арестованных полагается надевать наручники. Вот к чему приводит забвение устава.

– Что вы наделали, Иван Иванович? – тихо сказал молодой гардемарин. – Иван Иванович, **что же вы наделали ?**

– Ничего такого, чего не стоило делать, Саша, – отозвался капитан, не глядя кладя в руку сержанта, протянутую по-прежнему молча, ключ. Удовлетворенно кивнул, когда на его запястьях щелкнули браслеты. – Вот теперь правильно...

Гардемарин проследил, как сержант вытащил из клетки – нет, скорее осторожно вынул – тело младшего сторка. Помедлил, держа его на руках, положил рядом с убитым братом, поправил обоим руки по швам и закрыл глаза. Потом подумал, положил правую руку старшего на левую – младшего. Снова было тихо, и снова все следили за сержантом. Тот выпрямился и сказал с трудом:

– Вы арестованы, – больше ничего не конкретизируя.

– Я знаю, – согласился Ярошевский.

Сержант сглотнул, приоткрыл рот – собирался что-то сказать, что-то тяжелое, как булыжник. Но вместо этого только указал рукой подчиненным.

– Иван Иванович, **зачем ?!** – гардемарин пошел рядом с арестованным, заглядывая ему в глаза, как маленький мальчик взрослому. – Иван Иванович, это же **дети !** Как вот они! – гардемарин ткнул в застывших в кессоне – дальше они идти не посмели – Ставроса и Антона, хотя сам был старше на пару лет, не больше.

– Не говори глупостей, Саша, – капитан улыбнулся. И вдруг заговорил – быстро, громко, напористо и убежденно, обращаясь уже не к гардемарину, а ко всем вообще: – Вы что, слепые?! Как вы не поймете, что мы воюем со зверьем, с бесчисленным и опасным зверьем?! Какое милосердие?! Какие правила войны?! Убить их как можно больше; если попадают их дети – убивать их, пока не выросли! Расчистить космос от этой дряни! Иначе они поднимутся! Даже побежденные – опять поднимутся! Думаете, они оценят наше благородство?! Чушь, глупость, наивность! Они посмеются над нами, потому что любая доброта для них – только слабость! Если уж война – то война по-настоящему, без этих

игрушек в тупое благородство!..

В коридорах корвета все обалдели от произошедшего настолько, что никто и не подумал задержать бегущих юнг. Они, тяжело дыша – хотя пробежали немного, вообще-то, остановились в капитанском салоне, у входа в каюту.

– Вам сюда не надо, – военный полицейский преградил наконец дорогу, но мальчишки успели увидеть лежащие рядом трупы – с окровавленными головами, держащиеся за руки.

Антон попятился. Споткнулся о комингс, удержался на ногах и опрометью бросился обратно...

...Когда он выбежал на причальную площадку, капитана Ярошевского вели уже далеко вниз. Люди вокруг – на лестницах, у подъемников, в переходах – недоуменно провожали группу взглядами. И еще более удивленно вскинули головы, когда сверху – там, где мальчишеская фигура, вцепившись руками в перила, перегнулась через них почти в падении – раздался отчаянный звонкий крик:

– Гад! Какой ты гад! Лучше сто раз проиграть, чем один раз – победить с такими гадами, как ты!!! Гад! Гад! Гад!

Яростный крик, его отрывистые слова не били – они словно клеймили.

Только теперь Ярошевский замолчал и ссутулился.

* * *

В личном деле расстрелянного по приговору военного суда капитана Ярошевского было отмечено, что его родители, жена, младший брат и две дочери – трех и пяти лет – погибли во время боевых действий на Китеже.

А на короткую церемонию погребения сторкадских мальчиков в космосе пришло неожиданно столько людей, что им не хватило места на парадной палубе.

17. Долг

Второй год Галактической войны

Пожалуй, никогда еще Варшау – древний город на стыке Империй – не был так многолюден, как сейчас.

Люди переполняли город, и временами казалось, что он вот-вот взорвется – как плотно завинченная банка с водой, поставленная на огонь.

Военные и гражданские. Ошалелые и от этого пронзительно-шумные делегации школьников – самых разных победителей и призеров, получивших право приехать сюда в награду. Дворяне. Фермеры. Рабочие. Женщины и мужчины. Жители Земли и космических колоний. Оба Императорских Двора и весь Большой Круг. Флаги, флаги, флаги – самые разные флаги...

Не меньше пяти миллионов человек (и много тысяч не-людей) съехались сюда. Событие же, которое должно было состояться сегодня, будут смотреть более миллиарда только людей. Сколько самых разных инопланетян увидят его на экранах трансляторов – было трудно себе даже представить.

Вместе с людьми по городу волнами перекатывался обычный шум – и пение разноголосое, разноречное, замешанное на военных маршах. Было от чего просто-напросто ошалеть.

Молодой парень в простой одежде, по виду – рабочий, попавший в это кипение прямо с трапа самолета, не ошалел. Может быть, потому, что думал о своем и смотрел по сторонам как-то отстраненно...

...Мимо возбужденно пронеслась компания из десятка мальчишек в пионерской форме с яркими табличками «Добровольный помощник» на груди. Это были местные ребята, шедший по окраинной улочке между древних домов юноша уже несколько раз видел их – то бегущих вот так куда-то, то просто исполненных гордости за родной город и чувства

собственной значимости, вышагивающих рядом с приезжими: вся пионерия Варшау была мобилизована для того, чтобы помогать на улицах «не местным» – показать дорогу, рассказать что-то, проводить куда-то... Вместе с земными мальчишками бежал нэрион – азартно прижав уши, на груди национальной рубашки – алый галстук пионера, инопланетный мальчишка перекликался с худощавым рыжим парнишкой на посвистывающем и цокающем языке, непринужденно вставляя в переключку русские и английские слова... Юноша проводил их глазами и грустно улыбнулся, посмотрел на часы – явно не просто так, он чего-то ждал. И, судя по всему, времени до этого события оставалось еще немало.

В кофейне, куда он заглянул, хозяин – пышноусый атлет – сразу махнул рукой, предотвращая попытку достать бумажник:

– Никаких денег, пане! Сегодня все и для всех – бесплатно! Жаль, что посетителей маловато... – он обвел взглядом зал, посмотрел в большое окно-витрину и воспрянул духом: – Ну да ничего! Как парад начнется – так набьются, это право слово верно! Тогда и скучать не придется... Вам чего подать-то?

Юноша заказал кофе, печенья и почти не удивился, когда хозяин, принеся заказ, устроился на стуле рядом и завел разговор. О том, что «всех своих» он отпустил погулять в такой день, что старший сын с женой и маленькой дочкой у него живет на Китеже и как волновалась вся семья, когда Чужие напали на планету, но «бронь божи!», Чужие никого у сына не убили, хотя он сам дрался с ними в ополчении, а жена и дочь прятались в лесу у туземцев. И что двоих этих туземцев сын недавно привозил сюда, показывал Землю, и что «люди они добрые весьма, а что дикие – так и что?» И что младшего недавно с тремя одноклассниками поймали аж на Арконе – почти пробрались на космодром, чтобы лететь на Флот и вступить в него юнгами; пришлось всыпать, но несильно, уж очень дело большое. И что у дочки парень погиб в «большом сражении в космосе, знаете, конечно?» – хороший был парень такой, рос на глазах, дружили с дочкой с детства – и дочка, которую наотрез не взяли на Флот, теперь записалась на курсы медсестер, «мувит, хоть так за него отомщу – раненым помогать буду!». И что война, видимо, все-таки долгой не будет, потому что «ведь сильно добже их побили, замиренья просить будут – вы-то как думаете?»... Разговор юноше не мешал ничуть, хотя посетитель сам говорил мало. Хозяин спохватился, только когда послышался резкий электронный сигнал – видимо, заранее выставленный где-то за стойкой на приборах:

– О! Полчаса до парада! Сейчас соседи собираться начнут...

– Полчаса?! – юноша вскочил, заторопился.

Хозяин, очевидно, собиравшийся предложить посетителю остаться – экран в кофейне был огромный, – тут же уважительно спросил:

– Так у пана билет?

– Ну... – юноша развел руками и от смущения полез снова за бумажником, но хозяин с улыбкой задвинул его руку обратно в карман.

– С праздником. А до площади лучше ехать трамваем, остановка сразу за перекрестком, на любом можно...

До трамвая сразу добраться не получилось – перед самым носом движение перекрыл идущий строй солдат в парадных мундирах малиново-черно-белой расцветки. Но никто даже не пытался возмутиться – наоборот, со всех сторон послышались приветственные выкрики, слившиеся в единый гул, который, впрочем, перекрыли солдаты, хором грянувшие песню...

Это шла Гвардия – Дроздовский полк, и стены дрожали от грохота шагов и мужских голосов...

Нам в окопах родиться велела судьба
И в походах провести свои годы.
Мы не спим, ожидая, когда же труба
Позовет нас в походы, в походы!

Нам не нужно ни денег, ни славы, ни благ —
Лишь бы был вещмешок за плечами.
Никогда мы не сможем умерить свой шаг —
Будем днями шагать и ночами.

Мы не можем забыть, мы не можем предать,
Мы не можем отсрочить отмщение.
Мы идем не проигрывать, а побеждать,
Не бывать никогда пораженью!
От походов во веки веков не устав,
На ходу с неба звезды хватаем...
И Святое Писанье – Военный Устав —
Нас сближает немножечко с Раем.

Мы пока затаились в казармах своих,
Мы пока лишь готовимся к бою,
Ждем мы грома небесного от часовых,
Что в поход позовет нас с тобою!
Мы до самого логова Зверя дойдем,
Чтоб гордились героями деды...
Что ж, дроздовцы... Довольно валяться! Подъем!
От привала – и вплоть до победы!¹⁸

Лицо юноши стало каким-то самоуглубленным и в то же время решительным. Он не кричал вместе с остальными, но провожал взглядом строй как человек, что-то для себя окончательно прояснивший... И это выражение сохранилось на его лице, когда он легко вскочил на первый трамвай – звонко заголосивший на повороте...

...Занять свое место на импровизированной трибуне – между сухощавым стариком-офицером и крайним из группы взволнованных донельзя мальчишек-скаутов, которым изменила даже англосаксонская сдержанность – юноша успел как раз к тому самому моменту, когда над площадью повисла тишина. Сразу после отчетливого удара в невидимый огромный барабан – одинокого и раскатистого. А потом зазвучала музыка – музыка, похожая на... да нет, она не была похожа ни на что. Просто – музыка. Но по лицам людей вокруг было видно, что каждый из них представил что-то свое. Что-то – самое лучшее, самое близкое и светлое в жизни...

И трибуны вздрогнули, как одно большое живое существо, которому сделали больно, – когда светлый поток вдруг прервался. И в наступившую секундную тишину упала – именно упала, тяжело и колюче – совсем иная мелодия.

Эта музыка грохотала и ревела. И в этом реве отчетливо слышались угрожающие чужие голоса, гул форсированных двигателей, тяжкий лязг металла и близящийся гром шагов – диссонансный, не марша солдат, а накатывающейся орды... Над горизонтом поднялись и уперлись в небо, растеклись по нему, заполнили летнюю белизну черные столбы дыма. А потом над ними и над миром – в космос, в неизбежность – встали четыре ярких меча густо-алого пламени. И начали опускаться – на улицы, на город... **на всю Землю** – под торжествующий злой рокот Нашествия...

И тут ударил барабан. Не гулкий и мягкий, как вначале, а рассыпчатый, сухой и злой.

Барабан бил дробно, громко и упорно. Все, кто напряженно смотрел в сторону, откуда опускался огонь (словно бы это по-настоящему, словно бы не постановка...), повернулись в сторону этого звука.

¹⁸ Стихи Бориса Лаврова.

По мостовой – навстречу дымным колоннам и клинкам из багрового пламени, навстречу давящему реву Нашествия – шел мальчишка. Просто мальчишка, без формы. Он шел и бил в высокий барабан, не глядя по сторонам. На середине площади мальчишка показался совсем маленьким, беспомощным и... упрямым. Он чуть приостановился, глянул на нависающие над ним столбы пламени – и выбил раскатистую дробь призыва.

Ответ пришел сразу...

...Они шли вперемешку – скауты и пионеры, – не чеканя шаг, но в ногу. Яростно били барабаны, и серебряным звоном пели фанфары. Лица. Взгляды. Ноги, делающие шаг – шаг – шаг – навстречу грозной силе, которая там, за горизонтом, приближа...

Да нет. **Нашествие больше не приближалось**.

Последний ряд мальчишек замаячил спинами в конце площади. А потом оттуда вдруг, придерживая на боку барабан, выбежал тот, первый, мальчишка. Подышал, огляделся, махнул рукой и крикнул (его голос услышали все) звонко и отчаянно:

– Ну?! Давайте, что же вы?!

И – бросился догонять уходящих своих.

А на площадь потекли реки боевых знамен. Уже не мальчишки – армейские оркестры шагали по мостовой плотными рядами, и люди, узнав музыку, почти одновременно запели – запел весь город, и каждый из поющих знал, что сейчас поют и у многочисленных экранов по всей Галактике Человека... А следом за оркестрами катились чеканные ряды боевых полков и батальонов, и им не было конца...

Нас не сломит беда,
Не согнет нас нужда,
Рок всевластный не властен над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда,
Мы, земляне, не будем рабами!
Пусть чужая орда
Снаряжает суда,
Угрожая всем нам кандалами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Мы, земляне, не будем рабами!

Нашествие еще взрыкивало, лязгало, гремело, но уже огрызаясь и затихая. А песня Землян ширилась – куплет на русском, куплет на английском... И шли, шли, шли, сотрясая твердь, колонны боевых машин и похожих на машины солдат...

Враг силен? Не беда!
Пропадет без следа,
Сгинет с жадой господства над нами!
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Мы, земляне, не будем рабами!
Коль не хватит солдат —
Станут девушки в ряд,
Будут жены и дети бороться!
Будь же верен и смел
И возьми, что хотел!
В бой – в ком сердце отважное бьется!..¹⁹

¹⁹ За основу взято стихотворение Василия Князева «Песня Коммуны».

Сотни тысяч голов поднялись к небу. По нему – навстречу рушащимся гаснущими осколками огненным мечам, навстречу разносимым ветром черным дымовым колоннам – скакал Хадарнави, русский серебряный всадник, заносивший копье, а у ног его коня – слева и справа – неслись на врага Волки Британии. А за ними шли, оставляя в небе плотные полосы национальных дымов, десятки боевых машин...

Казалось, от восторженного рева сейчас рухнет небо...

– Тише, – сказал диктор, из ниоткуда, торжественно и спокойно, перекрыв и обрубив своим голосом сразу все, поселив в мире такую всеобъемлющую тишину, что становилось страшно...

И в эту тишину стали падать слова – числа потерь, названия погибших кораблей, уничтоженных баз и населенных пунктов... В небе сменялись картины – новые и новые, – печально и торжественно иллюстрировавшие сказанное.

– Мы не хотели этого! – вдруг снова перелился в стальной звон-гром голос диктора. – Этого хотели – ОНИ! Так пусть же платят! Смотрите и слушайте, люди Земли! Слушайте и смотрите, наши друзья! Мы – взяли с них эту цену!

Горели корабли Чужих. Полыхала техника. Валялось брошенное оружие. С громом всплывали гигантские горящие цифры: уничтожено... сожжено... захвачено... погибло... сдалось... А на площадь – на площадь вдруг вперемешку начали выходить пленные враги и выезжать буксирующие образцы трофейной техники транспортеры.

И этому потоку тоже не было конца.

Взорвался над головами зрителей корабль-чудовище...

Люди молчали. Они молчали и просто смотрели. Без криков, без гнева, без радости. Они смотрели, как течет мимо унылая река, над которой гремели и гремели, жгли и давили числа, числа, числа потерь Чужих...

Вдоль дороги, на обочинах, бесконечно громоздились трупы джаго – искалеченные, срубленные беспощадным и точным огнем не в бою – во время бегства. Дико, но многие еще сжимали в скрюченных смертью лапах, словно пытаясь удержать и после гибели, разные украденные в брошенных домах колонистов вещи. По дороге шли земные солдаты и ополченцы, не глядя по сторонам. Только один – почти мальчишка – вдруг сбежал на обочину, выхватил у одного мертвеца какой-то медальон, обтер и бережно спрятал под куртку, за ворот разгрузки. Поднял строгие, внимательные глаза – ставшие огромными, заполнившие мир над городом Варшау, над Землей...

* * *

Сержант-вербовщик, не попавший на парад из-за того, что ему выпало дежурство, стоял у двери и курил. Это он мог себе позволить только на работе, а точнее – в краткие минуты после нее. На работе курить – значило ронять престиж вооруженных сил. Дома – нарываться на пламенные филиппики младшего сына, который был уверен, что курить – это скатываться к состоянию обезьяны. Хотя сержант не раз замечал ему, что обезьяны не курят. И еще он несколько раз порывался бросить – не получалось, привычка въелась с почти детского возраста намертво...

– Простите, я бы хотел подписать контракт, – услышал сержант, когда делал последнюю затяжку – самую вкусную, которой, конечно, поперхнулся. И посмотреть на того, кто обратился к нему с этой просьбой, не сердито, просто не мог.

За сегодняшний праздничный день сержант «обработал» более двухсот человек и семнадцать инопланетян и чертовски устал, как будто весь день орудовал лопатой. Поэтому он хотел сказать неслышно подошедшему юноше, что пункт уже закрыт, и предложить прийти завтра. Но... встретился взглядом с глазами юноши – и не предложил.

– Проходите, садитесь, – кивнул он и, вздохнув, открыл дверь. В конце концов, раз он здесь все еще, то почему бы и нет?

Внутри зажегся свет. Вошедший следом за сержантом доброволец не спешил садиться и с интересом осматривался – плакаты и репродукции на стенах, буклеты на столе, экран, еще один стол – рабочий, за который, походя включив компьютер, уселся сержант. Вербовочный пункт был невелик и даже уютен, словно тут еще и жили...

– Полные имя, фамилия, отчество – и тогда немного поговорим, – сержант откинулся на спинку кресла, чуть свел брови, вглядываясь в лицо посетителя – сейчас ярко освещенное, в отличие от вечерней улицы.

Лицо показалось... знакомым, что ли? Может, кто-то из приятелей старшего сына, который стажирется в гусарском полку? Нет, не было такого вроде среди них... и тем не менее, сержант где-то видел этого молодого парня. Хотя тот и был похож на миллионы землян своего возраста – рослый, спортивный, со спокойным взглядом и отточенными с детства движениями спортсмена – все-таки сержант где-то видел именно **его**.

– Равиков Богдан Игнатьевич, – отчетливо назвал себя юноша, наконец сев через стол от вербовщика.

Сержант внезапно резко подался вперед.

– Равиков, Равиков... Богдан Равиков... – пробормотал он, хмурясь и все внимательней рассматривая спокойно сидящего напротив юношу. Потом его лицо неожиданно изумленно дрогнуло, и он всерьез, не в шутку, ударил себя по лбу: – Луна-одиннадцать! Четыре года назад! – Сержант отодвинул «мышь», снова смерил взглядом сидящего напротив юношу. – Так ты герой, парень...

– Я не герой, – тихо сказал юноша. – Я очень виноват... впрочем, это только моя вина. Тогда я не успел сказать, что извиняюсь за одну... одну глупую подлость. А теперь я пришел сюда, чтобы отдать долг. Просто отдать долг... – и добавил не очень понятное сержанту: – **Им страшно только забвение. Помните. Пожалуйста – помните...** Давайте начнем оформление...

...Когда Богдан вышел из вербовочного пункта, стемнело уже совсем. Если честно, он не хотел, чтобы сержант его догнал и начал говорить. Не факт, что у того было подобное намерение, но Богдан все-таки быстро свернул в ближайший переулок и облегченно выдохнул.

У него было еще сорок восемь часов свободы. Нет. Не так. Впереди были праздничный шум и огни, но в узком старинном переулке – пусто, и Богдан замедлил шаг, задумчиво покачивая головой. Что такое свобода? То, что он называл так четыре года назад? Или тот выбор, который сделал сейчас? Свобода – возможность делать то, что пожелается в сиюминутном запале... или право забыть о себе?

В тот миг, когда они – в том коридоре – на той планете – набросились на врагов, на настоящих врагов – мальчишки – на вооруженных взрослых солдат, – в тот миг он был **свободен**. Впервые в жизни свободен по-настоящему. Для того состояния не было слов. И не нужно было слов. Остальное – мелко.

Он посмотрел на часы, чуть ускорил шаг. И – остановился, потому что с другого конца переулочка шла девушка. О древнюю брусчатку ясно пощелкивали каблучки. Богдан еще какую-то секунду не верил в то, что видел, – они договорились встретиться в аэропорту, он уже сейчас сильно опаздывал, он не звонил ей, она – ему, он не назвал никаких других мест встречи, Уля не могла найти его тут. Просто не могла!

Сказка какая-то.

Но навстречу шла она. Богдан неуверенно поднял руку: вдруг все-таки ошибка?

И услышал голос – тот самый голос, который был первым из услышанного им, когда он – четыре года назад – все-таки вернулся в мир живых...

Я стою у заветного дома, не веря себе,
В этом доме все окна обиты зеленым плющом,

В этом доме ступенек широких протяжная нить,
И звенят голосами детей стены в доме моем.

Я стою у порога, едва притихая в мольбе,
Пусть мой дом окружает всегда этих яблоней сад,
Пусть в нем будет уют и желание все позабыть,
Даже то, что на улице вьюги, ненастье и град.

Я стою у стола, расставляя тарелки семье,
В моем трепетном доме пылает спокойный очаг,
В моем ласковом доме не хочется больше спешить,
И покоем счастливым сквозит каждый сделанный шаг.

Я стою на ступеньках, прислушиваясь к тишине,
Скоро дом мой наполнит звенящий ребяческий гам,
Скоро муж мой вернется, мы будем друг друга любить,
И я счастье это теперь никому не отдам...²⁰

18. Интерлюдия Йэнно Мьюри 205 год Галактической Эры

Охэйо встретил финал истории в молчании. Лицо у него вновь стало задумчивым и хмурым, и Игорь не решился его спрашивать – один неловкий вопрос мог все испортить.

– Ничего не достается даром, – наконец, сказал Охэйо, и Игорь невольно вздрогнул – так неожиданно прозвучал его голос. – **Ничего**. Вы, земляне, достигли невероятно многого, но заплатили за это невероятную цену. Настолько высокую, что я не знаю, сможет ли кто-то последовать за вами... Это ведь только на словах легко призывать «не врать и не бояться». А когда надо пожертвовать собственной единственной жизнью, тут отступают почти все.

– Я рад, что вы это поняли, сударь, – заметил Андрей Данилович.

– Понял что – что мы, джангри, будем всегда идти за вами? – фыркнул Охэйо. – Да, наверное, так, хотя это не очень-то приятно. Впрочем, к одной цели ведут несколько путей... – он помолчал. – Не все они требуют **такого** исполинского мужества, но **легких** среди них нет...

– О чем это ты? – спросил Игорь.

– Так, о своем... – Охэйо уже опомнился и насмешливо посмотрел на него. – Ты можешь считать меня просто глупым принцем, но я много где побывал и много что видел, несмотря на молодость. Может быть, даже **слишком** много... А знаешь, иногда бывает тяжело, когда человек может **СРАВНИВАТЬ**. Особенно если при этом он еще может **думать**. . Каким бы хорошим он ни был, но неизбежно приходят сомнения, приходят вопросы, на которые очень трудно ответить...

– Я не считаю тебя глупым, – обиделся Игорь. – О чем это ты? О том, что другие – те же мьюри – достигли внешне большего меньшей ценой?

Охэйо вновь посмотрел на него – на этот раз с уважением.

– Ты все-таки поразительно умен для своего возраста... если только у вас на Земле – а похоже, это так и есть – такое не считается самым обычным делом... Да. Кому-то ваши жертвы могут показаться **напрасными** – и очень многим кажутся, вообще-то. Но ведь мы обсуждаем не сказку, а реальное бытие, которое конца не имеет. Так что судить надо не по тому, чего все мы достигли, а по тому, что мы все **СМОЖЕМ** достичь. Кто сможет сказать,

²⁰ Стихи Евгении Власовой.

чем станут ваша Империя и Йэнно Мьюри через тысячу лет? Кто будет тогда впереди? Никто. Но мне кажется, что вы уйдете куда дальше мьюри.

* * *

В посольство Игорь вернулся усталым и зевающим – устал он, впрочем, не от объяснений, а от неподвижности – он устал сидеть в этой проклятой гостиной. Хорошо хоть, оставалось немного – завтра принц вновь обещал устроить для землян большой прием – уже прощальный, – и там Игорь собирался показать последние отрывки историй Борьки и Антона. А пока что, болтая с друзьями, он не забывал одним глазом смотреть на новости. Мьюри, как и русские, долго раскачивались, но когда все же начинали, их уже нельзя было остановить. Общество «процветания и демократии» трещало по всем швам.

Срочная новость:

Внутренние Силы Безопасности открыли огонь по бастующим рабочим, десятки убиты

Десант Внутренних Сил Безопасности корпорации «Найравана» открыл огонь и убил, по меньшей мере, одного рабочего. Это послужило началом битвы между ВСБ и восставшими, которая унесла жизни нескольких десятков мьюри.

Снайпер ВСБ смог убить главаря мятежников, которого исполнительный директор корпорации сумел выманить наружу якобы для обсуждения судьбы захваченных заложников. Последующие записи показывают, как разъяренная толпа рабочих бросилась в атаку, начав битву, в которой погибли несколько десятков человек. Наши анонимные источники предоставили убедительные доказательства того, что именно глава корпорации «Найравана» Хаатакан Оиритсуу отдал приказ открыть огонь по рабочим и отбить у них фабрику. Сама корпорация отрицает эти сведения. В настоящий момент обе противоборствующие стороны отступили на свои позиции, фабрика остается под контролем мятежников. Корабль исполнительного директора корпорации был замечен улетающим с планеты несколько минут назад, ВСБ окружили фабрику по периметру и установили полевые госпитали для раненных.

Федерация с осторожностью наблюдает за «проблемой Неймура»

В то время, как официальная реакция правительства на подстрекательскую речь главы корпорации «Минералик» Оттина Неймура отсутствует, аналитики и эксперты по всей Федерации пристально следят за ситуацией.

«Это может спровоцировать дальнейшее усиление антикорпоративных настроений в государстве, – заявил др. Кирби Метаи, эксперт по безопасности Федеральной Военной Академии. – Это всего лишь один человек, однако его амбиции предельно ясны, и он уже многого добился. Если он продолжит популистскую риторику для привлечения сторонников, он сможет настроить значительную часть населения против Федерации».

Метаи уверен, что неожиданное выступление Неймура может спровоцировать подобные восстания по всей Федерации. «Мы уже видели сотни восстаний рабочих по всей территории Федерации. До сих пор мегакорпорации воздерживались от таких жестких действий, которые предприняли в «Найраване», поскольку руководство боится так же потерять влияние. Остается неясным, принесут ли успех более мягкие действия по сравнению с мерами, к которым прибегло руководство «Найраваны», либо им удастся лишь отсрочить потерю занимаемого положения».

Специалист по внутренним проблемам мегакорпораций Эвлин Смолтц опасается, что удар, нанесенный Неймуром, уже сейчас может вызвать проблемы во взаимоотношениях Федерации Йэнно Мьюри и Джаггана. «Уличные беспорядки? Уничтожение собственности? В Федерации сейчас полная неразбериха, и все

благодаря Неймуру. Он в одиночку дестабилизировал Федерацию до такой степени, какой мы уже давно не видели. Если вообще когда-нибудь видели. Если он хочет захватить больше власти, чем имеет сейчас, все возможности у него есть. Мегакорпорации обладают силой для стабилизации ситуации и поддержания мира. Остается неясным, справятся ли они с этим».

Метай в основном согласен с анализом Смолтца, однако имеет возражения в деталях. «Если честно, то, учитывая нынешнюю ситуацию в государстве, нет необходимости в захвате власти. Неймур, возможно, уже сейчас имеет все, что хочет или что ему нужно. Даже если амбиции его еще больше, он должен быть спокоен. Его харизма достаточна для того, чтобы продвинуться дальше».

Были попытки получить комментарии от правительства Федерации и Федерального Разведывательного Управления. Ответ, полученный от правительства, содержал отказ от комментариев по поводу политики корпораций. В ответе ФРУ было заявлено, что они следят за ситуацией и будут действовать так же и в дальнейшем, но по поводу самой ситуации комментариев у них нет.

По крайней мере, один комментатор смотрит на выступление Неймура со сдержанным оптимизмом. Авери Фарнал из корпорации «Сурнимайа» заявил следующее: «В настоящее время я не могу определить его отношение к Федерации. Он, по крайней мере, предоставляет альтернативу рабочей силе джаго. Мощное популистское послание было ориентировано на всех мьюри, и, если Неймур в действительности не считает нас своим врагом, наши корпорации даже больше сблизятся».

Уничтожены джагганские корабли. Федерация снимает с себя ответственность

Власти Федерации подтвердили сегодня, что несколько торговых судов джагганского происхождения были уничтожены неопознанной флотилией кораблей без опознавательных знаков на территории Федерации в системе Осогир несколько дней назад.

В заявлении для прессы, сделанном сегодня утром, Министр Внутренних Дел Федерации приложил массу усилий, чтобы дистанцировать правительство от данного происшествия. «Мы сожалеем, что этот инцидент имел место, – заявил он. – Я могу подтвердить, что ни наш Флот, ни любой из органов поддержания правопорядка к данному происшествию не причастны. Мы хотим заверить Империю Джагган, что относимся к происшествию очень серьезно и что мы приложим все усилия, чтобы определить виновных и призвать их к ответу по всей строгости закона».

Министр подтвердил, что предварительный анализ обломков, обнаруженных в системе, указывает на то, что было уничтожено по меньшей мере пять кораблей джагганской конструкции. Также он разъяснил, что несколько спасательных шлюпок с выжившими были обнаружены властями указанной системы. Когда представители прессы спросили о причине присутствия джаго в системе, министр отказался от комментариев, однако признал, что некоторые из выживших джаго оказывали местным властям содействие в расследовании.

Многие убеждены, что джагганские корабли были частью конвоя, задачей которого был захват граждан Федерации в целях перемещения их в Империю и удовлетворения значительной потребности в рабах. В последние несколько месяцев произошло несколько инцидентов, связанных с похищениями или внезапными исчезновениями мьюри на аутпостах, станциях и колонизированных планетах на протяжении всей границы Федерации с Империей Джагган. Часто эти случаи были связаны с присутствием по соседству джагганских кораблей. До сих пор было недостаточно улик, подтверждающих хотя бы один факт деятельности джаго по захвату рабов на территории Федерации, однако слухи циркулировали, и напряжение продолжало нарастать.

Несколько недель назад посольство Империи сделало заявление, в котором утверждалось, что власти Джаггана «не давали никаких разрешений на

противоправные действия на территории Федерации» и что они «с радостью окажут помощь в любом расследовании подтвержденных случаев похищения людей или работорговли». Многие комментаторы-мьюри верят, однако, что Джагган ничего не делает для того, чтобы положить конец подобным действиям и что он может даже скрыто поощрять их. Правительство Федерации до сих пор проявляло осторожность и не предъявляло никаких официальных обвинений, и многих интересовало, как долго такая ситуация может продолжаться.

В отдельном заявлении для прессы, сделанном вскоре после заявления министра, представитель правительства Джаггана выразил озабоченность и сделал несколько пренебрежительных высказываний по поводу неспособности Федерации контролировать собственных людей. «Мы разочарованы, что Федерация Йэнно Мьюри неспособна гарантировать безопасность деловых интересов другой нации на своей территории, – было сказано в заявлении. – Мы будем требовать извинений и соответствующей компенсации родственникам погибших».

Существует множество предположений относительно происхождения неопознанных кораблей, ответственных за стрельбу по джаго. Некоторые корпорации достаточно громко заявляли о необходимости обеспечивать безопасность самостоятельно, однако никто из них не зашел настолько далеко, чтобы взять ответственность на себя. По утверждению очевидцев, подтвержденному корабельными логами, корабли хотя и были однозначно йэнно-мьюрской конструкции, опознавательные знаки на них отсутствовали. Более сомнительными были комментарии одного из свидетелей, описывающие их поведение. «В молодости я провел некоторое время в рядах Флота, и их порядки и тактика были мне определенно знакомы», – отметил он.

До сих пор неизвестно, на какое время выжившие и свидетели будут задержаны для допроса, однако очевидно, что завершение предварительного расследования у властей системы займет по крайней мере несколько недель.

Срочно – полиция открыла огонь по демонстрантам

Ситуация на Йэнно Мьюри резко обострилась этой ночью: Федеральная полиция открыла огонь по протестующим джагганского происхождения. Точная картина произошедшего пока не ясна, но надежные источники сообщают, что полисмены открыли огонь после того, как выстрелом из бушующей толпы был убит офицер. Кадры с места столкновения запечатлели большую группу молодых джаго, атакующих полицейские заграждения, в то время как силы безопасности пытаются эту группу оттеснить. В данный момент полиция строит в городе баррикады для защиты магазинов и прочей частной собственности. Хотя политики призывают все стороны конфликта к спокойствию, счет жертв беспорядков уже пошел на сотни.

Как часто тут бывало, сразу после новостей началось обсуждение события – похоже, местные телекомпании всегда держали наготове «дежурную группу» болтунов, единственно для того, чтобы показать оперативность при обсуждении очередной сенсации.

– Погромы – это всего лишь повод, – с ходу заявил какой-то востроухий и злой полицейский чин. – Джаго всегда были асоциальны, они асоциальны даже в своей Империи, где их сдерживает лишь постоянный страх смерти, они ненавидят полицию и...

На него тут же налетел какой-то джаго в ярком наряде, поразительно похожий на петуха – в обоих смыслах этого слова.

– Массовые нападения, избиения мирных беженцев и разрушение храмов при полном попустительстве полиции – всего лишь повод? Очень интересное отношение к функциям государства и понятию «безопасность»! При этом вандалов и хулиганов-мьюри не поймали, а вот демонстрации джаго расстреливают! И при этом мьюри утверждают, что они единственная демократия в Галактике? А как же права человека и прочее?

– Государственная полиция в поте лица работает, чтобы обеспечить права мьюри на их

родине! – рявкнул полицейский.

– Демократия, права человека, гражданское общество... – хмыкнул Яромир. – Все это будет сохранено в лице нескольких сотен выживших джаго, спрятавшихся от праведного возмездия где-нибудь в дальних норках.

– Где-то поводом были детишки, забравшиеся туда, куда не надо было забираться, и схлопотавшие смертельный удар током, а где-то – вандализм, – заявил какой-то мьюри профессорского вида. – Причины лежат глубже. Как причины вандализма, так и возмущения джаго. К слову, я лично не вижу большой разницы между вандалами и теми, кто мстит за вандализм невинным... Справедливых погромов не бывает. Наказывать надо и тех, и других. С юридической же точки зрения, наказать вторых, наверное, проще, потому как гражданин Федерации и джаго со статусом беженца – это разные вещи. Да и защищает их закон тоже не так, как полноправных граждан.

– Может, будем обращать внимание не только на вандализм, но еще и на нападения на граждан? – возразил еще один джаго, более приличного вида. – Мне эта ситуация видится в том свете, что молодеватые головорезы-мьюри решили очистить родную планету от «недочеловеков». Полиция ничего не делала. Новость один. «Недочеловеки» начали возмущаться. Начались акции протеста. Собственники-мьюри испугались (видимо, было чего испугаться) и начали вести гуманный и демократичный превентивный огонь на поражение. Чтобы неповадно было. Полиция из центра не высывалась. Новость два. Кто-то из «недочеловеков» (а может, и провокатор) выстрелил в полицейского. Попал. Убил. Заметим, что до этого уже были убиты с десятков джаго. О погибших мьюри – ни слова. У полиции оказались развязанными руки. Теперь уже сотни погибших. Думаю, догадаться о национальной принадлежности их не трудно. Ждем демократичных концентрационных лагерей и гетто!

– Не превентивный, – возразил полицейский. – Полиция стрелять стала далеко не сразу с началом выступления джаго, а только после убийства полицейского. Ну, а случаи самообороны с применением оружия – это вполне нормально, если оное оружие приобретено и хранится в соответствии с законом. Кроме того, сообщается по крайней мере о дюжине смертей, явившихся ответом на преступления на расовой почве и акты вандализма по отношению к мергосам джаго...

– Ну, то есть дюжину трупов мы имеем точно, – заявил какой-то важный на вид чиновник. – Но, скорее всего, больше. Впрочем, у меня нет никаких сомнений в том, что среди джаго жертв гораздо больше. Полиция защищает граждан и налогоплательщиков – не исключено, кстати, что среди них есть и джаго, принявшие гражданство со всеми вытекающими последствиями – от некой категории лиц со статусом беженца. Это печально, но ничего иного быть не может. В конце концов, не в ладушки же с погромщиками играть? Отдельно подчеркну, что полиция не защищает вандалов, она пытается навести порядок! Причем очевидно, что чем больше сил полиции привлечено к проблеме массовых беспорядков, тем меньше ресурсов остается на поиск и поимку преступников, заваривших эту кашу.

– Все же мьюри – хороший народ, – подвел итог Игорь. – Когда у них у самих дома запахло жареным, они быстренько начали забывать про всю эту «демократию».

* * *

Сам прием Игоря не очень заинтересовал – пусть на самом деле все эти встречи были очень важными, у мальчишки было свое дело, которое он сегодня собирался закончить на ударной, так сказать, ноте. Фильмы он отбирал сам – какие, никто ему не советовал, взрослые понимали, что мальчишке видней, где его сверстники выглядят совершенно живыми. А, как ни странно, Чужие больше всего любили именно земные детские фильмы...

19. Рабы Арк-Сейора

Второй год Первой Галактической войны

Зелень леса внизу казалась темной почти до черноты и мрачной. Сверху, с высоты полета геликоптера, ее полосы между высовывающимися алыми зубчатыми грядками высоких гор выглядели узкими, перешагнуть можно. Но фантор²¹ Логэ Нэйк кен ло Нэйк отлично понимал, что каждая такая черная полоска – десяток дней пешего пути. А горы вообще непреодолимы. Как их называют местные? Нейк не знал, он вообще почти ничего не знал об Арк-Сейоре. И свое нынешнее назначение воспринимал, как всякий сторк хорошего рода должен воспринимать тыловую должность в те дни, когда его родина ведет тяжелейшие бои с врагом!!!²² Издевательство и происки.

Нет, Арк-Сейор был ему не по душе с самого космодрома – лежащий в предгорьях, за окраиной столицы колонии, он был, тем не менее, невыносимо влажным и жарким, как баня. А что творится в этих низинах, кажущихся такими узкими, и предположить было трудно. Собственно (Нэйк посмотрел на массивный угловатый браслет на левом предплечье) можно все это узнать. Только – сдалось оно. Сторкад – планета гигантских мелких морей с пресной водой, в которых рассеяны тысячи островов и островков, тут и там соединенных перешейками и до сих пор во многих местах поросших девственным лесом – не была такой жаркой даже на экваторе. И воздух намного суше, как ни странно. Не кажется, что, дыша – одновременно пьешь. И, если уж так была необходима тыловая работа после того дурацкого ранения, почему бы не отправить его домой? Он не был там полтора года. С начала войны... Нэйк вспомнил ступенчатые серо-серебристые стены имения – и острую башню-венеч, возносящуюся над окрестными стройными деревьями еще на одну их высоту. В детстве он любил туда забираться – там, наверху, всегда был ветер – и, раскинув руки, стоять между зубцов и задыхаться от ужаса перед высотой у ног и восторга перед миром, распаивающимся вокруг...

...Фантор тряхнул головой – с коротко стриженными золотистыми волосами, отблескивающими металлом.

В самой сути предстоящей службы он не видел ничего странного или недостойного. У его рода были хорошие плантации морепродуктов на Сторкаде – одни из старейших в истории планеты, и он с детства привык к этому. Но во время войны такое занятие – для средних родов. Можно даже для низших, если рабы – чужие. Лучшие должны завоевывать для народа новые и новые земли.

Правда, пока не очень-то получается, сердито подумал он. Земляне оказались весьма и весьма серьезным противником. Временами они вызывали у Нэйка настоящее восхищение. Их техника уступала технике союзников (разве что корабли были, как ни странно, во многом лучше – по крайней мере, приятно-рациональны даже на вид). Даже просто бойцов у них было гораздо меньше. И вот, они уже второй год наступают. Фактически – все время после разгрома десанта на Китеж и позорнейшей для союзников битвы у голубого гиганта, звезды, называемой землянами Спика. Более мелких стычек в космосе и планетарных сражений никто толком не считал – они происходили еженедельно... и всегда, **всегда** имели один и тот же результат. Земляне наносили Альянсу очередное поражение, вспыхивало очередное восстание в тылу союзников, становилось известно о том, что очередная группа из числа пленных перешла на сторону землян...

Впрочем... малоподвижное лицо Нэйка, покрытое сизоватым космическим загаром,

²¹ Звания Сторкада невозможно перевести точно. Но они, как и на Земле, напрямую уходят в историю планеты. Фантор – примерно «тысяцкий», полковник.

²² В начале Первой Галактической и даже в первой ее половине земляне – за счет разобщенности врагов и умелой игры на их высокомерном отношении к многочисленным покоренным расам – активно и успешно наступали и даже захватили часть планет-колоний противника.

чуть покривилось. С такими союзницами ничего не стоит и вообще проиграть. Вечные дележки... Когда земляне ворвались за первую линию обороны, сокрушая защиту одной планеты за другой и разгоняя спешно бросаемые навстречу сборные эскадры, когда запылали ужасающие размахом и упорством бунты рабов даже далеко в тылах – и тогда ведь ухитрялись выяснять, кому руководить! Бегством. Ха.

Фантор передернул плечами. Да уж. Не смешно было – убежать по коридорам базы без сапог, отстреливаясь от десантников-землян из ручного бластера. Пережить такое унижение вторично – лучше уж умереть.

– Подлетаем, – пилот вертолета сверкнул на него серебристыми очками. – Справа внизу, господин фантор.

Нэйк чуть наклонился наружу из открытой кабины легкой машины. В щеку ударил теплый, влажный, пахнущий чем-то сладким ветер. Внизу – у подножия скал – плавно проходили длинные плоские здания под белыми крышами – четыре в ряд, окруженные красной стеной; за ее пределами – еще три здания поменьше и одно совсем маленькое – и ряд каких-то будочек. Тонкие линии желтых тропинок разграфляли этот план на ровные секторы. Ниже тянулись залитые водой длинные полосы полей, на которых различались фигурки работников.

Да, ни один сторк в здешних джунглях нормально жить не может. Океанское дно какое-то. И если что и нужно от Арк-Сейора – так это здешняя древесина, дающая великолепные натуральные пластмассы – и вот эти поля с кустарником, названия которого не выговоришь, да и незачем. Таурент – лучший в Галактике анестетик, который получают из листьев этого кустарника... По краям поля тут и там грелись неподвижные, похожие на каменные изваяния слэйверы. На громадных сторкадских плантациях рабский труд используется веками. Миллионы рабов разных рас, а также сторкадских преступников работали, рождались и умирали на них.

Необходимость большого числа людей на вот таких полях разных планет вкупе с высокой смертностью делала невыгодным применение высокотехнологичных методов контроля рабов, таких, как, например, виток (токсин, убивающий жертву через некоторое время, если не введен антидот). Вместо них сторки давно уже стали использовать слэйверов, иногда называемых раб-гончими.

Далекий Арк-Рикос – родина слэйверов, а сторки приручили их вскоре после первой высадки на эту планету, более тысячи лет назад. У этого позвоночного тонкое, покрытое гладким мехом тело, и четыре длинные лапы. Взрослый слэйвер может быть более метра ростом, от лопаток до ступней передних лап. Однако более примечательная особенность – мощные челюсти и зубы. В предвкушении схватить что-нибудь слэйверы буквально истекают слюной. Она постоянно капает из пасти, и отсюда старое название слэйверов, данное им до того, как они стали использоваться в качестве надсмотрщиков, – слюнтая. Слэйверы чрезвычайно быстро бегут и способны далеко прыгать, что делает этих плотоядных смертельной опасностью для невооруженного человека. Слэйверы крайне злобны и кровожадны, но могут быть приручены, если дрессировать щенков. Им позволено свободно перемещаться вне огражденных периметров на плантациях. Обладающие отменным зрением и обонянием, проворные животные быстро обнаруживают смельчаков, рискнувших выбраться за пределы изгородей, и немногие могут избежать безжалостного нападения. Любимая тактика слэйверов – атака сверху. Для этого они часто затаиваются на возвышенностях, даже на деревьях, но могут просто прыгнуть на несколько метров вверх и обрушиться на ничего не подозревающую жертву.

Успешный опыт использования слэйверов как охранников привел к распространению животных с Арк-Рикоса на другие земледельческие планеты Империи Сторкад и даже на некоторые индустриальные и рудодобывающие колонии. Уже давно слэйверы стали и модными домашними животными – эти кровожадные существа могли быть крайне верными и преданными своим хозяевам, если заботиться о них должным образом. Сторки, большие почитатели «дикой» (на самом деле – тщательно и любовно селекционированной под дику)

природы, несмотря на высокоразвитую технику, использовали животных в быту очень и очень часто. Впрочем, у Нэйка слэйвера не было, и он не любил этих существ... То ли дело нак'ятт, крылатые быстрые умницы, гордые и безоглядно привязчивые... Хотя – нак'ятт не заставишь караулить добычу часами...

...Геликоптер пошел на посадку отвесно, ровно – пилот знал свое дело. Мир вокруг потерял распаханность – и Нэйк увидел идущего от края посадочной площадки офицера – того, кому он прилетел на смену.

Фантор Элья был ниже ростом и старше годами, чем Нэйк. Одетый в темно-зеленые свободного покроя безрукавку и шорты, в легких ботинках и широкополой шляпе, он своим видом покорибил Нэйка, привыкшего к яркой и строгой форме военного флота. Кобура бластера на поясе и браслет на запястье висели как-то косо-криво, знаки различия выглядели нелепо. Нэйк знал, что в колониях некоторые от долгой службы опускаются, и с неудовольствием подумал, что этот... начальник мог довести лагерь до чего угодно, а разгрести придется ему, Нэйку...

Но нет. Правда, вместо отточенного военного приветствия Элья панибратски пожал Нэйку локти – но, скупно улыбнувшись, с ходу сказал:

– Не удивляйтесь моему внешнему виду. Сразу же первый совет – не гонитесь за формой. Есть тропический образец для таких мест, и вам советую переодеться поскорей. Чувствуете?

О да. Нэйк почувствовал, что мгновенно взмок. Подбежавший слуга-туземец – невысокий, гибкий, с кожей зеленого цвета и черепом, похожим на череп рептилии – подхватил рюкзак и чемодан фантора и застыл, как статуя. Элья поднес ко рту браслет:

– Вещи нового Главного Господина на мое место. Быстрее.

Коммуникатор издал разнотонный длинный свист – и туземец сорвался стрелой, опять-таки как рептилия, на бегу балансируя длинным тонким хвостом. Сторки не любили рептилий и аборигенов Арк-Сейора истребляли походя, так же походя делали рабами... Элья повел рукой:

– Прошу в ваше хозяйство. Теперь ваше, хотя за последний год я к нему как-то привык.

– Вы были переведены по ранению? – Нэйк пошел рядом с Эльей по ровной тропинке, понимая, что начинает мечтать о более свободной одежде. Ударивший в спину ветер от вертолетных винтов показался благословением.

– А как же иначе? – удивился Элья. – Почти в самом начале войны получил две пули в живот во время неудачной высадки на Каледонию, – он произнес земное название планеты на английском языке. – Чудом не попал в плен... А потом мне долго не могли найти замену на этой должности.

– Неудивительно, – искренне сказал Нэйк, мельком глядя на прохаживающихся по верху стены часовых. Они были в той же форме и, хотя с оружием, но без намека на доспехи. – Хилая охрана.

– Бежать не имеет смысла, – Элья открыл дверь в самое маленькое из виденных сверху зданий. – Вы заметили слэйверов? Да и не только в них дело... Прошу в ваше новое обиталище, мой счастливый приемник...

...В здании было несколько комнат. Около самого порога стояли чемодан и два небольших контейнера – видимо, вещи Эльи. Но он сам явно не торопился, и Нэйк решил, что это к лучшему, – наверное, введет в курс дела. В домике вовсю работали кондиционеры, и Нэйк перевел наконец-то дух.

Одна комната была типичнейшим офисом со всем необходимым – от государственного флага до систем связи за отдельным столиком. Вторая – «личными покоями». Были двери в душ и туалет и линия доставки. Вещи Нэйка уже стояли в спальне, слуга-туземец исчез.

– Еда с гарнизонной кухни, – пояснил Элья. – А туземные слуги живут в тех будках во дворе, вот кнопка вызова. Организовать построение свободной смены охраны, представить вас?

– Если не торопитесь, то не сейчас... Вы сказали, что бежать не имеет смысла? – Нэйк

заинтересованно посмотрел на Элью. – Почему?

Элья улыбнулся:

– Вы видели землянина близко?

– Достаточно близко, – Нэйк потер кулак правой руки ладонью левой, вспомнив схватку у шлюпки и перекошенное, разбитое в кровь этим кулаком лицо со странными коричневыми глазами – он еле отцепился от земного десантника, с которым схватился врукопашную на самом пороге спасения...

– Нас легко спутать, если не проводить вскрытия и анализов, – продолжал Элья. – Туземцы, живущие вокруг плантаций, – естественно, рабы, занимающиеся заготовкой и первичной обработкой древесины; комплексы на краю леса, вы их потом непременно увидите... Но уже в дне пешего пути отсюда можно встретить дикарей. Землянин для них – тот же сторк. Они его убьют, как только увидят, и разбираться не станут. Куда и зачем бежать?

– Хм, ловко, – признал Нэйк. – А сколько в лагере землян?

– Двести тридцать шесть, – Элья помолчал. – Рабочий день – двенадцать часов с часовым перерывом на обед. Один день из семи – выходной. Больные от работ освобождаются; болеют они редко, местные инфекции им не страшны, как и нам, – только травмы. Трехразовая кормежка.

– О чем вы говорите?! – Нэйк оторопело уставился на второго офицера.

Элья медленно усмехнулся:

– А вы еще не поняли? Что ж. Прошу. Переоденьтесь – и я сам устрою вам экскурсию, чтобы снять сразу все вопросы. Фантор Нэйк, вы попали в лагерь, где содержат пленных землян, а не рабов-туземцев. И более того... а впрочем – сейчас вы все поймете сами.

* * *

В бараке было чисто. Окна забраны решетками, но большие, много света. Кондиционер работал – один, правда. Вдоль стен шли двухъярусные кровати с номерами и именами, между ними стояли тумбочки на четыре ячейки каждая. Посередине – стол с задвинутыми под него длиннющими скамьями. У дальней стены – загородки душа и туалета, по сторонам от входной двери – стойки с разным барахлом. Все прибрано, ощущение такое, что барак просто нежилой.

Но, во-первых, на трех койках Нэйк увидел людей. А во-вторых – навстречу вошедшим офицерам по проходу мимо стола быстро шел...

...Нэйк проклял сложнейшим проклятием тех, кто устроил его на эту работу...

...Мальчишке было по счету Сторкада весен десять. Значит, если по земному... по земному... двенадцать лет, кажется. Тощий, в одних широких потрепанных зеленых шортах и босиком, но аккуратный, подтянутый, он вытянулся по стойке «смирно» (не такой, как у сторков, но отчетливо-понятной) и ясно, резко разделяя слова, отрапортовал на сторкадском:

– Господин комендант, русский блок находится на работах! Больных трое. Нарушений нет. Доложил дежурный по блоку Аркадий Ильин, номер сто два.

Мотнув головой, отбросил со лба длинный русский чуб и посмотрел на обоих офицеров спокойно и безразлично. Глаза у него были серые и усталые.

– Как там Иван? – Элья, кивнув дежурному (тот посторонился и скользнул взглядом, в котором на миг появился интерес, по Нэйку – но тут же отвел его и пошел следом за офицерами), подошел к крайнему из лежащих. Веснушчатый мальчишка постарше Аркадия – с забинтованной от щиколотки до колена правой ногой – привстал на локтях. – Лежи. Болит?

– Болит, господин комендант, – буркнул тот, тоже косясь на Нэйка.

– В обед врач посмотрит еще раз... – не сводя глаз с рыжего, Элья сказал чуть повысив голос: – Максим, я думаю, что руки у тебя уже в порядке. И что это нечестно – лежать тут и корчить из себя сопротивленца... а на самом деле ты просто бездельничаешь, прикрываясь

высокими словами, пока остальные ползают в грязи.

Худощавый мальчишка с короткими темными волосами, торчащими, как иголки, вскочил с кровати и растерянно посмотрел вокруг. Элья поднял на него глаза и произнес:

– Ненавидеть нас – это одно. А взваливать свою работу на других – таких же, как ты, людей – это несколько иное. Руки прошли?

– Д-да, господин комендант, – тихо сказал парень и опустил глаза.

Элья хмыкнул. Прошелся по бараку туда-сюда (Нэйк ходил следом, изо всех сил стараясь не показать, как он ошарашен и разозлен), потом открыл одну из тумбочек. Посторонился, показывая нутро. Нэйк подошел ближе. Вещей там, конечно, было немного, но на всех четырех ярусах лежали одинаково – аккуратно свернуты, один уголок свисает – красные платки.

– У англосаксов такие же, только зеленые, – сказал Элья. – Их тут никто не носит, потому что считают себя недостойными их носить. Но хранят вот так – напоказ, чтобы мы видели.

Нэйку было плевать на платки, хотя его заинтересовало на миг, что это за штука. Уходя следом за своим счастливым – о, каким же счастливым! – предшественником, он еще раз оглянулся.

Никто из троих мальчишек не смотрел им вслед.

* * *

– А сейчас слушайте внимательно, – Элья пустил в оба высоких стакана шипучие холодные струйки, сделал приглашающий жест и с довольным вздохом откинулся на плетеную спинку кресла. – Контингент, как вы теперь сами убедились, **очень** специфический. При первой возможности мы его разменяем... но такая возможность не представляется пока, хотя есть на кого и давно пора, вообще-то... Работают они на нас именно на плантациях, потому что помогать в производстве оружия и техники – хотя там намного лучшие условия, а знаний у большинства из них более чем хватает – отказались наотрез даже под угрозой жизни младших и девочек. Даже под угрозой... – Элья помедлил и закончил: – Даже под угрозой пытки. И не только под угрозой... хотя это было не при мне. Теперь о тех двух ошибках... – Элья отхлебнул: – Пейте, пейте, это местная минеральная вода, отличная вещь... Так вот, о двух ошибках, которые вы можете совершить. Первая. Вы можете начать относиться к ним как к представителям низших родов, безродным или вообще покоренным дикарям – именно так, как это распространено среди нашего народа. Но я вас уверяю, Нэйк, это **не** дикари и даже не сторки низших родов. За такое отношение они платят открытым презрением, скрытыми насмешками, тихим и умелым саботажем или даже устраивают несчастный случай.

– Убивают? – Нэйк не поверил своим ушам.

Элья повел щекой:

– А вы чего ожидали? Это **свободные люди**, как они сами говорят. Большинство из них вообще – дети дворян из не успевших эвакуироваться дипломатических миссий. Мы разделили многих из них с родителями. И их чувство собственного достоинства только обострилось от того, что они в плену и делают работу, которая вызывает у них отвращение.

– А вторая ошибка? – Нэйк искренне заинтересовался, злость уже прошла.

– Вторая... – Элья поболтал воду в стакане и прямо посмотрел в глаза сменщику. – Вторая в том, что вы можете начать видеть в них сторкадских детей, таких же, как ваши и ваших друзей. Это тем более возможно, что они разительно похожи на нас внешне, а по реакциям и воспитанию – почти неотличимы от детей хороших родов. Но и это тоже ошибка. Вы создадите им постепенно курортный режим, особенно младшим, перестанете выполнять план – и пойдете под трибунал. А они все равно не оценят вашей доброты. Мы для них – враги, и это непреложно.

– Если я вас правильно понял... – Нэйк говорил медленно, оценивая свои слова, – ...то

правильно будет относиться к ним, как к **честным пленным, честно взятым в честной битве** ? Вроде наших битв времен Радужного Неба?

Но я ввысь иду красиво —
Да пребудет с нами Сила!
Сильный Враг —
Он не ударит со спины... —

процитировал Нэйк старинную песню.

Элья медленно склонил голову:

— Вы совершенно точно уловили мою мысль, фантор Нэйк. Помните эти платки? Так вот: это знак принадлежности к полувоенному молодежному ордену. Запомните: **они их не носят** . И — **не прячут** . Помните это всегда. Это полезно. Очень и очень полезно.

* * *

— Свободны! — закончив переключку, командовал дежурный конвоя, и плотный строй, сломавшись, начал растекаться на два ручейка, направившиеся к баракам. Около других — девчачьих и для малышни — старших терпеливо ждали, но туда они заглянут потом, пока надо было отдохнуть. И, хотя среди младших и девчонок, раньше окончивших работу, у тех, кто вернулся с полей, были братья, сестры и подружки, никто не окликнул старших ребят — ясно было, что в первую очередь они нуждаются в отдыхе...

...Олег улегся на кровать с удовольствием. После рабочего... точнее — **рабского** дня кровать становилась мечтой. Двенадцать часов монотонной тупой работы, пусть и с перерывом, в теплой грязи, под солнцем и при осознании того, что работаешь подневольно — именно то, что противопоставлено землянину любого возраста по целой дюжине причин, и чисто физических, и моральных. Он вздохнул, лениво, но в то же время внимательно осмотрел блок. Кое-кто еще толкся у душевой загородки, большинство разошлись по кроватям или уселись у стола — чем-то занять руки, голову и язык. Колька устроился на своей кровати, перебирал струны самодельных гуслей и напевал:

Закрутило, понесло
перекати-поле.
То ль случайно, то ль назло —
по недоброй воле.
Веселись, гуляй, чудака!
А в нашем доме все не так:
Скучно в доме нашем —
Не поем, не пляшем...²³

— Коль, ну давай уж что-нибудь повеселей! — окликнул его кто-то.
Колька покладисто кивнул:

В наших душах вольны,
Кто в неволе прожил
И кто света не видел в глаза —
Всем смертельно больным
Беспокойством души
Посвящается эта гроза, —

²³ Здесь и ниже — стихи Андрея Земскова.

прочел он и пробежался по струнам пальцами:

Напрочь расколота громом скрижаль,
И не прочесть письмамена.
Небо набросило черную шаль —
Траур на все времена
В память о каждом, кто песню свою
Нес через тяжкий искус.
Горек запев, и пока я пою,
Молнией бьется мой пульс...

Он тряхнул головой, лихо выкрикнул:
— Э-эйй!..

Вера моя — воля,
Лики озер — мои образа,
Певчие — ветры в поле,
Сила моя — гроза!

Аркашка Ильин, дежуривший сегодня по блоку, подошел, подсел к Олегу:
— Новости, — сказал он, уронив щеку на локоть. — Три.
— Давай, — Олег потер живот. — Не знаешь, кстати, что на ужин?
— Знаю, — Аркашка осклабился. — Местный рис с тушенкой, чай — тоже местный — плюс пресные галеты.
— Да уж, — выразительно сказал Олег. — Ну, что там у тебя?
— У девчонок в блоке одна повесилась.
— Что?! — Олег подскочил.
Аркашка покачал головой:
— Не прыгай. Она под двоих охранников подставлялась.
— Не мож... — Олег мотнул головой. — Не дворянка?
— Нет, конечно. За разные там вкусы. Младшие заметили, уже давно, сказали сразу. Как иначе?.. Надюшка ничего нам не велела говорить, сама сперва все проверила досконально, проследила. Ну и сегодня эту... в общем, дежурной оставили. Когда все ушли, девчонки — ну, там, больные — ей приказали повеситься. И все.
— Ясно... — Олег перевел дыхание, поморщился.

Не верилось в такое. Но Надюха Коломыйцева была хладнокровней и бесстрастней любого парня и свой блок держала железной хваткой... За то время, пока существовал этот лагерь, двое мальчишек, ирландец и серб, погибли, попытавшись бежать — наудачу, просто от бушевавшей оскорбленной гордости. То, что от них осталось после встречи с раб-гончими, сторки притащили на плац и привязали к столбам. Останки висели там, пока не разложились почти полностью... Это было еще при прежнем начальнике лагеря; мальчишки, прежде чем погибнуть, насмерть искалечили одного из слэйверов, любимца сторка. А через пять дней вездеход начальника свалился с обвалившейся дамбы и утонул в грязи вместе с ним самим и водителем.

Олег поморщился и вспомнил страх и сменившую его боль, которую он принял почти с облегчением — терпеть ее было трудней, чем страх. Пытали, заставляя дать согласие на работы на заводах, его и еще троих ребят — русского и двух англосаксов. А потом привели двух младших девочек и стали бить их током. Все четверо мальчишек, молча терпевшие пытки почти три часа — только временами, когда боль становилась невыносимой, разговаривавшие друг с другом о погоде и видах на победу Земли ровными спокойными голосами, — начали кричать именно тогда, и начальник лагеря, слушая их крики, понял, что

согласия не добьется... Нет, эти мысли – долой.

Кроме тех двух парней погиб – точнее, повесился – еще один, из младших. К шторкам он какими-то извилистыми путями попал от джаго. Его пытались вернуть к нормальной жизни, но восьмилетний мальчик, казалось, не понимал даже, на каком языке с ним говорят. Может быть, со временем удалось бы его вывести из этого ужасного состояния, на шестой день в лагере он даже начал разговаривать и осмысленно действовать... но, очевидно, вместе с этим к нему полностью вернулась и память. Обрадованные тем, что Женьчик (так называли его девчонки, самоотверженно с ним возившиеся), приходит в себя, ребята ослабили контроль, и мальчик повесился за бараком на какой-то веревке, нацарапав на бетоне у стены очень взрослое и жуткое: ЖИТЬ НЕ МОГУ.

Ставить удавившуюся сегодня тварь в один ряд с теми тремя погибшими не хотелось, и Олег жестко подвел итог:

– Так, с этой блядью все. А вторая новость?

– Новенького приволокли. Больше пока ничего не знаю – ни кто, ни откуда. Он сейчас на передержке. И еще две девчонки, маленькие, с ним – кажется, сестры... И третья новость: прибыл сменщик нашему Дядюшке.

– Так, – Олег сел, махнул рукой Борьке, который закончил мыться и выходил из душа. – И?

– Заходил сюда. Моложе. Глаза были, как будто на ежа сел... – Ильин хихикнул, подвинулся, уступая место Борьке. – По-моему, вообще нормальный дядька, но с гонором отчетливо.

– Боевой офицер? – спросил Борька, упираясь ногами в кровать напротив и сладко потягиваясь. Несмотря на последний год тяжелой жизни, Борис подрос, окреп, глаза его стали жесткими, и с дворянами он вел себя, как равный, потому что был им. Впрочем, и кое-кто из других мальчишек-недворян незаметно преодолел эту границу.

Ильин кивнул:

– Угу, явно. Но без тараканов.

– Пусть живет, – разрешил Олег, и все трое мальчишек рассмеялись. – Кооооль! Хватит бренчать, ты помнишь, что вам еще сегодня к младшим идти, спектакль устраивать? Сегодня же восьмое ноября!²⁴

– А то же ж, – отозвался Колька, мигнул кому-то, и как по волшебству у края стола выскочила самодельная кукла в форме «витязя» времен Серых Войн, важно раскланялась и представилась: – Здравствуйте, детишки, девчонки и мальчишки! Хоть путь на Арк-Сейор далек, я заглянул на огонек. Ну-ка, бросьте, а ну – не скучайте, в ладоши бейте, меня привечайте!

Куклу никто не держал в руках. К ней не вели ниточки. Ее не подпирали палочки.

Она двигалась сама .

20. Новичок

Второй год Первой Галактической войны

– Лазарев, пора.

Лешка сел, шурясь. Голубовато-белый свет, призрачно-мягкий, не гасший в маленьком закутке изолятора все те двое суток, что он провел тут, сменился обычным ярким, падавшим из коридора. Вошедший сторк-охранник бросил на узкую кровать запечатанный пакет с личными вещами – малостью, которая сохранилась, модный браслет пропал, нож, конечно, тоже, не было и одежды – двое зеленых шортов, двое трусов, еще один пакет – прозрачный – с какими-то штуками, отчетливо похожими на средства гигиены.

²⁴ Праздник памяти предков. Один из двух праздников, посвященных памяти предков. В этот день под лозунгом «Так мы будем чтить наших павших!» русские имперцы вспоминают тех, кто отдал жизнь за Родину.

– Где сестры? – хмуро спросил Лешка по-сторкадски, вставая и влезая в трусы.

Охранник ответил – Лешка не ожидал, что ответит:

– В коридоре ждут...

...Юлька, конечно, врезалась в старшего брата и повисла на нем, запрыгнув на шею. Лидка суежилась где-то внизу, Лешка сгреб ее не глядя, прижал к себе и подумал, что это идиотизм – сколько раз он мечтал никогда в жизни более не видеть этих пискунов, отравлявших каждую минуту рядом с родителями... а весь полет в трюме, все эти двое суток в изоляторе он мучился только одной мыслью: только бы ничего с ними не случилось, только бы не произошло ничего такого, от чего он не сможет их защитить, только бы их не разлучили... И тяжело страдал от непривычного чувства – понимания того, что, в сущности, беспомощен. Когда их уводили, Юлька – и та плакала, и сам Лешка ощущал себя так, словно у него вырывали сердце, – только понимание того, что это всего лишь недолгая изоляция, помогло не броситься в драку со сторками.

Но вот теперь они вместе. Пусть в плену – но вместе.

– Как вы? – Лешка ссадил Юльку на пол. Охранник ждал, глядя куда-то сквозь ребят, не торопил. – Вас не обижали? Вы не голодные?

– Нет, только очень скучно было, и Лидка ревела все время! – и Юлька по-хозяйски потянула старшего брата к выходу, к яркому, пронзительному дневному свету.

Охранник двинулся следом.

Девочки тоже держали в руках пакеты с вещами (объемистые, у Лидки внутри виднелись куклы, и Лешка закусил губу – их положила мама), и их тоже переодели – короткие свободные юбочки, что-то вроде земных топиков.

– Они что, тоже босиком будут ходить? – хмуро спросил Лешка.

Охранник отозвался:

– Ничего страшного, привыкнут, – и вдруг добавил: – Я вам вообще завидую, в такой жаре-то. Не планета, а... – он добавил что-то вроде бы на сторкадском, но непонятное, наверное, из старого языка, поправил пояс с большой кобурой.

Снаружи было утро, был тот самый плац, на котором стояли двумя линиями ребята и девчонки. Шла переключка, и охранник придержал новеньких:

– Стоп. Подождем.

– И мы тут будем жить? – оглядевшись, спросила Юлька тихо, но капризно. Лидка держала старшего брата за руку. Она все время после того, как их разлучили с матерью, при любой возможности старалась взять Лешку за руку и не выпускать. И почти не смотрела по сторонам. – Ле-ош!

– Тут, тут, – кивнул Лешка, за плечо притягивая к себе Юльку.

Та насупилась и, освободившись от руки брата, спросила еще:

– А папа и мама нас тут найдут?

– Найдут, но не скоро, – ответил Лешка. – Вы будете жить вон в том доме, видите, где много девочек? Будете слушаться того, кого я вам покажу, как меня, – во всем и без разговоров. Иначе накажут, и я добавлю.

– А ты где будешь жить? – прошептала Лидка.

Лешка погладил ее по локтю:

– Я буду жить, наверное, вон в том доме... – Он услышал, как из строя напротив одного из барачков отзываются по-русски. – Не бойтесь, каждый вечер будем встречаться тут, вот на этом месте. Это можно? – Он посмотрел на охранника.

Тот кивнул – чисто человеческий жест – и уточнил:

– Только не здесь, а на той стороне. Здесь нельзя.

– Ты будешь на них работать? – спросила Юлька.

Лешка промолчал, но Юлька была настойчива, и голос ее стал злым:

– Ты не должен! Папа тебя наказал бы! Они наши враги, они папу и маму увели, нас от них увезли, и они мне не нравятся! А ты трус, если будешь работать!

– Если я не буду на них работать, вас увезут и от меня, – прямо сказал Лешка.

Юлька осеклась, а глаза ее сестры стали большими, испуганными и мокрыми. Но Юлька тут же справилась с собой:

– Пусть увозят! Мы потерпим, раз война! А ты не работай на них все равно!

У мальчика зашло сердце от этой беззащитной решимости.

– Маленькие мои, – Лешка присел между сестрами на корточки и притянул их к себе слева и справа, никогда и ни за что он не сделал бы этого раньше. – Мы ничего сейчас не можем сделать с врагами. Но мама и... и папа хотят, чтобы мы были живы и встретили их после того, как наши разобьют этих...

Глаза девочек загорелись, даже Лидка повеселела. Конечно, разобьют! Сколько раз они видели это в мультиках! Опрокинутся вышки, чужие солдаты побросают оружие и разбегутся, кто куда, а сюда въедут на танках земные бойцы. Лешка наверняка знает, что говорит, он ведь мужчина!

– Ага, – все-таки вредно сказала Юлька, не спеша, тем не менее, на этот раз отстраняться от брата. – А наши спросят: зачем ты на них работал?!

Это вопрос, согласился Лешка мысленно. Ему стало так мерзко, что он почти увидел, как выпрямляется и говорит, что и пальцем не шевельнет для врагов. И пусть хоть рвут на куски щипцами, пусть пилят пилой или жарят на костре! Пусть... но сестры-то как? У него мороз пошел по коже. Сторки жестокие и равнодушные существа. Что, если они не его, Лешку, начнут... а их?! Нет!!! Нельзя допускать... что угодно, но это – нельзя.

– Они... Чужие поступают неправильно, не по военному закону, потому что детей нельзя заставлять работать и даже просто брать в плен нельзя, – пояснил Лешка наконец. – И я не виноват.

– А ты работай плохо. Очень плохо, просто очень! – предложила Юлька воинственно. – Но незаметно, чтобы тебе не досталось... – Она вдруг взялась руками за руку Лешки и тревожно посмотрела ему в глаза: – Ой... нет. Если они заметят, они тебя будут бить. Ты лучше так работай... средне. Чтобы и сделать немного, и чтобы тебя не тронули...

Лешка заставил себя улыбнуться, дунул взизгнувшей Юльке в ухо.

– Я все равно боюсь одна оставаться, – выдохнула Лидка.

– Ты будешь не одна, – пояснил Лешка. – И Юлька с тобой, и там, я же сказал, будут еще девочки, наши, земные, старшие. Они и позаботятся, и защитят, и... и нашлапают, если что! – он грозно свел брови.

В этот момент охранник резко выпрямился и отчетливо щелкнул каблуками. Лешка, не отпуская сестер, повернул голову.

К ним подходил сторкадский офицер. Молодой, и вообще не тот, который встречал пленных два дня назад. Остановившись рядом с часовым, он жестом прервал его в начале доклада, едва тот рот раскрыл, и сказал:

– Я фантор Логэ Нэйк кен ло Нэйк, новый начальник лагеря, и это извиняет тебя, человек. Но все-таки встань и представься.

Девочки – даже Юлька – тесней прижались к брату. Лешка спокойно сказал, не поднимаясь:

– Алексей Лазарев сын Андреев, Русской Империи дворянин. Вы же видите, я говорю с сестрами. Им тут не нравится.

– Мне тоже, – вдруг ответил сторк. – И тем не менее, следует встать и представиться по форме.

– Может быть, позже? – Лешку словно кто-то тянул за язык. Хотя он встал (а девочки спрятались за него), но только затем, чтобы его глаза оказались ближе к глазам фантора – молодой, а уже полковник... На зверя не похож. Лешка подумал, что надо все-таки представиться, но вместо этого добавил: – Когда я размещусь в вашей гостинице сам и размещу сестер.

Нэйк улыбнулся – коротко, отрывисто. И кивнул:

– Хорошо. Твоих сестер отведут и передадут старшей по блоку... – Он указал рукой конвоиру, и Лешка, улыбнувшись девочкам, сам подтолкнул их к сторку и погрозил пальцем,

чтобы не пищали и не дурили. – А для тебя приготовлен особый номер. Прошу, – и сделал еще один жест – на середину плаца...

...Яма – узкая, темная – была глубиной метра три, и в нее скинули веревочную лестницу. Мальчишка стоял почти на самом краю и мысленно чертыхался – хорошее начало... Его настораживали и откровенно сочувственные взгляды пока что незнакомых ребят и девчонок, которых задержали на плацу.

– Лучше будет, если ты разденешься сам и сам же туда спустишься, – пояснил Нэйк. – Это и есть особый номер для наиболее высоко себя ставящих гостей. Индивидуальный. Итак?

Лешка презрительно, широко улыбнулся, хотя сердце екнуло. Глядя поверх голов сторков, начал насвистывать, неспешно стянул и кинул на бетон шорты, потом – трусы. Пожал плечами, подошел к яме, снова ловя на себе взгляды остальных ребят. Кто-то даже охнул в строю – кажется, девчонка. Лешка, не переставая свистеть, сел на край ямы, спустил ноги, поболтал ими, как в бассейне. Прищурясь, глянул в неподвижное лицо Нэйка. Хмыкнул:

– Ну, я пойду.

– Иди, иди, – кивнул сторк. С чисто человеческой иронией, которая Лешке не понравилась.

Мальчишка отвернулся и соскользнул вниз, проигнорировав веревочную лестницу, которая тут же дернулась наверх. Лешка услышал команду расходиться...

– Отдыхай, – сказал сверху Нэйк.

Его голова на миг появилась на фоне яркого неба – и исчезла. Щелкнула решетка...

...Вся изуверская подлость наказания стала ясна Лешке буквально сразу. Яма представляла собой бетонный конус. Но – не совсем конус. Стенки его тут и там выпирали уступами – полукруглыми, острыми, плоскими – разными. А на дне он превращался в площадку сантиметров десять в диаметре. В такой яме невозможно было стоять нормально – разве что на одной ноге и на цыпочках. Хорошо еще, бетон не был холодным...

Несколько минут мальчишка, постепенно наполняясь тоскливым ужасом от мысли, что ему предстоит, пытался устроиться в карцере хоть как-то. Вплоть до того, что садился, сложив ноги «восьмеркой». Но, какие бы позы он ни принимал, как бы ни гнул свое тренированное тело – все равно в любой позе его тут же настигало неудобство, быстро перераставшее в боль: сначала просто тупую и надоедливую, но уже через пару минут становившуюся жгучей, словно на этом проклятом пяточке бетона под ногами горело пламя.

Мальчишка заставил себя максимально отстраниться от боли и принял единственную позу, которая – хотя бы временно – не причиняла ее: встал «по-балетному» на левую ногу, упершись правой ступней в левое колено, правым коленом в скат карцера...

...– Если вы надеетесь его так подчинить – это бессмысленно, – заметил Нэйку начальник охраны кен ло Хант.

Фантор, равнодушным взглядом изучавший плац, покачал головой:

– Я это отлично понимаю. Видел по глазам. Нет, о подчинении речи не идет. Думаю, что он скорее умрет в этой яме, чем будет подчиняться в привычном смысле слова... Но! – Нэйк качнул пальцем; кен ло Хант невольно за ним проследил. – Он умен, и это тоже видно по глазам. Думаю также, что он вылезет из ямы осознавшим: сейчас сила не на его стороне – и больше не будет доставлять неприятностей. Именно потому, что умен. Правда... я не хотел бы оказаться перед ним, если вдруг представится возможность отомстить.

– А если он все-таки заорет? – вдруг усмехнулся кен ло Хант.

Нэйк ответил такой же улыбкой:

– Тогда я оставляю его в яме...

...К тому времени, когда на плац обрушился новый здешний стремительный рассвет, Лешка уже ничего не видел от боли. Болело все тело. Болела каждая косточка, каждая мышца, каждое сухожилие, болели кожа, волосы, глаза. Тренинг почти не помогал – его хватало лишь на то, чтобы не начать орать – громко, плаксиво, с визгом, как не орал ни разу

в жизни. Еще хотелось пить, но это было ерундой, почти неощутимой.

«Он меня тут оставит насовсем».

Ужас этой мысли все-таки выжал из Лешки тонкий скулеж, но всего один и очень тихий, неслышный никому, кроме него самого. От стыда сознание прояснилось, и мальчишка увидел, что бетон вокруг во многих местах перемазан его кровью — кожа по всему телу тут и там была стесана, широкие ссадины не подсыхали. Лешка поводил над самыми страшными ладонями, но ничего не смог сделать, вернувшаяся боль отвлекала все силы на противостояние ей.

Когда упавшая сверху лестница стукнула его по голове, мальчишка не поверил, что это ему не кажется. Вскинул голову — на него смотрел Нэйк.

— Просунь руки в петлю, там, на конце, — сказал фантор. — И под мышки. Тебя вытащат.

В следующий миг он покачнулся от короткого, резкого головокружения — глаза земного мальчишки полыхнули такой ненавистью, что сторк не выдержал. Когда же сознание прояснилось — русский лез вверх по лестнице. Лез сам. **Сам**. С каменным лицом, мокрым от пота, перебирая руками и твердо ставя ноги.

«А пожалуй, стоит его застрелить», — подумал фантор. И даже положил руку на кобуру.

Но передумал. Нет. Тогда всем станет ясно, что он сделал это от... **от испуга**, что ли? Сторк надменно сжал губы и удовлетворенно кивнул — вылезший мальчишка не устоял на ногах, конечно, упал на бетон. Попытался встать, но не смог приподнять собственное тело — руки не слушались. Мальчишка закрыл глаза, не желая видеть ничего вокруг, — ясное дело. Все его тело мелко тряслось в судорогах.

— Это просто урок, — сказал Нэйк размеренно. — Не надо создавать мне хлопот. И не надо создавать хлопот себе.

Будь перед ним просто ополоумевший непослушный раб — Нэйк потребовал бы подтвердить свои слова. Вслух и громко. Чтобы додавить. Но сейчас не стал этого делать. Повернулся и зашагал к блоку ровной походкой...

...Его встретили, повскакав с мест. Нэйк ощутил десятки враждебных взглядов — враждебность не скрывали, хотя и молчали. Дежурный — Нэйк еще не помнил его по имени-фамилии — начал было доклад, но сторк повел рукой:

— Не надо. Двое, заберите наказанного. Он около карцера.

К дверям рванулись сразу все. И так же сразу остановились, переглядываясь и перешептываясь. Нэйк быстро обернулся.

Сила Сил! Окровавленный, шатающийся мальчишка входил в блок. Нэйк посторонился. Остальные пленные расступились.

Землянин подошел к умывальнику и начал плескать себе в лицо водой. Нэйк услышал, как он насвистывает...

...Лешка упал, едва за сторком закрылась дверь. Сполз на пол, скорчился и завопил щекой по пластику. Как его перетаскивали на кровать, как что-то делали, вертели, чем-то мазали, говорили что-то — он не помнил. Но он точно знал, что не застонал и не закричал ни разу.

Эта мысль его успокоила, и мальчишка, блаженно чувствуя, как отступает потихоньку боль, отключился — пропал в темном сне.

* * *

Отец не отсылал нас, что называется, «до последнего». Пока было можно. А когда надо все-таки было отослать, стало уже нельзя...

...Мама с младшими сестрами сидели в кабинете — в большом кресле, поставленном так, чтобы залетающие в окна пули не задели даже на рикошете, очень спокойная, и Лидка с Юлькой не двигались и не жались к маме. А когда ухнуло уже в коридоре, и Лидка было хныкнула и дернулась прижаться к маме плотнее, та отстранила ее и сказала:

— Веди себя спокойно, Лидия, — и та снова застыла.

А мама набивала – ловко, умело, двигались только руки – патронами из двух вскрытых цинков большие тяжелые семидесятизарядные барабаны к «абакану» и бросала их мне в обмен на пустые.

Отец – тот был беспокоен, и весьма. Он быстрыми, отточенными движениями уничтожал распечатки, диски, метко бил, вскрыв корпус большого компьютера, дареным каменным пресс-папье биоколбы в мелкие брызги, чтобы ничего нельзя было восстановить.

Я стрелял. То в одно окно, то в другое, то в третье. Стрелял последние двадцать минут, пока шел штурм торгпредства. Гильзы раскатывались под ногами, в ушах стоял мягкий звон.

Я начал стрелять, когда гаргайлианцы преодолели ограду – и тонкая цепочка охраны откатилась сперва на широкую лестницу, а потом – в само здание. Среди кустов и на ступенях из бело-голубого мрамора остались тут и там лежать тела в зеленых с алым парадных мундирах.

Гаргайлианцев было убито намного больше. Но я видел только тела наших охранников. По газонам волокно дым от трех подбитых боевых машин, и было очень солнечно, светило все небо, как обычно в погожие дни. Здешнее солнце было сверхгорячей звездой и располагалось на огромном расстоянии от планеты.

Я не перестал стрелять и когда вбежал начальник охраны и что-то сказал. Я не понял, что, но расслышал слова отца – спокойные:

– Еще пять минут, Алексей. Ровно пять минут, потом я приказываю вам сложить оружие.

Начальник охраны вышел.

Я продолжал стрелять. Для человека гаргайлианец – легкая мишень. Во-первых, он движется слишком медленно, во-вторых, у них вооружение пока не шагнуло дальше магазинков и станковых пулеметов да броневишков.

До этого я никого никогда не убивал. Ну, если не считать животных на охоте, на экзаменах. Я прожил на Гаргайле больше двух лет и никогда не думал, что смогу убить гаргайлианца. А сейчас я даже не считал, в скольких попал.

Бой шел уже в здании. Но я видел только одно – флаг Империи над горящим главным подъездом вдруг метнулся вверх, затрепетал и вспыхнул. Поднялся урчащий рев восторга, и я стал стрелять во гаргайлианцев возле флагиштока.

– Все, – сказал отец за моей спиной. Я подумал – откуда он знает, ведь он не видел, что флаг сгорел. А потом понял, что он говорит о документах. – Коля, хватит.

Я положил автомат на подоконник. И сообразил, что пальба и взрывы сменились отдельными выстрелами и просто шумом.

– Пап... – я не мог выпустить рукоятку «абакана».

Пальцы отца разжали мои.

– Все, – повторил он, и я, вскинув голову, увидел его лицо.

Отец усмехнулся и кивнул на кресло. Я отошел туда, поправляя рубашку, встал сбоку от мамы и положил руку на высокую спинку.

– Оленька, – он кивнул матери, – следи за детьми. Девочки, – посмотрел на моих сестреноч, – все в порядке, тихо. Николай, – взгляд отцовских глаз обратился на меня. – Ну... ты все и так понимаешь.

У него никогда не было для нас, детей, особо ласковых слов. Собственно, больше он ничего и не сказал – вышел в смежную комнату, почти сразу оттуда щелкнул выстрел.

– Тише, – мама прижала хлопающих глазами девчонок к себе – на миг, отпустила и опять замерла прямо.

А я с усилием отвел взгляд от двери, за которой скрылся отец. И приказал себе не думать.

Первые гаргайлианцы ворвались через несколько минут. Их сразу стало очень много в кабинете – невысоких, в серой форме, с оружием в почти человеческих, но очень тонких руках. Они шумели, но не подходили, рассосались вдоль стен; целевидные глаза

пульсировали. Потом кто-то быстро заговорил, и я понял, что говорят о мальчишке и автомате. Собственно, кучи гильз, барабаны, цинки – все это не оставляло сомнений в том, чем я тут занимался.

Мама тоже поняла. Она встала.

Но этим дело и кончилось, потому что вошел сторк, и весь шум как отрезало.

Сторка можно спутать с человеком, когда он без формы. Но не в боевой форме. Честное слово, они слишком любят выделяться – глухой шлем с маской, похожей на утюг, оплечья – как крылья у их любимых летающих кошек... Красиво, конечно, но и смешно немножко. Дико, что все это в тот момент я и подумал.

Сторк поднял серебристо-матовое забрало и спросил:

– Где господин торгпред? – на русском, без малейшего акцента или запинки.

– Мой муж покончил с собой, – ровно ответила мама. – Его тело в соседней комнате.

Сторк представился, но я не понял, не расслышал, потому что все силы уходили на то, чтобы унять гул в ушах и сдержать слезы.

– Стрелял ваш сын? – это он опять спросил по-русски, как раз когда я включился в реальность.

– Я стрелял, – ответил я.

Сторк посмотрел на меня. В руках у него был бластер – пехотный сторкадский бластер, я даже название помнил, а сейчас вылетело из головы.

– Госпожа Лазарева, – сказал сторк, – вы и ваши дети с этого момента являетесь плененной собственностью Сторкада. Если у вас есть желание и возможность, эти, – он кивнул на гаргайлианцев, – помогут вам похоронить тело вашего мужа.

* * *

Крик не успел прорваться и перебудить всех вокруг. В жуть сна всплыла чья-то теплая яркая ладонь, и Лешка сел на кровати, тяжело дыша, но без тех мучительных стонов, которые сопровождали этот кошмар.

На кровати сбоку сидел парень одних лет с Лешкой. Дворянин – это было видно. Впрочем, тут, наверное, почти все дворяне. Лешка выжидательно посмотрел на него.

– Я над тобой сплю, – сказал парень. – Ты что-то такое видел во сне, что я проснулся. Ну и слез.

Лешка обхватил себя за плечи. Было почти темно, только над входом горела – далеко за кроватями – лампочка. Парень молчал, лишь откинулся чуть назад, в тень, его лицо стало невидимым.

– Отец погиб? Или все? – тихо спросила наконец эта тень.

Лешка открыл рот, но вместо слов, спокойных и взвешенных, вырвалось рыдание. Он наклонился вперед и закрыл лицо руками, ткнулся в постель. Только теперь, только сейчас мальчик понял отчетливо и ясно, как любил отца. И теперь его нет. Нет. Только теперь осознал он и то, что скорее всего никогда не увидит мать, и представил себе, каково ей сейчас. От этих мыслей и ощущений не спасало ничего, да и не хотелось спасаться, хотелось умереть. Он бы и умер, наверное, если бы не мысль о сестренках и не руки этого парня. Он осторожно помог Лешке сесть и необидно обнял. Подождал, пока рыдания сменяются тихими всхлипами.

– Только днем не плачь, крепись, ага? – сказал он негромко. – Днем младшие могут увидеть, девчонки, да и сторки... Днем надо быть очень сильным... Знаешь, как наши братья-англосаксы говорят? «Выбор аристократа – воплощать образец любой ценой».

– Ага... – Лешка всхлипнул в последний раз, судорожно задрожал и чуть отстранился. Хмуρο спросил: – А ты... откуда?

Парень усмехнулся – было видно, как сверкнули зубы.

– Я сражался на Китеже. Такое скотство – мы же победили, а меня и Борьку... еще одного парня, вон он спит... нас схватили под самый конец, они уже удирали с планеты...

Ну и попали мы сюда. А отец мой тоже погиб... Олег, – он протянул руку.

– Ле... – Лешку опять тряхнуло, он сглотнул и пожал ладонь: – Лешка... – помолчал и спросил: – Тут на полях работают?

– На полях... Ты завтра можешь не ходить.

– Ничего, я нормально... – и понизил голос: – А... бежать?

– Бежать? – Олег покачал головой. – Куда? Наши многие знают здешнюю планетографию. Так вот: космодром за триста километров отсюда. А у нас девчонки, малыши у нас. Твои сестренки – ты же их не бросишь? Даже если мы лагерь захватим – представляешь, какая встреча нас будет ждать и что с нами сделают?

– Не верю, что вы ничего не задумали, – прямо сказал Лешка.

Олег сощурился:

– Ха, с чего такое недоверие?

– Мы ж земляне, – Лешка тоже сощурился. – И, как говорят наши братья-англосаксы: «Лорду должно самому направлять свою судьбу!»

Олег ответил не сразу. Потер икры, откинулся назад, опершись на локти, закинул ногу на ногу, покрутил ступней.

– Тут датчики стоят, – сказал он вдруг. – Слежения. Только сторки в этих делах туповаты. Поэтому видят и слушают они не нас, а картинку со звуковым оформлением. Кто-то храпит, кто-то пукнул... Ну, да. Ну, задумали. Давно. Вылизали даже. Но не факт, что это лучший вариант. То есть, он лучший, потому что сторки нас не достанут скорее всего. А вот сейри... Это туземцы. Думаешь, что тут такая охрана халявная – стоят на вышках и зевают? Раб-гончие – это, конечно, раз, но мы и с ними кое-что придумали. А два – сейри. Сейри... – Олег вздохнул.

Лешка недоуменно выдохнул:

– Слушшшш... Но если они сторков не любят, то нам должны помочь!

Олег вздохнул. Посмотрел сожалеюще. И спросил:

– Как ты думаешь, с какого раза средний сейри различит сторка и землянина?

– Ччччерт... – Лешка рухнул обратно на постель. – Черт, черт, ЧЕРТ! Точно. Конечно.

– Ладно, – Олег встал. – Давай-ка спать, скоро уже вставать на завтрак. А потом... потом будет потом. Ты нормально?

– Нормально, – Лешка вытянулся на постели.

Олег легко заскочил наверх, повозился. Лешка подумал, поднял ногу и пнул верхнюю постель.

– Чего? – проворчали сверху.

– Спасибо, – сказал Лешка.

– Спи, – по голосу было слышно, что Олег улыбается.

* * *

Утро – самое тяжелое время в блоках. Отдохнуть за ночь, правда, все-таки удастся, но усталость монотонной подневольной работы все равно копится в мышцах, а главное – в мозгу, и никаким сном ее оттуда не выжать. Вставать не хочется, помогает это сделать только земная дисциплина. Хмурый шум – все толкаются, ходят, стучат и гремят. Именно утром чаще всего вспыхивают ссоры, а иногда даже стычки-драки, причем из-за ерунды. Тридцать семь – теперь тридцать восемь – мальчишек, младшим из которых десять, а старшим – пятнадцать лет, толкуются в проходах, плещут водой в душе, торчат в очереди к туалету – а ведь и рожков и смывов всего по четыре... Работать идти никому не хочется. Всем хочется есть.

Завтрак приносят сейри. Землян они – настоящие рабы, без поблажек – боятся до частого мигания, выражающего у них высшую степень страха. Земляне очень похожи на сторков, и туземцы, пусть и немного цивилизованные, не утруждают себя непонятными счетами таких похожих существ, поскорей убираются из блока, чтобы не попасть под

горячую руку – хотя ни разу никто из землян даже не повысил на них голос. Все попытки как-то с ними установить контакт потерпели неудачу даже у тех, кто занимался ксенологией. Правда, выяснилось, что сейри можно взять под контроль – овладеть разумом. Но только двух-трех сразу для каждого из дворян-землян и на небольшом расстоянии...

Мальчишки сидят в два ряда у стола и быстро едят. Молча и аккуратно. На завтрак сегодня – по три больших тяжелых лепешки, чем-то похожих – но только отдаленно, увы – на русские блины (эх, где они... такие вкусные... с вареньем, медом, маслом, сахаром, икрой, печенкой... ой, не надоооо!!!) и по большой кружке кофе. Конечно, это не кофе, но кофеин в этой штуке есть, и сторки бухают туда еще и патоку, так что напиток сладкий. Бухали и еще кое-что – вроде брома, – пока Олег, старший в блоке, и старший от англосаксов, Тимми, не поговорили с начальником, пояснив, что это не нужно, земляне умеют себя контролировать, а вот на борьбу с этой дрянью организм тратит лишние силы. Элья подумал – и химию добавлять перестали...

В блоке останется дежурный – список ребята составляют сами, стараясь включать в него младших, тех, кого почему-либо **нужно** оставить в лагере, и еще – иногда – тех, по кому видно: ему идти на работу нельзя, а надо полежать просто так, иначе учудит что-нибудь вроде драки с охраной. Ну и еще остаются те, кто не может работать из-за травм. Остальные строятся на плацу – на первую переключку. Все еще злые на все на свете...

Более-менее в себя они придут по дороге на плантацию. Девчонки свернут к цеху переработки – там есть вентиляция, кстати, там не так жарко и можно сидеть. Но это ведь правильно – они девчонки, и им должно быть легче даже в плену. Хотя бы немного легче. Помашем друг другу, посвистим, покричим «до вечера!», а кое-кто и помолчит, как можно дольше удерживая взглядом – взгляд... Охрана не гонит, охране жарко и мокро, Арк-Сейор так же непереносим для сторка, как для землянина, и полтора километра можно идти неспешно, главное – ровно, чтобы не показалось: тормозят специально. Можно поговорить, что кому снилось, пошутить, даже спеть. Поют по очереди, день англосаксы, день русские. Вот, опять – на этот раз черед англосаксов, и кто-то нарочито монотонно и жалобно-протяжно завывает:

Эй! Енота поймать нелегко – хо-хо, охххохо!
Надсмотрщик пинает, привал далеко...

– Хо-хо, охххохо! – воет хором весь англосаксонский строй и нарочно раскачивается в такт шагам – с серьезнейшими минами.

Смеются все, только охрана шагает истуканами да скользят по обочинам слэйверы. А идти все равно тяжело – дорога вечно мокрая, воздух с утра – как в бане, и мысли о том, сколько впереди часов работы по колено в воде, бодрости не прибавляют. Но... этого не должны замечать сторки. Ни в коем случае. Только улыбки и издевательские песенки. Пусть подавятся. Мы будем идти, работать, петь и улыбаться. Даже когда к полудню руки начнут неметь от сока таурента, а ноги, топчущиеся по колено в горячей жиже, станут ощущаться, как два противно-мягких мешка. И будешь знать, что до конца работы – еще пропасть времени.

Даже тогда мы будем себя вести так, словно отдыхаем на природе.

Подавитесь. Подавитесь...

...Как тошно, как противно, как хочется домой, как все безнадежно ...

...Подавитесь, гады.

И снова звонко солирует одиннадцатилетний запевала-англосакс, Дигги:

А вот скажем, сторк один однажды
Взял, завел себе собачку —
Ни фига и не собачку, просто слэйвера большого!
Через месяц тот ему наскучил,

И сторк послал любимца в жопу!
Но слэйвер – персонаж реальный,
Он понимает все буквально!

Строй покатывается...

...Лешка, как и обещал, вышел на работу – ночи хватило, чтобы организм как следует над собой поработал. Но о своем решении, если честно, пожалел сто раз в первые же два часа ползания по грязи. Работа была простой – заламывай листья на невысоком – по колено – иссиня-зеленом кустарничке, чтобы сок уходил не в листья, а в корневище. Но тело забунтовало даже не от монотонности – окапывать картошку на участке занятие тоже не разнообразное, – а главное от осознания, на кого он работает. Хотелось распрямиться, плюнуть и заорать, чтобы...

– Ну-ка, – по соседней борозде его нагнал Борька. – А что это у тебя лицо такое, как будто тебя злоехидное пресмыкающееся в пятку ужалило?

Борька был постарше Лешки, как и Олег, уверенный, очень спокойный. Даже не поверишь, что не дворянин. Правда, отец говорил, что наступит время, когда дворянами – в смысле умений и возможностей – станут просто все. И эти умения и навыки будут намного разнообразней и ярче, чем у современных дворян. Лешке тогда было девять или десять лет, ему стало жутко любопытно – а что будет потом?! Отец покачал головой и честно сказал, что просто не знает. Но, наверное, что-то интересное.

В будущем могло быть только интересное. Четырнадцать лет Лешка рос с этой твердой уверенностью. Чтобы оказаться на этой плантации – ра... рабом, рабом, рабом!

– Ясно, – Борька шел по соседней борозде, не обгоняя. – Смотри-ка... вот так надо. Мы! – пальцы Борьки заломили лист – почти яростно. – Их! – хрустнул другой лист. – Разобьем! – хрустнул третий. – А ну – попробуй. Попробуй.

Лешка недоверчиво усмехнулся. И заломил лист:

– Мы...

– Не так! Мы! Ну?!

...Мы. Их. Разобьем.

Мы. Их. Разобьем.

– Мы! Их! Разобьем! – цедил Лешка. И сердито посмотрел на Олега, который, подойдя, хлопнул его по спине – с улыбкой:

– Разгибайся! Обед, часок можно отдохнуть.

Лешка разогнулся с трудом, стиснув зубы. Постоял, покачиваясь, прогоняя из мышц и связок нудную боль. Олег смотрел серьезно, кто-то из мальчишек – они брели к краю поля, где виднелся подъехавший фургончик – остановился и окликнул:

– Помочь?!

– Доведу, – Олег и правда повел Лешку, приобняв за пояс. – Сейчас отлежишься, поешь, потом массаж тебе сделают.

– И ванну, – попросил Лешка.

Олег хмыкнул:

– Ага, значит, отходишь, – и подмигнул. – А такую песню знаешь? – и он без малейшего смущения на все поле пропел:

Не спи, горнист, не спи!
Не все еще окончились бои...
Нас ждут сраженья будущих веков,
Два полюса и шесть материков!

И ему тут же откликнулись голоса – только что стоявшие в очереди к фургончику ребята поворачивались и подхватывали, как самое обычное дело:

Не спи, горнист, не спи, горнист, не спи!
И веру в наше братство укрепи.
Предательство для нас страшней всего —
Один за всех и все за одного!

— Знаю, конечно, — Лешка заставил себя совсем выпрямиться и продолжил:

Зови, горнист, на подвиги зови
Во имя нашей дружбы и любви.
Для юных время звездное пришло —
Один за всех и все за одного!

Труби, горнист, труби!
Надежда загорается вдали...
Клокочет в медном горле у трубы
Бессмертная мелодия борьбы!²⁵

— Эхой! — донеслось с английской половины поля.
И отозвались голоса:

Небо молнией расколото
Гневом северных богов.
Кровь восстала против золота,
И мятеж ее суров.

Звонче, колокол восстания!
Выше, всполохи знамен!
Мы промозглого отчаянья
Вновь штурмуем бастион.

Сокрушит громовым молотом
Крепость вражью Тунор-Тор.
Кровь восстала против золота,
Кровь выносит приговор!²⁶

— Эй! — заорали с русской половины поля в ответ, махая руками. Охранники на дамбах, до этого державшие оружие у ноги или прохаживавшиеся туда-сюда, взяли его на изготовку.

Олег сплюнул. И помог Лешке, последним рывком выбравшись на сухое место, сесть.

— Сиди, обед я сейчас принесу... — и, сделав пару шагов, обернулся: — Мы их разобьем, Леш. Разобьем.

* * *

Возвращения с работы старших младшие всегда ждали, сидя возле своего блока. Все игры, все разговоры прекращались — сидели и смотрели на ворота. А потом просто бросались — бросались навстречу входящим, вопя каждый свое, и на какое-то время плац просто превращался в бурлящее, смеющееся, галдящее месиво.

²⁵ Слова Николая Добронравова.

²⁶ Стихи Сергея Яшина.

Лешку не встретили. И он испуганно озирался, готовый закричать в голос, заметаться, забегать, потому что все уже разошлись, а сестренки не было... и в груди рос мгновенно образовавшийся ледяной камень ужаса... но тут подошедшая девушка – ослепительно-холодная красавица, Лешка прямо обомлел – улыбнулась:

– Ты новенький? Твои сестрички в блоке, нельзя сразу столько на здешнем солнце. Я сейчас их пришлю. Или сперва сходишь помоешься?

– Я... нет, пусть сюда бегут, – Лешка невольно проводил девушку взглядом – она шла, как юная принцесса в плену у дикарей – уверенная в том, что ее честь и достоинство всегда будут с нею, как бы ни жалила судьба.

Но уже через полминуты Лешка о ней постыдно забыл, потому что...

– ЛешаааААА!!! – С этим воплем выскочившая первой Юлька рванула через двор к брату.

Лешка присел, улыбаясь, расставил руки, а взглядом искал вторую сестренку.

То, что произошло потом, не разобрал толком никто. Охранники смотрели внутрь двора, и, конечно, все пленные, кто был снаружи, тоже смотрели на то, как несется к брату девчонка.

Сверху на раскаленный квадрат двора пала визжащая молния. Вихрем рвануло от машущих здоровенных кожистых крыльев...

...Лауно – летающие ящерицы – падальщики. Как и все падальщики, они трусливы. Но лауно размером с земного кондора, у него – когти и полная зубов пасть. Они отлично видят и, бывает, нападают на небольших живых существ.

Как видно, этот лауно не удержался. Тем более, что задача казалась легкой – добыча маленькая, схватить ее и улететь сразу. Но Юлька, завизжав, кувыркнулась, уходя из самых когтей – тройных, похожих на рыбацкие крючки. Метнулась обратно; лауно с шипением запрыгал следом.

Дальше Лешка видел на бегу. И не верил тому, что видел.

Оттуда, где стоял вышедший во двор фантор Нэйк, стрелять было нельзя – попадешь неизвестно в кого. Поэтому Лешка только увидел метнувшуюся рослую тень. И услышал не крик – боевой рев-крик:

– Хад'ра!!!

Лауно испуганно и жалобно заквакал, метнулся в сторону, припадая на крыло. Длинный тонкий бронзовый стилет-тарва – «хранитель чести», древнее родовое оружие – вошел точно в основание перепонки. На Сторкаде такой удар был бы смертельным для большинства животных. Но Нэйк не знал анатомии местных зверей и только ранил падальщика, а сам, сброшенный рывком длинного тела, ловко приземлился на ноги и встал между лауно и девочкой. Та тоже остановилась, видя, что на помощь ей бежит брат, и не понимая, что спас ее сторк, подобрала какой-то камень. Со всех сторон кто с чем мчались пленные. В руке фантора был клинок, офицер скалился. Лауно опять заорал, шарахнулся в страхе от нового врага, который был почти с него, шумно попытался взлететь, но тут кто-то из часовых наконец сделал прицельный выстрел – единственный. По лестницам тарабанили шаги охранников...

...Лешка прижал к себе уронившую камень и заревевшую девочку, поднял на руки. Неверяще поглядел на фантора – сторк с улыбкой вытирал стилет, потом примерился шагами ко все еще подрагивающей туше, кивнул, что-то сказал сбежавшимся охранникам. Те восторженно застучали прикладами, коротко выкрикивая какие-то слова.

– Спасибо, – выдохнул Лешка. – Слышите, спасибо.

– А? – Нэйк обернулся. – Не за что... – улыбка сбежала с его лица. – Разумные могут убивать друг друга вволю. Это закон жизни. Но нельзя позволять зверю своей волей убивать разумных. Это скверное дело. Прервать такое – закон чести. Унеси сестру, она испугалась.

– Я не сама испугалась! – сказала Юлька, выворачиваясь на руках брата. – Я за Лешку испугалась!

– Я прошу прощения, – чуть поклонился сторк. – Я видел, как ты подняла камень и

собиралась драться. Я уважаю твою смелость, маленькая дочь наших врагов. Но пусть брат все-таки унесет тебя. Тебе надо помыться, ты в крови.

– Это из коленки, – заявила Юлька. – И ты тоже в крови... Спасибо тебе.

– А, – Нэйк мельком посмотрел на ободранную ладонь. – Да.

Он повернулся – уйти. Но обернулся на голос Лешки:

– Эй.

– Да?

– Не в спину и не тайком, – тихо сказал мальчик. – Слово чести.

В глазах сторка мелькнуло злое уважение.

– Я понял, – кивнул он. – Благодарю за честность и за благородное обещание.

21. Свобода не всем

Второй год Первой Галактической войны

По ночам, случалось, Нэйк плохо спал.

Арк-Сейор не был скучен, в поселке неподалеку от плантации жило достаточно сторков, в том числе и очень хороших родов, фантора были рады видеть там. С пленными он сумел себя поставить сразу, и они вроде бы не собирались доставлять хлопот. Но по ночам иногда не шел сон. Нипочему. Его просто не было, и Нэйк лежал, глядя в окно с широко раздернутыми шторами. Потом поднимался и шел гулять по дамбам, махнув рукой в сторону слуги-сейри, вскакивавшего из своего «гнезда» у порога, а потом бросив: «Нет, не надо» – охранникам из ночной смены, дежурно собирающимся его проводить.

Чаще всего Нэйк думал не о своих «подопечных», а о ходе войны. Ничего хорошего... Земляне упрямо отодвигали фронт, расплзались, как масло по поверхности воды. На их стороне воевали уже десятки тысяч бывших рабов. К ним переходили боевые корабли – так часто, что Четыре Расы удалили от линии фронта корабли почти всех других рас-«союзников». Неужели земляне могут **победить** ? Мысль была оскорбительна до глубины души. Нелепа. Сторкад не имел соперников в обозримой части Галактики, его неудачи – которые случались – имели логичные объяснения. Успехи землян были **необъяснимы** , и Нэйку не удавалось себя успокоить тем, что он всего лишь фантор, что там, наверху, мудрые умы, конечно, уже разработали тактику и стратегию победы...

Мать, входяя в самые верха, типичная сторкадская женщина, умная, холодная и жестокая, но обожавшая свое потомство, писала ему – родовой тайнописью между строк обычных писем, – что **там, наверху**, царит растерянность. Четыре Расы походили на мечущихся по дому жителей, которые пытаются кусками ткани заткнуть окна и двери, в то время как наводнение уже подобралось к крыше, и вода хлещет из всех щелей... И бойцами, и техникой Альянс численно превосходил Землю. Сила Сил, да что там говорить, он превосходил Землю и качеством техники – во многом! И все-таки земляне били Альянс. Били безостановочно, расчетливо, беспощадно, лихо и очень больно. Даже Китеж не казался на фоне этого таким уж поражением – там земляне потеряли почти столько же, сколько и Альянс. А с тех пор нередки были бои, когда потери союзников превышали потери Земли в пять, десять, двадцать раз!!! И разгром отодвигался лишь тем, что, похоже, Земля не подозревала, как обширны владения врага, – расширяя захваченную зону, она невольно замедляла темп наступления, не хватало людей. Если бы землян было больше... хотя бы вдвое... Нэйк ощущал, как противно взмокают ладони.

С тошнотной четкостью понимал он и то, насколько хрупок сам Альянс. И гадал: кто и когда первым побежит к Земле на поклон? Не сторки. Только не сторки. Но кто? А если на стороне землян вмешаются те, кто сейчас нейтрален? Если вмешаются мьюри? Или пусть не мьюри, кто-то другой, даже не столь сильный? Тогда это будет уже не военный разгром. Это будет полная гибель. Крах. Хорошо еще, что земляне все-таки столь не похожи на остальных обитателей Галактики, что их опасаются, что к ним относятся с подозрением даже нейтралы...

Иногда после таких мыслей он начинал думать и о самих землянах. Мучительно, словно сам себя прижигая раскаленным железом. Он раскладывал перед собой личные дела. Или – на своих ночных прогулках – перебирал мысленно своих подопечных. Должен был быть какой-то секрет. Ключик. Кнопка. Едва ли эти, **наверху**, видели близко хоть одного землянина, если исключить довоенный официоз. Он, Нэйк, видит ежедневно. Как они работают. Как едят. Как развлекаются. Как спят. Он заходил в блоки ночью, как будто пробирался во вражескую крепость. Он смотрел на спящих. Он тасовал лица и привычки, слова и взгляды. Смешивал в кучу. Раскладывал. Рассматривал, анализировал. Его никто не принуждал делать это, и поэтому, именно поэтому, Нэйк был так настойчив. Он выкачал из информатория все, что там было о землянах. Он перебирал конфискованные вещи. Его брала жуть от одной мысли, что старший брат или отец вот этого – ну вот этого, коротко стриженного, которого сегодня вечером старший распекал за немывтые пятки... или вот этого, старше, с внешностью принца, чеканным поведением солдата и взглядом героя сэокг... или вот этого... вот этой... вот этой... вот этого... – **что их старшие могут однажды прийти на Сторкад**. Прийти, как на десятки планет приходили сами сторки.

Он обязан был сделать все, чтобы этого не случилось.

Сегодня на приеме у командующего планетарной базой флота одна из женщин спросила всерьез, нельзя ли взять из лагеря двух девочек, ее младшая дочь хочет служанок-рабынь с Земли. Нэйк не сразу понял, о чем с ним говорят. И едва нашел достойные слова для отказа. Достойные и лживые. Не мог же он сказать, что служанки-рабыни не получатся даже из самых маленьких. Его бы не поняли.

Сторки не понимают землян. Он тоже не понимает. Но должен понять.

Должен.

Два дня назад он случайно услышал, как двое юных англосаксов говорили об охоте. С тоской, как фанатики говорят о недоступном предмете вожделения. Тем вечером Нэйк подошел к одному из них во дворе и предложил вместе поохотиться – мол, нужен кто-то, кто будет носить подстреленное, сейри слабоваты. Англосакс ответил, что господин начальник лагеря едва ли найдет себе носильщика среди пленных – это не входит в их обязанности. И спокойно ждал, пока Нэйк его отпустит.

Что на уме у старшего русских, у Олега? Что у них у всех на уме? Нет, что на уме – ясно, свобода. На уме – свобода, в глазах – ненависть. Почему так однотонно-стерильны отчеты камер наблюдения?

Ключик. Полжизни за ключик.

* * *

Цивилизованному человеку трудней, чем дикарю. Дикарь привык голодать, ему легче в тысячу раз перенести однообразную еду. А с другой стороны – дикарь, увидев накрытый стол, не задается вопросами типа **можно ли есть**? И очень удивится, если кто-то скажет, что – **нельзя**. Может быть, спросит понимающе: еда отравлена, да?

Отравлена. Да.

Тридцать восемь пар глаз уже начали есть. Они лопали подряд все, что стоит на столах. Потому что с самого детства, с рождения, с первого вдоха никто из их хозяев не знал, что такое настоящий голод. Даже дворяне, за плечами которых были лицейские испытания. В мире, в котором они росли, еды было много. Разной еды. И никому не пришло бы в голову кормить ребенка бесконечной кашей из местного «риса», который даже и не рис.

Будем честны. Если бы сторкам пришло в голову накрыть такой стол просто так – ну, просто так! – ребята стали бы есть.

Но стол был накрыт **не просто так**. Сторки отмечали День Крови – главный праздник своей Империи. С Парадом Клинка, со спортивными соревнованиями, с торжествами и шествиями. Очень красивый и торжественный праздник.

То есть, отмечали то, что земляне отмечать просто не могли...

...Русский блок для мальчишек был последним, в который зашел Нэйк. И он уже знал, что увидит тут. И не удивился.

На накрытых столах не было тронута ни крошки. Земляне занимались своими делами – кто чем. Но за столами не сидел ни один. Столов будто бы вообще не существовало.

Нэйк начал с блока для младших мальчиков. И вот там он поразился тому, что к еде не прикоснулся ни один. И даже сорвался – накричал. Ему не отвечали – сопели в пол, да несколько самых младших все-таки начали всхлипывать. А в других блоках удивления уже не было – картина повторялась.

– Хорошо, – сказал Нэйк, сцепив руки за спиной. Все услышали, как хрустнули пальцы. – Ужин вам не нужен? Значит, его и не будет.

Повинуясь его свистку, в блок вбежали – с характерной для них суматошной скоростью – несколько сейри с тележками. Стол опустел за какие-то полминуты. После этого Нэйк еще раз – внимательно и долго – окинул всех мальчишек взглядом.

И вышел, оставив их стоять вдоль кроватей.

Наступила тишина.

– А ужин был вкусный... – вдруг сказал уныло Митька, самый младший в блоке.

На него уставились все сразу – почти враждебно. Он вздохнул, махнул рукой и вдруг, вскочив, замаршировал вокруг пустого стола – то одного дергая за руку, то другому подмигивая, то вертясь на пятке или проходясь колесом – и распевая, отчаянно и весело:

Кто бы что ни говорил там —
Выход есть наверняка
Из любого лабиринта,
Из любого тупика!
Есть неведомая сила —
Чтобы нам, беде назло,
Все прощалось и сходило,
Удавалось и везло!

Вскоре все улыбались, глядя на мальчишку, который куролесил изо всех сил. А потом Олег, вскочив, положив руку младшему на плечо и придержав, включился в песню:

Лишь одно меня пугает,
Лишь одно мешает спать —
Вдруг да то, что помогает,
Перестанет помогать?!
Может, с нами силе этой
Вдруг возиться надоест,
Вдруг она заклинит где-то
Иль откажет наотрез?

– Не-а! – мотнул головой Митька и, кувыркнувшись мимо Олега под его руку, снова запел:

Кто бы что ни говорил там —
Выход есть у нас пока
Из любого лабиринта,
Из любого тупика!
Ну и пусть заклинит где-то,
Ну и пусть откажет чуть!
Мы-то знаем, что и это

* * *

Что к побегу на самом деле все готово, Лешка убедился, когда на его глазах были собраны семь арбалетов. Мощных, из какого-то упругого дерева и стальных тросов. Детали арбалетов таились в самых неожиданных местах – иногда лежали просто на виду, только они **не были похожи** на арбалетные детали.

В блоке все двигались быстро, тихо и очень слаженно. Лешка не взялся бы даже сам себе объяснить, почему и как получилось, что они «вдруг» собрались бежать, что изменилось-то?! Возможно, этот накрытый стол был последней каплей. Так бывает. Вроде бы совсем незначительное событие, пустяк, а тянет за собой такое, что остается только удивляться.

Впрочем, в данный момент никто как раз не удивлялся. Все действовали, и первые слова прозвучали вслух, только когда все уже, в принципе, было готово.

– Младшие спят, – быстро и четко доложил Олегу Тимка Быстров, осуществлявший ментальную связь. – Англичане и девчонки ждут. Можно начинать.

– Ребята, – тихо сказал Олег, и в блоке полностью прекратилось движение. – Если мы сейчас начнем, назад не будет пути. У нас будут сутки, чтобы пройти через плантации, а потом прорваться за реку и уйти в долину. Там сейри. Что с ними делать, мы так и не решили толком, есть лишь слабые предположения. Сейчас еще можно разобрать арбалеты и лечь спать. Может быть, наши нас скоро обменяют. Если что-то сорвется, нас ждет смерть. Хорошо, если быстрая и простая.

– Леш, давай начинать, – как-то жалобно попросил Митька. – Ну, хватит уже...

Олег кивнул. И, подойдя к своей кровати, первым начал повязывать на шею галстук – медленно и торжественно, как в первый раз...

...Блоки запирались на ночь с пульта в дежурке, это было естественно. Но в дежурке – это было давно проверено – находился только рубильник, а исполнительный контакт – в стенах блоков. Что замки можно открыть **изнутри** – и при этом перехватить управление ими так, чтобы в дежурке не мигнула ни одна лампочка, – сторки, видимо, не могли даже заподозрить. Из четырех часовых на вышках – на стене в этот час просто никого не было – смотрел на блоки только один, и он был убит первым: стрела, выпущенная кем-то из девчонок, попала ему между глаз. В следующие две секунды погибли остальные трое часовых, и возбужденная – но при этом совершенно бесшумная, это выглядело странно и страшновато – толпа подростков заполнила двор. Их движение со стороны могло показаться хаотичным, но – лишь со стороны. На самом деле каждый знал, что делать.

Несколько человек слаженно взяли на себя управление сейри – все рабы в лагере мгновенно погрузились в полное оцепенение не меньше чем на сутки. Группа парней исчезла в блоке для младших мальчишек; девчонки выводили и строили своих младших. Арбалетки сняли часовых у складов, вскрыли их и начали раздавать оружие, снаряжение и продукты, а несколько человек – Лешка в их числе – ворвались в дежурку.

Двое сторков, находившихся там, лениво созерцали на экранах то, что им показывали «дурилки» землян. Они не успели даже обернуться.

Убивать в спину было отвратительно...

...– Вот так... – мальчишка-англичанин подключил выводы какой-то на живую нитку слепленной штуковины к блоку внешней связи и подмигнул Лешке. – Конечно, ерунда, но на сутки их обманет, если кто вздумает дежурную связь проверить. А за сутки все так и так решится.

²⁷ Стихи Леонида Дербенева.

Лешка кивнул...

...Нэйк стоял в коридоре. Наискось от распахнутой двери в общую казарму – оттуда донеслись два бластерных выхлопа, земляне уже не стеснялись, добились тех, кто успел спрятаться или не был замечен сразу. Нэйк понял, что он – последний сторк в лагере.

Он стоял и ничего не говорил. Что это глупо, что есть слэйверы, что пленные далеко не уйдут, что за него отомстят... Зачем? Они все это прекрасно знали, и все равно пошли на побег, а значит – не имело смысла повторять хорошо им известное и унижать себя завуалированными угрозами мольбами о пощаде.

Глупая была затея – с этим угощением, подумал фантор. Это из-за него. Можно было бы догадаться – они легче переносят удары и боль, чем снисходительно протянутую руку с огрызком булки... О себе Нэйк уже не думал, как о живом, зачем? Жалел только, что не оформил в записи все свои многочисленные наблюдения. Может быть, из этого вороха сведений кто-то сумел бы вычленить нечто на самом деле важное для победы Сторкада.

За спинами мальчишек было видно, как мимо быстро и деловито проводят младших. Мелькнула та девочка, спасенная им от лауно. Нэйк быстро отвел глаза – чтобы ребенок не повернулся сюда, почувствовав его взгляд. К чему хлопоты? И себе, и им? А кстати, где...

Вот.

Этот землянин, Лешка, – уже с плазменным карабином и штурмовым рюкзаком, в великоватых немного ботинках – протолкался вперед. Посмотрел. Опустил глаза и ствол.

И фантор понял, что никто из мальчишек не сможет его убить. Ему стало немного смешно. У него все шансы остаться живым. Какая дикая нелепость. Единственный живой из тридцати охранников – это будет выглядеть очень красиво.

Тогда он прыгнул вперед.

На выстрелы – сразу несколько рефлекторных выстрелов.

* * *

– Иди же ты рядом, – сердито сказал Сэйло и почти без нужды дернул сестру за руку.

Висанти наградила брата упрямым взглядом, но промолчала и ускорила шаг. Девочка понимала, что наказана не зря – три дня подряд играть после школы с девчонками из безродных, а дома врать про дополнительные занятия... И понимала, что брату – ни в чем не провинившемуся – не доставляет никакого удовольствия забирать ее после штрафных часов и вести домой. Сэйло недаром выбирал кружную дорогу – за околицей поселка, чтобы не увидел никто из приятелей или даже просто кто угодно. Сын командующего планетарной базой флота идет рядом с девчонкой-соплячкой! Нетрудно себе представить, что запоет ехидный хор недругов Сэйло – их хватало, и Висанти всегда гордилась тем, что ее брат лучший драчун во всей школе. Сейчас девочка убито вздохнула, переходя от упрямства к раскаянию – за себя. Но все-таки это смешно и как-то глупо – слуги из ящериц-сейри могут жить рядом с самыми высокородными, а такие же сторки без рода – не могут.

– Я бы и сама дошла, – пробормотала девочка. – И не пришлось бы ходить кругами.

– Поздно, – Сэйло поднял лицо. – Отец говорил, что лауно видели на улицах. Девчонку им утащить ничего не стоит.

Висанти притихла, вспомнив когти, здоровенные кожистые крылья и полную зубов пасть лауно из школьного музея. Да, пожалуй, неплохо, что рядом брат...

– Двое, – Лешка повернулся к Джерри. – Пацан с девчонкой.

Мальчишки-земляне лежали прямо в теплой грязи среди пышных побегов местного «риса» – они не знали и не интересовались, как он тут называется, неважно; этот рис они ели минимум раз в день. По дамбе шагах в двадцати от них приближались мальчишка и девчонка сторков – если по земному счету, то лет четырнадцати и восьми, одетые в бело-серое. Мальчишка – в широких шортах, подпоясанных ремнем, с которого свисала открытая кобура гражданского бластера, в свободной куртке-безрукавке с высоким стоячим воротом – широким и жестким. Девчонка – тоже в шортах, в блузке с легким шарфиком, с сумкой на

спине. Оба в шлемах. Мальчишка явно что-то выговаривал своей спутнице. Та молчала...

...Они дошли почти до самой реки.

Сторки слишком надеялись на слэйверов. Слов нет, раб-гончие были опасны. Смертельно опасны даже для землян. Но не тогда, когда землян – десятки, и большинство из них – подростки-дворяне.

Убивать обездвиженных животных было еще гаже, чем стрелять в сторков в спальные казармы. Но и там и тут все было ясно – придя в себя, слэйверы кинулись бы в погоню, а, учитывая их ум и ловкость, в этом случае было бы полно жертв, особенно среди младших. И в результате зверей все равно пришлось бы перебить...

Беглецам везло. Да. Да, они дошли почти до реки, и за зеленью был уже виден проход в долину. И младшие, даже самые младшие, не хныкали и шли быстро, достаточно быстро, чтобы уложиться в срок.

Не повезло только в одном – в том, что патруль сторков по каким-то одним им ведомым причинам обоснуется на берегу у переправы. Две машины, дюжина бойцов. В принципе, их можно было бы смести. Но от базы Флота до этого места штурмовику – полминуты лету. А сделать бесшумно **такое** – это из области кино для самых младших. Или действий спецназа.

Вот тут время и начало уходить. Вот тут время и полетело в галоп...

...– Возьмем, – шепнул Джерри. – Проводник нужен. Тут должны быть обходы. Не может не быть.

– Он не поведет, – ответил Лешка.

Англичанин скривил губы:

– Поведет. Поведет потому, почему мы работали на сторков, Алек...

... – Отпусти ее! – Сэило рванулся и зарычал от унижения и злости.

Эти твари держали его крепко – так же безуспешно можно было бы пытаться вырваться из стальных зажимов. От землян пахло не так, как от сторков, Сэило ощущал на своем затылке дыхание одного из них, и это дыхание заставляло относиться к происходившему реально, а не как к дурному сну – именно о дурном сне он подумал, очнувшись на поляне в зарослях.

Рыжий, почти как многие сторки, землянин усмехнулся. Крутя в руке бластер Сэило, он стоял напротив исходящего яростью пленного. Рядом на земле лежала между тремя мальчишками Висанти. Один из землян держал ее за схваченные над головой руки, двое других развели ноги девочки почти на «шпагат». Все трое смотрели на Сэило с глубокой ненавистью. Рот Висанти был заткнут ее шарфом, девочка глядела на брата немигающими огромными глазами. Сэило понадобилось усилие, чтобы заставить себя понимать: все это происходит в получасе ходьбы от дома.

– Если согласишься провести нас за реку в обход поста, она будет жива, – сказал рыжий на родном языке Сэило почти без акцента. – Если нет, ее будут тянуть за ноги в стороны и вверх... – крак! – землянин щелкнул пальцами. – Я бы приказал вынуть шарф, чтобы ты послушал, как она будет вопить, но не хочу нас выдать. Ничего, зрелище и так будет еще то.

– Вас поймают... – Сэило делил слова. – И утопят в кипятке. Всех. Медленно.

– Спасибо, мы знаем, – лицо рыжего снова осветила усмешка. – Так ты готов рискнуть сестричкой ради сомнительного удовольствия знать, что нас поймают?

– Если я отведу вас за реку, – Сэило перевел дух, – дикие сейри прикончат вас в тот же день.

– Это все не твои заботы, – отрезал рыжий. – Ну?

Если бы Сэило был один, он бы без раздумий сказал «нет». Вряд ли захватившие его земляне были достаточно опытны в таких делах... и они слишком сильно ненавидели – ясно по глазам. Поэтому у него был бы солидный шанс, что земляне увлекутся пытками и прикончат его раньше, чем сломают. Но никто не собирался его даже просто бить (пока что ему досталось только по затылку – там, на дамбе, – а он даже не успел понять, что к чему!!!).

А Висанти... нет, если бы речь шла о чем-то вроде проникновения на базу, захвата арсенала – Сэило и тогда сказал бы «нет»... и будь что будет. Но перед ним были не диверсанты, а беглые рабы. И они хотели не драться, а просто бежать.

– Вы нас отпустите за рекой? – спросил он хмуро.

Рыжий пожал плечами:

– Может быть. Но если ты не согласишься *здесь*, твою сестру разорвут пополам.

– Я согласен, – процедил Сэило.

А про себя подумал, что рыжего он запомнит. И убьет. Но так, чтобы это было не слишком быстро. Так, чтобы сперва тот проклинал, потом начал просить, потом – умолять, а потом просто кричал до самого конца. Никакого кипятка ему не будет, слишком это легкая смерть в уплату за глаза Висанти.

* * *

Темнеть начало в тот момент, когда последние из беглецов – арьергард, следивший за тем, чтобы не отстал никто из младших, которые, хотя и не жаловались ни словом, но шли все медленней и тяжелей, – прошли между двумя отрогами горного кряжа и вступили в проход, уводивший в одну из бесчисленных горных долин.

Точнее, казалось – не вступили, а опустились на дно влажного, душного моря, пахнущего прелью и чем-то сладким, наполненного шумом и шорохами, заставлявшими сжимать оружие и изо всех сил стараться определить опасность раньше, чем она появится.

Лешка и Олег задержались в хвосте колонны. И увидели, как вдали – за рекой и плантациями – выстрелили вверх два столба белого прожекторного пламени. Потом опустились и стали шарить кругами.

– Все. Обнаружили, – выдохнул Лешка и засмеялся.

Олег хмыкнул:

– Да. Поздновато только.

И стал насвистывать песенку, слова которой Лешка знал – древние, древние...

Как все просто удастся
На словах и на бумаге...
Как легко на гладкой карте стрелку начертить...
А потом идти придется —
Через горы и овраги...
Так что прежде, человечек, – выучись ходить...

Что увидят эти точки?
Что построят эти ручки?
Далеко ли эти ножки уведут его?
Как он будет жить на свете —
Мы за это не в ответе,
Мы его нарисовали —
Только и всего...

Что вы, что вы! Это важно —
Чтобы вырос он отважным,
Чтобы мог найти дорогу, рассчитать разбег...²⁸

Зашуршали шаги. Двое ребят подвели сторков – угрюмого мальчишку и прижавшуюся

²⁸ Стихи Юлия Кима. Строфы переставлены.

к нему, но глядевшую тоже враждебно, хотя и с испугом, девочку. Мальчишка честно выполнил то, что требовали, – молчал весь путь, но вел быстро и без обмана...

– Вы обещали нас отпустить, – сказал юный сторк Олегу.

Тот помолчал и хотел уже сказать: «Идите...» – потому что больше-то сказать было нечего... как вдруг Лешка, все это время вглядывавшийся в сгустившуюся темноту позади отряда, быстро и напряженно, тихо прошептал:

– Там кто-то есть.

Мгновенно присели все – и земляне и сторки. Мальчишка-сторк спрятал у себя на груди голову девочки и побелел так, что стало видно в темноте.

В темноте, чуть подсвеченные сзади вертящимися прожекторными лучами, быстро перемещались какие-то фигуры. Впрочем... не «какие-то». Земляне достаточно насмотрелись на сейри-рабов, чтобы узнать их манеру двигаться.

Вот только это, конечно, были не рабы.

– Сейри, – сказал Олег. И окликнул резко: – Борька!

Борис уже был здесь – карабин за спиной, глаза сужены от напряжения. Олег хлопнул его рукой по плечу:

– Делай, что собирался.

Борька помедлил. И спросил негромко:

– А эти? – он покосился в сторону сторков.

Олег тоже какое-то время молчал. Потом покачал головой:

– Нет. Только все вместе. Нельзя... так неправильно.

– Ну и хорошо, – облегченно сказав это, Борис встал в рост и, скрестив над головой пустые руки, медленно пошел – в свет далеких прожекторов, навстречу быстро и неотвратимо перемещающимся все ближе и ближе невысоким темным фигуркам.

А Лешка вспомнил, сжимая в руках карабин: —

...как прожить на белом свете?
Проще этого вопроса – нету ничего!
Просто надо быть красивым,
Щедрым,
Умным,
Справедливым,
Сильным,
Смелым,
Верным,
Добрый —
ТОЛЬКО И ВСЕГО...²⁹

22. Опоздавшие могут не платить **Церра-Прим. Нейтральная Зона** **Второй год Первой Галактической войны**

Базар – везде базар, даже если на нем нет ни одного человека. А если где-то неподалеку бушует война, то нетрудно догадаться, что торговать на нем будут, в основном, оружием. Не первой свежести, конечно, – то, что получше, или вообще не продают, или продают только проверенным союзникам, но все же найти кое-что интересное можно было и здесь.

Правду говоря, выглядел этот базар не бог весть как – просто голое поле возле космопорта, на которое согнали грузовики с товарами и наделали навесов. Получился

²⁹ Стихи Юлия Кима. Строфы переставлены.

настоящий лабиринт, по которому туда и сюда шатались потенциальные покупатели и просто любопытствующие. Разноязыкий гомон успешно заглушался пальбой – казалось, что рядом идет жестокое сражение, но это было всего лишь близко расположенное стрельбище, на котором любой желающий мог испробовать предложенный на продажу товар или потренироваться с уже купленным. У человека непривычного от развалов смертоносного железа могла бы закружиться голова – куда ни кинь взгляд, везде ряды винтовок и пулеметов, ящики с патронами, гранаты, прицелы, – но любой профессиональный военный сразу заметил бы, что большая часть всего этого – явное барахло, или изношенное до последней степени, или устаревшее настолько, что и бросовую цену за него платить – выбрасывать деньги на ветер. А профессиональные военные здесь были – несколько в стороне от общей массы, под неприметным навесом, установленным, однако, на пригорке – так, что отсюда открывался отличный обзор – стояли трое почти незаметных в его тени землян, и без того почти неприметных в полевой форме без знаков различия. Самый рослый из них был, одновременно, и самым старшим по званию – на первый взгляд полковник Генерального Русской Империи штаба Иван Сергеевич Макаров походил на матерого и не слишком дружелюбного медведя. Второй – штабс-капитан Буриной, невысокий, уже седеющий, с жесткими, аккуратными усами, когда-то был его наставником в Минском Императорском лицее, где преподавал социологию вооружений. Ученик обогнал его в званиях на три ступеньки, но это не вызывало у старого служаки ничего, кроме глубокого удовлетворения, – таких у него был не один и даже не два. Правду говоря, штабс-капитан подумывал уже выйти в отставку и посвятить свою жизнь науке – благо, собранных им за долгую службу материалов хватило бы не то, что на диссертацию, а на целую профессорскую монографию, но этим планам помешала война.

Третий землянин был пока что тонок в кости, но гибок, словно стальной клинок, с коротко стриженными светло-русыми волосами и внимательным взглядом серых глаз. Любой, кто был знаком с землянами, сразу бы понял, что он приходится полковнику сыном. Формально пятнадцатилетний выпускник того же Минского Императорского лицея Дмитрий Макаров находился здесь на стажировке, фактически же – нес уже вполне взрослую долю общей работы. Он мечтал стать ксенологом, а ксенологов на Земле катастрофически не хватало. Никто не был готов к контакту с ТАКИМ количеством инопланетных рас – тем более, столь вызывающе разных. У Димки же обнаружился совершенно неожиданный талант в этой области, так что к его мнению уже прислушивались порой и взрослые.

– Знаешь, что мне это напоминает, Иван? – штабс-капитан снял фуражку и утер платком уже заметно лысеющий лоб. – Нашу земную Африку, какой-нибудь Судан восьмидесятых годов девятнадцатого века. Та же публика, почти те же проблемы. Только масштаб, к сожалению, другой.

– Да, масштаб другой, – вздохнул полковник. – А в остальном... Нам уже несколько раз предлагали продать взятых нами в плен Чужих – не обменять на наших, не ради каких-то уступок – а просто ПРОДАТЬ. Ладно, скинтков я еще могу понять – они всегда стараются отбить или на крайний случай выкупить своих пленных. Но другие! Кто-то надеется продать их своим подороже. Кто-то откровенно интересуется, какие у нас цены на рабов. А кто-то просит пленных для сведения старых счетов – такая вот у наших союзников дружба. Мерзко...

– Большой Круг Земли еще в самом начале объявил, что Земля не торгует разумными существами – ни в качестве рабов, ни в любом другом качестве! – возмутился Димка. – И что для освобождения пленных мы признаем только честный обмен. А Чужие этого не то, что не понимают – просто НЕ ХОТЯТ понимать.

– Привыкай, юноша, – усмехнулся штабс-капитан. – Почитай для начала Киплинга – там много совпадений вот с этим вот, чуть ли не один в один. Я-то и не думал уже, что такое увижу.

– Смотрите – триании, – полковник показал на группку, заметно выделявшуюся в толпе: кошкоподобные обитатели планеты Триан были за два метра ростом, но в отличие от

скиуттов – тонкие и гибкие: гравитация на их родине составляла только семьдесят процентов земной.

– Матриарх со свитой, – сразу же определил Димка. – Редкая птица. Интересно, что она тут делает?

В самом деле – во главе делегации двигалась явно женская фигура, завернутая в одежды, которые подошли бы фее из средневековых сказок Земли. Двигалась, надо сказать, довольно-таки неловко: слишком высокая местная гравитация заметно ей мешала. Следующие за ней восемь солдат были закованы в экзоскелеты и вооружены импульсными винтовками – двигались они бодрее, но как-то механически-скованно. Ничего особого от кошачьей грациозности в них не замечалось.

– Интересный народ, – заметил штабс-капитан. – Вроде бы и воевать умеют, и техника у них вполне на уровне – шесть планет освоили, не шутка. Но последнюю тысячу лет – ни шагу ни вперед, ни назад. Нам, мол, и так хорошо. Традиционалисты еще похуже сторков – при том, что сторков они гоняют беспощадно. Но лишь когда те на их владения покушаются – как говорится, от сих до сих. А когда те их соседей режут – ноль внимания.

– Они и с нами говорить не захотели, – заметил полковник. – Похоже, им на инопланетян вообще наплевать, пока те их не трогают. А ведь и себе могли бы помочь, и нам. Понимают же, что сторки их в покое не оставят. И дождут – сторки намного упорней.

Штабс-капитан вздохнул. Едва ли не с самого начала Экспансии Земля столкнулась со множеством чужих рас. Довольно скоро стало ясно, что те делятся на две категории: сильные и слабые. Сильные были откровенными хищниками, жадными до чужого добра, слабые нередко видели в землянах возможных союзников или даже освободителей от рабства, но при более близком знакомстве часто сочувствие к ним пропадало: такие же хищники, только вдобавок трусливые, подлые и с гнилыми зубами. Мотивы и тех, и других были хорошо понятны землянам. Но теперь, когда Человечество уже основательно продвинулось в Галактику, стало ясно, что есть и третья категория: расы, понять которые землянам было... трудно. Например, дайрисов или тех же трианий – до начала Экспансии никто не смог бы представить, что может существовать общество – причем, высокоразвитое! – со строгим матриархатом. Да еще и буквально повернутое на традициях. Для землян прогресс был естественен, как дыхание, и понять, как можно отказаться от прогресса, они просто не могли.

Конечно, смешно было бы ожидать, что в Галактике людей ждет только ПОНЯТНОЕ – да и неинтересно это было бы. Другое дело – загадки. Они дразнят, они бросают вызов – а ну-ка, пойми, что тут на самом деле! А к брошенным вызовам земляне давно привыкли – еще задолго до того, как вышли в Галактику. По правде говоря, иногда Димка думал, что самое главное сделали еще первые «витязи», основатели РА, которая и создала Империю. Да, наверное, так оно и было – ведь тогда, перед самой войной, казалось уже, что и надежды никакой нет, все погибло. А после войны и подавно. И вот Империя неколебимо стоит уже триста лет, она твердой ногой ступила в Галактику – и это самое-самое начало. Димка часто и с удовольствием представлял, что будет с ней через десять лет, через сто, через тысячу, – да и кто из мальчишек не представлял? Но будущее – оно само по себе не наступит. Его надо строить. За него надо воевать – и далеко не всегда на поле боя. Вот, например, их миссия – кому-то в тылу, быть может, она показалась бы чуть ли не дезертирством – идет война, а опытные офицеры, которые могли бы решить исход не одного сражения, мотаются по «серым зонам», собирают какие-то слухи, а то и – страшно сказать! – приторговывают казенным имуществом... «из-под полы», как он прочитал в одной исторической книжке. Сравнение было смешным: так и представлялся человек, воровато вытаскивающий из-под полы длинного старинного кафтана танк.

Вот только Димка знал, что и его отец, и другие офицеры их миссии – здесь совсем не по своей воле, а по личному приказу Императора, и что рапортов о переводе в действующую армию ими было написано немерено. Но то, что они делают, – нужно. Очень нужно. И кроме них это никто не сделает. Технологии Чужих, например, Земле очень нужны. Но еще нужнее – ПОНИМАНИЕ. Нужно знать мотивы других рас – что может сделать их другом, что –

врагом, а выяснить это ох как непросто! Некоторые расы, казалось, нарочно издевались над всеми представлениями землян о том, каким может быть общество. Взять хотя бы тех же трианий. Или зелтронов – вот уж кто точно напрашивался.

Внешне зелтроны очень походили на людей – не считая чуть меньшего роста и ярко-розовой, словно с мороза, кожи, но двух более несхожих рас представить было трудно. Зелтроны славились своей страстью к развлечениям – они умели закатывать праздники по самым малейшим поводам и даже совершенно без одного, а уж зелтронские куртизанки ценились по всей Галактике. Казалось бы, и внимания не стоит обращать, тем более, что содержанием армии и флота зелтроны не заморачивались – да и представить их в военной форме было совершенно немыслимо, это даже служило у некоторых рас любимой темой для юмористических представлений – смешней были только солдаты-калмы. За последние шестьсот лет их планету завоевывали уже раз двенадцать – но всякий раз завоеватели, если не успевали вовремя смыться (повезло, например, сторкам), гибли от полного морального разложения, а зелтроны оставались. На самом деле эта раса обладала мощной телепатией – не настолько мощной, конечно, чтобы подчинить дворянина, но вот простым землянам от них стоило держаться подальше. Зла они не творили – причиняющему боль телепату больно и самому, да еще как, но выгоды своей тоже не упускали и задурить голову, а после разуть-раздеть, как белочку, и ищи-свищи – могли запросто. Да и праздники учиняли в основном для того, чтоб хорошо было им. А если у кого-то голова потом болит – не их проблемы, меру тоже надо знать. Из всех рас Галактики зелтроны боялись одних только дайрисов, на которых их телепатия не срабатывала, – да еще теперь землян. На любую попытку подчинить их земляне реагировали мгновенно, а часто еще и неадекватно, с точки зрения зелтрона, – и после нескольких изувеченных трупиков приставания горячих зелтронок к землянам прекратились. Были, правда, попытки натравить на землян местные власти – формально планета принадлежала скиуттам, но скиутты к прелестям зелтронок были как раз равнодушны, да и телепатия их на них особо не действовала. А попытки «наезда» с помощью местной шпаны земляне пресекали с такой эффективностью, что желающие очень быстро закончились – в самом что ни на есть прямом смысле. Мораль, впрочем, была ясна: щелкать клювом в Галактике не стоило, за милой улыбкой часто скрывался такой оскал, что и земная акула утерлась бы. Но, с другой стороны, все эти местные акулы сами были очень даже уязвимы: они привыкли к тому, что все продается и покупается, и никак не были готовы противостоять тем, кто считает иначе, – землянам, например. Их тоже часто ставила в тупик земная логика – да что там, «ставила», внушала благоговейный ужас! Штабс-капитан Буриной, например, как-то, по сугубой ошибке, забрел в бордель, в котором держали детей нэрионов – должно быть, для каких-то особых ценителей. Не особо вникая в детали, старый служака спокойно перещелкал, как подвижные мишени в тире, и обслугу, и «ценителей» из додревнего «стечкина», а потом поговорил по душам с попавшимся под руку капитаном-мьюри – да так, что тот не только согласился отвезти чужих детишек на родину, но и – поразительно! – сдержал свое слово. Ведь ничего не поимели земляне с того, кроме сугубых неприятностей с местным «криминальным миром» – и не только.

Через неделю, правда, шайка наемных убийц-нэрионов деловито прикончила офицера сторкадской военной разведки, предложившего им выгодный заказ на убийство землян, а все его вещи, вместе с головой, подбросила в земное посольство. О том почти никто не узнал, однако слухи поползли самые жуткие, и найти желающих напасть на землян – а заказчиков было совсем немало! – стало невозможно ни за какие деньги. Димка, понятно, о таких тонкостях не знал, но с местной гопотой пару раз сталкивался – ничего интересного, тренировочные поединки в лицее и то были сложнее. Бедняги, похоже, даже и не ожидали, что встретят их не слезными мольбами о пощаде, даже не какими-то идиотски-навороченными приемами, обучение которым тут было в большой моде, – а беглым пистолетным огнем. На поражение – церемониться со шпаной Димка не собирался, живущий «с ножа», по его представлениям, не должен был жить вовсе – и об убитых не сожалел ничуть. Радовался тоже не особо – мразь давить нужно, но это долг, не удовольствие. Да

и думать об этом ему было особо недосуг – сколько вокруг интересного! Взять хоть тех же мьюри – ведь почти люди на вид, хотя и меньше, чем сторки, – тех и вообще не отличить от немцев, например. И техника у них отличная – всем соседям на зависть. А вот психология убогая – купи-продай. Или того хуже – «не обманешь, не продашь». Но при том – фильмы земные смотрят, как ребенок сказку, и купить готовы за любые деньги – даже такие, в которых, по мнению Димки, ничего интересного нет... Что, вообще-то, пришлось очень кстати – как говорилось в одной такой сказке, «чтобы продать что-нибудь ненужное, надо сперва купить что-нибудь ненужное, а на это у нас денег нет». Нет, конечно, землянам было, что предложить, – и редкие металлы, и машины, а уж земное оружие в Галактике ценилось уже очень высоко – но нельзя забывать, что этим же оружием потом вполне могут бить самих землян, честность и даже простая благодарность здесь были не в чести. Так что искусство торговли – как получить все, что надо и не отдать взамен ничего ценного – землянам тоже пришлось изучать, надо сказать, без малейшего удовольствия. Правда, как оказалось, здесь очень ценятся даже старые земные фильмы – вначале Димка не понимал, почему, но разобрался быстро – большая часть того, что здесь считалась фильмами, была или топорными боевиками, или уже настоящей порнухой. С искусством у Четырех Рас было туго – у дайрисов и нэйкельцев искусства не имелось в принципе, джаго пекли сплошной китч, и только у сторков часто встречалось достойное. А спрос на что-то нормальное, светлое оказался громадный – кое-где землянам суждено было стать настоящим «лучом света в темном царстве», как говорилось в одной старой книжке.

– Ну что, – полковник посмотрел на браслет, – нам пора. Пошли, лицеист, – он ни разу за все пребывание тут не назвал Димку «сын», хотя обычно не стеснялся даже «сынка». – И... – полковник задержался, умоляюще положил руку на грудь, посмотрел на Бурикова, – Станимир, я тебя от всей души и изо всех сил прошу – ну не трогай ты джаго!

Димка скрыл усмешку. Хотя в причинах ненависти штабс-капитана к джаго не было ничего смешного, и недаром они обходили землянина в принципе чуть ли не с самого начала миссии.

Его средний сын, молодой офицер егерей, погиб на Китеже – уже после того, как Чужие бежали с планеты. В одном из освобожденных поселков егеря наткнулись в доме на окраине на детей – мальчика лет десяти и девочку помладше на год-два. Они сидели на диване – совершенно неподвижно, плечом к плечу. Девочка тихонько плакала, а мальчишка, увидев, что в комнату входят свои, еле слышно прошептал:

– Дяденьки... уходите, нас джаго заминировали... – и закрыл глаза.

Солдаты, которых командир тут же выгнал, не знали, что там случилось. Через несколько минут вышли – мальчик почти тащил сестру – падающие от пережитого дети, плачущие навзрыд уже громко и оба. А еще через пять-шесть секунд раздался взрыв...

...Земляне взяли «рикшу» – экипаж, который тянул жутковатого вида монстрик с четырьмя ногами, парой гибких рук и длиннющими сомячьими усами на плоской голове. Монстрики эти были одновременно и тягловой силой, и хозяевами экипажей, которые таскали с бешеной скоростью. Димка знал, что это церриты, местные жители – несчастный народец, давно потерявший и власть на планете, и даже самоидентификацию и переключившийся на обслуживание посетителей их «шарика» – посетителей любого пошиба, от чиновников разных правительств до уголовников. Но вот «рикшу» он увидел тут впервые и возмутился – как это можно ездить на разумных существах?! Иван Сергеевич серьезно объяснил сыну, что, отказываясь от рикш, он, во-первых, тратит время миссии – а во-вторых, лишает этих самых церритов заработка. Димка понял правоту отца, но не принял ее и каждый раз в рикше сидел угрюмо и тихо. А в выпадавшие свободные часы старался посетить побольше местных исторических памятников. Мальчика ужасало и вызывало жалость то, что он видел, – обломки истории целого народа, осколки надежд, обрывки веры... До этого не было дела подавляющему большинству самих церритов. Все, сколь-либо представлявшее материальную ценность, вывезли с планеты соседи – остались руины. Скиутты же церритов просто имели в виду, они презирали все расы, которые не могли себя

защитить, – презирали незлобно, но и помогать не собирались. Димка хорошо запомнил, с каким недоверием немногочисленные хранители этих остатков истории планеты убеждались в том, что инопланетянин пришел не увозить что-то и не делать «снимки на фоне», а просто постоять и расспросить – тихо и с уважением. **Они сами привыкли к тому, что не стоят уважения**. Но это была ложь! Ложь...

...Димка хмуро повозился на сиденье и вздохнул. Покосился на отца. Тот сидел прямо, глядя точно перед собой. Да, отцу было о чем беспокоиться – предстояла встреча со сторками. Важнейшая встреча. Мальчишка видел записи отца и знал, о чем – короткая схема:

Русский мужской блок	Русский женский блок	Англосаксонский мужской блок	Англосаксонский женский блок	Блок младших мальчиков (младше 10 лет)
38	63	21	68	48

Если честно, Димка немного подозрительно относился к этим ребятам и девчонкам – пленным у сторков. Ну ладно, ну пусть младшие, что они соображают... А старшие?! Как можно было попадать в плен?! Последнюю пулю – себе! Гранату под ноги, полевку под ребра! Да хоть в камни головой, но только не плен – себя в плену Димка не мог и представить... Однако, конечно, своих надо было выручать. Как угодно. К счастью, выход был – и дело решалось сегодня...

...На землян устали сразу, как только они вышли возле хэлэ – сторкадского кафе, построенного тут в чисто сторкадском же стиле (высокие двойные коньки, резьба, низко спускающиеся края крыши...) и служившего местом, где сторки отдыхали, встречались и прочее. Дикое это было ощущение. Шла война. Люди и сторки убивали друг друга. А сейчас Димка прошел мимо сторков, стоящих возле дверей, и окаменел спиной: выстрелят. Но не выстрелили, конечно. Ведь и сторки приходили в земное кафе – настороженные, негнувшиеся...

В кафе было шумно. Сторки вовсе не были шумным народом, наоборот скорее, но – только до тех пор, пока не употребляли как следует *ширр*, что-то вроде земного кумыса, только с градусами посильней. Димка эту штуку пробовал, если честно – она не оставляла похмелья и скорее была полезной для здоровья, но расслабляла не на шутку. На землян обратили внимание сразу все – десятки зеленых глаз (были и несколько пар сероватых) устали на вошедших откровенно враждебно. Кто-то даже начал подниматься, но хозяин заведения (по сведениям землян – в ранге генерал-полковника, если по-земному) коротко что-то сказал – и стало как прежде. Земляне как бы начисто выключились из сферы внимания – Димка подумал, что мог бы тут сплясать вприсядку, и сторки смотрели бы сквозь него, не больше.

Следом за отцом он прошел к отдельному столику – в углу справа от стойки. Навстречу поднялся молодой офицер в пышном парадном мундире, разительно отличавшемся от рабочей формы землян, на которой не было даже знаков различия, подождал, пока сядет Иван Сергеевич. Видимо, они с отцом были знакомы, потому что Макаров-старший даже не счел нужным представлять сторка, а вот сына – кивком разрешив сесть и тому – отрекомендовал на сторкадском:

– Мой сын Дмитрий. Ксенолог.

– Не доверяете нам? – сторк говорил по-русски.

Иван Сергеевич усмехнулся:

– Несколько нелепо. Так и будем говорить каждый на чужом языке, чтобы показать: я его знаю, да?

Сторк тоже улыбнулся и перешел на зелтроник:

– Да, нелепо. Но ксенолога могли бы не брать – мы очень похожи. Едва ли наша психология таит такие уж загадки.

– Думаю – таит, если учесть, где вы содержите наших детей, – жестко ответил полковник на том же языке.

Димка не сводил со сторка глаз. Это было снова и снова странно – вот так смотреть в лицо врага.

Сторк не смутился. Налил себе розовой воды – фруктовой, жестом предложил землянам; Макаров-старший кивнул, наполнились еще два бокала. Только после этого сторк иронично спросил:

– Но ведь и наших детей вы – как это у вас говорится? – должно быть, не кормили плюшками?

– Почему? Кормили, – ответил полковник. – Видите ли, по решению Большого Круга ваши дети содержатся в скаутском лагере на озере Уиндемир на Британских островах. Там похоже на Сторкад. Те, кому, по нашему счету, не исполнилось семи лет, – с матерями. Кажется, на полдник там бывают и плюшки.

Сторк был поражен. И не смог этого скрыть. Он даже чуть нагнулся через стол, рассматривая землянина. Димка от удовольствия ощутил дикий позыв поерзать на месте, но не двинул даже бровью.

– Но почему?! – не выдержал наконец сторк.

– Да потому что они – дети, – пояснил Иван Сергеевич даже с каким-то сожалением. – Даже те, кто стрелял в нас. Они – **дети**.

За большим столом у дальней стены что-то заорали на древнем языке. Сторки, вскакивая один за другим, вскидывали, расплескивая ширр, стилизованные под старинные рога бокалы, присоединялись к крику, угрожающему и мощному. Димка вспомнил, как смотрел сторкадский фильм «Стража Острова» – вот с таким ревом сотня за сотней пикировали на побережье вражеского острова всадники в бронзе и коже на крылатых пронзительно орущих зверях – и вой зверей смешивался с кличем всадников... Хороший был фильм. Интересный... У землян тоже такие были – Димка помнил, например, «Щит Олегов»: вылетающие на прибрежный песок широкие груди людей, прыгающие через крутые борта ревущие воины с топорами, в алых плащах, как в живом пламени...

Да. Были. Но плюшки в лагере – это аргумент. Аргумент.

Все трое повернулись – и люди, и сторк. Подошел и тяжело сел еще один сторкадский офицер – старше. Положил на стол кулаки. Видимо, отец его тоже знал, потому что кивнул и тут же перешел к делу – снова на зелтронике:

– Итак – двести тридцать восемь земных детей из лагеря на Арк-Сейоре будут обменены завтра на семьсот восемьдесят три сторкадских ребенка... Всех – на всех. Вы привезли наших?

Сторк опустил глаза. Собеседник Макаровых тревожно глядел на него. Молча, но видно было – хочется спросить. За большим столом опять взревели, и сторк поднял взгляд:

– Полковник Макаров... – говорить ему было трудно. – Пришло официальное сообщение... ваши дети... все... они бежали. Бежали из лагеря в горные долины. Это был хорошо подготовленный массовый побег... Их искали, их не нашли. Их просто не могут найти на Арк-Сейоре. Они... – и сторк сбился, замолчал мучительно.

Димка обомлел. Он знал, что сторки тоже несколько раз бежали из лагеря на Уиндемире. Но куда? Их каждый раз возвращали рано или поздно, хотя троим удалось добраться аж до одного из лунных космодромов... А тут – Арк-Сейор. Туземцы Арк-Сейора. Сейри. Сейри, ненавидящие сторков. Земляне, неотличимые от сторков. Маленькие дети. Девчонки.

Кажется, он привстал. Кажется, стиснул отяжелевшие, налившиеся злостью кулаки. Сторк посмотрел на него и тихо сказал:

– Я клянусь вам – они бежали, мальчик... не потому, что с ними так уж плохо

обращались... видимо, не смогли в конце концов перенести неволи в принципе... – и вдруг умоляюще спросил, всем телом повернувшись к полковнику: – Что будет с нашими... детьми? Там... там мой племянник. Мой брат погиб, погибла его жена, старшая их дочь без брата превратилась в тень себя, он остался у нее один... Я... – сторк что-то переломил в себе и стал сухим, прямым и официальным: – Вы вправе не возвращать детей. Вправе даже не верить нам. Я уполномочен передать: какая бы судьба ни ждала юных сынов и дочерей Империи в руках врага – никакого более торга...

– Не надо, – странно мягко попросил полковник Макаров, и сторк поперхнулся. И он, и его подчиненный глядели на землянина. Иван Сергеевич тоже сел прямее и продолжал: – Вы получите всех своих детей завтра утром, как мы договорились.

Сторки встали – разом, как будто их подняли на ноги сильным рывком. Переглянулись, старший что-то неуловимо быстро сказал младшему, и тот почти выбежал. Земляне тоже поднялись.

Они стояли вокруг стола минуту, не меньше.

Потом сторк сделал шаг к двери. Замер. Его спина закаменела. Он повернулся.

И отдал землянину салют. А еще потом быстро вышел.

Димке пока что еще ничего не говорил этот жест – кроме того, что он не был похож на обычное сторкадское отдание чести, напоминавшее земное, – медленный и в то же время ломано-резкий, как бы объединивший сердце, мир вокруг и небо.

Но полковник Макаров знал, что так салютуют на Сторкаде лишь одному – Главе Совета Родов, Императору.

Из сообщений СМИ Йэнно Мьюри о событиях в Нижнем Крае

Бесследно исчезла целая колония рабов

Одно из самых больших поселений рабов в регионе внезапно опустело. Станция, расположенная на одной из обитаемых лун системы Циллия, содержала около 30 тысяч рабов разных рас. Прекрасно охраняемая колония была атакована и уничтожена прошлой ночью, а все рабы-шэни бесследно исчезли.

Колония предназначалась для выращивания и тренировки рабов для Империи Сторкад. Большинство рабов были шэни, первые из которых появились в колонии в первые дни порабощения этой расы сторками. Вокруг колонии был построен защитный периметр, который, до прошлой ночи, справлялся даже с большими группами пиратов.

Сегодняшним утром поселение было атаковано землянами. Согласно отчету, все вооружение, тренировочное оборудование, компьютеры с информацией о рабах были уничтожены или исчезли. Но самое главное – исчезли почти тридцать тысяч рабов-шэни. Остатки рабов – в основном джаго – не были тронуты нападавшими.

Данные системы безопасности колонии не помогли расследованию, так как большинство камер слежения и внешние сенсоры были выведены из строя и уничтожены вместе со всем охранным персоналом. Оставшиеся в колонии рабы рассказывают о «темных фигурах», которые «проверяли, джаго мы или нет, и если да – запихивали обратно в камеры».

Некоторые наблюдатели полагают, что в свете учащающихся атак землян Империи пора разместить в регионе дополнительные военные силы. «Эти пираты пьют нашу кровь, – сказал Наместник Лир кен ло Орм ап мид Орм. – Каждый день ситуация становится все хуже и хуже. Если мы сейчас ничего не предпримем, все усилия Имперского Флота по очищению региона от пиратов пойдут прахом. Регион просто попадет в руки землян, этих новых еретиков».

С тех пор, как несколько недель назад в результате военной атаки в той же системе Циллия была уничтожена Имперская станция, Наместник региона постоянно вызывает к более активным действиям Имперского Флота против земных пиратов. Но вместо этого Флот уходит из региона.

Штаб Имперского Флота никак не прокомментировал последний инцидент.

В Нижнем Крае неспокойно

Ситуация в Нижнем Крае остается нестабильной.

Множество не связанных между собой источников сообщает о продолжающихся рейдах землян против объектов Империи Сторкад в Нижнем Крае.

Сегодня рано утром был уничтожен коммуникационный центр 7-го Флота, расположенный в одном из удаленных секторов системы Арк-Харас.

Уничтоженный коммуникационный центр был совсем недавно установлен в системе силами 7-го Флота и охранялся подразделением кораблей Флота. Подразделение было внезапно атаковано, и после короткой, но яростной схватки коммуникационный центр был разрушен. По предварительным данным, главной целью нападавших был именно коммуникационный центр. Земляне атаковали корабли Флота Империи Сторкад только после уничтожения комцентра. По свидетельствам выживших, атакующие понесли многочисленные потери, несколько их кораблей вышли из боя с тяжелыми повреждениями. Есть подозрение, что комцентр во время боя был взят на abordаж, но никаких подтверждений этого до сих пор нет.

Официальные представители 7-го Флота отказываются комментировать эти события, и более того, всему личному составу приказано воздержаться от общения с репортерами.

Менее чем через час после уничтожения комцентра Флота был атакован и уничтожен рынок рабов, принадлежащий Роду Тор, находившийся на дальней стороне системы. Представители Рода отказываются от комментариев, однако многие считают, что целью рейда был именно захват содержащихся на рынке рабов.

Из архивов Регистрационной Палаты Йэнно Мьюри.

(Затребовано к изучению Главным Исполнительным Собранием в 205 г. Г. Э. по времени Земли)

23. Дано такое право...

Второй год Первой Галактической войны

Дорога, как видно, не использовалась, хотя указатель на повороте – «**пос. ЗЕЛЕНый, 5 км**» был цел. Но водитель явно удивился, когда мальчишка в форме Флота попросил остановиться именно тут. Он даже счел нужным предостеречь юнгу:

– Там нет ничего.

– Как? – Антон задержался. – А...

– Был поселок, большое хозяйство с коровами, завод, то-се... – водитель не торопился уезжать, хотя мальчишка уже вышел. – В начале войны, год назад, когда Чужие сюда прорвались, разбомбили поселок. Черт его знает, зачем, там ничего военного не было... Пока отбились, пока опомнились – месяц прошел, пока туда добрались. Никого живого, развалины. Разбирать даже не стали, трупы похоронили, кого нашли сразу... Людей-то у нас не хватает, сам видишь, сколько тут простора... Вот с Чужими разберемся, детишек нарожаем побольше, тогда и займемся, восстановим или хоть расчистим...

Антон кивнул молча. Между столицей и крупнейшим портом – Портом Федосеева, куда ехал водитель – было километров семьсот, и на всей этой протяженности среди лесов и больших заливных лугов по берегам рек было с полдюжины разных кордонов да Зеленый. Теперь остались только кордоны...

– У тебя там знакомые жили, что ли? – голос водителя стал тихим и сочувственным. Он

постучал пальцами по мягко изогнутой с-образной «баранке» руля и предложил: – Поехали к нам. Хочешь – весь отпуск живи, я тебя потом отвезу в столицу, а хочешь – обратно на рейсовом уедешь, и все...

– Спасибо, – искренне сказал Антон. – Но мне надо именно туда.

– Ну, как знаешь... – но водитель все-таки медлил, пока Антон не махнул ему рукой, уже пройдя шагов сто и добравшись до остановки рейсового автобуса. Только после этого машина плавно снялась с места и, быстро набрав скорость, исчезла за лесом.

Антон подошел к остановке. Сине-белый павильон был цел. Мальчика вдруг посетила глубокая спокойная убежденность: если сейчас он останется стоять тут – рейсовик в Зеленый придет, и тогда можно будет...

Но это была мысль – шаг к безумию. Антон взялся за лицо – в павильоне уцелела доска объявлений, а на ней среди прочих он увидел свое, наклеенное за день до той бомбежки – о том, что он ищет старые записи бардов XX века. Мальчика пошатнуло от ужаса, он попятился и побежал...

...Антон перешел на шаг, только когда павильон скрылся из виду. Рывками расстегнув ворот куртки и рубашки, тяжело дыша, он остановился, постоял, потом пошел снова. Идти было страшно. А когда не страшно – опять толкалась эта надежда, что сейчас он увидит всех и все, живыми, целым. Антон понимал, что, стоит допустить эту мысль в сознание прочно, как он немедленно сойдет с ума. И почти обрадовался, увидев – дорога скользнула между холмов, мимо стенда с надписью «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!» и улыбающимися лицами людей, – что поселка нет.

Кладбище – а точнее, одна братская могила, выложенный плитами местного голубоватого сланца курган, увенчанный еще одной плитой, с датой, даже без имен и фамилий – оказалось сразу за холмами, справа. У подножия кургана лежали цветы: от сухих былинков до свежих, невесть откуда взявшихся. На курган Антон посмотрел мельком...

На развалинах тут и там уже проклюнулась свежая зелень. Так, как ей хотелось, – и деревья вокруг домов, и оба парка погибли вместе с людьми во время бомбардировки. Антон потерял лоб. Он знал, куда и как идти, чтобы прийти к живым. Помнил, как они строили школу и здание Думы, – помнил веселье и бронзовые таблички, заложенные в фундамент. Помнил спортплощадку и так и не достроенный молодежный комплекс.

Мальчик стащил с головы фуражку и заплакал. Он плакал зло, сотрясаясь от боли, и если бы в тот момент ему дали право и возможность – Чужие были бы уничтожены все. Без различия пола, возраста и вины. Вместе с их планетами.

Выплакаться не получалось. Это тоже осталось в детстве, как бронзовые таблички: поплачешь – и тебе становится легче. Антон хмуро вытер лицо и, не надевая фуражки, тяжело пошел по дороге.

Ему не было страшно идти по мертвым улицам – в основном заваленным щебнем, но кое-где расчищенным, очевидно, спасателями. Развалины были заботливо помечены – где, кого нашли, если неопознанные – сколько... Пару раз встречались и другие, горестные, но в то же время полные надежды надписи: «...мы вас не нашли... может быть, вы живы... приезжайте...» Антон вспомнил сражение с флотами Чужих, вспомнил его размах и жертвы – и все равно, понимание того, как мал был его родной поселок, не помогало. Он мог по именам назвать семьи, которые остались в руинах, вслепую показать, где кто жил.

Сердце оборвалось.

За согнутой, но сохранившейся витой оградой – невысокой, для красоты, по пояс, от кого тут было загораживаться?! – курганом щебня лежал его дом. На косо торчащем обломке было написано:

Шеварины:

Ольга Викторовна, 37 лет

Снежина и Ростислава, 7 лет, близнецы

Артем, 8 мес.

—

Антон, 12 лет – не найден

– И еще Бобик. И Муська, – шепотом сказал Антон.

Подошел к плите, вцепился в нее раскинутыми руками, словно обнимал всех тех, о ком на ней было написано, и встал на колени, чертя по шероховатой поверхности лбом.

Замер...

...Наконец мальчик поднял голову и рывком выпрямился. Достал универсальный нож, открыл основное лезвие и, плотно стиснув губы, стал резко, глубоко процарапывать на поверхности плиты, ниже своего имени:

МЫ ИХ РАЗОБЬЕМ.

МЫ ОТСТРОИМ ПОСЕЛОК.

КЛЯНУСЬ.

Папа, я жив. Я на Флоте.

Антон.

Убрав нож, он погладил плиту, потом поцеловал имя матери. И быстро обернулся, потому что кусты на другой стороне улицы еле заметно дернулись.

На Надежде хватало крупных хищников. Правда, основная их масса – и самые опасные виды – жила ближе к экватору, но и в умеренных поясах было чем расстроить человека. В окрестностях поселка хищники, конечно, были давно выбиты... но тут уже год нет людей...

Убрав нож, Антон достал пистолет.

Кусты заволновались сильнее... и на поляну перед обалдевшим Антоном выбрался мальчишка лет одиннадцати – конопатый и круглолицый. Волосы его были вызывающе-рыжие, длинные, да еще, вдобавок, собраны в «хвост», перетянутый – офигеть! – девчоночьей резинкой, причем, не на затылке, а на самой маковке – и нагло торчали вверх, на манер победного бунчука. Ярко-зеленые, как у сторка, широко расставленные глаза не менее нагло смотрели на пришельца. Одет мальчишка был в драный комбез-камуфляж с закатанными штанинами, голые до колен ноги все в грязи и бессовестно ободраны. Шею украшал выдававший вида алый галстук. Лицо у мальчишки было такое хитрое, что Антон даже посочувствовал ему. Жить с таким лицом наверняка было трудно – взрослые, да и не только они, точно не верили ни одному слову обладателя такого лица...

Правду говоря, все эти детали Антон заметил уже потом. Первое, что бросилось ему в глаза, – это громадный, почти с мальчишку, арбалет, который тот держал в руках. Арбалет был откровенно самодельный, но **внушал**, если честно. И угадать его автора было совсем нетрудно.

На левом боку у мальчишки болтался столь же самодельный колчан с такими же явно самодельными болтами. Правда, впечатления игрушечных они не производили, как и само оружие – смотрелось оно страшновато, если честно, и вовсе не по качеству исполнения. Антону даже захотелось пожалеть придурков-врагов, которые напроятся на применение к ним этого... э-э-э... приспособления. Делали его со знанием, с любовью и умелыми руками.

На правом боку у мальчишки висела полевка с замызганной рукоятью – невооруженным глазом было видно, что пользуются ею часто и охотно, а прямо на груди крепилась здоровенная кобура, из которой откровенно торчала рукоять вполне настоящего, хоть и старого, пистолета – если Антон не ошибся, системы Стечкина. Сверх того, на портупее висели кармашки для запасных магазинов – очевидно не пустые, – да и многочисленные карманы мальчишки тут и там подозрительно оттопыривались. В одном отчетливо виднелось явно не в лесу сорванное яблоко, а из другого торчала антенна мощной полевой радиации, так что даже становилось интересно, как этот далеко не могучего сложения товарищ ухитряется таскать на себе столько всякого – да еще и сохранять при этом столь вызывающе-бодрый вид.

Мальчишка Антону был незнаком. Судя по всему, и Антон мальчишке был неизвестен, что не мешало ему разглядывать юнгу с немалым интересом. В качестве приветствия рыжий

достал из кармана яблоко, протер его – символически – о камуфляж, звучно хрупнул и щедро протянул вперед надкусанное:

– Хочешь? – поинтересовался он, интенсивно жуя.

Начало было интересное. Антон взял яблоко. Хрустнул тоже. Мальчишка положил на камни арбалет. Достал рацию, щелкнул тангентой:

– Але-але-але, это я, все нормально, это юнга какой-то... сам такой!

Антон даже глаза вытаращил и еще раз хрустнул – уже возмущенно. Рыжий между тем ловко убрал рацию в кармашек и подал Антону руку:

– Юрка³⁰.

– Антон, – Антон пожал твердую горячую ладонь. Мальчишка стрельнул глазами на развалины и заморгал. – Да, я. Это мой дом.

Мальчишка даже чуть отшагнул, смерил Антона взглядом. А тот опустил глаза, положил надкусанное яблоко на верхний край обваленной стены и присел на камни. Ему захотелось, чтобы этот непонятно откуда вынырнувший деловитый Юрка ушел.

Но Юрка не уходил. Он вместо этого сел рядом.

– Мы из столицы, а тут, – он мотнул головой в сторону леса, – у нас полевой лагерь. Пять километров отсюда... Я пошел проверить, как тут, может, расчистку начнем. Поход-то краеведческий, а это тоже... ну, как бы краеведение... А ты тут был, когда...

– Был... – Антон кивнул, не поднимая голову. – Я был.

– А у Спики?... – голос мальчишки завибрировал.

– И у Спики был... – равнодушно отозвался Антон.

Юрка вскочил и выпалил:

– Ну!

Выпалил так, что Антон поднял голову.

Юрка смотрел распахнутыми глазами, в которых были звезды. Горящие яркие звезды. И чуточку зависти. И даже немного преклонения.

Антон вдруг понял, что может вздохнуть нормально, – до этого не получалось. И вздохнул. И сморгнул. И вздохнул снова.

Юрка сел рядом снова – осторожно, как будто возле драгоценной хрупкой статуэтки.

– Наши им врезали. Да? – спросил он с надеждой, как будто нужны были слова Антона – словно последнее, самое важное подтверждение.

– Да, – сказал Антон. И неожиданно яростно, со стеклом и металлом в голосе, добавил: – Врезали! Они от нас бежали, как... как... эххх! – и мотнул головой упрямо.

Юрка от восторга – не сводя глаз с Антона – притопнул ногой. И вспыхнул, как сухой хворост, с таким же треском:

– Ой-я!!! Слушай!!! Ну! А пошли со мной?! К нам!!! У нас вечером костер! Все попадают, когда ты придешь! Ты про Спику расскажешь! И вообще!!!

Казалось, он готов был тащить Антона с собой прямо сейчас. Даже за рукав хватал.

– Я... – начал Антон, но Юрка его перебил:

– А давай лучше мы сюда придем, если ты отсюда не хочешь уходить! Тут лагерем встанем, все равно же расчищать собирались! А?!

На миг Антон вспыхнул от злости. Тут его близкие погибли, а они хотят... но уже в следующий миг понял, что – странно! – это будет правильно.

Нельзя, чтобы наш мир полнился кладбищами. Нельзя охранять бесконечно руины и населять их своей памятью. Пусть будет костер. И мальчишки из столицы. И голоса. И песни. Пусть будут!!! Антон яростно стиснул зубы. Хотели, чтобы – так?! Чтобы кладбище?! Чтобы я сидел тут и изводил себя тоской и болью?! Не будет так!!! Не будет!!! Не дам и не

³⁰ В период оккупации Надежды Чужими (20–23 гг. ПГВ) партизанский отряд Юрия Владимировича Харитонов (полковник кирасир, он находился на родной планете на излечении после ранения), наносивший врагу постоянный тяжелый урон, так и остался неуязвимым. Позже Ю. В. Харитонов получил дворянское достоинство и до самой смерти занимал должность генерал-губернатора планеты.

позволю!!! Иначе получится, что **они** все-таки победили. Хотя бы здесь.

– Давай, веди своих, – решительно сказал Антон, вставая. – Тыщу лет не сидел у костра. Я ведь тоже... – он высвободил наружу два языка алого пламени.

– Ухххх!!! – Юрка прямо-таки обомлел и даже руку протянул – коснуться. Но огляделся и как-то немного притих. – А твой отряд, он... он тут? – понизил голос мальчик.

Антон кивнул. И на миг снова опустил глаза. Но только на миг. Потому что Юрка сделал очень странную вещь.

Юрка запел. И его голос – звонкий и ясный, как приказ перед боем, полетел в небо над руинами, оживляя их...

Горит закат вечерний, большой, как знамя,
И звезды невесомо встают над нами.
Они, изведав счастье и боль изведав,
Глядят глазами наших отцов и дедов.

На бруствере окопа солдат споткнется,
И сразу же над полем звезда зажжется,
Она взойдет над миром светло и строго,
По ней усталый путник найдет дорогу.

А мы шагаем дальше, мы есть, мы будем —
Дано такое право траве и людям.
**И каждый, кто кончает свой путь бессонный,
Становится посмертно звездой высокой.**

Горит закат вечерний, большой, как знамя,
И звезды невесомо встают над нами.
Глядят, благословляя, плывут, алея,
И оттого на свете нам жить светлее³¹.

Антон изумленно смотрел на мальчишку. А тот неожиданно смутился – как смущаются такие мальчишки, когда делают что-то «немужское», – например, поют, – недостойное будущего воина... но к чему лежит душа. Это потом они понимают, что свою душу надо слушать внимательно. А в таком возрасте они просто стараются быть похожими на настоящих мужчин. И искренне верят, что мужчины не плачут...

...Антон повесил сброшенную куртку на торчащий прут арматуры. Закатал рукава. Посмотрел вокруг. Пока Юрка бежит за своими, кое-что можно начать делать руками. И он – мужчина – крепко взялся руками за первую косо выпятившуюся глыбу, сказав отчетливо:

А мы шагаем дальше, мы есть, мы будем —
Дано такое право траве и людям.
**И каждый, кто кончает свой путь бессонный,
Становится посмертно звездой высокой...**

Боли уже не было.

24. Бросок

Второй год Первой Галактической войны

³¹ Стихи Роберта Рождественского.

Ночью Его Императорскому Величеству Василию VI приснился сон.

Мальчик, идущий по бесконечной дороге – светлой полосе среди черноты. Сперва императору показалось, что это – Сашка, его старший. Но потом мальчик обернулся – со спокойным отстраненным лицом, – и Василий узнал себя. Мальчик печально поднял руку – и светлая полоса стремительно стала сворачиваться в тугой рулон, вспыхнула искрой и погасла, оставив лишь чувство падения в темноту – чувство ужаса.

Император проснулся.

В его покоях в Женеве было тихо. Только в коридоре отчетливо щелкнули шаги меняющегося гвардейца.

Император понимал, что погибнет. Это знание, пришедшее во сне, было настолько отчетливым и ясным, непреложным, что не казалось страшным или даже печальным. Но как? Где? Когда? Его судьба была неразрывно связана с судьбой Империи, более того, с судьбой Земли. Что должно произойти, чтобы он погиб? Поражение? Неужели все-таки поражение?! Он тщетно пытался осознать угрозу, спрятанную в предчувствии, – она не давалась, и Его Величество сердито сел в кровати. Щелкнул пальцами, включая лампу на столике. Удивился, что Вика... ах да. Ее Императорское Величество не в Женеве. Конечно. Война – это дело мужчин. Но Вика, наверное, помогла бы, почувствовала, растолковала.

Хотя – нет. Не надо. Брак по любви – такая редкость среди дворян, среди тех, кто принадлежит к Домам, – невероятная. Но Вика его всегда любила и любит. Не меньше, чем он ее, – и с куда большей безоглядностью. Пусть предчувствие остается с ним...

Но как? Когда?! Что ждет Землю, какие испытания, какая беда подходит к порогу? Он сделал еще одно усилие – пробиться через туман неясности, выкристаллизовать суть. Может быть, его жизнь – это плата за победу? Может быть, этого требует История?

Нет. Ничего.

Император досадливо вздохнул, взял со столика книгу, которую читал перед сном, – бумажную, старую. Мысли, записанные гением по призванию и убийцей по необходимости, в блокноте карандашом, на колене, среди радиоактивных развалин... Неужели он, прямой потомок того, кто писал эти слова, прикрыв страницу блокнота от снега капюшоном куртки, недостоин... Император задержал взгляд на строчках: *«Благородство – это думать хорошо, говорить хорошо и поступать хорошо. Тот, кто спрашивает у других, что значит «хорошо», – лишен благородства»*. Он пролистал книгу – много раз читанную, вырывая из текста строчки, на которых сам собой задерживался взгляд...

Человек пал в тот самый миг, когда проклятие древних язычников: «Чтоб тебе умереть в своей постели от старости!» – стало мечтой большинства.

В глазах человекоподобного высшее мужество – умение приспособиться к любой ситуации. В глазах Человека – умение изменить любую ситуацию в соответствии со своим желанием.

Император отложил книгу – осторожно, бережно. Встал, накидывая халат. Подошел к окну, открыл его – широко, взмах, чтобы увидеть мерцающее под луной озеро и черный в ночи лес на его берегах. Стиснул зубы, представив себе Землю со стороны, какой он увидел планету, впервые оказавшись в космосе. Тогда он – совсем маленький – вдруг задохнулся от неожиданных и слишком больших для него жалости и любви и, вытянув ладошку, подставил ее под бело-сапфирово-изумрудный хрустально-хрупкий шар. И сам себе показался большим, сильным, ответственным... На плечи легли руки отца, и отец не стал смеяться или удивляться – нагнулся, и ухо щекотнул шепот: «Береги ее, Васька. Понял, слышишь?»

Тогда он кивнул. Закивал в полной уверенности, что сбережет это прекрасное хрустальное яблоко. Но сегодня во сне последние искры живого золота растаяли в черноте – остался страх. Отец, отец, как же ты был мудр, как смешон сейчас я...

Интересно, спит ли Эдвард? Не снился ли и ему такой сон? Император поднял голову, глядя в небо, полное звезд. Крейсер старшего сына – там. И корвет третьего. И второй сын – гардемарин на линкоре – тоже там. И оба брата. И два племянника.

Нет, не уснуть. И не хочется заставлять себя. Раз уж ты на ногах, Император, пора

начинать день...

... Глава Большого Круга маршал фон Райхен дисциплинированно дождался, пока Императора покинет делегация нэрионов. Все трое ее представителей – Вождь Войны, Вождь Торговли, Вождь Мира, весь «Совет в изгнании» – посетили обоих земных Императоров с известием о том, что восемьдесят семь тысяч солдат – бывших пленных и беженцев – и новая эскадра из двадцати трех кораблей с экипажами – готовы сражаться на стороне Земли, как это уже делают другие их сородичи. Василий VI слушал их с удовольствием. Мужественные, цивилизованные, но ничуть не изнеженные, решительные нэрионы ему нравились больше всех остальных инопланетян. Когда-то именно они дольше и активней всех сопротивлялись Четырем Расам, причем сопротивлялись, движимые примерно тем же, чем и земляне, – оскорбленным чувством справедливости. У нэрионов не хватило сил, их подчинили, согнули, но не сломали. И теперь они выпрямлялись, хотя их планеты контролировал Альянс. Тем большее мужество требовалось от тех, кто открыто перешел на сторону землян...

Фон Райхен был похож на мальчишку, которого распирает тайна. Это до такой степени не подходило немцу, что император даже забеспокоился. Но маршал после обычных приветствий всего лишь – без объяснений – поставил в проигрыватель диск. Император заинтересованно наблюдал за его действиями.

– Вот, послушайте, – фон Райхен двинул рукой, включая запись. Кажется, видеосопровождения не было – в экране закрутился туман заставки. – Это боевая песня скиуттов. Новая, – пояснил маршал.

Император кивнул и придвинулся к проектору, внимательно слушая.

Из динамиков ударила музыка – в ней различались, кажется, барабаны, но в целом было неясно, какие это инструменты. Однако музыка рождала странное и жутковатое ощущение – Его Величество даже вздрогнул, когда в нее вплелись воюющие голоса. Они рычали, хрипели и рывкали в разноголосой какофонии... но был в этой какофонии какой-то железный ритм. Временами голоса уходили в какой-то неслышимый диапазон – и Император ощущал, как мурашки бегут по коже, как возникает неясный страх... Те, кто сражался со скиуттами, рассказывали ему, что это тяжело чисто физически – сохранить спокойствие при звуках их боевого клича-воя, вопля, лая, рычания, всего вместе – не сразу разберешь. Скиутты не ненавидели землян и не боялись их. Что само по себе было редкостью среди разношерстных врагов.

– Впечатляет, – покачал он головой, когда песня закончилась. – Но...

– А вот перевод, – опередил вопрос фон Райхен. – Конечно, ребята перевели приблизительно, вы понимаете, что эта проблема с инопланетными языками никуда не денется... Однако меня уверили, что сохранено все, что можно было сохранить... – И он снова включил запись.

Музыка не изменилась, разве что стала немного тише. А потом рванулись голоса – человеческие, но почти такие же воюющие:

Расплавленный бетон под траками кипит,
Система ПВО радарная ослепла.
Расколот пополам огромный материк,
Покрытый ровным слоем
Атомного пепла.

Война, стала нашей жизнью война,
Станет нашей смертью
Война за войной, сражение за сражением,
Одно за другим.
Сегодня победа, завтра поражение:
Победа одним – поражение другим.

Напалмовый цветок бутоны распустил.
Закованы в броню ударные колонны.
И воздух бороздят десятки тысяч крыл,
И сквозь пожарища
Шагают батальоны.

Война, стала нашей жизнью война,
Станет нашей смертью
Война за войной, сражение за сражением,
Одно за другим.
Сегодня победа, завтра поражение:
Победа одним – поражение другим.

Бронепехота в бой вступила не спеша.
Ударная волна периметр накрыла.
И счастлив тот солдат, что верит, что душа
Бессмертна,
Потому неуязвима!

Война, стала нашей жизнью война,
Станет нашей смертью
Война за войной, сражение за сражением,
Одно за другим.
Сегодня победа, завтра поражение:
Победа одним – поражение другим.

– Внимание, слушайте, это важно, – быстро сказал фон Райхен. – Вот, сейчас...
Император изумленно поднял брови.

Идут за строем строй, летят звено в звено,
Примкнув свои штыки, землян стальные роты.
Под яростным огнем, красиво, как в кино,
Они ползут
На наши огнеметы...

? – Ого, – тихо сказал Император. – Какое уважение... Значит – **землян стальные роты**

Фон Райхен кивнул. А песня продолжалась:

Подкованный сапог на горло наступил.
Агония земли слилась в едином взрыве.
Последний марш-бросок, рывок десантных сил.
Мы захлебнулись
В наступательном порыве!³²

Василий VI позволил себе широкую улыбку.
И именно в этот миг – мощной волной – пришло второе за последние часы осознание:
он не увидит победы. Но победа – будет .

³² Игорь Ивченко, Константин Михайлов (Скив и Строри). «Война».

* * *

– Подлетаем к верфи, – сказал Ставрос, и Антон сразу же приник к окну.

Военная верфь впечатляла. Издали она походила на гантель – длинная и толстая труба с двумя плоскими цилиндрами на концах. От трубы накрест отходили разной длины пары строительных пирсов, а между ними висели корпуса недостроенных кораблей. Уже издали было видно, что там все кипит и движется – вокруг каждого корпуса парил рой монтажников, сварочных автоматов и деталей, повсюду мерцали ослепительные огни сварки.

По сравнению с громадиной верфи даже корпуса будущих авианосцев казались маленькими – она достигала четырех километров в длину и вмещала в себя не только жилища для монтажников, но и заводы по выпуску многих деталей и элементов конструкции – лишь самые сложные, вроде двигателей и бортовых орудий, приходилось доставлять с Земли.

Антон попытался прикинуть, сколько здесь строится кораблей. Выходило никак не менее полусотни – и ведь все это авианосцы, линкоры и крейсера, ударная сила Флота. Вообще-то, мальчишка уже знал, что строительство военного корабля – дело очень сложное и долгое, большинству виденных им кораблей до входа в строй оставались еще годы. Но ведь и верфь у Земли далеко не одна – и не только у Земли, да еще строятся и строятся новые... Земля готовилась воевать всерьез – и вроде бы лишние мощности космических производств, развернутые по настоянию обоих императоров еще до того, как рухнула Зона, пришлись как нельзя кстати.

– Смотри, вот он! – Ставрос ткнул в пару пирсов, которые были длиннее остальных.

Между них висел уже готовый корабль, непохожий на остальные – сбоку он чем-то напоминал финский нож: гладкий, длинный и узкий корпус обитаемой части, длинная многогранная призма двигательного отсека, а между ними, из толстой муфты реакторного, торчали здоровенные шипы гипердвигателя. Правду говоря, Антон еще никогда не видел таких громадных гипердвигателей – он один был величиной со стандартный крейсер, а уж его мощность, наверняка...

– «Мстислав», первый корабль шестьсот семидесятого проекта, – возбужденно продолжал перечислять Ставрос. – Рейдер сверхдальней разведки – таких кораблей на Земле еще не строили. Шестьсот метров в длину, масса покоя – миллион восемьдесят тысяч тонн, экипаж – полторы тысячи, две эскадрильи истребителей, дюжина разведывательных катеров, оружие – четыре осевых рельсовых двухсотвосемидесятимиллиметровки, сорок универсальных комплексов, ракеты... Гиперскорость на порядок больше, чем у любого современного корабля, на одной заправке может пройти две тысячи светолет и вернуться. И мы будем на нем служить! Антон, **мы на нем будем служить !!!** – Эллин даже захлебывался от восторга, его распирало от восхищения – кораблем, самим собой, миром и сверкающим будущим.

Антон кивнул. В это до сих пор верилось с трудом – но, раз уж выпал такой шанс, мальчишка вцепился в него руками и ногами. Глубокий рейд по тылам Чужих обещал быть... интересным, особенно с учетом состава экипажа – в него входили две сотни дипломатов, ксенологов и людей из военной разведки, группа инженеров и ученых, чтобы прямо на месте разбираться с разными образчиками техники Чужих, а также пластунский батальон в полном составе. Говорили, что будут на борту и люди с **особой миссией**. Антон понимал, что они в любом случае БУДУТ – такого рода рейс никак не мог обойтись без участия земных спецслужб, – но вот КТО это был, он, скорее всего, никогда не узнает, даже если будет жить с ними в одной каюте, что было все же несколько обидно. Экипаж рейдера набрали из тех, кто участвовал в достопамятном победоносном сражении, – поскольку опыта лучшего и большего просто не было ни у кого на флотах. Двенадцать таких рейдеров должны были осуществить скрытный прорыв в глубину территорий Чужих – далеко за линию фронта. Прорваться – и вернуться через полгода – два года, сроки были различные в

соответствии с заданиями. Вернуться и привезти то оружие, которого катастрофически не хватало Земле: информацию. Как можно более обширную и подробную³³.

С того момента, когда после неясно зачем проведенного конкурса, в котором они оказались в числе победителей, юнги дали уже вполне ясную подписку, они фактически не принадлежали себе. И проживание, и этот перелет – последний перед прибытием на борт – находились под плотным контролем. Чего стоили капсулы, вшитые всем членам экипажей, даже дворянам, – активировав такую капсулу определенным сложным переплетением пальцев и рук, «подшитый» умирал в течение долей секунды...

...– Добро пожаловать на борт «Мстислава», юнги, – офицер-впускающий у шлюза посмотрел на браслет. – Ставрос Навкатос – каюта Ю семь, Антон Шевардин – каюта Ю восемь, можете располагаться и быть свободными в пределах палубы до вечернего построения.

– Разрешите вопрос... – начал Ставрос, на что офицер коротко ответил:

– Нет, – и показал рукой в коридор. – Прямо, первый лифт слева, три цифры вниз.

– Вот так, – поучительно и значительно сказал Антон, толкнув друга, когда они вышли из лифта.

Ставрос выглядел несколько обалдело и даже не огрызнулся. Навстречу прошли двое молодых мужчин – в военной форме, но было отчетливо видно, что она им «не родная». Разговор у них шел о квантовой механике...

– Ты зайдешь, когда разложимся?

– Зайду... в пределах палубы, – Ставрос головой помотал даже. – Ну и да. Вот это да так да.

– А ты чего ожидал? – Антон отвесил другу точный легкий пинок и, быстро открыв дверь каюты поднесенной ладонью, шмыгнул туда.

Ю8, несмотря на стандартное название, оказалась совсем не стандартной каютой. Во-первых, она была вдвое больше обычных кают Ю. Санузел помещался в отдельной секции, а не в выгородке. Имелся сейф и рабочий стол с полным набором аппаратуры и креслом; аппаратура оказалась подключенной к общей системе информации и связи корабля и корабельной библиотеке. Большущий экран позволял настраивать земные – и не только – пейзажи, музыку...

Но, если честно, Антон вдруг заскучал по своей каюте на линкоре. А все-таки жалко было его оставлять... так жалко... И сам корабль, и экипаж...

Он вздохнул и расстегнул сумку.

На самом верху лежал снимок-стерео. Антон медленно выпрямился и замер, глядя на него – как в окно.

Развалин поселка не было видно за плотной стеной стоящих вокруг Антона и пожилого крепкого атлета мальчишек.

Они стояли, как щит. Улыбаясь в объектив и спаявшись в единое неразрушимое целое закинутыми на плечи руками. Алели галстуки. Ниже снимок был плотно исписан именами, фамилиями и адресами. А в самом низу рукой Юрки Харитоновы было подписано:

ВОЗВРАЩАЙСЯ ДОМОЙ С ПОБЕДОЙ

25. Решение женщины ***Второй год Первой Галактической войны***

³³ План «Знание – сила», осуществленный во 2–5 гг. Первой Галактической войны. Из двенадцати рейдеров вернулись семь. Чужие не заподозрили причин этих прорывов, решив, что это были самые обычные диверсионные акции; никто из числа экипажей кораблей и ни один рейдер в их руки не попали. Объем информации, доставленный рейдерами, был таков, что его «освоение» продолжалось несколько лет даже уже после окончания войны.

Мальчик шел по тропинке через лес уже восьмые сутки. Лес был незнакомый, страшный, наполненный звуками и угрожающим движением, тропинка – тоже протоптанная явно не людьми... Ему было всего одиннадцать лет, и он ничего не знал о планете, на которой оказался после того, как дипломатический корабль, вывозивший миссию землян с одной из колоний Брэссудзы, внезапно атакованной рейдерами врага, был сбит истребителями джаго, и спасательная капсула рухнула, разваливаясь, в синеватую зелень. В капсуле был только он и его трехлетняя сестра – их спас раскрывшийся над сиденьями парашют, мягко опустивший обоих на берег ручья.

Мальчик не знал, что на Хррауффе (так называли эту планету колонизировавшие ее несколько десятков лет назад скиутты) нет опасных хищников, нет даже крупных травоядных и птиц, и вообще довольно бедный животный мир. Найти аварийный запас еды он не смог, он вообще не смог найти толком ничего – капсулу разнесло капитально. Рядом оказалась тропа, и он пошел по ней, иногда ведя сестричку рядом, но чаще неся ее на спине или на руках.

Ему было очень страшно и ему хотелось плакать, но он не плакал, потому что мужчины не плачут никогда, так говорил отец. И он не знал, что отвечать на детские наивные вопросы сестры: а когда?... а где?... а мы?... а что?..

Впрочем, последние двое суток она почти ничего не спрашивала и уже не шла сама – ослабла от голода. Только вечером, когда мальчик разводил костер и, садясь рядом с ним, прижимал малышку к себе и сипловато, неумело напевал ей песенку, она немного капризничала и требовала, чтобы спела мама, а потом немного хныкала, потому что мама не шла и потому что очень хотелось есть.

Мальчик умел охотиться, знал съедобные травы и прочее, но не здешние. Да и не на кого тут было охотиться – насекомые да эти жуткие шорохи... У него тоже кружилась голова, и он несколько раз падал на ровном месте, в последние два дня. И понимал, что скоро не сможет нести сестру. Тогда придется ползти и тянуть ее. А потом они умрут. Умрут от голода. Было страшно, и хотелось, чтобы тут оказался хоть кто-нибудь из взрослых. Или хотя бы хотелось надеяться, что после смерти они окажутся с мамой и папой, как верила бабушка, что после смерти люди идут к богу. Мальчик даже помолился однажды – от отчаяния, вечером, когда сестра уснула. Он просто сказал: «Бог, сделай так, чтобы Ларка осталась жива. Или чтобы если мы умрем, мы оказались там, где мама и папа...»

Бог молчал, конечно. Наверное, только бабушка умела с ним говорить.

Да, было страшно. Страшно, страшно, страшно. Голодно, страшно, голодно, страшно – хорошо еще, что ночи не холодные и встречались ручьи. Но в них не было рыбы... Он старался почаще держать руку на полученном полгода назад галстуке – это помогало, было не так страшно и появлялось немножко новых сил. А мысли о том, что тропа может быть звериной или вывести к каким-нибудь врагам, он старался не допускать...

...На восьмое утро они вышли из леса на большой луг. Дул теплый ветер, по зеленоватому небу бежали густо-синие красивые облачка. Вдали начинались холмы, и мальчику показалось, что там, за ними – какое-то спасение... и тут же он понял, что **не дойдет до них**. Не осталось даже крохотных сил.

Он все-таки пошел, придерживая на спине тихо дышащую Ларку. И прошел сколько-то, прежде чем упал.

Упал и уже не смог встать...

...– Хвост оторванный, кого ты принес?! – Драхр-аррр-Вэрро даже пригнулась от изумления и опаски, рассматривая принесенных сыном существ. Сынок, чтоб у него облезла шерсть на ушах, бегал в соседнее селение клана к своей Великой Любви и обратно приволок невесту кого – каких-то... каких-то... что-то... – Рррррарааар! – скиуттка вцепилась зубами в ухо стоящего возле кровати сына и рванула почти не в шутку – тот покорно взвизгнул. – Дерьмо в норе! Это же земляне! Точно как по видовому каналу! Ты что, ослеп, ты что – подземный червяк?!

– Я вижу, что земляне... – Драхр-храа-Уарт потер ухо. – Я их на тропе через Ясный луг

нашел. Они, наверное, с той капсулы, что взорвалась над Ребрами, помнишь, передавали? Говорили, что там никого не было, а я иду – вот...

– ...вот подарок! – рыкнула скиуттка и снова укусила сына за ухо – уже в воспитательных целях.

Почти взрослый Драхр-храа-Уарт живо напоминал ей мужа – тот сгинул где-то в боях с этими самыми землянами, и два старших сына сгинули; Драхр-аррр-Вэрро мечтала, что третий сын, прежде чем пойдет сражаться, наплодит клану хотя бы десяток таких же красивых и здоровых щенят, а то здорово поредел клан...

Между тем пять младших щенят уже выбрались из комнаты, где играли, и, просочившись по стенкам, столпились возле низкой круглой кровати, на которой лежали два еле дышащих существа. То, что найденыши грязные, тощие и оборванные, – маленькие скиутты не поняли, потому что никогда не видели живых землян и не знали, какими они должны быть. Но и просто так смотреть было любопытно – все пятеро перешептывались:

– Смотри, у них, наверное, кожная болезнь, как у наших в старину, – почти вся шерсть облезла...

– Глупая, у них шерсть только на голове, учиться надо!

– Какие они маленькие!

– А это одежда? Странная.

– А зачем этот красный платок?

– Откуда они тут?!

– Вот этот, побольше – самец.

– Откуда ты знаешь?

– А вот, смотри, что у него.

– Хрр-ахх, не такой, как у нас, но похож.

– Да не лезь ты, они же живые. Вечно ты слабых мучаешь!

Сердитый визг, быстрое кусание. Старшие обратили внимание на малышей, и Драхр-аррр-Вэрро прикрикнула:

– А ну, не трогать! – и, когда те порскнули за спину старшего брата, присела на край кровати. Покачала головой: – Похоже, что это не только их щенята, они еще и очень голодные щенята...

– Старший нес младшую, – подал голос Драхр-храа-Уарт. – Я из леса еще видел.

– «Нес младшую!» – рыкнула самка. – Кто убил твоего отца и братьев?! Их отец и брат! А?!

Мальчик-скиутт невольно поднял верхнюю губу, из его груди вырвалось рычание, но он тут же ответил:

– Когда я встречу убийц с Земли, мои клыки и когти не будут знать пощады. Но тех, кто дела воинов делает с детенышами и самками врага, не зовут воинами. Их зовут калом. Ты сама пела мне про это, мать. Или это неправда?

– Мама, они смешные и слабые, – подала голос старшая из дочек – которой, впрочем, было еще далеко до возраста случки. – Не надо их обижать.

– Они слабые, потому что у них нет оружия и их страшных кораблей, – возразил братишка Драхр-храа-Уарта, младше его, но великий знаток всего, что касалось войны. – Надо их отдать в лагерь, и пусть они сидят под замком! – и поднял хмурую мордочку в решительном жесте, казавшемся ему самому очень взрослым.

– Ты злой и жестокий, как изворотни из сказок! – твякнула самочка, прижимая уши и ставя шерстку на шее дыбом. – Только попробуй тронь их, и я вырву тебе уши! И всем расскажу, что ты подрался с самкой! И тебя будут дразнить!

– Только попробуй!

– Только тронь их!

– Мама, не отдавай их никуда, – попросила вторая дочка. – Они маленькие, слабые. У них есть мама и папа, я читала, у землян так же, как и у нас, – они по-настоящему живые, у них семьи, они любят друг друга... Папа не разрешил бы их отдать в лагерь. Там плохо. Там

не кормят, я слышала...

– Кормят, но и правда плохо, – хмуро сказал Драхр-храа-Уарт. – Никак не разберутся с раскладками еды... Мать?

– Хватит этого визга и писка, – Драхр-аррр-Вэрро поднялась. – В норе мое слово закон, и вот оно вам промеж ушей: ванну наберите. Их надо помыть. А потом решим, как и чем их кормить и где положить отдыхать.

Восторженный вопль был ответом на это решение...

...Когда мальчик пришел в себя, это было ужасно. Он лежал голый на чем-то белом в маленькой жаркой комнате, а в шаге от него огромное мохнатое чудище с урчанием опускало в дымящуюся воду постанывающую сестру.

– Не тронь, тварь! – Вскочив – откуда взялись силы?! – мальчишка схватил какой-то ковш, кружку – не поймешь. – Пусти ее! – и бросился в последний бой...

...Когда они засыпали на непривычной, круглой, но настоящей кровати, девочка, обняв за шею брата, прошептала:

– Они добрые... И смешные, как плюшевые игрушки. А у тети Дру нос – как у нашей овчарки... – и замолчала на полуслове, уснула – сытая впервые за много дней, успокоенная, смертельно усталая.

Мальчик не спал. Он тоже был довольно маленьким, но хорошо знал, что скиутты – не плюшевые игрушки. И совсем не добрые... или как? Ему стало вдруг стыдно за свой страх, за свои крики и попытки драться. Вспомнилось, как их кормили – в основном каким-то мясом, очень вкусным, и поили водой, но не просто, а вроде морса, кисловатой. Комната была тоже непривычная, как кровать, но – именно **комната**, не звериное логово. И на стене над большой серебряной фигурой какого-то зверя – не скиутта, но похожего – висели моноплоскостные, хотя и цветные снимки трех скиуттов-воинов, окруженные связками плетеных черных и белых волосяных шнуров. Не нужно было быть взрослым, чтобы догадаться, кто эти воины – и **кто убил их**.

Женщина-скиутт подошла неслышно – мальчик поскорей прикрыл глаза. В темноте на нее смотреть было страшновато, если честно. Но он слышал и чувствовал, как она поправила на нем и сестре покрывало, постояла... а потом он ощутил легкое влажное прикосновение к щеке. Скиуттка лизнула его. Как целовала на ночь мама.

И тогда он, не боясь разбудить сестру и уже ничего не стыдясь, заплакал навзрыд...

...Скиутты знают, что такое слезы. Драхр-аррр-Вэрро неожиданно поразило увиденное – маленький землянин плакал, и в его рыданиях был скулеж испуганного или смертельно обиженного детеныша, хорошо ей знакомый. Взрослые земляне представлялись ей, потерявшей мужа и двух сыновей, чудовищами, отдаленно похожими на сторков, только хуже, совсем бездушными и жуткими, утыканными всевозможным оружием, в броне, возможно даже – кто знает?! – умеющими колдовать, иначе как они одолевают скиуттов? Но этот землянин был маленький. Совсем. Меньше младшей дочки. И он плакал.

Огромному, почти двухметровому существу ничего не стоило легко поднять одиннадцатилетнего человеческого ребенка. Драхр-аррр-Вэрро, сидя на краю кровати, устроила плачущего детеныша удобней и начала самым тихим голосом навывать-напевать Сонную Песню Ночи – первое, что пришло ей в голову. И удивилась еще сильнее – почти сразу плач затих, а через короткое время она поняла, что землянин спит.

«Я никогда не видела их раньше въяве, – подумала она, чуть покачивая спящего. – Муж мой, ты был умным и знал дела мужчин. Ты бы сказал мне, ты бы объяснил, почему мы должны воевать против существ, никогда нами не виденных, ничего нам не сделавших – за сторков, которые разорили Древнюю Скойу, нашу прародину. Ты знал, наверное, какую-то высшую истину. Я – женщина. Я не знаю этой истины. Но я знаю, что этот земной ребенок плачет точь-в-точь, как плакал щенком Драхр-храа-Хирр. Он был плаксивым, и над ним смеялись. Он был слабеньким, и ему говорили, что он никогда не станет воином. Но в письме, которое пришло о нем, сказано, что он сжег два земных танка и потом долго бился один против многих врагов, чтобы его раненый друг успел унести полумертвого

командира... Какое странное кольцо, какая странная вязь – как на мужском браслете, мне не понять, не познать...

Но этот маленький землянин плакал точно так же. И пусть звезды воюют друг с другом в своей вышине, недоступной глупой самке. В норе хозяйка я. И я приняла решение...»

26. Интерлюдия Йэнно Мьюри **205 год Галактической Эры**

Прием шел так себе – собравшимся было уже не до дипломатических реверансов. Прямо в зале приемов был включен большой стереоэкран, и с него непрерывным потоком текли все более мрачные новости.

Насилие на расовой почве распространяется по всей территории Федерации

Сообщается, что прошлой ночью были совершены многочисленные нападения на почве расовой неприязни на эмигрантов джагганского происхождения, проживающих в колониях Федерации. Данные события стали ответной реакцией на подобные события на Йэнно Мьюри. Внезапное увеличение числа подобных инцидентов произошло после того, как муниципальные полицейские силы Федерации начали вести огонь на поражение для подавления беспорядков в главных городах. Подтверждены сообщения о нападениях, причинении материального ущерба и прочих преступлениях на почве расовой неприязни на территориях, подчиняющихся мегакорпорациям «Сурнимайа», «Найравана», «Иривана» и «Минералик». Анонимные источники также сообщают, что полицейские силы мегакорпораций практически ничего не делают, чтобы остановить все это, несомненно, в качестве ответа на отношение к этническим мьюри на их родине.

Миллионы джаго ведут дела на территории Федерации, начиная от импорта товаров широкого потребления и заканчивая предоставлением финансовых услуг. Многие из них уже были непопулярны среди местного населения, но, так или иначе, умудрялись преуспевать в переживающей застой экономике Федерации. Неожиданная эскалация напряженности во многом связана с драматическим выступлением Оттина Неймура, главы корпорации «Минералик», который возложил вину за криминальные проблемы государства на влияние джаго и чьи антиджагганские комментарии усилили напряженность в межрасовых отношениях.

– Давно пора национализировать джагганские конторы на территории мьюри, – прокомментировал Андрюшка Ворожеев.

– Ага, отобрать и поделить, – фыркнул Димка Беляев. – Это мы проходили уже.

– На сам деле, мьюри надо подкорректировать пропаганду, – пояснил Яромир. – Неймур не в тему просто сказал, что виновата Федерация... виноваты те, кто захерил Федерацию, и те, кто по сути повинен в начале войны между Аниу и Федерацией – «Амфатара» и ее присные. Аниу трогать не надо, да и сторки тоже нормальные... лучше пусть увидят, что у мьюри есть неприязнь только к одной расе, а не к Галактике в целом. А джаго Федерация нужна, только чтобы контрабанду от пиратов переправлять. Джагган – это изначально просто бандиты, позднее невольно реорганизованное полукриминальное государство... впрочем, его и государством-то считать едва ли получится... на территории Джаггана нет ни одной терраформированной планеты, все живут только на обычных.

– Застоявшуюся экономику Федерации может спасти только победоносная война с истреблением джаго и прочей нечисти, соскучившейся по подаркам с небес, – заявил Святослав широко-декларативно.

– Ага, и мьюри будут заставлять джагганских эмигрантов нашивать на одежду желтое изображение лягушки, – съязвил Яромир. – Дешевле сразу в печь.

– Прально товарищ говорит! – поддержал Андрей с коварной улыбкой. – Гнать надо

мьюри всех инородцев и особенно черножопых заср... засланцев из Джаггана! И еще неплохо было бы их биржи почистить! Всех тамошних буржуев к стенке, а их добро поделить!

– Тише, люди! – зашипел Игорь на расшумевшихся товарищей. – Тут дело уже войной пахнет... Смотрите, что творится!

Федеральный флот открыл огонь по военным кораблям Джаггана

Ранним утром подразделения Федерального Флота настигли группу тяжеловооруженных военных кораблей Джаггана, готовящихся к незаконному проникновению в пространство Федерации. В краткой, но жесткой битве убедительную победу одержали силы Федерального Флота, получившие только незначительные повреждения. Представитель Флота определил потери джаго в четыре фрегата, семь крейсеров и один линейный крейсер.

На пресс-конференции вскоре после стычки адмирал Фериус Льярл, Глава Военно-космических операций региона обратился к СМИ: «Почти две недели подразделения Федерального Флота контролировали действия этой боевой группы, принадлежавшей Джаггану. Все это время мы тайно наблюдали за их нелегальными пограничными набегами в пространство нашего государства. В три часа утра группа была обнаружена при формировании еще одной вылазки. В это же время я санкционировал незамедлительное применение силы и выдал указание оперативной группе капитана первого ранга Каллена преследовать и уничтожить любые суда джаго, пытающиеся перейти в пространство Йэнно Мьюри. Все суда получили предложение отступить. Все отказались. Все были уничтожены».

Адмирал Льярл предпринял необычный шаг добавления личного комментария к официальной редакции прессы Флота. В ответ на вопрос репортера о тайных поводах Флота относительно такой жесткой линии в отношении джаго Льярл заявил: «Я не могу заниматься домыслами относительно отношений между Федерацией и различными расами Галактики, но я однозначно могу заявить, что пограничные набеги – это акт войны. Несмотря на напряженность между нашими нациями, пока Штаб Флота не даст мне иных указаний, я буду исходить из позиции, что никакого состояния войны между Федерацией и Джагганом не существует. Но мы не можем и не должны позволять военизированным подразделениям свободно пересекать наше пространство, давая им безопасное убежище, пока они разжигают международные разногласия. Делая это, мы провоцируем войну, которую вряд ли можем себе позволить».

Реакция на эти события была сильно поляризована. Оттин Неймур, глава мегакорпорации «Минералик», заметил: «Пора правительству занять твердую позицию. Такое противозаконное поведение джаго только укрепляет взгляд большинства межзвездного общества на них, как на не заслуживающих доверия дикарей».

По-прежнему неизвестно, где или как Джагган ответит на это происшествие.

Восстания рабочих распространяются по всей Федерации

Со всех планет Федерации, за исключением областей, подконтрольных корпорации «Минералик», поступают сообщения об актах гражданского неповиновения и открытых восстаниях против власти крупных корпораций. Эти события стали логическим развитием инцидента у завода по производству брони корпорации «Найравана» и жестоких попыток его подавления. Многочисленные молодежные банды, воодушевленные «героическими» действиями мятежников, пытаются уничтожить символы влияния корпораций, разрушая их собственность, даже когда полиция атакует их. На производствах начались многочисленные, невиданные в Федерации доселе по величине, акции протестов среди рабочих. Опасаясь следовать примеру «Найраваны», пока что корпорации стараются противостоять

восставшим со всей возможной осторожностью. И тем не менее, в попытках остановить разрастающиеся волнения уже тысячи мьюри по всей Федерации попали под арест.

Официальное заявление Империи Сторкад

Империя Сторкад и Совет Глав Родов, в частности, обеспокоены сложившейся ситуацией в Федерации Йэнно Мьюри и готовы оказать активную помощь в устранении беспорядков. Народ Сторкада молится за успешную ликвидацию восстания рабочих и восстановление законного порядка.

Заявление главы земной делегации лорда Оксбриджа

Хочу со всей ответственностью заявить – и русским, и англосаксам не нужна смута и неопределенность у наших соседей по Галактике. Желаю Федерации Йэнно Мьюри как можно скорее решить свои внутренние проблемы.

* * *

– Забавно, – сказал посол Империи Сторкад. Казалось, он совсем не смотрел на землянина, тщательно изучая игру света в полном вина бокале. – Мьюри с началом волнений надо было ввести информационную блокаду СМИ, благо они все куплены и подконтрольны. Странно, что государство-мегакорпорация не сделало такой логичный и стандартный для подобных ситуаций ход.

– Не просчитали, к чему все идет, – ответил Цесаревич. – А Неймур сам глава мегакорпорации, просто так его уже не уберешь.

– Как хорошо, что у нас, в Сторкаде, нет пролетариев, – заметил посол.

– Почему нет? Есть, только они у вас рабы и не имеют голоса под страхом смертной казни.

– О да. Все же хороший строй – диктатура и монархия... – Сторк устроился удобней с видом довольного волка, наблюдающего, как барахтается в болоте надоевший ему глупый охотник. – А вы не замечали, Ваше Высочество, с какой скоростью и в каких количествах демократия плодит сперва проблемы, а потом многочисленные разветвленные структуры для решения этих проблем? Но при этом ни разу – по крайней мере, я не знаю ни одного случая из известной мне истории десятка планет – она не смогла ни одной проблемы решить по-настоящему. Только любовное, старательное, бережное выращивание проблем из маложизнеспособных зародышей, а потом долгая и затратная борьба для того, чтобы в лучшем случае перевести проблему в состояние дремоты... Честное слово, если бы существовал такой *гифф* ... э... простите, дар, приз – за наиболее агрессивную, дорогостоящую и опасную глупость, я бы вручил его демократии!

– Спасибо за историческую справку, – улыбнулся Цесаревич. – Как ни странно, я с вами совершенно согласен по этому вопросу... Однако сказанное вами не проливает свет на то, почему сообщения о беспорядках поступают со всего государства, кроме территорий «Минералик». Или тут поработали Аниу?

– «Минералик» вполне могла профинансировать эту операцию, – предположил сторк. – Не забывайте о том, кто ее возглавляет. Неймур откровенно хочет власти, а в средствах он явно не стесняется, как в финансовых, так и в... других.

– Это не совсем методы «Минералик», – возразил Цесаревич. – Они же не маньяки. Это «Амфатара» может на такое пойти с легкостью, хотя и то вряд ли. У «Минералик» станции есть и на территории Аниу. Поэтому и спокойно. Не будут же эти конспираторы совсем уж у

себя под боком устраивать рабоче-крестьянскую... И, кстати, «Найравана» – это лидер «патриотической фракции» в Федерации. Так что наверняка внешние враги поработали. Не вы ли?

– Зачем нам ослаблять союзников накануне времен настоящих перемен?..

– Скорее сглаживать двух непримиримых врагов накануне войны. Будем реалистами – сторки ничего не смогут противопоставить мьюри, буде начнется война. Ее главные сторонники – «Сурнима́йа» и «Найравана» – сейчас, конечно, союзники, но любой союзник должен считаться вероятным противником. Так почему бы не ослабить и тех и других одним ударом?

Сторк задумчиво почесал подбородок.

– Кто-то умненько спланировал бунты так, что исключить оные только у «Минералик»... это же удобно... чуть что – все подозрения падают на них... Доводя логику до конца... Неймур – не полный идиот... в такой ситуации он бы и у себя устроил «мыльные» бунты... Если бы он действительно был инициатором всего этого безобразия. А раз этого не произошло...

– Это был бы слишком простой перевод стрелок. Настолько очевидный, глупый и детский, что просто смешно. Мьюри, устроившие – не факт, кстати, что был кто-то, кто все задумал и устроил – массовые беспорядки в масштабах государства, явно способны были бы придумать что-то более тонкое. Я вообще уверен, что бунты к истории с джаго ни имеют никакого прямого отношения, и сомневаюсь, что они вообще являются следствием реализации какого-то хитроумного и сложного плана по развалу государства. Это разные истории. Просто сработал принцип «дурной пример заразителен». Кто-то заигрался в конкурентной борьбе. Один фальшивый бунт спровоцировал кучу настоящих. Именно поэтому я не подозреваю Неймура в том, что он устроил беспорядки.

– Мне тоже интересно, почему же у них так тихо. У меня чисто познавательные цели.

– Так о чем и речь. Что, если Федерации будет настолько не до того, чтобы помогать, скажем, джаго? Долго последние продержатся против вас в одиночку?

– Откуда мысли, что инициатором войны должна быть одна из фракций вообще? Есть некоторая напряженность в отношениях, но с чего вы решили, что мьюри так уж сильно хотят уничтожить Сторкад, а сторки мечтают поработить Федерацию? Мьюри ищут «сторкадские следы» во всем, и убежденность некоторых, что «фракция, которой я симпатизирую, – самая чистая, честная и благородная», смотрится несколько по-детски и очень наивно. Думаю, не стоит воспринимать ни один из существующих политблоков как единое целое, скорее это образования со своими внутренними трениями и симпатиями, которые держатся рядом просто исторически. Почему все отрицают вариант, что эти события – всего лишь внутренняя разборка корпораций или просто естественное недовольство рабочих, выплеснувшееся наружу без стимуляции со стороны?

– Империя Сторкад не может не хотеть вернуть то, что принадлежит ей по праву. И сторки имеют исторический и идейный подтекст вражды с мьюри.

– Сомнения в чистоте намерений сторкадского престола – дерзкое нарушение священного закона и влечет за собой соответствующие... последствия, – процедил сторк. Его зеленые глаза гневно буравили землянина. – Великая Империя Сторкад обладает исключительным правом, данным ей от Бога и его наместника Императора, на всех своих рабов, даже тех, кто осмелился бежать в Федерацию Йэнно Мьюри... или в Русскую Империю!

– Ну, – спокойно ответил Цесаревич, словно не замечая гнева сторка, – если все эти беспорядки устроили вы, то тогда половину сотрудников здешних спецслужб надо поставить к стенке по причине полного служебного несоответствия. Тут ведь титаническая работа была. Мьюри надо было завербовать, обучить, организовать... Это куча времени, сил и огромные средства. И они все это проворонили... Если это действительно провернула ваша разведка, то я снимаю перед вами шляпу. С такими специалистами Сторкад выиграет войну с мьюри, не сделав ни единого выстрела.

– Да, но Федерация разделена между своими соперничающими корпорациями, и обвинять нас в подрывной деятельности, забыв об их внутренних разногласиях, мне кажется несколько поспешным. Или вы думаете, что «освобожденный» пролетариат мьюри ринется в Сторкад за лучшей жизнью?

– Просто ответьте, пожалуйста, на вопрос: могло ли подобное произойти без вмешательства внешней силы? Или в нехватке рабочей силы в Федерации, активности пиратов тоже надо винить соперничество корпораций?

Сторк усмехнулся:

– Вы способны изменить свою судьбу, изменив судьбу мира, как у нас говорят.

– Какие же будут ваши прогнозы в свете надвигающихся событий? Что в ближайшем будущем произойдет здесь?

Сторк откровенно засмеялся:

– Сложите осколки происшествий в цельный рисунок – и отличите ли вы звезды в таинственной темноте космоса от их отражения в луже мутной воды?

Ответил улыбкой и Его Высочество:

– Что ж, иногда это бывает неотличимо, согласен. Но хочу предупредить: если определенные силы – неважно, кто это будет – попытаются погреть руки на пожаре, который охватывает Федерацию... или свести старые счеты... то мы – дикари с окраины Галактики – поступим так, как велит наша совесть и наша честь. Вы понимаете, что это значит?

Сторк ошарашенно воззрился на Цесаревича:

– Вы... вступитесь за мьюри?!

– Только в том случае, если третья сила – любая, повторяю! – проявит себя открыто. Но в этом случае ответ Земли – ДА. Да, и еще раз – да... – Цесаревич внимательно смотрел в лицо сторка, ставшее бесстрастным, и продолжал говорить: – Каждая звездная раса по-своему видит Путь и Долг. Мы ничего и никому не собираемся указывать. Даже если чьи-то представления отличны от наших в корне. Но да не потерпит Земля рук, протянутых к чужому горящему дому, чтобы погреться, – это было бы гибелью нашей чести, а потерявшему честь – жить незачем.

Цесаревич встал, и посол поднялся тоже – холодно-яростный, молчаливый. А Цесаревич – уже тише – закончил:

– К моему отцу вы обратились за помощью. Мы помогли вам по мере сил, и ваш древний и страшный враг повержен – на ближайшие десятилетия на месте Федерации Йэнно Мьюри будет кипящий котел. Наша заслуга невелика – мы послужили всего лишь катализатором в давно назревавшем процессе. Но держите стаи ваших рейдеров на приколе, Высокий Посол. Пусть мьюри сами решат свои проблемы. Как положено людям. И пусть им помогают лишь те, кого они попросят о помощи.

– Например – вы? – В голосе сторка было столько ярости, что Цесаревич автоматически поставил ментальный блок. И закончил:

– Не наша вина, что только мы, земляне, в обозримой части Галактики научились помогать бескорыстно и небезуспешно учим этому других... Может быть, надо не завидовать нам, не ненавидеть нас, а попытаться самим стать такими?.. Так вот: думаю, что мои слова очень скоро дойдут до всего дипломатического корпуса. И думаю, все понимают, что сейчас не Пятый год Экспансии. За нами – десятки рас, Высокий Посол. Рас, которым мы показали, что значит – Быть Людьми. Так стоит ли?..

Цесаревич не договорил. Но взгляд его – насмешливый, угрожающий и чуточку сожалеющий – сказал то, что оставалось за молчанием.

* * *

Игорю пришлось покинуть зал по совершенно естественной необходимости, но, возвращаясь назад, он буквально наткнулся на Охэйо – тот стоял посреди коридора, скрестив на груди руки и многозначительно притопывая ногой. Принц очень внимательно смотрел на

гостя, словно стараясь понять, кто перед ним и к какому делу его можно приспособить. А скорее всего и не «словно». Игорь поежился, как от внезапного холода. Он уже знал, что правящая династия анта Хилайа славилась неприятной привычкой убивать тех, кто им не нравится, – и незваных гостей тоже.

– Так. Ну вот, ты, наконец, и попался, – с внезапной усмешкой констатировал Охэйо.

– Что тебе от меня нужно? – спросил Игорь. Разговор сразу перестал ему нравиться.

Охэйо широко улыбнулся:

– Мне нужен ты. Я давно хочу поговорить с тобой... один на один.

Как ни странно, вот теперь Игорь поверил ему сразу. В основном потому, что умел ощущать намерения людей, а если у Охэйо и были какие-то недобрые намерения, то могучее любопытство забивало их наглухо.

– Говори, – мальчишка пожал плечами, что вызвало еще одну улыбку.

– Ну не на ходу же! Хочешь, я отведу тебя в мое любимое место? Не волнуйся – твоим я уже сказал, – догадался Охэйо. – Возражений не было.

Игорь пожал плечами снова – почему бы и нет?

– Отлично. Пошли.

Охэйо, разумеется, пошел впереди, показывая землянину дорогу. Почти сразу массивная стальная дверь вывела их в поперечный коридор. Тут было совершенно пусто и почти темно, только вдоль стен струились, тускло мерцая, фиолетовые завесы силовых полей. Времени в Малау словно бы не было – казалось, тут навечно воцарился поздний вечер или ночь.

Стальные панели стен блестели темно-синей эмалью. Их прорезали ниши с прозрачными дверями лифтов. Они вошли в одну из узких кабин, такую тесную, что вдвоем едва в ней поместились. Едва Охэйо коснулся маленького пульта, как лифт бесшумно поплыл вверх.

Они поднялись на последний этаж здания, в просторное, полутемное помещение, также обшитое синей эмалевой сталью, и вышли в небольшой сад на западном уступе здания. Тут было темно и страшновато – темные силовые экраны отсекали свет города, а далекий и узкий серп внешней луны Таллара даже не отбрасывал теней. Редкие звезды, белые и мохнатые, как маргаритки, лишь подчеркивали глубокую черноту неба. Врезанные в перекрытие квадратные проекционные матрицы струили ничего не освещающий, таинственный, темно-фиолетовый свет, ветер шумел, то налетая волнами, то отступая, шелестела высокая трава, метались диковатые кусты, и тяжелые цветы клонились на упругих стеблях. Все было смутное, туманное. Влажное.

Охэйо замер на углу крыши и словно исчез: в своем официальном, черном с серебром, одеянии он сливался с темнотой. Его лица Игорь не видел.

– Для меня ночь – самое любимое время, – тихо пояснил принц.

Мальчишке казалось, что с ним разговаривает сама темнота.

– Почему? – Игорь сел на край силовой матрицы, шагах в десяти от него. Он сам любил раннее утро и полдень, но услышать ответ было и правда интересно.

Охэйо поднял левую ладонь, призрачно белевшую в темноте, словно у привидения.

– Лет в десять я пугал так девчонок – скидывал всю одежку, а потом выскакивал из кустов, когда они шли спать. Сколько было визгу... А сейчас я хочу быть смуглым – очень смуглым – и черноглазым.

– Зачем?

– Чтобы меня в темноте видно не было, зачем же еще? Я не люблю, когда люди на меня смотрят. Замолкают, когда я вхожу в комнату, смущаются, когда я к ним обращаюсь. А мне становится неловко – знаешь, как во сне, когда выходишь к публике, забыв одеться.

– Наверное, это оттого, что ты красивый, – резюмировал Игорь. – Не по-нашему, но красивый. У тебя, наверное, нет отбоя от поклонниц.

Охэйо тихо засмеялся:

– Вот для таких случаев у меня и есть охрана. И скучать ей не приходится, уж поверь

мне. А ведь я – женатый человек. И не могу – даже если бы хотел. Только я ведь и не хочу особо – хотя такие красивые заразы попадаются... Иннка – она... ну, она... она такая... – Охэйо махнул рукой, отчаявшись объяснить, и снова тихо засмеялся. – Ладно, когда найдешь СВОЮ – поймешь, о чем это я... А что до моей несравненной красоты, сказал бы честно: я сам похож на девушку. Волос нигде нет, кожа гладкая, как у... если бы мог, я стал бы здоровенным мужиком с квадратной челюстью и шерстью на спине. Тогда бы на меня не пялились.

Игорь невольно засмеялся тоже, представив себе эту картину:

– Думаю, тогда пялились бы еще сильнее! Самый волосатый принц Галактики!

На свету он, скорей всего, не сказал бы такого. Но в темноте говорить легче.

Охэйо повернулся к землянину с хмурым видом, подумал и засмеялся тоже.

– Знаешь, недаром говорят, что красота – это наказание за грехи. Когда становится темно, мне хочется бегать и выть диким голосом.

Игорь неопределенно хмыкнул. Ему вдруг тоже захотелось сделать что-то необычное, и он, недолго думая, вскочил, бросившись в поднимавшийся над матрицей столб твердого, вещественного света. Его стало резко утягивать вверх, и Игорь почувствовал, что волосы зашевелились на голове – то ли потому, что все вокруг наполнилось электричеством, то ли потому, что эта игра была и в самом деле смертельно опасна. Тем не менее, мальчишка танцевал и кувыркался в световом столбе, в то же время не давая ему увлечь себя – совершенно свободно, словно делал так уже много лет, а не в первый раз в жизни. Наконец, он легко выскользнул из светового потока – так рыба выскальзывает из упавшего в воду солнечного луча. Мягко прыгнув на пол, Игорь встряхнул головой и победно улыбнулся, небрежными щелчками, с шиком, расправив сбившиеся кружевные рукава парадной рубашки. Вид офигевшего от этого представления Охэйо был ему лучшей наградой.

– Интересно, как ты научился всему этому? – спросил Охэйо. – Драться. И вообще.

Игорь замялся. Честно говоря, он не знал, о чем тут можно рассказывать, да и вообще не знал, как можно рассказать о таком. Во всяком случае, он понимал, что о Клятве Огня рассказать не сможет точно.

– Я связан пожизненной и посмертной клятвой, – наконец честно сказал он. И тут же добавил с упрямым мальчишеским любопытством: – А как учился ты?

– Я? – Охэйо как-то странно посмотрел на него: было видно, что он привык получать ответы на свои вопросы. – Ну, это история не короткая... Начать с того, что во дворце я не жил, мне построили дом в парке – одноэтажную железобетонную коробку, всего с несколькими комнатами – Их Величество не хотели, чтобы мальчик привык к роскоши, да и дворцовое общество они находили исключительно вредным для ребенка... Комната у меня была одна – зато она была МОЯ, и никто не мог входить в нее без моего разрешения... Правда, наводить в ней чистоту, мыть полы и так далее приходилось тоже мне – такова была плата.

Игорь представил себе принца, ползающего по полу с тряпкой, и хмыкнул. Это было очень похоже на его собственную жизнь – ну, за исключением того, что в его комнату мог войти любой из наставников и в любое время.

– Мы тоже моем полы сами, хотя есть киберы, – признался он. – Везде, по всему лицу.

Принц ответил ухмылкой, потом многозначительно посмотрел на землянина:

– Это окупалось, знаешь ли – в конце концов, меня никто не видел. Моей сестре пришлось куда хуже – она заболела заносчивостью, и Их Величество велели завести ей зверинец – небольшой, конечно, так – пара коней, леопард, кхоммы – это такие забавные зверушки, вроде длинноногой копытной лисы. Так вот, ей не только приходилось кормить всех этих животных, но и лечить их, когда требовалось, и убирать за ними говно. Визга было до небес, но Их Величество распорядились, что сестру не будут кормить, пока все не будет убрано... А голод, знаешь, творит удивительные вещи... Всего через неделю ей даже напоминаний не требовалось... Правда, к уборке она привлекла и меня – воспользовалась

тем, что я люблю животных...

– У меня мама так наказала сестру, когда та принялась как-то меня подкалывать, – вспомнил Игорь. – Заставила убирать за свиньями. Это такие животные, у них вкусное мясо, но грязи от них – возы... Да, а что стало со всеми этими зверями, когда она выросла? – вспомнил Игорь.

– А ничего не стало – все живы и здоровы по сей день. Их Высочеству понравилось возиться с ними – она говорит, что отдыхает там душой, – Охэйо хихикнул. – Я тоже, кстати. Люди меня иногда достают. Да и кони – благородные животные, на них еще кататься можно...

– Ты умеешь ездить верхом? – вырвалось у Игоря. – У вас есть **кони**?! – до него только теперь дошли эти слова принца.

Охэйо удивленно посмотрел на него.

– Умею, конечно. И кони есть. Хотя... это и правда странновато... – Он потер лоб. – Хм. Я так увлекся твоей рукопашкой и рассказами о вашем прошлом, что не вспомнил сейчас – ведь у вас на самом деле в точности такие же кони, как у нас... хм... хм... Ну, ладно. В общем, верхом я езжу не бог весть как, с вами не сравнить – лишь для своего удовольствия, – но умею. А на призы всякие скакать – зачем? Так вот, видел бы ты этих зверей, их довольные зажавшиеся морды – и нас двоих, ползающих там, – иногда мы чуть не помирали от смеха, глядя друг на друга... Знаешь, мы вспоминали статьи всяких писак – о том, как проводят время дети Их Величества – там даже бассейн, полный жемчуга, присутствовал...

– Но, наверное, вы не только навоз выгребали? – спросил Игорь. В этом рассказе об ужасах придворной жизни ему сразу почудилось некое лукавство.

Охэйо усмехнулся:

– Нет, конечно. Я, например... Пожалуй, я расскажу тебе, что представлял собой едва ли не каждый мой день до того, как мне исполнилось восемнадцать.

Игорь устроился удобней, давая понять, что ему очень интересно.

– Поднимали меня в восемь часов...

– В лицах подъем в шесть, – вставил землянин.

– Ну, значит, мне повезло – Их Величество считали, что парень должен много спать, чтобы быть сильным, а я не возражал ей, конечно... Так вот, каждый божий день, ровно в восемь, ко мне являлась моя сумасшедшая сестрица и начинала трезвонить... Я не сказал, что у меня был звонок, который мог поднять мертвого и который мне никак не удавалось испортить? Короче говоря, мне приходилось вскакивать и в чем есть бежать на зарядку...

– Мы тоже каждое утро в трусах бегаем, по десять километров, – сказал Игорь. – Зимой это бодрит, знаешь. Жаль, что ты нашу зиму не видел.

– У нас так не побегаешь, – ухмыльнулся Охэйо. – Дворец в горах стоит, там в парке и дорожек-то нормальных нет, одни лестницы, а по ним снизу вверх бегать – сразу язык набок будет... Так что бежали мы на берег моря – пляж, там, правда, фиговый, одна галька, ну да мы не загорать туда ходили... тоже в любую погоду – дождь, не дождь – нам пофиг, я в трусах, сестра в купальнике... Зимы у нас, конечно, нет, но штормы часто случаются – нас волнами окатывает, ветер так свищет, что не слышно ни фига, да и не видно – темно, тучи по головам прямо ползут, а мы скачем... Прыгнешь – тебя сносит, волосы треплет так, что шею натурально сворачивает...

– А подстричься? – спросил Игорь. В каждой избушке свои погребушки, конечно, но видеть парня с такой гривой ему по-прежнему было дико. Да и все-таки неудобно, наверное, с такими лохмами.

Охэйо насмешливо посмотрел на него:

– Нельзя. Должен же принц чем-то от простых людей отличаться? Не знаю, как у вас, а у нас, на Джангре, длинные волосы – это признак богатого человека – значит, у него есть, кому их мыть и вычесывать...

– У нас так не делят, – пожал плечами Игорь. – Дворянина можно узнать – если просто

так, на глаз – по родовому кольцу, и все... А тебя кто расчесывает? – Вопрос получится не совсем вежливый, но сейчас вежливость интересовала мальчишку меньше всего – слишком было интересно, да и Охэйо не обиделся.

– Иннка вычесывает, конечно. А до восемнадцати лет вычесывал сам, то еще занятие, скажу я тебе... У меня-то они хоть прямые, а у Иннки – из кольца в кольцо, да еще до попы и густющие – умучаешься распутывать все, а драть нельзя – невежливо...

– Дурацкий обычай, – фыркнул мальчишка.

По его мнению, в этом мире существовало множество куда более интересных дел, чем уход за волосами. Хотя... если бы у него были длинные волосы и Лина по здешнему обычаю ему их расчесывала – это, наверное, было бы приятно...

Он сердито моргнул, прогоняя несвоевременную мысль.

– И ни разу не дурацкий, – Охэйо с усмешкой посмотрел на него. – Она лежит, я сижу у нее на бедрах и чешу. А что? Очень удобно.

Игорь представил себе эту сценку, снова подумал о Лине и засмеялся, поднял руки. Охэйо тут же уточнил:

– Что за жест?

– У нас так сдаются в плен, – пояснил Игорь. – В шутку, конечно, в настоящем бою земляне рук не поднимают... А дальше?

– Мне ужасно много было «нельзя», – усмехнувшись, продолжил Охэйо. – Штаны, например, тоже носить нельзя, потому что это варварская одежда, а что я в этом вот, – он приподнял край *хайлины*, – выгляжу, как последний дурак, никого не колышет.

– Ты так и на коне катаешься? – удивленно спросил Игорь.

– На коне, конечно, нет – иначе ногам быстро придет стрррррашный конец, а мне на них ходить потом... А вот в официальной обстановке – только вот так. – Охэйо хихикнул. – Помнится, какой-то крупный визажист – он подвизался в то время при дворе Их Величества – спросил меня, какой костюм я предпочитаю...

– Кто такой визажист? – тут же спросил Игорь.

Принц посмотрел недоверчиво:

– Ну, человек, который как бы делает внешность лицам из высшего класса.

Игорь несколько секунд напряженно думал, потом пожал плечами и вернулся к теме разговора:

– И какой костюм?

– Я ответил, что самый достойный костюм – тот, в котором меня родили Их Величества. Видел бы ты рожу этого драпировщика...

– Ты и в самом деле так считаешь? – засмеялся Игорь.

– А я так и хожу, – невозмутимо ответил принц. И добавил: – Когда никто не видит, разумеется. А что? Очень удобно.

– Мы тоже иногда ходим, на пляжах, например, – признался мальчишка. – Раньше это считалось очень неприличным, но в основном потому, что люди собой не умели управлять и потому, что у нас было очень много физически уродливых... – он смешался, подумав, не сболтнул ли чего лишнего. – Ты хотел о своем распорядке рассказать!

– А, да, – Охэйо на мгновение задумался. – Я начал с зарядки, да? Так вот, зарядки никакой не было – моя дорогая сестра изо всех сил старалась дать мне в глаз, или в ухо, или еще куда-нибудь, а я изо всех сил старался избежать этого...

– А если не получалось?

– Тогда морда у меня была основательно разбита, – ухмыльнулся Охэйо. – Тебя никогда не били босой ногой по лицу или в ухо? Ощущения... очень яркие – словно за провод взялся. Искры в глазах и прочее такое все... А потом лежишь на гальке, в приятном таком дурмане – в ушах звенит, все вокруг так симпатично кружится и все тебе пофиг... А вот если под дых – ну, тогда я мечтал о том, как бы незаметно сдохнуть, чтобы не мучиться...

Игорь хмыкнул:

– А сестре не доставалось? – Он не мог себе представить, как – даже в шутку – будет бить женщину. Настоящую, конечно, – то злобное и глупое существо, которое воображало себя воином, к женщинам не относилось...

– Ну, доставалось иногда. Но она же сестра – я по груди, например, не мог ее бить, а она так очень даже могла... Хотя, в общем, доставалось мне не так уж и много – знаешь, получать ногой по морде как-то не очень приятно, так что я изо всех сил старался избежать этого, и это в конце концов начало получаться у меня довольно быстро... Длилось все это недолго – в девять был завтрак, и там мы присутствовали уже при всем параде...

– Зачем?

– Знаешь, как-то неловко сидеть в трусах в присутствии Их Величества – даже в самой неофициальной обстановке.

С точки зрения Игоря, сидеть в ночнушке-переростке было куда более неловко... Но он не стал поднимать эту тему и задал еще один вопрос:

– А чем тебя кормили?

– Ну, много чем... Названия блюд тебе ничего не скажут, да и было их... – Принц завел глаза. – Да чем Их Величество скажут, тем и кормили. Голодом, правда, не морили, знаешь – я и мясо за обе щеки трескал, и разных морских гадов... А вот деликатесов никаких особых не было, да и вина мне до восемнадцати лет не давали – Их Величество решила, что подрастающему организму это вредно. Помню, что я все время был... ну, не голодный, но не отказался бы что-нибудь съесть, только нажраться мне было фиг – если Их Величество скажут «нет», спорить с ней никто не станет...

– А, – Игорь понимающе кивнул. Это он тоже хорошо знал – почти постоянное легкое чувство голода, не довлеющее, не мучительное, но ощутимое. – Ну а если кто-то все-таки спорил?

– А их из дворца гнали со свистом, а во дворце работать, хоть прачкой – знаешь, какой престиж? Да и платят неплохо. Весьма неплохо. Так что я привык жрать, что дают, – знаешь, голод замечательно придает вкус даже самой обычной еде...

– А что было после завтрака? – спросил Игорь.

– После завтрака снова была физподготовка – с девяти тридцати до одиннадцати. Вот там и бег был, и плавание, и «упал – отжался», и инструктора рукопашного боя настоящие, которые учили, а не старались просто в ухо дать, – учился у них я очень активно, потому что получать каждое утро на орехи мне совсем не хотелось. Много там чего было, много было учителей – я учился и искусственное дыхание делать и... – Охэйо протянул к Игорю руку, и на ней вдруг зажглось маленькое злое солнце.

Файербол... Игорь ощутил его жар и резкий запах озона. Коснись оно тела – прожгло бы его до костей, а ведь Охэйо мог сделать шар и гораздо больше, и подвижный, и не один – учили его действительно на совесть, да и способностями принц тоже вовсе не был обделен. Впрочем, как раз это мальчишку и не удивляло – правитель на то и правитель, чтобы уметь намного больше любого из своих подданных.

– А потом? – спросил он.

Шарик погас, словно его и не было.

– А потом, до обеда, были уроки труда – Их Величество считали, что каждый парень должен уметь работать руками. Вот я и учился собирать и разбирать, а заодно и чинить самые разные штуки, а в качестве производительного труда я занимался шлифовкой оптических стекол. Насколько помню, за все время обучения я отшлифовал их шестьсот тридцать семь штук – их потом ставили в сенсоры на военные суда, и, знаешь, это здорово добавляло мне потом гордости – смотришь на корабль и думаешь: а ведь в нем есть и толика моего труда... Но это потом – сначала-то я злился, как мало кто. Мне было, чем заняться, знаешь – в библиотеке посидеть хотя бы. Я шумел, орал, отказывался работать...

– И тебя пороли? – спросил Игорь. В лицах физические наказания применялись редко – лишь за действительно серьезные проступки, но беспричинный, «на дурака», отказ работать считался именно таким.

– Ты что? Нет. Принца-наследника пороть категорически нельзя...

– Это почему?

– А потому, что он затаит на всех зло, и когда вырастет, заделается злобным тираном. Были... прецеденты. Так что бить меня было нельзя – сестра не считалась, а что она иногда мне ногой по причинному месту попадала, так это случайно. «Ой, прости, брат, я не хотела, тебе, наверное, больно?» – Охэйо удивительно точно воспроизвел преувеличенно-невинный голос девчонки. – А оно БОЛЬНО. Да еще и стыдно вдобавок – до невозможности. Инструкторам тоже можно было – хотя по этому самому месту они мне никогда не попадали почему-то... А у Их Величества метод был простой – не хочешь работать, не будешь жрать. Я трое суток продержался, – добавил Охэйо с не вполне понятной Игорю гордостью. – Я был упрямый, знаешь... Только толку-то... А потом оказалось, что, работая руками, я могу думать о чем-то другом, – ну вот я и думал...

– Я голодал десять дней, – тоже гордо сказал Игорь. – Когда мне десять исполнилось. Так положено во время одного испытания – можно только пить воду, а она там особенная, и... – Игорь неловко свернул тему: – Ну а потом, после труда?

– Потом был обед – а обед Их Величества – это, скажу я тебе... Туда такие люди приглашались... И еда была... такая, что словами мне не описать – ее есть и видеть надо. И столовые приборы – восемь слева, четырнадцать справа, щипчики для омаров, вилочки для улиток, лопаточки для пирожных... Помню, как я сцапал пирожное двумя руками – в знак протеста – и Их Величество дали мне ложкой по лбу...

– Мы тоже учимся пользоваться столовыми приборами, – кивнул Игорь. – Традиция, как наша придворная одежда – смысла никакого, но... Хотя знаешь, нам говорили, что это вроде теста – способен человек усваивать массу скучных мелочей и не путаться или нет? А что было после обеда? Тихий час?

– А? – принц удивленно шевельнул бровью.

Игорь засмеялся:

– До семи лет мы днем спали час. Обязательно. Это и называлось «тихий час». Смешно, но мы очень уставали, поэтому было кстати...

– Фиг, а не тихий час! – ухмыляясь, ответил Охэйо. – После обеда была ШКОЛА. О, я вижу, ты начинаешь понимать, на что было похоже мое детство... Каждый будний день по пять уроков. Программа была, конечно же, не обычная – да и учителей брали вовсе не на улице. Их Величество считали, что Их сын достоин самых лучших преподавателей, – и поверь мне, они такими и были. Учиться мне было интересно, как ни странно – в отличие от большинства других детей.

Игорь удивился, хотя и молча. Он не знал никого из ребят – что в лицах, что в обычных школах, – кому было бы **не интересно учиться**. Глупость какая-то, честное слово. Но интерес подстегивал:

– А чему тебя учили?

– Истории Джангра, в основном – в практическом аспекте: кто поступал правильно, а кто нет. Государственное управление – от изучения законов Империи и юриспруденции мне таки невероятным усилием удалось уклониться. А госуправление та еще наука – мне подробно рассказывали, как очередной Император доверился негодяям и в каких мучениях он потом умирал... Психология – да и психиатрия тоже, у августейших особ паранойя – профессиональная болезнь. Хотя меня интересовали совсем другие вещи...

– Какие? – быстро уточнил Игорь.

– Математика. Знаешь, в этой области Их Величество предприняли особые усилия – дети ненавидят этот предмет, как мало что другое, а Император, который не может взять даже простого интеграла, – это национальный позор. А предмет тонкий и преподавать его надо осторожно – Император Охэйо Четвертый сразу после коронации велел сжечь все книги по математике, а всех математиков живьем закопать в землю – это все после усиленного математического курса...

Игорь захохотал:

– У нас на Земле раньше был такой народ – китайцы. У них правил император Цинь Шихуан – он историков закапывал в землю, чтобы никто не мог сравнить, как жилось раньше и как при нем... А после ядерной войны убили очень много физиков, – Игорь вздохнул, погрузившись. – Просто так, толпа...

Охэйо покивал, слушая с интересом:

– А, ну вот. В общем, учителя на этот пост не рвались – о поганом характере Его Высочества было известно уже достаточно хорошо, а время, между тем, уходило. В конце концов, Их Величество лично пошли к академику Нотгорну и сказали, что Императорскую Премию нужно так отрабатывать... Он согласился – в конце концов, ему было уже восемьдесят лет... – Охэйо усмехнулся. – Видел бы ты его – такой мощный старик, с тростью, с лицом, которое просится на портрет титана науки, – а впрочем, он им и был. Учить он не умел совершенно – подростков точно, на его семинары попадал не всякий доктор наук... Так что он просто рассказывал мне историю математики, зачем она нужна, что на ней основано... а основано на математике ВСЕ – так что я проникся.

– И что? – Игорь к математике дышал совершенно ровно, без ненависти и любви, и не очень понимал принца.

– И все. Мне стало... интересно. На самом деле интересно – может быть, потому, что я сразу попал туда, где обитает живая наука. И, как оказалось, у меня есть способности – не такие, конечно, как у него, но все же... Когда бедняга сказал Их Величеству, что Их сын талантлив, они на его наорали – что он старый дурак, что они лучше него знают своего дурака, что в его возрасте пора думать о душе, а не о том, как подольститься к венценосной дуре... Что подделаешь – Их Величество совершенно не выносят лести. Целую комиссию собрали, чтобы узнать – на самом деле сын умный или притворяется... Оказалось – не притворяется. Это, знаешь, их на самом деле удивило... А я с тех пор ушел далеко – до Нотгорна мне пока что как до Джангра пешком, но кое-что новое мне удалось сделать – и вот этим я горжусь больше, чем всем прочим...

– А что именно? – спросил Игорь быстро и невинно.

Принц иронично и в то же время с уважением смерил его взглядом:

– Гм... Это я вряд ли смогу тебе объяснить – точно не сейчас...

– А какой во всем этом смысл? – Такая одержимость математикой казалась Игорю все-таки немного странной.

– Смысл? Весь мир вокруг может быть описан с помощью математики – полностью и точно описан. Как те вещи, которые есть, так и те, которые МОГУТ БЫТЬ. О, я вижу, ты и это начинаешь понимать...

– Теоретическая физика? – догадался Игорь.

– А что еще? Думаешь, стал бы я заниматься числами просто ради чисел? Не-ет. Открывать тайны мира гораздо интереснее...

– Тебе бы с Димкой Беляевым поговорить, он от этой штуки без ума... Говорит примерно как ты, невольно начинаешь верить, что мир и правда вертится вокруг математики... А, так что ты открыл-то?

Охэйо усмехнулся:

– Гнешь свое? Вот об этом я уже точно не могу говорить.

– Это оружие? – задал Игорь прямой вопрос.

– Угу. Не только, но все же...

Игорь вздохнул. Знать это ему было бы очень интересно – и Русской Империи тоже, – но ведь математика-то везде одна и, если изучить ее хорошенько...

Мальчишка мотнул головой. Сейчас его интересовало совершенно другое.

– А что было потом, после школы?

– После школы? Она кончалась уже в семь часов вечера. Потом были культурные мероприятия – выступления всяких артистов, пиры, балы... Я сбегал с них при первой же возможности – танцевать я не умею...

– Зря, – категорично ответил мальчишка. – Приятное занятие... А артисты? Я бы не

отказался посмотреть на ваших... У нас в лицее театр хороший.

– Я тоже не отказался бы... **посмотреть**, – Охэйо усмехнулся. – Но Их Величество решили, что наследнику неплохо бы освоить актерское мастерство – так что мне пришлось не смотреть, а играть. Хотя... знаешь, мне нравилось – я играл страшных сумасшедших тиранов, злобных колдунов, упырей и других милых персонажей, одним словом – отводил душу... А больше всего мне нравилась история про юношу, воспитанного дикими зверями, – можно было скакать по декорациям в набедренной повязке и орать не своим голосом...

– У нас тоже такая история есть, – сказал Игорь. – Киплинг написал, английский писатель.

– Интере-есно, – протянул Охэйо. – Расскажешь? Потом, – поправился он. – В общем-то, куда больше мне нравилось просто побродить по парку одному, посидеть на берегу моря, просто подняться на гору и посмотреть на закат... А в десять часов я шел спать.

– Просто спать?

– А ты чего ждал? Бассейна с шампанским, полного прекрасных наложниц, или, сохрани Господь, наложников? Фиг! До восемнадцати лет я мог лишь смотреть на девчонок и стараться убедить себя, что на самом-то деле я совсем их не хочу... Только толку-то...

– По-моему, глупо, – честно сказал Игорь. – И даже опасно. Можно заработать расстройство психики...

Охэйо спокойно посмотрел на него. Сейчас у него было лицо взрослого человека.

– Можно. Но, если уж принцу суждено сойти с ума, то лучше, если это произойдет раньше, пока он еще не стал Императором, не так ли?

Игорь невольно поежился. В лицее хватало тяжких испытаний, но такого вот не было. Впрочем, сам факт его не удивил – с того, кому много дано, с того и спросится немало. Да и непохоже было, что воздержание пошло принцу во вред.

– А друзья у тебя были?

Охэйо взглянул уже хмуро:

– Нет. Их Величество строжайше запретили пускать во дворец всех других детей. Так что все, кого я видел, были взрослыми.

– Но почему? – напряженно спросил Игорь. С его точки зрения, ЭТО было уже слишком. Испытания – испытаниями, а друзья – это святое. Без друзей человек все равно что никто.

– Дети легко и быстро привязываются друг к другу, а наследник не может иметь СЛУЧАЙНЫХ друзей, которые вмешивались бы потом в его дела, он должен выбирать друзей сам, уже в достаточно сознательном возрасте... – спокойно пояснил Охэйо. – Ну что ж, я и выбрал – хотя мне и жалко тех лет, что я прожил без друзей...

Игорь невольно подумал, как воспитывали Цесаревича. Но там, вроде, ничего особенного не было – наследник учился в лицее, как все дети дворян, и друзья, разумеется, у него были. Разве что программа плотнее, чем у других, – ну так и знать ему надо было больше...

– Серьезное у тебя было воспитание, – с невольным уважением признал он. – И так было каждый день?

– Нет. У нас каждый шестой день выходной – это значило, что Его Высочество можно поднять в пять часов и куда-нибудь повезти – на завод, на ферму, на полигон, – чтобы он познакомился как следует со своей страной. Это было интересно, конечно, но я не слишком-то люблю, когда на меня все пялятся, словно им говорящего коня привезли...

– Почему?

– А мне потом снилось, что я голый стою и на меня все смотрят. То еще ощущение, скажу я тебе... Хотя на полигонах было весело – можно было пострелять, порулить танком, а когда я вырос – так и истребителем. Марш-бросок в полном боевом, да еще в броне – оно тоже интересно, но уже по-другому... Ничего особо страшного, правда, не было – для такого здорового парня, каким я вырос, конечно, – но удовольствие то еще было, скажу я тебе... И полоса препятствий, и рукопашные бои с настоящими десантниками – хотя после моей

сумасшедшей сестрицы уже никто не казался мне чересчур страшным...

– А чем ты сейчас занимаешься?

– Ну, поскольку мне все равно не сидится на месте, мотаюсь по Галактике в поисках союзников для моей родной Империи – благо, корабль позволяет...

– И где ты был?

Охэйо усмехнулся:

– Много где... Здесь, в Сторкаде, даже у джаго – тот еще гадюшник, надо сказать... Я и в Верхнем Крае был, и даже в Переход забирался...

– Ты и у Аниу был?

– Конечно. У них чертовски интересно...

– А не страшно было? – Игорь вспомнил свое, не слишком удачное знакомство с этой расой.

– А Аниу как раз не страшные – по сравнению с их соседями. Ты хоть знаешь, что это за место – Верхний Край?

– Нет, откуда мне?

– Это место, где работает интеллектуалка – где возможны полноценные ИИ. У нас, да даже и здесь, таких не создать – физика не велит-с. А вот там это возможно. И это значит, что почти все цивилизации там – небиологические. Одни Аниу – исключение.

– Цивилизации машин? – Игорь помотал головой. – Бред, не бывает такого. Про дайрисов у нас некоторые ученые говорят, что они – потомки машин Рейнджеров, но я не верю.

– Здесь, может, и не бывает. Там – да, бывает. И там, Наверху, век за веком бушует жесточайшая война – война с машинами. Аниу есть за что не любить – но лишь благодаря им Богомолы и другие не спускаются сюда, вниз...

– Богомолы? Кто это?

– Это машины. Здоровенные – у них по двенадцать лап, похожих на пушечные стволы, и они напоминают ваших, земных, богомоллов. На самом деле их форм существует бесчисленное множество... но с точки зрения Богомоллов вся органическая жизнь – просто грязь, которую нужно уничтожить.

– Так не бывает, – упрямо повторил Игорь, хотя понимал глупость своих слов.

– Бывает, – терпеливо сказал принц. – Я не знаю, кто создал Зоны, – может быть, те, кого вы называете Рейнджерами, может быть, кто-то еще, но созданы они были не для того, чтобы подавить развитие цивилизаций. Они были созданы для защиты. Если бы интеллектуальные твари Верхнего Края могли выжить здесь, здесь бы уже давно не осталось жизни – никакой и нигде. К счастью, там, Наверху, почти не осталось ресурсов – все, что было, истрачено за миллионы лет развития, – и расы Верхнего Края должны сотрудничать с нами, просто чтобы выжить. Мы-то без их техники еще обойдемся, а вот они без наших ресурсов... Те же редкоземельные элементы можно, конечно, синтезировать, но это долго, дорого, ну и опасное, конечно, дело... Так что на самом деле Аниу не могут тут слишком уж возникать – реакторы их кораблей работают тут нестабильно. А все эти выходки – просто игра на публику – отчасти. На самом деле их просто тошнит от всего этого, и они часто не могут сдержаться. Только когда они не сдерживаются, страдают все. Вчера они зашли в бордель с малолетками и убили ВСЕХ – и порченных детей, и клиентов, просто потому, что смотреть не могли на все это...

Игорь сцепил под подбородком пальцы, глянул в стену. Витязи тоже убивали без разбора в прошлые страшные времена всех, кто был чем-то «запачкан». Так что вряд ли стоит осуждать этих Аниу...

– А почему они тогда не переделают весь этот мир? – спросил он. С точки зрения землянина это был важнейший вопрос.

– Не могут. Изменение – это революция и гражданская война, по-другому тут не получится, и, кто бы ни победил, ему придется восстанавливать Йэнно Мьюри из печального состояния, а ресурсы Наверх должны поступать бесперебойно... Поэтому, кстати, я и не

верю, что за нынешними беспорядками стоят Аниу.

– Тогда нам тоже стоит с ними дружить?

Охэйо пожал плечами:

– Игорь, я не знаю. У них коммунизм, но совсем не такой, как у вас. У вас общество пирамидальное – у них сетевое, с лозунгом «незаменимых у нас нет!». У них нет дворян, и уж подавно нет Императора. И относятся они к вам... плохо. Я, когда был у них, сам в свой адрес наслушался – и про дворян-паразитов, и про бездарные ничтожества на троне – уши вянут...

– Да что они про нас знают! – зло вскинулся Игорь. – Судят и судят! Все кругом! У нас в лицее первым делом внушают – прежде чем делать выводы, УЗНАЙ, изучи проблему! Иначе такого навыводишь, что... – он скривился. – Знатоки, не различишь, где парень, где девчонка!

– Знают они о нас и вас и правда очень мало, и почти все – из третьих рук, – спокойно ответил Охэйо. – Но я не думаю, что если они узнают больше, их отношение к вам улучшится. Слава богам, им нет дела до младших рас – и так забот хватает. Переход – страшное место, Игорь. По-настоящему страшное. Там бесследно исчезают не только корабли, но даже и целые цивилизации. Их было несколько, таких случаев. Обычно следов внешней агрессии нет: планеты – целые, нанотеха боевого нет, вирусов – нет, со звездой – все нормально, но следы трупов – есть, и есть следы техногенных катастроф от потерявшей управление автоматики. После попытки восстановить компьютеры – нет никаких записей, которые можно было бы как-то прочитать. Видимо, все эти расы были уничтожены – потому что почти мгновенно, – но КЕМ? Или сами смогли **так** себя уничтожить? И Аниу не хотят стать... следующими.

– Послушай... – Игорь задумался. – А кто – ну, с твоей точки зрения – виноват в том, что сейчас творится у мьюри?

– Вы, – спокойно ответил Охэйо. – Что самое волшебное – вы, похоже, даже и не заметили, что виноваты в этом.

– Мы не хотели ничего менять у них, хотели лишь, чтобы нас... – Игорь осекся, но Охэйо продолжал без насмешки:

– ...оставили в покое, потому что мьюри сильнее всех известных вам рас. И вы решили продемонстрировать себя во всей красе. Но не поняли, не учли – то, что **вам самим** кажется обычным и естественным, **здесь** дико пугает одних и до столбняка восхищает других. Вот и два лагеря. Вот и война. Вот и можете успокоиться – в ближайший век мьюри будет не до вас. И вообще ни до кого. А вот на них со старыми счетами налетят со всех сторон. То, что другие называют спецоперациями и тратят на них средства, нервы и время, для вас, землян, – просто... в общем, у меня нет слов.

Игорь промолчал. Охэйо был прав. Вот вам и Ярмарка. Вот вам и театрализованные представления... Он решил об этом поговорить позже и не с принцем. А пока вернуть разговор в прежнее русло.

– А еще кто-нибудь есть такой же... необычный? – спросил он.

– Есть, и их много – Галактика невероятно огромна, то, что нам известно, – лишь небольшая ее часть. В других все совершенно иначе, хотя основа все та же – Медленная Зона, Нижний Край, Верхний, Переход...

– А еще Зоны есть? – спросил Игорь.

– Есть, одна – Безмысленная Бездна. Это под Медленной Зоной, по направлению к центру Галактики. Там разумная жизнь существовать не может, а в центре Галактики вообще никакая жизнь существовать не может, наверное.

– А что там, в самом центре? – Игорь спрашивал жадно и уже видел мысленным взором флотилии Земли, стремящиеся во все эти неизведанные и такие заманчивые уголки Мироздания...

– А никто не знает – туда не долететь, а что там – не видно за облаками космической пыли. Видно лишь, что там черная дыра в три миллиона солнечных масс – а вокруг нее

крутится куча звезд, вот и все. Может быть, это и есть генератор Зон. Придумка очень разумная – без нее Галактика была бы выжата досуха и опустошена за какие-то десятки тысяч лет, а Зоны существуют уже долго – сотни миллионов лет, насколько мы знаем...

– А Переход?

– Это просто место, где сдерживающая сила Зон – она везде одна, только в разной степени – совсем перестает действовать. Собственно, это внегалактическая бездна вне Млечного Пути. Там все работает, но там почти ничего нет. В Верхнем Крае ходит множество страшных историй о Переходе – и, наверное, почти все они – правда. Оттуда приходят порой очень, очень странные гости...

Они помолчали. Наконец Игорь спросил:

– Послушай... Я хочу узнать... Когда тебя похитили, что ты чувствовал? Не обижайся, мне важно. Потому что я сперва очень боялся, когда утащили нас с Андрюшкой...

Охэйо смотрел ему в глаза. Его лицо стало очень серьезным.

– Мне тоже было очень страшно сначала. Настолько, что в конце концов я понял, что начинаю сходить с ума от страха, – и испугался еще и этого... и мне вдруг стало смешно. Наверное, страх все равно задавил бы меня – я понимал, что не выйду оттуда живым и что умирать мне придется долго, а в двенадцать лет это рановато и жутковато, но меня спасло, как ни странно, богатое воображение: я ухитрился убедить себя, что смерть – это только начало, что есть и другие миры, кроме этого... И мечтал. Ну а потом, когда я увидел Кертерна... этого заказчика... – принц передернулся от воспоминания. – Ты не представляешь, как он поначалу вокруг меня трясся – словно матерый алкоголик, которому в руки попала поднятая с морского дна заплесневелая бутылка с вином многовековой давности – жутко хочется выпить, но на этом все и кончится... – Охэйо помолчал. – Прежде, чем парни из Тайной Стражи нашли меня, прошло три дня. Я не лишился невинности – она стоила слишком дорого, – но плети я попробовал. И потом целый день провисел нагишом на связанных руках, весь иссеченный в кровь – после того, как пнул этого ублюдка в промежность. Он едва не спустил с меня шкуру, но это было, вообще-то, очень полезно. Благодаря еще и ему из меня не вырос очередной глупый избалованный принц. Смешно, но тогда я понял, что зло СУЩЕСТВУЕТ. Реальное, в рост. И что с ним надо бороться, иначе просто невозможно будет жить. Ну что ж, я и борюсь...

– Это ты похищаешь и продаешь в рабство сторкам здешних извращенцев? – тихо спросил Игорь.

Вопрос был очень рискованный: на такие обычно не отвечают... или отвечают, но услышавший это уже, как правило, не может никому рассказать об ответе...

Охэйо посмотрел на него – глаза в глаза, – и не отводить взгляд Игорю было ТРУДНО.

– Я делаю то, что МОГУ делать. Вопрос не в том, чтобы уничтожить рабство: если в рабы попадают скоты и подонки, оно становится благодеянием для общества.

Игорь смутился; у него горели уши. Пусть бессознательно, но все эти дни он представлял Охэйо именно принцем из старой детской книжки: хрупким созданием неземной красоты и неопределимого пола – мало ли, что он умеет драться? Но это был человек другой породы: из тех, что рождены пасти, а не бежать под бичом. И все-таки Игорь сказал упрямо:

– Мы считаем иначе. Мы хотим, чтобы в мире не было скотов и подонков. Даже среди рабов. И чтобы и рабов не было. Совсем...

Охэйо смутился – нет, правда! – и Игорь сменил тему:

– А почему ты все время говоришь о Их Величестве? А твой отец?

– Его убили, когда моя мать была беременна мной на восьмом месяце, – какой-то псих швырнул в них бомбу «во имя демократии». Отец погиб на месте и с ним еще восемь человек, а у матери случились преждевременные роды. Ребенка, правда, удалось спасти – вот так вот я появился на свет, среди крови и смерти, и многие говорили, что это не к добру... Знаешь, мой отец не был хорошим Императором – он был слишком слабым и, да, изменял моей матери. Но когда им под ноги упала бомба, он заслонил ее и меня – собой. Его

изрешетило двумя сотнями осколков, а мать лишь задело в нескольких местах, ну и еще контузило, конечно. А ведь он мог бы спрятаться за мать – она крупная женщина, знаешь – и уцелеть. И кто бы решился осудить Императора? Но он поступил иначе... Вот так Император Иннир Девятый вошел в историю под именем Иннира Великого, и никто не сказал, что он недостойн этого звания.

Игорь помолчал, склонив голову. Потом просто сказал:

– Я тебе сочувствую. Мой отец тоже погиб, но я хотя бы помню его – живого, хотя редко видел... Он был капитаном военного корабля.

И после этих слов Игорь решился.

Земляне редко лгали, и поэтому их интуицию, в свою очередь, было невозможно обмануть. Включив комбрас, Игорь продемонстрировал голограмму царя Зимирлима – кадр из «Дороги Ашторет». Пояснил, предупредив вопрос принца:

– Это когда я твою яхту увидел, я тебя таким представил. Ты оказался другим. Потом я увидел третьего. Сейчас вижу четвертого и – похоже – самого настоящего. С ним я и буду говорить... Послушай, за то, что я сейчас скажу, мне в принципе может здорово нагореть. Но вот ты и вот я. Ты будущий Император своей страны. Кроме меня перед тобой сейчас нет других земных дворян, а значит, я могу говорить за Импе... – Игорь похолодел от этой внезапно осознанной мысли, – ...рию. Мне кажется, что наши планеты и наши народы чем-то похожи. Может быть, потому что они и правда молодые. Что ты скажешь, если я передам Его Высочеству Цесаревичу и лорду Оксбриджу, что ты, наследник трона Джангра, заинтересован в союзе с Землей? – и заключил с прямою мальчишки и проницательностью землянина-дворянина: – Мне кажется, что ты неплохой человек. Когда хорошие объединяются, это правильно. Так как?

Охэйо вновь посмотрел на него – на сей раз несколько иронично:

– Я тебе ведь говорил, для чего я все время мотаюсь по Галактике и, в частности, для чего я прилетел сюда? Нужны ли друзья Джангру? Невероятно нужны – без них мы все сдохнем, рано или поздно. Особенно теперь – мьюри станет не до нас, а джаго снова могут попробовать напасть... Так что ответ, разумеется, «да» – а вот условия, прости, я буду обсуждать уже не с тобой...

– Да уж конечно, не со мной, Ваше Высочество, – спокойно отозвался Игорь.

Охэйо замолчал – видимо, собираясь с мыслями, – было ясно, что предложение Игоря удивило его, и он сказал первое, что ему пришло в голову. Отказываться от своих слов он, правда, не стал, только добавил:

– Передай им, что я готов с ними встретиться – и чем быстрее, тем лучше.

* * *

Вернувшись в зал, Игорь сразу подошел к полковнику.

– Андрей Данилович, мне нужно увидеть Цесаревича. Это срочно.

– Вон он, – полковник указал на тесный кружок из нескольких мьюри и джангри, очевидно, говоривших с наследником престола. – А зачем он тебе?

– У меня к нему дело. Очень важное.

– Важное, говоришь? – Полковник внимательно посмотрел на мальчишку. Встревожен тот не был, и офицер пожал плечами. – Иди, если надо. Надеюсь, что дело действительно важное – иначе, сам понимаешь...

– Важное, Андрей Данилович! – Это мальчишка крикнул уже на бегу.

Подойдя к Цесаревичу, он замер, словно налетев на стену – точнее, на удивленный взгляд нескольких пар глаз. Цесаревич смотрел на него иронически, остальные – явно недовольно, но Игорю было на это наплевать.

– Ваше Высочество, мне нужно поговорить с вами, – твердым, официальным голосом сказал мальчишка. Все остальные с интересом уставились на него, и он добавил: – Наедине.

Сердце у Игоря ушло в пятки – он понимал, что ведет себя, мягко говоря, странновато,

но и отступить он уже никак не мог.

Цесаревич вновь с интересом посмотрел на него.

– Гм. Господа, прошу меня простить... – Он цепко ухватил мальчишку за рукав и потянул за собой – в другой угол зала. Преображенцы, как бы случайно, встали вокруг, не подпуская сюда любопытных.

– А теперь извольте объясниться, сударь, – спокойно сказал Цесаревич.

Игорь глубоко вздохнул. Момент был, как говорится, решающий – или пан, или пропал... но отступить было уже поздно.

– Ваше Высочество, я говорил с принцем... – начал он.

– И? – Цесаревич явно не настроен был тратить время зря.

– И он предложил нам союз.

– Нам? – иронично спросил Цесаревич. – Или все же Империи?

Игорь ощутил, как у него горят уши. Он понимал уже, что влез не в свое дело, но теперь ему оставалось лишь довести его до конца.

– Земле, – твердо сказал мальчишка.

– Так. И когда?

– Сейчас, если хотите, – это сказал уже сам Охэйо, как-то просочившись через кольцо преображенцев. – Лорд Оксбридж тоже приглашен, разумеется. И так?..

27. Интерлюдия Йэнно Мьюри 205 год Галактической Эры

На переговоры его, разумеется, не позвали, к тому же голова гудела от избытка впечатлений. Игорь решил выйти в сад, чтобы проветриться, но совершенно неожиданно потерял ориентацию, заплутал по коридорам и в конце концов остановился, не в силах понять, куда идти дальше. Стены, потолок, пол были здесь совершенно прозрачными, но бесчисленные отражения, голубые и бело-фиолетовые блики путали мальчишку и сбивали его с толку. Похоже было, что его – землянина и дворянина! – кто-то очень аккуратно **водит**. Беззвучно снующие за стенами джангри выглядели скорее привидениями, они ничем не могли ему помочь. Нельзя было даже просто понять, где здесь двери, куда и как проходят коридоры. Под собой Игорь видел еще несколько этажей, сливавшихся в неразличимую мешанину.

Он испуганно вздрогнул, когда из вихря отражений показалась босая девушка в составной тунике с короткими рукавами. Жесткие, похожие на камень, пластины с резным узором покрывали только широкие бедра и высокую грудь, все остальное было вполне прозрачным. На голове незнакомки высилась такая же «каменная» круглая шапка с большим козырьком, но без верха. Тяжелая масса блестящих черных волос плащом спадала ей на спину. У нее было круглое широкоскулое лицо и золотистая кожа, но Игорь сначала посмотрел на ее гладкий подтянутый живот и лишь потом поднял взгляд.

Глаза у девушки оказались большие, косо поднятые к вискам, но без зрачков и радужки – они состояли из одной неразличимой темноты, пронизанной слабыми радужными бликами. Мальчишку обдало короткой волной жара, и он невольно подумал, какая у нее температура тела – семьдесят градусов, девяносто, сто? И это был не просто жар – Игорь ощутил белое, накаленное сияние *Силы*, из которой это создание было словно отлито. Такая ее концентрация просто испепелила бы любую плоть... и ЭТО явно вообще не было живым – однако же любопытным и вполне разумным. Она приостановилась, взглянув на него, и мальчишку обдало еще одной волной, на этот раз ВНИМАНИЯ – такой мощной, что Игорь на какой-то миг потерял себя. Когда он пришел в себя, девушка коротко кивнула – очевидно, вполне удовлетворенная – и бодро двинулась дальше.

Даже когда ее отражения растаяли между стеклянных стен, Игорь какое-то время еще стоял неподвижно, стараясь справиться с охватившими его чувствами. Он не испугался, конечно – это было бы просто смешно и стыдно для землянина, – нет, его оглушила внезапно

открывшаяся перед ним пропасть, полная всевозможных чудес. Игорь не сомневался, что она увидела его до самого дна, – но ВНИМАНИЕ ее вовсе не было враждебным. Оно было спокойным и дружелюбным – как ВНИМАНИЕ наставников – и даже не таким строгим. Но она – ее сознание – была БОЛЬШЕ любого человека, которого знал Игорь. НАМНОГО больше. И она была старше его – как минимум, в тысячу раз. ТАКОГО просто не могло быть – однако же было.

Как же глупо было думать, что все интересное было открыто предками и на его долю ничего не останется! Как оказалось – осталось, да еще так, что голова просто шла кругом – как, впрочем, и всегда, когда мир предстал перед ним во всем своем пугающем многообразии. Правда, при мысли, что по зданию рядом с Цесаревичем свободно разгуливают... нет, даже не *существа*, а скорей *сущности*, намерения которых никому толком не известны и с которыми не так-то просто справиться, Игорю стало неудобно. Мир вокруг менялся слишком быстро, и он явно не успевал за ним.

Он решил вернуться в зал, чтобы рассказать своим еще и об этой встрече, но всего через минуту буквально наткнулся на Охэйо – тот стоял посреди коридора, скрестив на груди руки и многозначительно притопывая ногой. Принц очень внимательно смотрел на гостя, словно видел его в первый раз. А скорей всего и в самом деле – в первый. Игорь поежился, как от внезапного холода. Он уже понял, что это – совсем НЕ ТОТ Охэйо, которого он знал. Сквозь серьезность принца пробивалось мальчишеское любопытство. Этот же был спокоен – как может быть спокоен человек, проживший невероятно, немыслимо долго и которого уже ничто не может удивить. И... ЕГО ЗДЕСЬ НЕ БЫЛО. Общаясь с принцем, Игорь ощущал свет его разума, мощь его Силы, пусть и надежно укрытые щитами. У ЭТОГО Охэйо не было НИЧЕГО. По ощущениям Игоря, ему полагалось лежать в глубочайшей коме – однако же это НИЧТО смотрело на него с неким снисходительным интересом.

– Кто ты? – прямо спросил Игорь, сам удивляясь своему спокойствию.

– Не похож на принца, да? – спросил Охэйо.

– Угу. Кто ты?

– Аннит Охэйо анта Хилайа.

– Но ведь он же сейчас... – Игорь прикусил язык.

– Я – не он.

– А кто?

– Аннит О... ну и так далее.

Игорь недовольно помотал головой:

– Я не понимаю.

Охэйо ухмыльнулся:

– Все очень просто. Я – ДРУГОЙ Охэйо.

– Выходит, их много? – разговор был бредовый, но Игорь понимал: все, что он слышит, – ОЧЕНЬ важно.

– ВСЕХ много – просто они обычно не встречаются: попасть из одной Вселенной в другую не так-то просто.

Охэйо сказал это совершенно спокойно, словно не замечая, что совершил только что крупнейший переворот в представлениях землян об устройстве мироздания.

Игорь почесал запястье и, совершенно незаметно, включил запись на комбрасе – то, что он тут услышит, наверняка будет интересно не ему одному.

– Но ведь ты сюда как-то попал? – спросил он.

– Угу, – Охэйо кивнул, по-прежнему глядя на него с неким ироничным интересом, – так старый матерый волк мог бы смотреть на делающего первые шаги волчонка.

– И как?

– Так. Пошли, – Охэйо быстро посмотрел вправо, потом влево, потом вновь на мальчишку.

– Куда? – От такого натиска Игорь несколько оторопел.

– Ко мне. Там хоть сесть можно, – Охэйо быстро повернулся и пошел, не оглядываясь.

Ругаясь про себя, Игорь поспешил за ним: вот ведь язва, знает, что никуда он не денется! Отчасти было страшновато – мало ли что может быть? – но Силой этот Охэйо не владел – ну вот ничутью, – а просто здорового парня мальчишка не боялся ни капли.

Охэйо шел вперед быстро и целеустремленно – видно было, что уж он-то отлично ориентировался в этом лабиринте, и мальчишка едва поспевал за ним. Все же разница между принцем и этим вот чудом природы БЫЛА – как между бурей и настоящим ураганом.

Всего через минуту Охэйо замер у двери в просторном коридоре, и толстая плита из серой стали сама по себе уехала в сторону, открывая просторную, полутемную комнату. К некоторому разочарованию Игоря, ничего необычного в ней не было – два изогнутых дивана из матово-черной кожи, между ними – низкий стол со стеклянной столешницей, какие-то безделушки в застекленных шкафах у стен... Мальчишка понял, что это просто одна из комнат для гостей, а НАСТОЯЩЕЕ жилье Охэйо наверняка выглядит совершенно иначе.

Охэйо на ходу стряхнул сандалии и плюхнулся на диван, с удовольствием вытянув босые ноги – в чем другом, но в этом они были с принцем абсолютно похожи. Игорь уселся напротив – еще в самом начале жизни его научили, что сидеть рядом с незнакомыми людьми... э-э-э... невежливо. Охэйо по-прежнему наблюдал за ним с неким ироничным интересом – мол, ну-ну, знаем мы эти ваши штуки. Начинать разговор он, паразит, явно не собирался – ждал вопросов. А Игорь знал, что ХОРОШИЙ вопрос стоит очень даже дорого. И плохой – еще дороже. Забавная все же штука жизнь – вот сидят два вполне дружелюбно настроенных человека, а от ощущения, что между ними идет бой, никуда не деться. Нет, не бой, конечно, скорее экзамен – да разве ж от того легче?

– Ты не сам попал сюда – тебе помогла та девица, с которой я встретился до тебя, да? – Фраза вырвалась у мальчишки почти произвольно, но по тому, как улыбка Охэйо на миг стала растерянной, Игорь понял – в цель!

Охэйо скривился, словно раскусил недозрелую сливу:

– Вообще-то, это ЕЕ поиск – без нее нас бы тут просто не было. Не слишком полезно для самолюбия, конечно, но на что не пойдешь ради любопытства? – На его лицо вернулась прежняя ухмылка.

– А зачем ты здесь?

– Посмотреть на самого себя в молодости.

Идея, на взгляд Игоря, была совершенно дикой, но посмотреть на себя в молодости лет так через десять он тоже не отказался бы.

– И только?

– А что – разве мало?

– А она?

– Посмотреть на новый мир всегда интересно. Даже если он настолько... тихий.

– ТИХИЙ? – Игорь был... ошарашен услышанным. Он мог назвать, минимум, дюжину войн, бушующих сейчас, а уж те, что бушевали раньше, он мог перечислять долго-долго.

– Тихий, – повторил Охэйо. – И чистый, что главное.

– Чистый? От кого? – разговор вдруг перестал нравиться мальчишке. Найти того, кто может ответить на любой твой вопрос, конечно, здорово. И, как оказалось, – страшно.

Охэйо промолчал. Видно было, что он затеял этот разговор едва ли не ради забавы и сейчас явно жалеет об этом. Но Игорь решил идти до конца. Отказаться от возможности УЗНАТЬ – такое было немыслимо для любого земного мальчишки.

– Откуда ты? – наконец спросил он, поняв, что ответа на первый вопрос не будет.

– Я вырос на Джангре, в стране, называемой Империей Джангра. Мой отец был императором, – Охэйо тихо засмеялся. – Я был его четвертым сыном. Как видишь, сродство весьма отдаленное, но нам не подалось ничего лучше. Это ведь только на первый взгляд кажется, что можно отыскать любой мир, какой только пожелаешь. На самом деле все значительно сложнее.

– А что вы ищете? – Игорь чувствовал, что его голова сейчас вот-вот взорвется от

обилия вопросов.

– Родину Командора.

– Кого? – слово прозвучало внушительно, сразу напомнив Игорю о древних рыцарях и крестовых походах.

– Командора. Основателя Станции С-Ц³⁴.

– Станции чего? – Мальчишка понимал, что сбился на глупости, но сейчас ему было уже не до того.

– С-Ц. Это сокращение от слова «Сверх-Цивилизация». То еще место, скажу я тебе, – я сам, когда там оказался, надолго прифигел, а ведь не должен был, по идее...

– А он сам разве не помнит, где родился?

– Помнит, конечно. Отлично даже помнит. Но его путь был очень-очень долгим, и он сам не знает, как попал оттуда сюда. То есть туда. Сколько лет все мы пытаемся отыскать его родину, но напрасно. Найти потерянное в Бесконечности – это та еще задача...

– А что вы там еще делаете, кроме того, что ищете?

Охэйо улыбнулся – вроде бы дружелюбная улыбка, но очень уж ехидная. Игорь вдруг заподозрил, что именно этот персонаж долго и упорно пытался достать Димку Белова на первом балу.

– Как бы тебе сказать... – Охэйо задумчиво закатил глаза. – А! Ну вот, конечно... – Он прикрыл глаза и принялся читать по памяти: – *«Так вот, Боромир, в мире много сил, помимо организованного Вражьего воинства, которым приходится давать отпор. Вы защищаете свои границы, прикрывая соседей от армий Моргула, и ни о чем, кроме собственных границ, не заботитесь, а мы – стражи пограничного Глухоманья – боремся со всеми Темными Силами. Не Вражье воинство – Безымянный Страх разогнал бы жителей севера и запада, если б арнорцы не скитались по дикому Глухоманью, без отдыха сражаясь с Темными Силами. Скажи, кто чувствовал бы себя спокойно – даже за стенами своего жилища, в самых отдаленных и мирных странах, – если бы призрачные подданные Мордора беспрепятственно проникали в западные земли? Кто отважился бы пуститься в путь? Но когда из черных лесных чащоб, из трясиных болот или мглистых ущелий выползают темные союзники Мордора, их неизменно встречают арнорцы, и они отступают за Изгарные горы. А мы не требуем даже слов благодарности. Путники подозрительно косятся на нас, горожане и сельские жители Средиземья с презрительным сочувствием называют бродягами... Совсем недавно один толстяк, живущий по соседству с такими существами, что, услышав о них, он умер бы от страха, назвал меня – не желая оскорбить! – Бродяжником... он не знает, зачем мы странствуем, и снисходительно жалеет неприкаянных скитальцев. Но нам не нужна его благодарность. Он, подобно всем его сородичам и соседям, живет спокойно, мирно и счастливо – вот что «скитальцы» считают наградой. Вернее, считали...»*

– Ты читал «Властелина колец»?! – воскликнул Игорь.

Охэйо удивленно посмотрел на него:

– Конечно, читал. Что в этом особенного?

– И этот... мир... мир, про который писал Толкиен... он что, тоже **есть**? – горло перехватило от волнения.

Игорю казалось, что голова сейчас лопнет. Потом пришел иррациональный, дикий страх – сейчас это существо расскажет ему, что движет звездами... а потом убьет, чтобы он никому не открыл тайн. Игорь даже напрягнулся и с трудом заставил себя расслабиться, осознать бредовость опасения.

– Есть, – спокойно подтвердил Охэйо. – И много-много-много на него похожих. Я, впрочем, там не был – правду говоря, мне нечего там делать, – но ЕСТЬ.

– Вообще-то, ты не слишком-то похож на Арагорна, – опомнившись, сказал Игорь.

³⁴ Авторы благодарят Vikarti Anatra за любезно предоставленные описания Станции С-Ц.

– Ну, я же не он, – спокойно согласился Охэйо. – Зато и бродягой меня никто не обзывает. Короны, правда, тоже никто не поднесет, ну и фиг с ней, не в коронах счастье...

– Кстати, а сколько тебе лет?

На вид Охэйо было лет двадцать, не больше.

– Двадцать, – подтвердил он, словно читая мысли мальчишки. – Тысяч. С мелочью.

– Люди столько не живут, – сказал Игорь, просто от удивления.

– Живут, как видишь.

Игорь попытался представить, как это – прожить двадцать тысяч лет – год за годом, – но ему не хватило терпения.

– А зачем тебе это? – ничего умнее ему в этот миг не пришло в голову.

Охэйо фыркнул:

– Ну, ты и сказал... Разве ты не хотел бы?

– Нет.

Охэйо дико взглянул на него – наверное, второй раз мальчишке удалось его удивить.

– Но почему?

Игорь пожал плечами. В самом деле, как объяснить чужаку всем понятные вещи? Но ведь придется объяснять как-то...

– Понимаешь, человек не может меняться бесконечно, – наконец сказал он. – Рано или поздно, но неизбежно, он становится замшелым консерватором. Опыт делает его осторожным. Чересчур. Неизбежно. А общество должно жить. И если оно не будет обновляться, оно погибнет.

– Вот как... ради Империи, да? – В голосе прозвучала насмешка.

Игорь твердо взглянул в его глаза:

– Да. А разве у тебя иначе?

– МОЕЙ Империи уже давным-давным не существует. Правду говоря, я – последний, кто еще помнит о ней...

Охэйо сказал это спокойно, как вещь совершенно обычную, но Игорю вдруг стало страшно – просто оттого, что такие вещи БЫВАЮТ. Умом он понимал, что Империи, как и люди, тоже рождаются и умирают, – но примерить **такое** на себя он не решился. Даже представить **ТАКОЕ** было слишком тяжело. Вот и живи вечно. Тут с ума сойдешь от одних воспоминаний...

– Как... как это было? – Голос прозвучал глухо, как не его собственный. Знать это Игорю не хотелось, но он был должен.

– Мроо.

Как ни странно, после ответа мальчишка успокоился. Он не представлял, конечно, кто такие эти самые Мроо, но пасть в битве с врагом совсем не так страшно, как медленно сгнить изнутри. Да это и не обязательно – в войне не только пасть, в ней и победить можно...

– Мроо? А кто это? – решил он уточнить важный вопрос.

– Я надеюсь, что ты никогда не узнаешь этого, – спокойно ответил Охэйо. – Мроо – это такие твари, что, дай им хотя бы миллионную долю шанса – они тебя убьют. Здесь их нет и, как я надеюсь, никогда не будет. Они не смогут войти в ваш мир, не изменив его, а сделать это им будет... очень трудно. Кроме того, очень и очень многие не дают им делать все, что только им хочется...

И тут, в самый неподходящий момент, замурлыкал комбрас. Игорь едва не подскочил от неожиданности. Первым его побуждением было – выключить проклятое устройство... но в следующий миг дисциплина взяла верх, и он нажал на кнопку визирования – кто бы это ни был, оставлять его без ответа было бы невежливо.

С маленького экранчика на него уставилось возмущенное лицо Яромира.

– Ты куда пропал? – с ходу спросил он. – Мы все с ног уже сбились!

– Я у Охэйо, – ответил мальчишка. – Очень важный разговор.

– Ты что, офигел? – спросил Яромир. – Охэйо тут, в зале!

– Слушай, я потом тебе все объясню, – Игорь начал злиться.

– У тебя все в порядке? – Яромир встревожился.

– Да все, все! – Игорь поднял комбрас и обвел объективом комнату, чтобы показать – никто не держит его тут насильно.

Охэйо – вот зараза! – широко улыбнулся и даже помахал рукой, отчего глаза у Яромира стали совершенно квадратные. Раньше, чем он успел что-то сказать, Игорь оборвал связь. Сердце у мальчишки колотилось – он уже понимал, что объяснять все это ему придется ДОЛГО.

– Зачем? – наконец, спросил он. Он не уточнил, но Охэйо и сам догадался, о чем идет речь.

– Мне нравится удивлять людей – такой ответ тебя устроит?

Игорь помотал головой. В его представлении последний герой погибшей Империи был кем-то вроде... да, вроде того же толкиеновского Мэглора из «Сильмариллиона» – мрачным и немного ненормальным витязем с печатью проклятия на челе. Охэйо, однако, никак не походил на витязя – впрочем, и на беззаботного болтуна он не походил тоже. Боги, как же наивно было думать, что впереди будет только ПОНЯТНОЕ...

В голове у него крутилась куча вопросов, и он даже не знал, какой задать, – за что ни возьмись, все казалось потрясающе важным. Он даже на секунду задумался: а что, если попробовать отвести ЭТОГО Охэйо хотя бы к полковнику?

– Как ты попал сюда? – наконец спросил он. Самое важное, безусловно, было – это.

Охэйо искоса посмотрел на него. Видимо, вопрос ему понравился.

– Правду говоря, сюда попал не я, а Анхела – я такого не умею... Я – как это сказать? – лишь ее попутчик. Иннка, кстати, тоже...

– Кто?

– Иннка Келлихаанс. Ты ее видел только что... Та девушка, о которой ты сказал.

– Так, значит, Анхела – не она? – голова у мальчишки закружилась. В мире не столь развитом Иннка могла бы сойти за небольшого бога. А Анхела... – А Иннка – она кто?

– *Сима́йа*.

Это слово ничего не говорило Игорю, и мальчишка вновь помотал головой.

– Кто?

– Знаешь, это долго объяснять. Если коротко и как нельзя проще – то есть существа, а есть Сущности. Вы тоже когда-нибудь станете... ну, не такими же, конечно, но похожими. Этого не избежать. Пусть даже у вас все будет по-другому...

– Почему?

– Ваш мир – отчасти магический. Наверное, вы не задумываетесь об этом, но это – правда. Вы владеете Силой, а на родине Иннки – кстати, она и моя тоже – эту возможность пришлось СОЗДАВАТЬ. В каком-то смысле, вам повезло больше. В каком-то – нет. Ведь СОЗДАТЬ способность гораздо почетнее, чем ОВЛАДЕТЬ ею...

Эта фраза задела мальчишку. Игорь привык считать, что Империя – лучшее не только из того, что есть, но и из того, что может быть. Пусть это не всегда согласовалось с логикой, но он считал так, и все тут.

– То-то вы все сидите у принца в посольстве, как тараканы за печкой, – это прозвучало довольно-таки зло, но Охэйо не обиделся:

– Мы здесь просто гости, у нас нет тут никакой цели – разве что отдохнуть немного и посмотреть на новый мир... И потом – вот ты, например, можешь надавать люлей, – Охэйо обращался с терминологией лицеев с невероятной небрежностью и знанием дела, – почти каждому, кого встретишь. Но это же не значит, что ты только этим и занимаешься?

– Нет, конечно, – Игорь прекрасно знал, на что он способен, и доказывать это всем и каждому вовсе не собирался – зачем? И так дел хватает...

– Ну вот... Неужели так трудно представить, что можно просто – посмотреть?

– Ничего себе – посмотреть... – Игорь вспомнил все безобразия, которые ему тут довелось увидеть. – И вам не хочется ничего тут... исправить?

Охэйо насмешливо посмотрел на него:

– Хочется. Но, правду говоря, я не вижу тут ничего, с чем вы не справились бы сами... Было бы невежливо лишать вас возможности расти в ответ невзгодам – ты так не думаешь?

Игорь вздохнул. Охэйо был, вообще-то, прав, но это всезнающее создание изрядно его злило. Как злили все знающие и все умеющие наставники в лицее в свое время. Но там ответ был простой – не ленись, старайся – и, если будешь усерден, то не только встанешь наравне, но и пойдешь дальше. А вот ТАКУЮ пропасть не перепрыгнешь – точно не за время одной человеческой жизни. Так что, может быть...

– И как – не тяжело тебе-то жить вечно? – Это вырвалось почти непроизвольно, из самой глубины души.

Охэйо усмехнулся:

– Ничуть. Знаешь, бессмертие тяжело лишь для тех, кто привык только БРАТЬ, – их жизнь быстро превращается в бесконечное повторение одного и того же, в бесконечный кошмар для пустой души. А вот если ты умеешь ТВОРИТЬ, тебе даже вечности не хватит...

– А ты?

– А у меня слишком много разных дел, чтобы рассуждать о смысле жизни, – это прозвучало как намек, и Игорь вернулся к главному.

– Расскажи мне о других Вселенных и о том, как можно среди них путешествовать, – попросил он.

Охэйо кивнул:

– Тебе тоже мало мира, в котором ты живешь?

Игорь повторил кивок – полунасмешливо-полусерьезно.

– Хорошо. Вообще, что такое Вселенная? Весь мир, который мы можем увидеть. Но ведь там, за горизонтом видимости, она не кончается. Размер одной Вселенной – одного пространства – почти бесконечен, а вот его многообразие – нет. Из чистой статистики следует, что миллиардов за сто световых лет у каждого из нас есть двойник, не просто похожий, а в точности такой же и живущий в неотличимом от нашего мире. Это – Сверх-Вселенная первого уровня. В свою очередь, существуют разные пространства с разными физическими законами, числом измерений – в том числе и времени. Они соприкасаются, как клетки на шахматной доске, и разделены Листами, доменными стенками. Их вовсе не бесконечно много: число возможных вариантов составляет десять в сто восемнадцатой степени. Это – Сверх-Вселенная второго уровня. Существуют еще *браны*, на которых размещаются пространства. Каждую создает свой Творящий Взрыв, и они все плавают в объемлющем пространстве. Это – Сверх-Вселенная третьего уровня. На самом деле, лестница здесь не кончается – она вообще НЕ КОНЧАЕТСЯ, – но на уровне Четыре и дальше мы уходим уже в глубокие математические абстракции... Существует Сверх-Вселенная математик – и вот она поистине безмерна. Здесь скрыт секрет Бесконечности: Бесконечностей бесконечно много.

Игорь помотал головой. Что-то похожее он уже слышал – кто из мальчишек не мечтал о совсем новых, неведомых мирах и не вгрызался жадно в дебри едва слепленных на живую нитку физических теорий о параллельных временах и пространствах? А то и не лепил их сам – наивно, из нахватанных знаний, снов и неукротимых мечтаний... Но до сих пор все это оставалось этой... – как ее там?... – абстракцией. А вот для Охэйо это была не абстракция. Это была ЖИЗНЬ. Пугающе чужая, страшноватая – но, черт бы ее побрал, привлекательная.

– И как же можно путешествовать по всему этому?

Охэйо пожал плечами:

– Освоить можно даже Бесконечность – если каким-то образом решить проблему транспорта. Для уровня Один – это ОЧЕНЬ быстрый сверхсвет, квантовые прыжки, проще говоря. Для уровня Два – они же, плюс способность обходить доменные стенки ВНЕ обычных измерений. Для уровня Три – квантовые порталы. Впрочем, иногда считается, что уровни Один и Три – одно и то же. Вот как попасть на уровень Четыре – вне времени и пространства, – непонятно, да и вряд ли нужно – ВОЙТИ туда все равно нельзя, разве что посмотреть издали. Это же, в основном, касается и уровня Два – туда даже офицеры С-Ц

ходят редко, разве что им нужна уникальная физика для каких-то невозможных в их Вселенной операций.

– И для чего она может быть нужна? – спросил Игорь.

– Например, для возможности идти еще дальше... Как бы тебе это объяснить... Есть у С-Ц такое понятие – «уровень дестабилизации Реальности», который обычно очень высокий. Но если он низкий – можно силой воли, ну, имея некоторые базовые знания, менять мир. У вас вот уже значительная часть людей получила возможность контролировать материю силой мысли. А на более высоких уровнях получаем массовое использование магии всеми и выборочно – Великих Магов. Было бы интересно на них посмотреть, согласись... Но «магические» Вселенные имеют совершенно другие законы, и до них С-Ц из своей Вселенной не дотягивается, точнее, требуются слишком большие работы по созданию энергоблоков – скорее, уже астроинженерные работы... Из моей Вселенной или близких к ней переход, по предварительным расчетам, должен быть менее энергоемким...

– А зачем С-Ц вообще нужны эти Великие Маги?

– Просто интересно... Посчитали примерно, что нужно, чтобы попасть к ним. Выяснилось, что напрямую – слишком дорого. Посчитали обход. Очередная плановая экспедиция пошла проверять обход... Вот так вот Анхела на нас и наткнулась. Хотя обычно офицеры Станции изучают уровень Три. Эти Вселенные «плавают» в объемлющем пространстве, и доступ к ним – «сетевой», а не «позтажный». Да и попасть туда проще – можно посмотреть, что нам нужно.

– А КАК посмотреть?

Охэйо вздохнул:

– Никаких «информационных полей», конечно, не существует, но вот квантовая спутанность действует и между разными Вселенными. И их можно ВИДЕТЬ – без всякой техники, если уметь, конечно. Или случайно. Так ваш Профессор увидел Средиземье, например.

Игорь задумался.

– Выходит, что ВСЕ миры, описанные в книгах, где-то существуют?

– Разумеется. Описания, правда, далеко не всегда точны, но в основе их почти всегда лежит правда. В этом мне и самому пришлось убедиться...

– То есть наиболее подробно описанные миры расположены БЛИЖЕ и в них легче попасть. Так, да?

– Да. У Станции, в принципе, есть технологии для перехода и связи – они считают, что работающие почти в любой Вселенной. Например, любой из офицеров может перебросить себя и небольшой груз или людей – с переброской разумных существ тут есть еще один способ, которым в крайнем случае пользуются только. Ну и генераторы таких порталов С-Ц тоже умеет строить. Тут есть проблема – для первичной настройки генератора для новой целевой Вселенной – нужен офицер для его доставки туда. Сама по себе технология перехода, в принципе, почти доступна вашей цивилизации, и энергии там немного надо. Но вот доставить генераторы в другой мир намного сложнее. У офицеров принцип перехода слегка отличается и имеет некоторое отношение к тому способу, которым изначально попал во Вселенную С-Ц Командор. Опять же были случаи, когда офицеру, чтобы вернуться, приходилось накапливать энергию и, если с ним были люди, брать с собой только матрицы памяти и бросать все временные, «материальные» части обвеса.

– А на что именно он... э-э-э... наводится? – спросил Игорь.

– ОЧЕНЬ упрощенно – на «картинку», считанную со своего разума. При этом – на естественный объект навестись намного сложнее. «Картинка» тут – ПРЕДСТАВЛЕНИЕ офицера о цели. Откуда информация – не имеет значения. Наличие координат ТОЖЕ не имеет значения. Офицер может «размазать» себя по почти всей Вселенной или, если нужно, – Метаверсу и «стянуть» в нужной точке. Как этот механизм работает детально, знает только Командор. У офицеров – просто программа и схема эффектора для такого прыжка есть. И в момент прыжка они могут НАЯВУ увидеть цель и создать возле нее точку

перехода. Тут механизм схож с работой памяти. То есть, мы имеем некий воображаемый образ и большой объем РЕАЛЬНЫХ образов, с одним из которых он должен совпасть. Понятно, что дело это – архисложное и очень, очень опасное: время перехода фиксировано, и либо выход **куда-то** будет, либо... уже никуда и никогда. Идея тут в том, чтобы синхронизировать квантовые колебания элементарных частиц, превращать их в волны и перемещаться мгновенно, без затрат энергии, если не считать «настройки». Но принцип работы этой штуки никто, кроме Командора, не понимает. Пользоваться – могут. Теоретическое описание этой технологии, похоже, есть только у Командора. Который молчит. Кстати, побочный эффект – если материя в точке выхода материя есть – точнее, плотность выше критической, – и офицер тащил с собой хоть что-то из обычной материи – будет взрыв. Если нет – ничего не будет. С-Ц – и Командор, кстати, тоже – заинтересованы в получении какого-то другого метода. Желательно – чтобы офицер в обязательном порядке не требовался и можно было задавать цель. Но пока что...

– Офигеть, – выдохнул Игорь. – А эти офицеры – они кто?

– Я думаю, ты знаешь, как устроены рыцарские ордена, – усмехнулся Охэйо. – А названия – конкретные названия – не имеют особого значения. Командор, Гроссмейстер, рыцарь, офицер... В любом случае, речь идет о людях, которые служат чему-то большему, чем собственное благо... А если ты о физической... э-э-э... стороне, то офицер Станции обычно... не совсем материальный объект. В «развернутом состоянии» ядро – десятки метров, внешнее поле – энергосистема, часть сенсоров, комплекс субатомной сборки и прочее – до сотен километров. Это уже зависит от ситуации, вариант с сотнями километров – это если надо что-то БОЛЬШОЕ и минимум частично материальное «отрастить», и между звезд в этом случае сложно летать – нужно бросить часть «внешнего поля». Находиться внутри и ядра и поля – лучше все же не надо, но возможно, в некоторых случаях. Офицер умеет «сворачиваться» так, что в габаритах человеческого тела поместится, но тогда проблемы с работой дальних сенсоров, производственного комплекса и так далее будут. В принципе, можно вообще к внешним модулям подключаться, как к части тела, – для Командора это сама Станция. То, что на физическом плане, – это проекция. И развернутый комплекс с подготовленным оператором, например, имеет ПОЛНЫЙ архив знаний своей цивилизации и возможность производственные модули при желании делать. КАК он устроен – очень хороший вопрос, но больше такая технология нигде не используется. Собственно – каждый офицер может Станцию С-Ц с нуля построить – только это долго. Но она изначально так и была построена – Командором.

Материалы обвеса – облако частиц темной материи, не обязательно – компактное, массой... ну, могут быть и тысячи тонн, и больше. Есть возможность конверсии темной материи в обычную, причем без особых пиротехнических эффектов. Можно «кушать» обычную материю – хотя бы и скальный грунт, но тут надо «готовый продукт» структурировать, то есть наращивание обвеса требует больших усилий и времени. Зато обратный переход происходит легко и безболезненно – офицер может свободно «проявляться» и «стираться» в реальном пространстве. Этим же, кстати, решается и проблема защиты – «стереться» можно быстро. Из темной материи также можно формировать эффекторы – как вещественные, так и полевые. То есть у офицера есть некий «резервуар» темной материи и инфоматрицы, с помощью которых он может создавать хоть плутоний, хоть золото, хоть автомат «АКМ» с «бесконечным» боезапасом – патроны формируются прямо в стволе. По мобильности – можно летать сквозь любую материю, даже сверхплотную, силовые поля и так далее. А вот приближаться к белым карликам, нейтронным звездам, черным дырам все же нежелательно – может и засосать. По сверхсвету – способ я описал уже... Офицер полностью «стирает» вещественную часть, «синхронизирует» квантовые колебания всех своих частиц и «перескакивает» в другое место, благо, возможность нахождения электронов и других частиц в любом месте присутствует, только она маловероятна. Но вероятность можно и повысить, есть даже дисциплина такая – магия вероятности... Ну и юзать обычный гиперспейс, когда он

доступен, тоже никто не запрещает. Квантовый прыжок – обычно дело очень сложное и, возможно, даже сопряженное с потерей части обвеса, хотя тут – все уже от умения офицера зависит... Кстати, принципы квантового прыжка действуют и у вас, только во Вселенной С-Ц это намного проще. В принципе, ничто не запрещает квантовые прыжки и вам, просто способ потребует другой, его надо будет открывать, а потом еще ему учиться... Что же по энергии – ну, так Вселенная расширяется с ускорением, а офицерский обвес может «катализировать» выход «темной энергии», хоть в виде полей, хоть в виде вещества. Ну и аннигиляцию как резервный источник энергии тоже никто не отменял. Аннигилировать массу они все умеют. Как, другой вопрос – антиматерии тут не надо, но Командор, например, МОЖЕТ без подготовки мгновенно «забрать в себя» планетную систему целиком, энергию – на свои нужды, а структуру и население потом как-нибудь восстановить в исходном или не совсем – виде.

– Он что – Бог? – ошалело спросил Игорь.

– Нет, почему?.. В самом начале он был человеком, как вот мы с тобой... Но, как говорят на Станции, – разум может ВСЕ. Даже победить само время.

– Зачем?

– Ну, это-то понятно – если произошла какая-то катастрофа, а С-Ц – не среагировала вовремя, остается лишь устраивать откат во времени на пару месяцев. Но это ДОРОГО даже для С-Ц, дешевле намного выдернуть разум всех, кого С-Ц считает нужным, и предоставить новые тела.

– Путешествия во времени невозможны, – упрямо сказал Игорь, отчаянно пытаюсь зацепиться хоть за что-то привычное.

– Откат в терминологии С-Ц – это не обратить время вспять, хотя эффект – похожий, это просто заглянуть в прошлое, изменить которое, конечно же, нельзя, сделать ПОЛНУЮ скан-копию объекта, а затем просто восстановить его. Это требует кучу энергии – если объект сохранился физически, его можно аннигилировать, но этой энергии – далеко не достаточно. Снять матрицы сознания таким путем – скажем так, намного проще, чем целиком снять копию Земли.

Игорь ошалело помотал головой.

– А Иннка – она тоже?..

Охэйо тихо засмеялся:

– Нет. Она – нет. *Сима́йа* – это отчасти энергетическая, отчасти физическая сущность с человеческим интеллектом и дополнительным ИИ – для математических расчетов и прочего. Могут принимать любую форму, но лишь в приблизительно человеческих размерах и внешне. Лет до сорока они растут как обычные люди... то есть, золотые а́йа, потом – проходят Трансформу, но это – дело непростое, и берут не всех, а кто справится. Это примерно как у вас с дворянством.

– А она что тут делает?

– Отражения Йэннимура изучает. Плюется, в основном.

– Йэнно Мьюри?

– ЙЭННИМУРА. Он больше похож на Аниу – примерно так же, как звезды в таинственной темноте космоса на их отражения в луже мутной воды, как говорят сторки... Вообще, вам здорово повезло, что собратьям Иннки до вас не дотянуться.

– Это почему же?

– Аниу хотя бы в дела других рас не лезут – ну, обычно. А вот в Йэннимуре могут и построить всех. По принципу «живите хорошо и дружно, не то хуже будет».

Игорь хмыкнул:

– Посмотрим, как они тех же фоморов будут строить...

Охэйо хмуро посмотрел на него:

– Вот вы вот против бессмертия, да? А у *сима́йа* пунктик есть насчет ценности жизни – так что внедрение бессмертия на попавших в зону их влияния мирах чаще всего ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ. Формально – для всех, на деле – с маньяками и другими гадами

происходят «технические сбои», да и коррекция психики при переносе тоже вещь обычная, о чем они не говорят, конечно... Плюс культурная экспансия. Грубо – если в Йэннимуре ходят в зеленых сандалиях, то ВСЕ должны ходить, ибо это хорошо. Убивать не будут, но грубую силу применить для принудительного «осчастливливания» – это запросто. Ессно, никакого «самостоятельного развития» у «осчастливленных» потом уже не будет.

– И никто не надавал им люлей за такую «помощь»? – нехорошим голосом спросил Игорь.

– Ну, «оригинальные случаи» Йэннимуру встречаются, хотя и редко. Тогда цивилизация может рассчитывать на определенные бонусы – по крайней мере на то, что ее не будут тупо давить «культурной массой». Но тут и другая крайность может получиться – в Сети возникнет мода, и идеи аборигенов могут так «творчески развить», что они сами уже не рады будут... И «младшим расам» в Йэннимуре достаются лишь «обслуживающие» технологии – матричного бессмертия, например. Все, что может создать реальные проблемы, *сима́йа* не положено. Но вступить «в ряды» *сима́йа* при наличии подходящих способностей можно из любой расы.

– Йэннимур – величайшее достижение Вселенной? – съязвил Игорь. – Выше которого ничего нет и не будет?

Охэйо рассмеялся:

– Нет, на самом деле никто так не считает. У них в соседях – шесть свехрас такого же или более высокого уровня. Что же до примитивных культур, так в Йэннимуре двести миллиардов *марьют*, которые занимаются фактически ТОЛЬКО творчеством и большинство – уже несколько тысяч лет. Создать что-то, до чего бы не додумались они... несколько трудно.

– М-да, – ответил Игорь. – Задача... Берем две цивилизации, одна из которых обогнала другую, скажем, на сорок тысяч лет. Вопрос: надо ли цивилизации номер один тратить сорок тысяч лет, чтобы достичь уровня цивилизации номер два, или можно лет за двадцать усвоить ее достижения и двигаться дальше, но при условии, что цивилизации номер один больше не будет, а будет чуть увеличенная цивилизация номер два?

– Ты же сам знаешь ответ, – усмехнулся Охэйо. – И ты видел местную, в смысле, йэнно-мьюрскую систему найма. Не сразу видно – но младшие расы в Йэннимуре фактически ТОЖЕ являются «рабами по контракту»: они обязуются НЕ делать ничего, опасного для *сима́йа*, НЕ убивать, не истязать друг друга и погружаться в йэннимурскую культуру в обмен на бессмертие и защиту от внешних угроз. Это – уже не рабство, это пакт между человеком и котом, фактически... Вот и думай, что лучше – рабство или...

Игорь поежился. Мысль о том, что избыток ДОБРЫХ намерений ТОЖЕ может привести к жутким последствиям, как-то не приходила ему в голову.

– А Станция С-Ц? – спросил он. – Она тоже так... помогает?

Охэйо улыбнулся.

– Нет. С-Ц, вообще-то, очень даже не против делиться технологией в разных формах, иногда – через свои подставные структуры, но тут нужно сперва попросить или С-Ц должна посчитать, что ПОПРОСИЛИ, а они многое могут за просьбу принять... И она все же учитывает технический – и не только – уровень тех, кто просит, и то, ЧТО они просят, – старается себе на шею совсем уж не садить и не мешать развитию науки, но это тут решает конкретный офицер С-Ц чаще всего.

Игорь хмыкнул:

– А как быть с клановостью и кумовством?

– Подразумевается, что в плохом смысле? До такого не доходит, это раз. Если помощь просто надо оказать, так это отдельный разговор. Второе... помочь-то могут... но тестов на умение использовать подаренное никто не отменял. Формально – не обязательных, но реально большинство вещей работает при УМЕНИИ использовать аппаратуру, скажем так – ламерский режим там, конечно, можно спроектировать... только пока желания не было. Вообще – все это, конечно, в идеале, на практике ПОКА проблем не возникает... Если

туземцы просят помощи, их стараются учить. Именно – готовить физиков, химиков и прочих по ПОЛНОЙ программе, а не «двухмесячные курсы техников по управлению рогом изобилия». Побочный эффект – имеем спецов с ИЗБЫТОЧНЫМ уровнем подготовки... но у С-Ц такого понятия нет. Кстати – с базовой самой поддержкой, медициной и продлением жизни – чтобы было время учиться – С-Ц через левые подставные организации тоже старается помогать...

– И они так всем помогают?

– Нет. Цивилизация может оказаться просто неинтересной для контакта. С-Ц просто так ради общего блага НЕ работает. Либо должна быть конкретная польза конкретным офицерам С-Ц, возможно – многим, либо это должно быть сильное нарушение принципов С-Ц, которое проигнорировать сложно, либо кто-то С-Ц, кто хоть кому-то там симпатичен, должен помощи попросить, либо, наконец, цивилизация должна быть способной дать что-то новое...

– А мы в это число входим?

– Отчасти. Были уже случаи, когда прилетает наблюдательная группа Станции и ожидает встретить рыцарей в латах, а их после выхода из прыжка в этой системе – посчитали, что маскировка особая – не нужна, сразу запрашивают по радио, кто они такие. Когда разбирались, почему такие ошибки в расчетах, – выяснилось, что у местных образовалось общество, ориентированное именно на развитие НАУКИ. Технический прогресс – во вторую очередь уже, упор именно на фундаментальную науку. Цена... ну, скажем так, уровень жизни был ниже того, который обычно соответствует такому уровню. При этом недовольных почти не было. И – в отличие от вас – у них не было необходимости в таком скоростном развитии. Просто – так вышло...

– А кто ты? – спросил Игорь. – Ведь ты тоже – не просто человек?

– Нет, конечно. Я – *сарьют*.

– Кто?

– *Сарьют* – это «свободные сознания», безмассовые квантовые функции, способные «вселяться» в любые ОРГАНИЧЕСКИЕ тела, вплоть до дождевого червяка, плюс способность «видеть» другие сознания в «свободном» состоянии. «Живем» мы в обычных телах, нуждаемся, как и вы, в разной технике, и возможность «выхода» из тела – ограничена. Грубо говоря – не все умеют, иначе – потеря сознания нужна, как минимум.

– То есть вы сами вроде офицеров Станции?

– Тут звери все же разные немного... Офицер – пусть полевая, но все же вполне материальная форма жизни, он хоть какую-то энергию, но излучает, да и взаимодействие с полями-предметами присутствует, хоть какое-то... *Сарьют* – безмассовая жизнь, клубок квантовых функций. То есть нам пофиг, что там творится «на поверхности», – разве что черная дыра встретится... Основная трудность у *сарьют* – в «сцеплении» с реальным миром. Возможности как-то влиять напрямую нет никакой, возможность восприятия – ограничена и... своеобразна, скажем так. Но вот видеть, что думают другие, – вполне можно. Ощущать «тени» материальных предметов – тоже. Влезть в работу компьютера – если он квантовый, – пожалуйста, если на лампах – увы. С вселением в тела – если только «смотреть», – все равно ощущение «взгляда в спину» будет, хотя бы бессознательное. Общаться так с кем-то – надо «близко подходить», и тут возможны варианты – от слов до образов, но полного «слияния разумов» не получится – Неделимая Сущность просто «провалится» в тело. Тут вообще осторожность надо соблюдать, во избежание «застревания». Выйти «из себя» для *сарьют* трудновато, тут нужно усилие большое психологическое, и может не получиться – если растерялся, скажем. Ну, или ощущение какое-нибудь сильное, потеря сознания, например. Состояние психики «носителя» никакой роли не играет, если есть органические повреждения – будет труднее управлять телом, только и всего.

– *Сарьют*, кстати, свои ПОСТОЯННЫЕ тела могут менять? – как бы между прочим спросил Игорь.

Охэйю усмехнулся:

– Вот уж у кого точно нет проблем с этим самым, так это у нас. Неделимая Сущность может вселяться в любое органическое тело. Возможно и не только... Кроме того, *сарьют* и в генной инженерии разбираются неплохо: если кому-то хочется чего-то очень уж экзотического, можно вырастить, лишь бы это было биологически жизнеспособно...

– А на фига?

– Не на фига. *Сарьют* – это свободное сознание, или «безмассовая сущность», по-научному, способная свободно перемещаться в пространстве, «видеть» другие сознания и даже вселяться в них. Тут проблемы ФИЗИЧЕСКОЙ несовместимости не возникнет. Зато какая может быть ПСИХИЧЕСКАЯ несовместимость... Повезет, если наше сознание тупо перехватывает контроль над телом, а доступа к его ПАМЯТИ у него нет. Хотя и тут возможны варианты. Тела тоже могут быть очень разные, а, грубо говоря – если «процессор» другой, то и сознание меняется...

Охэйо говорил задумчиво, он не рассуждал, а ВСПОМИНАЛ – и мальчишка поежился. Представлять себя таким вот бесплотным перекасти-полем ему было страшновато, и он решил сменить тему.

– То есть ты вообще никогда не умрешь?

– Естественно. Правда, с бессмертием еще одна проблема выплывает – объем воспоминаний непрерывно растет, а сознание не меняется – замучаешься вспоминать, что десять тысяч лет назад было... Тут или сознание тоже наращивать постепенно – а где предел, угу? – или профессиональная болезнь склероз, но тогда смысл бессмертия теряется... Кстати, у *сарьют* проблем с объемом памяти нет ну никаких. А вот с отловом нужных воспоминаний... Я как-то раз из-за этого даже с Маулой – ну, с моей девушкой – поссорился: «Я целый день вспоминал, что было тем апрельским утром, девять тысяч семьсот семьдесят шесть лет назад, почти уже добрался – а тут ты!..»

Игорь засмеялся, представив эту сцену, но Охэйо не обиделся.

– На самом деле, наше бессмертие относительно, конечно. Во многих Вселенных, даже для человека не смертельных, *сарьют* жить не могут. И к магии, скажем так, к определенным видам – мы чувствительны, еще задолго до опасного уровня... Хотя у *сарьют* «мыслительная система» совершенно автономная и, ЧТО будет с телом-носителем, нас обычно волнует весьма мало.

– То есть вас все же прибить можно? – спросил мальчишка.

Охэйо усмехнулся:

– Прибить – ну, телоноситель можно БЫСТРО покинуть. Да и лезть «на ура» мы не любим, конечно, – сперва только «присматриваемся», и долго. Вот тут заметить могут телепатией. А в теле Неделимая Сущность сворачивается, и получается «просто» человек.

– А не ты ли в мозги к мальчишкам влезть пытался? – подозрительно спросил Игорь.

Охэйо со смехом поднял руки, словно сдаваясь в плен:

– Я. Глупо вышло, вообще-то, но я это не нарочно, у нас само это получается. Я же говорил – даже если только «смотреть» – все равно ощущение «взгляда в спину» будет, хотя бы бессознательное. Я и не думал, что меня смогут заметить...

– Подглядывать нехорошо, – упрямо заявил мальчишка. – Особенно за чужими мыслями.

– Нехорошо, – согласился Охэйо. – Но раз уж так вышло, что делать?

– Пойти и извиниться хотя бы.

– Угу – и как ты себе это представляешь? Два принца-наследника Джангра – лучший цирковой номер всех времен и народов!

– Конспирация, да? – спросил мальчишка. – Тогда для чего ты все это мне рассказал?

Охэйо пожал плечами:

– Может быть, потому, что ты заслужил это?

– Заслужил? Это чем же?

– Тем, что ты сделал, например. Пока что это все не очень заметно, но вот потом... потом... – Охэйо замолчал и явно прислушался к чему-то. – Черт, это случилось все-таки...

– Что?

– Возвращайся к своим, там сам все увидишь. А мне придется срочно вас покинуть...

* * *

В это же самое время ДРУГОЙ Охэйо провел землян в незнакомую им часть здания. Стены здесь были облицованы огромными панелями из украшенного барельефами, отполированного базальта. Врезанные в него вставки из толстого матового стекла рассеивали мягкий, приятный для глаз свет. Сейчас их было только трое – тема разговора не допускала лишних ушей.

Вслед за Охэйо земляне вошли в низкое просторное помещение библиотеки. С ее потолка, облицованного матовым стеклом, на коричневый навощенный паркет и золотистые изразцы стен падал неяркий свет словно бы зимнего, негреющего солнца. В центре комнаты стояли окруженные креслами столы, а вдоль стен – шкафы с книгами.

– Господа, – начал Охэйо, когда земляне уютно устроились в креслах. – Я не буду объяснять вам, в каком положении находится моя родная планета и как мы нуждаемся в союзниках – в союзниках, которым мы можем доверять.

– И вы считаете, сударь, что мы, земляне, заслуживаем доверия? – спросил лорд Оксбридж.

Охэйо спокойно посмотрел на него:

– Да, считаю. И я с удовольствием бы пригласил на Джангр несколько земных эскадр, просто чтобы отвести от него разных незваных гостей.

– Пока что это невозможно, сударь, – сказал Цесаревич. – Мы не имеем намерений ссориться ни с мьюри, ни, тем более, с Аниу.

– Мы тоже не имеем, – сказал Охэйо. – Но мы должны заставить их уважать нас и говорить с нами на равных, а добиться этого мы можем только одним способом: стать сильнее, гораздо сильнее, чем сейчас. У вас есть совершенно замечательные системы воспитания. У нас есть... определенные технологии. И я предлагаю вам обмен – в итоге выиграют обе стороны.

– Что вы имеете нам предложить, сударь? – спросил лорд Оксбридж.

Охэйо вздохнул:

– Меньше, чем мне бы хотелось, но уж что есть. Идемте.

Они спустились на нижние этажи здания, в полутемный, обшитый сталью коридор. В его конце был единственный проем, перекрытый монолитной плитой, на ней светился знак в форме снежинки. Охэйо коснулся ее – и земляне ощутили короткий всплеск Силы. Через секунду плита в шаг толщиной беззвучно ушла в сторону, открыв небольшое помещение, вдоль стен которого шли узкие высокие стеллажи. На их полках лежали довольно-таки странные вещи – толстые браслеты с индикаторами, массивные чемоданчики, длинные стержни из черного стекла. Земляне, впрочем, узнали в них идемитные сердечники подкалиберных полебойных снарядов. Только Аниу умели делать это страшное оружие – вбиваясь с огромной скоростью в силовое поле, они поглощали его, словно губка, впитывали его энергию и, пресытившись ей, взрывались с невероятной силой, в несколько десятков раз превосходившей мощь того же веса тротила. Но и стоили они безумно дорого, так что запасы их у Земли были невелики.

– Вот, можете считать все это подарком – или первым вкладом в наше общее дело, как угодно. Все это – действующие образцы, которые можно использовать для изучения вашими учеными. Вот это – браслеты квантовой связи. Тактические компьютеры – каждый может управлять батальоном солдат. Идемитные подкалиберные снаряды: втыкаешь их в обойму, заряжаешь пушку – и бабах! Одна эта штука может прикончить двухкилотонный штурмовик. У нас есть и действующие лазерные орудия, но даже сорокапятимегаваттное лучевое орудие весит больше тонны, гигаджоулевый генератор силового поля – четырнадцать тонн. Все это есть на наших кораблях, и мы можем переправить их на ваши – так будет проще, и это

позволит избежать ненужного внимания.

– Это все технологии Аниу, сударь? – спросил лорд Оксбридж.

– Разумеется. Они намного выше ваших – и наших тоже, к сожалению. Тем не менее, нам удалось разработать кое-что свое – магнетронные бомбы, энергия ядерного распада в которых выделяется, в основном, в виде магнитного поля. Оно выстраивает спины атомов в направлении силовых линий, тормозит их движение – и после исчезновения поля температура падает почти до абсолютного нуля. Радиус поражения одного такого заряда достигает сотен миль – это оружие Судного Дня. Применять его обычно не следует, но вот **иметь** его весьма полезно. На наших линкорах есть пара сотен ракет с такими зарядами – и еще несколько мы привезли с собой, просто на всякий случай. Один из них мы можем передать вам – он весит больше ста тонн и здесь не поместился бы, так что его придется перевозить челноком, и это должен быть большой челнок, смею заметить. Вот тут, – Охэйо жестом фокусника извлек, казалось, из воздуха небольшой квадратный чип, – вся техническая документация к этим штуковинам, к сожалению, неполная, но, думаю, она будет полезна вашим ученым...

– Это щедрый подарок – весьма щедрый, – заметил лорд Оксбридж. – А что вы хотите взамен?

– Я думаю, было бы весьма полезно, если бы Земля прислала нам преподавателей для коренной реорганизации наших Императорских лицеев – да, они у нас тоже есть, но там обучают, в основном, приятным манерам, подобающим для светского человека, и пользы они приносят весьма мало. Понятно, что окончательное решение будут принимать Их Величества, но я не думаю, что это встретит у них возражения... Все остальное, конечно, совершенно банально – обмен дипломатическими представительствами, торговый обмен, культурный... Но у меня есть одно, предварительное условие...

– И какое же? – иронично спросил Цесаревич. – Впрочем, я, кажется, догадываюсь...

– Ага, именно это, – улыбнулся Охэйо. – Я прошу вас не наказывать мальчишку, который свел нас таким странным образом. Не думаю, что проступок повторится.

– Сударь, об этом позвольте судить мне, – ответил Цесаревич.

Чип с данными исчез так же быстро, как и появился.

– А если я скажу, что этот вот пункт для меня лично очень важен?

– Важнее благополучия Джангра?

– Представьте себе – да.

– Если так, сударь, то да, я согласен.

Охэйо протянул ему чип, и все трое пожали руки, окончательно скрепляя дружбу.

* * *

Когда Игорь вернулся в главный зал, там царил молчание. На большом экране парило что-то непонятное – какая-то темная, распадающаяся масса, рдеющая раскаленными пятнами. Там что-то то и дело взрывалось, от него во все стороны медленно разлетались куски. Вокруг сновали бесчисленные корабли, и лишь по их размерам можно было судить о величине катастрофы. Потом, сквозь вату, к мальчишке пробился сбивчивый голос диктора.

Срочно! Контакт со штаб-квартирой «Амфатары» потерян, на станции видны взрывы

Свидетели утверждают, что взрыв огромной силы потряс штаб-квартиру мегакорпорации «Амфатара», где буквально мгновение назад была объявлена эвакуация. Контакт со станцией, как и со всеми, находящимися на борту, потерян. Следите за новостями.

Похоже, только что линкор класса «Сцимитар», который переводился в доки для разборки, врезался в штаб-квартиру корпорации «Амфатара». Предварительные оценки количества жертв зашкаливают за сотни тысяч. По пока неподтвержденным

данным, столкновение было намеренным. Свидетели утверждают, что линкор сопровождала эскадра военных кораблей, огонь которых вывел из строя защитные системы станции. Мы продолжаем следить за развитием событий.

По передачам в общий канал системы контроля полетов стало ясно, что автопилот линкора намеренно направил его на станцию штаб-квартиры мегакорпорации «Амфатары». Атака произошла во время проведения экономического саммита, на котором присутствовало все руководство этой мегакорпорации и представители правительства Федерации. Вот запись обращения главы мегакорпорации «Минералик» Оттина Неймура, переданная в общий канал через несколько минут после столкновения:

«У нас всех есть долг перед нашей нацией – свести счета с негодяями, с ненасытными палачами... Много поколений мы все пили яд этой алчной банды, молясь о том дне, когда сможем отомстить за тех, чьи тела и души они погубили. И вот этот прекрасный день пришел. Пришло время свернуть с дороги, которая ведет нас всех в преисподнюю. Пришло время вернуть эпоху величия Империи, очистить наш мир от подонков, втоптавших в грязь честь нашей нации. Время слов кончилось, пришло время оружия. Пусть каждый из нас сделает свой выбор!..»

Правительство Федерации пока не выпустило официального заявления. На борту станции в данный момент проводятся спасательные работы. Станции нанесен катастрофический урон, и точное число жертв не поддается оценке.

После столкновения линкора со штаб-квартирой «Амфатары» многие посетители оказались в ловушке внутри структур станции. И хотя в данный момент спасательные бригады пытаются найти выживших и пробраться к ним, дело осложняется возникающими тут и там возгораниями.

Джианна Кишио, официальный представитель мегакорпорации, прибывшая с соседней станции «Амфатары», сказала, что «в данный момент отсутствует связь с ключевыми лицами – все мы делаем, что можем, но у нас нет доступа к банковским счетам, так как нет связи с людьми, которые могут авторизовать платежи». На вопрос, чем могут помочь желающие, она ответила: «Нам срочно нужно спасательное оборудование, люди умирают из-за нехватки медикаментов...»

Одновременно к нам поступили многочисленные сообщения об атаках корпоративных военных сил «Амфатары» на корабли и станции, принадлежащие мегакорпорациям «Сурнимайа» и «Минералик». Сообщается, что нападающие везде встречают жестокий отпор, несомненно, по заранее разработанному плану. По неподтвержденным данным, СВБ «Сурнимайа» захвачены корабли Флота, проходившие модернизацию на ее верфях, также зафиксирован вход в систему Йэнно Мьюри большого числа неопознанных кораблей, принадлежность которых еще устанавливается. Таким образом, Федерация, вне всяких сомнений, находится в состоянии гражданской войны, исход которой мы не можем пока даже предугадать.

Изображение вдруг мигнуло и рассыпалось серым бессмысленным шумом – трансляция прервалась.

– Вот и все, ребята, – тихо сказал Яромир. – Революция началась.